

Министерство культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Межинститутский Центр этнополитических исследований Института этнологии
и антропологии РАН и Института управления ОГАУ

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНСТВЕ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

г. Оренбург

Министерство культуры, общественных
и внешних связей Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала Оренбургского государственного университета

Межинститутский Центр этнополитических исследований Института этнологии
и антропологии РАН и Института управления ОГАУ

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ЕДИНСТВЕ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

г. Оренбург

УДК 32 С-42
ББК 66.3 (2 Рос), 5
Р 67

Под общей редакцией:

Амелина В.В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственный за выпуск:

Моргунов К.А. – кандидат исторических наук

Р 67 Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. – 280 с.

Книга издана по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве», которая состоялась в г. Оренбурге 29 февраля 2008 года.

В сборнике представлены доклады и выступления ученых и специалистов, посвященные изучению этнокультурного и конфессионального многообразия как факторов развития российского общества, обсуждению теоретических и практических аспектов формирования гражданской российской нации.

© Коллектив авторов, 2011

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Проблема, вынесенная на обсуждение межрегиональной научно-практической конференции «Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве», как никогда важна.

В этой связи уместно привести слова В.В. Путина, который отметил: «У нас многонациональная, многоконфессиональная страна и у нас в России, как ни в одном другом месте на Земле, традиции межконфессионального и межнационального мира являются основой нашей государственности в прямом смысле этого слова».

Задача совершенствования сферы регулирования этнических и конфессиональных отношений особенно актуальна для многонациональных и поликонфессиональных регионов, одним из которых является Оренбургская область.

Историческая судьба предопределила Оренбуржье статус полиэтнической и поликонфессиональной территории, сделав его по-своему уникальным регионом. В нашей области не просто проходит граница между Европой и Азией, здесь пересекаются славянские, тюркские и финно-угорские культуры, имеющие глубокие корни, богатые своими историческими традициями, своей самобытностью. При этом не следует забывать, что Оренбургская область – приграничный регион, через который активно проходят миграционные потоки, что существенно влияет на демографическую и этнополитическую ситуацию.

В Оренбуржье по данным переписи 2002 года в традиционном добрососедстве проживают представители 119 национальностей. Самая многочисленная из них – русские. Они составляют 73,9% от общего числа населения области. Второе по численности место занимают татары – 7,6%, затем следуют казахи – 5,8%, украинцы – 3,5%, башкиры и мордва – по 2,4%, чувашаи, немцы, армяне и другие этнические группы.

В регионе действуют 383 религиозные организации девятнадцати конфессий. Такое разнообразие многонационального и конфессионального состава населения Оренбуржья предопределяет специфику деятельности органов государственной власти по сохранению и развитию национальных культур.

Комплекс мероприятий, регламентирующих основные направления проведения государственной национальной политики, закреплен в областной целевой программе реализации модели региональной национальной политики. Ежегодное финансирование из областного бюджета по этой программе составляет 2 млн. 900 тыс. рублей. С 1994 года это уже пятая по счету подобная программа, что свидетельствует о преемственности и непрерывности осуществления национальной политики в Оренбуржье. Основная цель данной программы заключается в создании необходимых условий для сохранения этнополитической стабильности в нашем регионе.

Важную конструктивную роль в сохранении стабильности в обществе, развитии межкультурного сотрудничества, укреплении межэтнических отношений и удовлетворении национально-культурных запросов жителей области играют национальные организации. В настоящее время в Оренбуржье созданы и действуют 110 национально-культурных общественных организаций, и их количество продолжает расти. Свои национальные организации имеют представители 24-х этнических групп населения. Все это свидетельствует об усилении процессов консолидации диаспор на этнической основе.

В рядах национально-культурных центров объединяются люди, искренне любящие свою народную культуру, свой родной язык, стремящиеся к общению с единомышленниками. Общественные объединения осуществляют многообразную и разноплановую деятельность, направленную на сохранение и развитие национальных культур и родных языков. Члены национальных центров активно участвуют в проведении праздников и фестивалей, литературных вечеров, посвященных творчеству выдающихся представителей национальных культур, совместно отмечают свои национальные праздники и знаменательные даты. Самое деятельное участие областные национальные центры принимали в строительстве в Оренбурге культурного комплекса «Национальная деревня».

В области выработан механизм взаимодействия национальных организаций с органами исполнительной и законодательной власти. При губернаторе Оренбургской области активно действует Совет по делам национальностей, на заседаниях

которого регулярно обсуждаются вопросы межэтнических отношений, рассматриваются отдельные направления реализации национальной политики в области. Другой структурой, через которую устанавливается постоянное взаимодействие органов власти с национально-культурными объединениями, является межнациональный координационный совет, в состав которого также входят руководители как региональных, так и местных национальных обществ.

Для оренбуржцев характерно стремление к возрождению, сохранению и развитию национальных культур, уникальных национальных традиций, обычаев и обрядов. У нас функционируют 436 национальных творческих коллективов различной жанровой направленности, с участием которых проводятся десятки фестивалей и праздников культур разных народов.

Неслучайно 2008 год объявлен губернатором Оренбургской области годом особого внимания к культуре. Консолидированный бюджет сферы культуры в 2008 году составил около двух миллиардов рублей. В рамках областной программы «Культура Оренбуржья на 2008-2010 годы» отреставрированы и реконструированы областной татарский драматический театр им. Файзи, театр музыкальной комедии в Оренбурге, Орский драматический театр им. А.С. Пушкина.

В работе по реализации государственной национальной политики особое внимание мы уделяем научной составляющей. За постсоветские годы проведены десятки научных конференций, круглых столов по проблемам этнической истории и духовной культуры народов Оренбуржья. Издано более 60 книг по этим проблемам.

Издаются научно-публицистический журнал «Этнопанорама» и информационный вестник «Этнокультурная мозаика Оренбуржья».

В области издаются национальные газеты, на телевидении и радио выходят в эфир программы межнационального общения. В системе областного образования выстроена образовательная подсистема, которая удовлетворяет этнокультурные и этнообразовательные потребности жителей нашей области. В Оренбуржье действуют 174 образовательных учреждения с этнокультурным компонентом.

Мы постоянно отслеживаем этнополитическую ситуацию, изучаем состояние этноконфессиональных отношений с помощью мониторинга общественного мнения, а полученные результаты позволяют взвешенно подходить к решению возникающих проблем. Мы уже 15 лет являемся участниками сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, а также аналогичной сети, действующей в рамках Приволжского федерального округа. И нам очень приятно, что создатель и руководитель сети профессор Валерий Александрович Тишков принимает участие в нашей конференции.

Целям сохранения и развития самобытных национальных культур служит созданный в Оренбурге культурный комплекс «Национальная деревня» – музей культуры и быта народов Оренбуржья. Национальные подворья являются не только местом размещения национально-культурных центров, но и своеобразной визитной карточкой той или иной этнической общности, представленной в Оренбуржье, отображающей особенности быта, культуры, архитектуры, историю и сегодняшний день народа.

Несомненно, реализация этого проекта служит повышению уровня толерантности оренбуржцев.

В регионе проводится целенаправленная работа, направленная на противодействие национальному и религиозному экстремизму.

Среди основных направлений деятельности можно отметить осуществление постоянного мониторинга межнациональных и этноконфессиональных отношений, поддержку деятельности национально-культурных общественных объединений, направленной на развитие установок толерантного сознания у жителей области, проведение семинаров, совещаний с заместителями глав муниципальных образований, курирующими вопросы межнациональных и этноконфессиональных отношений.

Постоянное внимание власти к проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений является залогом бесконфликтного развития общества, а удовлетворение национально-культурных запросов населения способствует снижению уровня ксенофобии, преодолению экстремистских тенденций и, в конечном счете, позволяет сохранить этнополитическую стабильность в нашем Оренбуржье.

Только при условии сохранения межнационального мира, при сочетании усилий органов государственной власти и институтов гражданского общества, направленных на сохранение и развитие этнокультурного наследия народов России, возможно создание благоприятных условий для поэтапной консолидации российской нации, развития общегражданской идентичности россиян.

В. В. АМЕЛИН

РОССИЯ – ЭТО НАЦИЯ НАЦИЙ

Все входящие в ООН государства считают себя государствами-нациями (национальными государствами), определяя проживающий в нем народ как нацию и обеспечивая в разной степени и в разной форме его национальные интересы. В то же время на территории примерно 200 государств проживают люди, принадлежащие к 4-5 тысячам разных этнических общностей, которые могут по-разному называться: народы, этнические группы, национальности, нации, меньшинства, этносы. Эти общности имеют отличительные черты, прежде всего в культуре и языке, а самое главное – они обладают идентичностью, т.е. осознанием своей отличительности, что выражается в самоназвании. В ряде случаев групповая отличительность может строиться на территориальной или на религиозной принадлежности.

Большинство этнических общностей исторически сформировались на территории своего основного проживания, но многие народы и группы имеют мигрантское происхождение. Есть страны, которые целиком сложились на основе миграции и колонизации. В целом весь мир делится на территориальные сообщества – государства, но они имеют сложный этнический и религиозный состав населения. В крупных государствах мира проживает от 50 до 200 разных этнических общностей-народов. В России их около ста, а если считать проживающих в стране временно или постоянно представителей зарубежных государств (японцев, кубинцев, американцев, англичан и т.д.), а также некоторые отличительные подгруппы внутри народа, то эта цифра составит 158.

Обычно представители наиболее многочисленного народа и его культура служат основой государства, давая ему название, составляя демографическую, хозяйственную и политическую основу населения (кастильцы в Испании, англичане в Великобритании, ханьцы в Китае, русские в России и т.д.). Не менее часто, наоборот, общность формируется после создания государства, и тогда она обретает историческую и территориально-политическую идентичность, а культурно-языковая схожесть формируется позднее или никогда. Так были созданы современные государства Европы, Америки и Африки. Австрийская, голландская, бельгийская, итальянская, германская, бразильская, аргентинская, американская нации возникли уже после создания соответствующих государств.

Каждое зрелое государство с центральной властью предпринимает усилия по формированию национального сообщества на гражданской основе, стараясь преодолеть часто препятствующие этому религиозные, расовые, этнические, племенные, языковые, местно-региональные различия. Государство для собственной безопасности и целостности утверждает через разные механизмы (от символики и права до идеологии, образования, культуры и спорта) представление о едином народе-нации, т.е. формирует силами элиты национальную идентичность как чувство принадлежности и лояльности своей стране. В выраженной форме это называют также патриотизмом или любовью к Родине. Это можно назвать

также гражданско-политическим или государственным национализмом. Процесс гражданского национализма не означает отрицание этнического и регионально-местного своеобразия.

В современном мире существует огромный опыт, в том числе и отечественный, признания и сохранения такого своеобразия. Наиболее распространенной и эффективной является формула «единства в многообразии». Она признает и утверждает регионально-специфическое начало и поддерживает этнонации через разные формы внутреннего самоопределения (территориальные или национально-культурные автономии). Но она также обеспечивает национальное единство через общие культурные, исторические, политические, эмоциональные и другие ценности и представления о единой гражданской нации. Таковыми являются китайская, британская, индийская, канадская, индонезийская и все другие крупные нации мира (может быть, за исключением почти этнически гомогенной японской). Крупные государства мира фактически существуют как нации наций: этнонации (англичане, шотландцы, ирландцы, уэльсцы в Великобритании, фламандцы и валлоны в Бельгии и т.п.) и этнорегиональные сообщества (например, каталонцы или квебекцы) составляют гражданские нации (в данном примере – британскую, бельгийскую, канадскую), не утрачивая своей отличительности и в ряде случаев особого статуса. Например, шотландец Гордон Браун является одним из лидеров британской нации, Николя Саркози (венгерский еврей по этнической принадлежности) – лидером французской нации.

Однако сторонники этнокультурного или этнорегионального понимания нации зачастую отрицают право и политику государства по обеспечению гражданского сообщества как нации, особенно если она сопровождается дискриминацией, подавлением и отрицанием этнонаций. Это происходит как в форме внутривнутриполитических конфликтов и общественных движений, так и в форме открытого вооруженного сепаратизма. Последний зачастую поддерживается внешними силами со стороны геополитических соперников и некоторых этнических диаспор. Этнонационализм в его изоляционистской или сепаратистской форме является одним из главных вызовов для государств со сложным составом населения. Государства с разной долей успеха справляются с этим вызовом через следующие стратегии:

а) через государственно-правовые нормы, идеологию, культуру, образование, информацию и другие институты утверждается общегосударственная (национальная) идентичность, гражданская солидарность и общие ценности;

б) через разные внутренние формы самоопределения, включая государственное устройство, и этнонациональную политику признается и поддерживается этническое и региональное своеобразие, культура, язык и идентичность всех этнических общностей (народов или наций);

в) идеологическими, правовыми и силовыми методами нейтрализуются или подавляются проявления крайних форм этнического национализма, особенно в их сепаратистских вооруженных формах или в форме разжигания межнациональной вражды и ненависти и основанном на них насилии.

Как в этом мировом контексте видится ситуация в России?

Современная Российская Федерация есть продолжение исторического российского государства – Российской империи и СССР, несмотря на то, что значительная часть территории страны и населения были утрачены после распада СССР и образования новых государств на его территории. После образования централизованного государства наша страна всегда имела сложный этнический и религиозный состав населения, и всегда русский народ был самым многочисленным и составлял большинство населения, а его язык, культура и религия определяли историко-культурный облик населения страны и составляли основу общероссийской культуры и идентичности. В Российской империи русский и российский были почти синонимами, ибо русскими считались все восточные славяне и православные жители страны. В стране имелись представления о большой русской нации, о единой России, о российском народе и россиянах, а сама страна в начале XX века, несмотря на имперскую форму правления, представляла собой в значительной мере национализирующееся государство, как и другие страны Европы и Америки.

В СССР понятия нации и национального были спущены на уровень этнических общностей. Этнический принцип внутреннего устройства государства был назван «национальной государственностью». Нерусские народы получили свои «национальные государства» в виде республик. Для этого некоторые «социалистические нации» были сконструированы из регионально-племенного разнообразия. Скрепляющей основой

государства были репрессивный аппарат, единая идеология марксизма-ленинизма с ее эклектичной теорией национального вопроса, а также советский патриотизм и формула дружбы народов. СССР мощно спонсировал этнонациональное многообразие, а вместо гражданского национал-строительства использовалась формула единого советского народа как нового типа исторической общности. Фактически советский народ был продолжением исторического русского народа, и такая общность продолжала существовать, а СССР был многоэтничным национальным государством, как и другие крупные государства. Таковым он признавался международными правом и сообществом. Отличия СССР от остального мира в этом аспекте в большей степени носили доктринальный и терминологический, а не сущностный характер. Формула «многонациональности» и непризнания русского народа как историко-культурной и гражданско-политической целостности, т.е. как государства-нации, переключалась в текст Конституции Российской Федерации. Предложение определить страну как «многонациональную нацию» (формула И.А. Ильина) тогда не было принято по разным причинам, в том числе под давлением этнонационалистов и доктринеров из числа теоретиков «национального вопроса».

Сейчас формула «многонационального народа» может сохраняться в Конституции при условии признания в качестве приоритетов государственной политики не только развития этнонаций, но и утверждения категории «русского народа» как гражданской нации с его общими национальными ценностями, интересами, экономикой, культурой, образованием,

лидерами, проектами и т.д. Иначе получается абсурд: национальные проекты есть, а самой нации нет! Чтобы было ясно, что российский проект не противоречит русскому, татарскому или другим этнонациональным проектам, нужно объяснять, что российская идентичность является надэтнической, и она не отменяет идентичность и целостность этнонаций. Таким образом, Россия – это нация наций.

Кстати, такой формулой пользуются многие государства, схожие по своему

типус России. В России проект гражданской российской нации и идентичности поддерживает значительная часть экспертного и политического сообщества. Что касается населения страны, то все последние социологические замеры показывают, что российская, гражданская идентичность стоит на первом месте по сравнению с другими формами идентичности, включая и этнонациональную.

В. А. ТИШКОВ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В процессе обсуждения проблем, связанных с этнонациональными отношениями, в неопостсоветский период новейшей отечественной истории, начавшийся с наступлением нового века, ощущается некая интеллектуальная усталость дискутантов, за которой возникает образ ступы, наполненной водой. Толочь воду в ступе – занятие тяжелое, но малопродуктивное. В столице РФ и в регионах проводится большое количество научных конференций, других научно-практических мероприятий, посвященных выработке и реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений. Многие из них блестяще удаются. Например, 29-30 октября 2002 года в Перми состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная национальная политика

в XX-XXI веках: региональный аспект», 28-29 мая 2004 года в Оренбурге прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы сохранения толерантности в полиэтнических регионах России», 29-30 сентября 2004 года в Екатеринбурге – Международная научно-практическая конференция «Этнический фактор в процессе социальных трансформаций», 25 мая 2005-го также в Екатеринбурге была проведена Международная конференция «Государственная национальная политика: проблемы и перспективы». Перечисление можно продолжать. Дискурс подобных мероприятий позволяет их участникам прийти к пониманию, выработать общие подходы к решению проблем. Однако, видимо, не срабатывают коммуникативные механизмы

между интеллектуальным сообществом и властью. Тем более что определенно проявляется тенденция последних лет: тема этнополитики и межэтнических отношений в научном формате не стала менее дискуссионной, но стала менее дискутируемой.

В 1996 году была принята Концепция государственной национальной политики РФ. С тех пор ситуация в России и в мире изменилась, что требует определенной корректировки видения этнополитических проблем. Это очевидно. Однако попытки принять новую Концепцию государственной национальной политики РФ в 2005-м закончились ничем, так же, как и попытка выработки ФЗ «О государственной национальной политике РФ». Сейчас есть только старая Концепция политики, но нет самой политики.

Вместе с тем в действительности есть то, что подлежит регулированию со стороны государства. Это:

- отношения между различными этносами в РФ, являющимися коренными народами на территории РФ, как их определяет Концепция 1996 года;

- отношения между полиэтничным автохтонным населением РФ и вновь прибывающим (мигрантным) населением, неоднородным по целевому назначению своего пребывания, а именно: трудовые мигранты из государств центральноазиатского региона, Закавказья и Китая; мигранты, прибывающие на постоянное место жительства в Россию, в том числе бывшие соотечественники, проживавшие за рубежом;

- отношения между коренным населением Центральной России и внутриграницными мигрантами из республик Северного Кавказа, являющимися гражданами РФ.

Все это – разные проблемы, требующие дифференцированного подхода, но в русле общей современной стратегически выверенной концепции, которой еще нет, которую необходимо выработать. На фоне неотрефлексируемого естественн исторического процесса складывания новых этносоциальных отношений, непонятой новой этнополитической ситуации власть действует по принципу «стимул – реакция», отвечая на этнические, миграционные и внешние так называемые «вызовы» и «угрозы». Само же население РФ вынужденно приспосабливается к новизне, отношения складываются стихийно и спонтанно, а потому совершенно непредсказуемо. И так, что же препятствует выработке и осуществлению эффективной государственной политики регулирования межэтнических отношений?

В непонимание изменившейся ситуации вносят свою лепту сложившиеся в сфере этнополитики стереотипы. Любой стереотип выполняет функцию упрощения, дает одностороннее, неточное, искаженное знание о действительности, от чего она представляется не вполне адекватно.

Одним из таких штампов является утверждение, что население РФ стало более моноэтническим, где 80% – русские (согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 года), тогда как в СССР русские составляли 50% населения. В голову не приходит, что это – невалидное сравнение, дающее искаженную динамику этнического состава населения. В бывшей РСФСР, как и в нынешней РФ, русские составляли порядка 80%. Это как раз говорит о неизменной процентной численности этнического большинства.

Другой стереотип касается истории России, когда говорится, что на всем ее протяжении «многонациональность» была ее

богатством. Нужно совсем не знать истории России, чтобы утверждать подобное. Может быть, этот пассаж хорош в качестве идеологии, предназначенной широким массам и СМИ, однако он вводит в заблуждение и создает трудности, когда есть реальная необходимость принимать этнополитические решения. «Многонациональность» всегда была таким «богатством», что постоянно «вставал» так называемый национальный вопрос, имевший место и в Российской империи, и в советском государстве. То, что называется «национальным вопросом», относится к разряду вечных, т.е. философских. Это значит, что он не может быть решен раз и навсегда. Это то, что существует постоянно, в постоянно меняющихся социально-политических реалиях. Поэтому требуется не решение национального вопроса, как наивно полагали большевики в начале XX в., а потом их последователи, кто в позднесоветские времена объявил его окончательно решенным. Требуется управление межэтническими отношениями, своеобразный этнополитический менеджмент, который, как любая управленческая деятельность, носит перманентный характер.

Другим стереотипным представлением является «отдельная» проблема русского народа, за которой скрывается утилитарный подход к народу как государственной ценности-средству, что, в принципе, не должно вызывать удивления, так как народ для государственной власти – демографический ресурс. Отсюда рассуждения об особом статусе государствообразующего русского народа. Отсюда, например, проистекает партийный слоган ЛДПР 2003 года «Мы – за бедных, мы – за русских», в 2007 году скорректированный в более этнотолерантном виде: «Что хорошо русским, хорошо всем».

Отсюда же крокодиловы слезы, что по подсчетам специалистов из 116 млн. русских к 2030 году останется 60 млн., а к 2060-му – лишь 30 млн., и поэтому ситуация требует со всей серьезностью обратиться к решению проблем русского народа. Такой циничный крепостнический, по сути государственноцентрический, подход представляется шагом назад даже по сравнению с программной целью КПСС все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей советских людей.

Атрибутом властного дискурса по этническим проблемам являются декларативные заявления о том, что этноцентризм, национализм, ксенофобия, этническая интолерантность являются угрозой национальной безопасности. Так, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) говорится: «Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющийся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов». Признано очевидное.

Однако социологические замеры и существующие дискурсивные практики (речи политических и общественных деятелей, материалы СМИ, разговоры обывателей, учебники) говорят о другом, о реальном росте этих настроений. Это отражение общего настроения фрустрированного социума, медленно выходящего из системного кризиса, что сопровождается, с одной стороны, социальной апатией,

с другой – агрессивным поведением, особенно по отношению к визуальным меньшинствам. Видение внешнего мира в качестве враждебного окружения, поиски внешних врагов непременно сказываются во внутривнутриполитической ситуации в тех же самых тенденциях, в распространении конкретных фобий: антиамериканизма, мигрантофобии, чайнофобии и т.д. Видение мира внешнего и мира внутреннего сквозь призму «вызовов» и «угроз» ведет к автаркии и изоляционизму, к тому, что призрак ксенофобии обрастает плотью и кровью. Отсюда становится еще более понятен реактивный характер этнической политики, которая отвечает на «вызовы» и «угрозы», определяясь правилом талиона «око – за око, зуб – за зуб», а не навязывая свой оригинальный взаимовыгодный сценарий развития межнациональных и межэтнических отношений. Вряд ли можно утверждать, что социальные отношения в современной России могут быть охарактеризованы как отношения толерантности, гражданского согласия с присущей им демократической консенсусной политической культурой. В таких условиях было бы наивно полагать, что сфера межэтнических отношений может быть оазисом толерантности.

Существует еще одно важное обстоятельство, определяющее сложности в выработке и реализации этнической политики. Субъекты РФ существенно отличаются по своим цивилизационным характеристикам, живут в разных темпоральных измерениях, не равны в ресурсном, экономическом, демографическом, культурно-историческом и других отношениях, что является исторически обусловленным. В качестве одного из следствий этих обстоятельств является уникальность этнополитической ситуации

и кроссэтнической коммуникации, сложившихся в каждом субъекте РФ. Межэтнические отношения в полиэтничных регионах России в связи с этим отличаются различной мерой этнической толерантности. Это вызывает сомнения в том, что этнополитические процессы в РФ могут быть проанализированы «на примере» какого-то региона. При выработке и реализации этнической политики РФ существует проблема ее «регионализации»: при общей стратегии и основополагающих принципах этнополитической тактика должна быть дифференцирована с учетом региональных особенностей – как исторически сложившихся, так и ныне существующих – до такой степени, что правомерно говорить о региональной этнической политике, определяющей состояние межэтнических отношений и управляющей ими. Вместе с тем наличествует общероссийский контекст, который существенно влияет на региональную этнополитическую ситуацию. Поэтому различные субъекты РФ пытаются выработать «региональную национальную политику».

Здесь возникает еще одна концептуальная проблема и «нестыковка». «Региональная национальная политика» – это словосочетание нельзя употреблять без кавычек. Это оксюморон, литературный прием, предполагающий сочетание не сочетаемых свойств и качеств предмета или явления, типа: живой труп или холодная теплота. Однако часто встречаются документы «Указ губернатора N-ской области “Об утверждении основных направлений национальной политики в N-ской области”», «О мерах по реализации национальной политики N-ской области», «Программа развития и гармонизации национальных отношений в M-ской области» и т.д. До сих

пор неразличимыми в головах и в документах остаются нация и этнос, национальная и этническая политика. Обидно плестись в хвосте у зарубежной политической науки, повторяя старые басни и заветные песни. Для зарубежной научной и политической элиты, связанной с этнонациональной проблематикой, вопрос давно решен. К сожалению, в отечественной науке все еще идут споры «тупоконечников» и «остроконечников», что такое нация – природная общность, основанная на кровном родстве, или гражданская. Отечественным примордиалистам претит сама постановка вопроса о гражданской нации. В этих условиях властные структуры отмахиваются от ученых споров, в решении «национального вопроса» продолжают руководствоваться пролетарским чутьем революционных матросов. Не помогает даже вполне определенный дискурс президентских речей и Посланий, в которых под национальным понимается общегосударственное, а не этническое. Так, например, национальные проекты относятся ко всем гражданам РФ, а не к представителям некой национальности.

Инерция огромна. Ментальные структуры непоколебимы. Как был в 1917 году образован народный комиссариат по делам национальностей, так и в настоящее время в Государственной думе Российской Федерации работает комитет по делам национальностей. Как был при Президиуме ВЦИК отдел национальностей, а в ЦК партии в 20-е, 30-е годы XX в. подотдел национальных меньшинств, так и сейчас в Минрегионразвития имеется департамент межнациональных отношений. Легче всего было бы эти понятийные тонкости списать на ученое занудство. Однако непроработанный, архаичный категориальный аппарат не

позволяет достигнуть понимания проблемы и, следовательно, оставляет концептуально обоснованную политику РФ в сфере регулирования межэтнических отношений, которая и должна бы называться государственной или региональной этнической политикой.

Существует теоретическая возможность различить этническую и национальную политику, что позволит преодолеть имманентно присущую нечеткость этнонациональному дискурсу. Этническая политика может быть определена как деятельность государства в сфере регулирования отношений между различными народами, проживающими в данном государстве, направленная на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества народов, содействие удовлетворению их потребностей и реализации интересов, предотвращение и разрешение этнических противоречий и конфликтов, преодоление этнической нетерпимости и препятствование разжиганию этнической розни. Этническая политика – одно из направлений внутренней политики. Этническая политика может проводиться властью как на уровне федерации, так и на уровне субъектов федерации. Тогда как национальная политика – это внешнеполитическая деятельность, это деятельность государства в сфере межгосударственных отношений, направленная на защиту национальных, то есть общегосударственных интересов, выгодное позиционирование государства на международной арене, осуществление взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами. В концептуальном отношении необходимо окончательно утвердить понятие «национальное» как общегосударственное.

Еще одним камнем преткновения для определения концептуальных оснований этнической политики РФ служит проблема государственного устройства или его переустройства. Что такое современная Россия: унитарное государство с выстроенной вертикалью власти, дефективными межбюджетными отношениями и федеративными декорациями, называемое российской моделью федерализма? Сколь долго будет сохраняться «асимметричный» российский федерализм, связанный тяжелым недоделанным большевистским наследством, сочетающим в себе «территориальный» и «национально-территориальный» принципы деления? В Концепции государственной национальной политики РФ 1996 года в разделе «Совершенствование федеративных отношений» говорится, что нужно избежать как губернизации республик, так и республиканизации областей. В переводе с языка Концепции на русский это означает оставить все, как есть. Видимо, современные попытки «укрупнения» регионов на основе экономической целесообразности являются попыткой пробораться между Сциллой губернизации и Харибдой республиканизации. Однако за социально-экономической значимостью этих преобразований умалчивается, не обозначается отход от этнического принципа в административно-территориальных образованиях.

Немаловажный аспект в этнической политике – это ее миграционная составляющая. Существуют документы, определяющие сущность миграционной политики. В частности, это – Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, принятая в 2003 году. Однако миграционная политика, разрабатываемая

вне концепции этнической политики, также страдает противоречивостью и имманентной нечеткостью: миграция и, в особенности, иммиграция для России – объективная необходимость или злокозненный заговор, польза или вред, благо или зло? Насколько способны соответствующие властные структуры и само общество вместе с различными категориями иммигрантов решить задачи по их адаптации, аккультурации, репатриации? В настоящее время преобладают настроения «антииммиграционизма» и мигрантофобия.

Можно выделить еще целый ряд довольно острых моментов. Однако и уже выше изложенного достаточно для того, чтобы понять всю серьезность и необходимость выработки современной эффективной концепции, подчеркнем, не «решения национального вопроса», а управления межэтническими отношениями. Учитывая особенности российской политической культуры, среди прочих черт содержащей в себе подданническое отношение к любому центру реальной власти, патерналистские ожидания по отношению к власти, следует начать именно с власти. Должно хватить властной воли по капле выдавить из себя националиста и ксенофоба. Однако с учетом того, что сценарии, прописываемые и западными аналитиками, и российскими включенными наблюдателями до 2015 года, имеют шанс «пятьдесят на пятьдесят»: либо укрепление российской государственности, либо распад. При этом решающая роль будет принадлежать федеральному центру, а этнический фактор останется лишь фактором, который может быть использован «pro» или «contra».

М.А. ФАДЕИЧЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ОРЕНБУРГСКИХ ВУЗОВ

В современном российском обществе мы наблюдаем как кризис гражданской идентификации, так и кризис этнической идентификации, рост национализма и этнического экстремизма, особенно в молодежной среде. В связи с этим особое значение приобретают исследования, позволяющие выяснить значимость для студентов этнической и конфессиональной идентичности, уровень толерантности студентов к представителям различных этносов и конфессий, а также конфликтный потенциал в межконфессиональных межнациональных отношениях в студенческой среде. Помимо этого необходимо сравнить позиции студенчества по этим вопросам с позициями жителей области (по данным опроса, проведенного в пяти городах Оренбургской области в мае 2006 года).

Главный метод исследования в декабре 2007-го – социологический опрос 200 студентов четырех вузов города: Оренбургского государственного университета; Оренбургского института МГЮА; Оренбургской государственной медицинской академии; Оренбургского государственного педагогического университета¹.

1. Религия и ее значимость в жизни оренбургских студентов

Верующими с соблюдением всех обрядов себя назвали только 6% студентов. 54% верующих студентов соблюдают отдельные обряды. Верующими, но не со-

блюдающими обряды назвали себя 28%. 3% заявили, что они неверующие, а 6% отказались отвечать.

Таким образом, верующими себя считают 87% всех студентов.

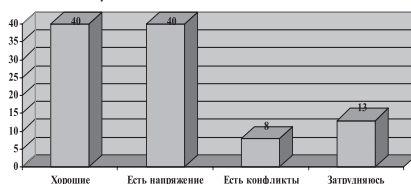
58% опрошенных студентов заявили, что исповедуют православие, 1% – католицизм, 0,5 – протестантизм, 18% – ислам. 13% просто верят, что Бог есть.

В ОГУ 45% студентов назвали себя православными, а 23% приверженцами ислама. В медакадемии: 47% православие, а 27% – ислам.

В оценке межконфессиональных отношений в Оренбургской области студенты раскололись на две группы: на вопрос «Как вы оцениваете отношения между людьми разных вероисповеданий в Оренбурге?» 40% ответили, что отношения хорошие; 40% указали, что напряжение ощущается, а 8% – что отношения напряженные, случаются конфликты.

Настораживает то, что 48% студентов вузов ощущают напряженность в межконфессиональных отношениях.

Оценка студентами межконфессиональных отношений в %

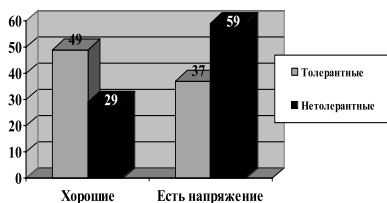
Если (по данным опроса мая 2006 года) 51% молодежи Оренбургской области оценивают межконфессиональные отношения как хорошие, то среди студентов их так оценивают только 40%. Как напряженные оценивают межконфессиональные отношения 43% молодых оренбуржцев и 48% студентов. Уровень обеспокоенности состоянием межконфессиональных отношений в студенческой среде выше, чем у молодежи области в целом.

Существует корреляция между оценкой студентами межнациональных и межконфессиональных отношений. Прослеживается прямая зависимость оценки студентами межконфессиональных отношений от оценки ими же межнациональных отношений.

Среди тех, кто считает, что в межнациональных отношениях в Оренбурге нет напряженности, 62% оценивают межконфессиональные отношения как хорошие.

Среди тех, кто полагает, что в Оренбурге есть напряжение в межнациональных отношениях, только 31% оценивает межконфессиональные отношения как хорошие, а 61% считает их напряженными. Напряженность в межконфессиональных отношениях отметили 29% толерантных студентов и 59% нетолерантных студентов.

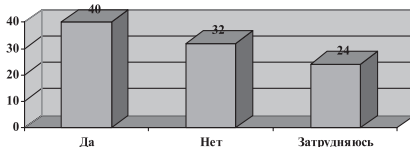
Как вы оцениваете межконфессиональные отношения в Оренбурге

Религиозное образование в вузах Оренбурга

На вопрос о том, нужно ли в качестве факультативов преподавать основы религиозной культуры (христианство, ислам, др.) в вузах Оренбуржья были получены ответы: в ОГУ (54%) и в ОГПУ (57%) в два раза больше студентов, чем в МГЮА и ОрГМА (по 24%), которые полагают, что такие факультативы в вузах нужны.

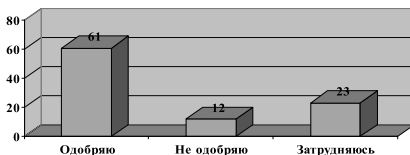
Нужно ли преподавать основы религиозной культуры

33% всех студентов оренбургских вузов полагают, что преподавать такие факультативы должны преподаватели вузов, 25% – священники, а 30% полагают, что такие предметы в вузах не нужны.

На гуманитарных факультетах ОГУ и ОГПУ более 50% студентов полагают, что эти предметы должны вести преподаватели. В МГЮА и ОрГМА почти треть студентов выступили за то, что эти предметы должны вести священники. Вдвое меньше студентов именно в этих вузах считают, что вести эти предметы должны преподаватели вузов.

Отношение студентов оренбургских вузов к преподаванию «Истории мировых религий» в %

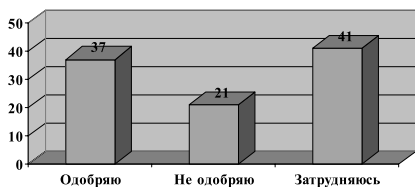

Более половины студентов вузов (61%) одобряют введение курса «История мировых религий» в вузах города. Не одобряют только 12%.

Однако выявлено дифференцированное отношение к предмету «История мировых религий» у студентов. Более 70% студентов ОГУ и ОГПУ за эти предметы. В МГЮА – только 42% одобряют этот предмет.

92% всех студентов оренбургских вузов полагают, что верующие люди могут быть толерантными. Не согласны с этим утверждением только 4% студентов. Существенной дифференциации по вузам Оренбурга не выявлено.

Как вы относитесь к вопросу приравнивания диплома высшего духовного образовательного учреждения к диплому государственного вуза в РФ? в %

Более 40% студентов затруднились с ответом на этот вопрос. Более трети студентов одобряют приравнивание диплома высшего духовного образовательного учреждения к диплому государственного вуза в РФ.

2. Этническая идентификация: ее значимость в оценках и суждениях студентов вузов

В Оренбургской области за весь постперестроечный период, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию и растущий приток иммигрантов, в основном со стороны юга России, благодаря сложив-

шимся историческим традициям, а также гибкой национальной политике власти удавалось избегать этнических конфликтов и сохранять достаточно стабильную ситуацию в межнациональных отношениях.

Вместе с тем нужно согласиться с В. Путиным, который на съезде Азербайджанского конгресса акцентировал внимание на том, что нельзя недооценивать опасность «инфекции бытового национализма».

Очевидно, что растет значимость этнической идентификации для населения области. Однако результаты многолетних исследований говорят о том, что оренбуржцы идентифицируют себя прежде всего с политическим сообществом («гражданин России» или согражданством) и только затем с сообществом, располагающимся в рамках региона. В нашем случае это «оренбуржец». И в последнюю очередь включается этнический признак.

Отвечая на вопрос, «Кем вы себя чувствуете прежде всего?», 74% опрошенных идентифицируют себя прежде всего с гражданством (гражданин России), на втором месте с европейской идентификацией – 49%, на третьем месте – с принадлежностью к Оренбуржью (18%) и только на 4-м месте с принадлежностью к этносу (96%).

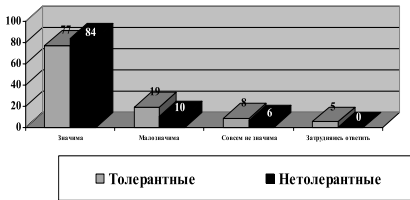
Во всех возрастных группах лидирует гражданская идентификация, на втором месте идентификация, связанная с принадлежностью к Европе, на третьем с проживанием в Оренбургской области, на четвертом этническая идентификация. Однако это утверждение не опровергает необходимости учитывать опасность этнических предрассудков и стереотипов во взаимоотношениях между этносами в поликультурном регионе.

Этническая идентификация: ее значимость в оценках и суждениях студентов вузов

Этническая идентификация значима для 76% студентов, малозначима для 15%, совсем не значима для 7%. Принципиальных различий в значимости этнической идентификации для молодежи Оренбургской области (79% – значима национальность) и для студентов (76% – значима национальность) не выявлено.

Существенной дифференциации в значимости этнической идентификации по вузам не выявлено.

В какой степени для вас значима национальная принадлежность? в %

Существенных различий в значимости этнической идентификации между толерантными и нетолерантными студентами не выявлено.

39% всех студентов испытывают негативные чувства к представителям разных национальностей, 51% не испытывает таких чувств, 10% затруднились с ответом.

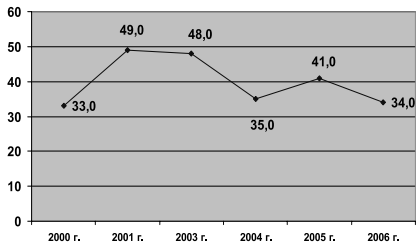
Зафиксирован высокий уровень нетолерантности студентов МГЮА, где 44% студентов испытывают негативные чувства к представителям других наций.

3. Этнические стереотипы и предрассудки

Проявлением интолерантности (то есть нетерпимости) можно считать недо-

брожелательное отношение оренбуржцев к представителям других этнических общностей.

В ходе мониторинга в течение последних 5 лет респондентам задавался вопрос, есть ли национальности, к представителям которых сами респонденты испытывают недоброжелательное отношение? В 2005 году утвердительно на этот вопрос ответил 41% участников опроса. В 2006-м – 34%.

Уровень недоброжелательного отношения к людям другой национальности по своим абсолютным показателям за все годы измерений колеблется в пределах от самого минимального значения (33% – 2000 год) до максимального – 49% (2001-й). В целом же за период 2000-2005 годы основная масса населения области (50-60%) сохраняла внутри себя вполне терпимое отношение к инонациональной среде оренбургского социума.

Молодежь от 18 до 29 лет более подвержена этнической нетолерантности – 45% испытывают неприязнь к представителям других национальностей, а в группе старше 60 лет таких только 21%.

Негативные чувства у студентов вызывают представители следующих национальностей (в %):

- цыгане → 22
- азербайджанцы → 19
- чеченцы → 18

Г. В. Шешукова

армяне	⇒	12
казахи	⇒	11
таджики	⇒	10
узбеки	⇒	10
грузины	⇒	6
татары	⇒	6
башкиры	⇒	5
евреи	⇒	4

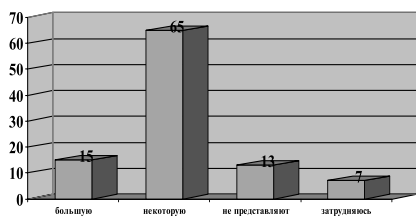
Зарегистрирован высокий уровень нетолерантности к цыганам – 22%, чеченцам – 18% и представителям среднеазиатских наций – 10-11%.

Негативное отношение нетолерантных студентов к этносам (в %):

цыгане	⇒	52
азербайджанцы	⇒	44
чеченцы	⇒	40
армяне	⇒	30
казахи	⇒	29
таджики	⇒	24
узбеки	⇒	23
евреи	⇒	10
мордва	⇒	5
немцы	⇒	5

Особое внимание руководству вузов следует обратить на группу нетолерантных студентов, их этнические фобии и предвзвешенности.

Представляют ли иммигранты угрозу стабильности РФ? в %

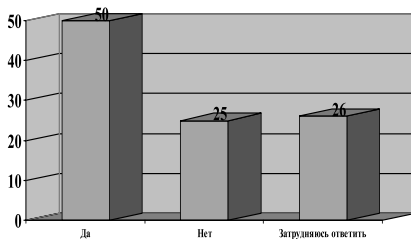

Зафиксирован высокий уровень нетолерантности к иммигрантам. 80% студентов считают, что иммигранты представля-

ют угрозу для стабильности РФ. И только 13% считают, что не представляют.

87% нетолерантных студентов видят угрозу стабильности РФ в иммигрантах. И только 13% считают, что они не представляют угрозу для РФ. Но и среди толерантных студентов 76% также видят угрозу стабильности РФ от приезда иммигрантов.

Существует ли в Оренбургской области межнациональная напряженность

Опрос зафиксировал, что в студенческой среде в два раза больше тех, кто считает, что межнациональная напряженность есть (50%). Это может быть реакция на межнациональные отношения в студенческой среде.

Уже в 2006 году наиболее высокая оценка межнациональной напряженности была зафиксирована в Оренбурге – 47% опрошенных считали, что в области есть межнациональная напряженность.

В 2006 году по области:

31% – да, есть напряженность;

51% – нет напряженности;

17% – затруднились.

По Оренбургу:

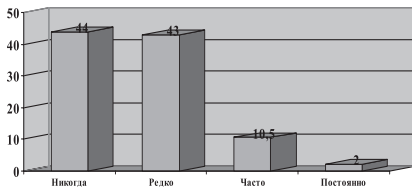
47% – да, есть напряженность;

37% – нет напряженности.

Напряженность в межнациональных отношениях более актуальна для нетолерантных студентов – 67% из них отмечают

наличие напряженности в межнациональных отношениях. Среди толерантных студентов только 37% отмечают напряженность. Только 12% нетолерантных студентов полагают, что нет межнациональной напряженности. А среди толерантных студентов так считают 36%.

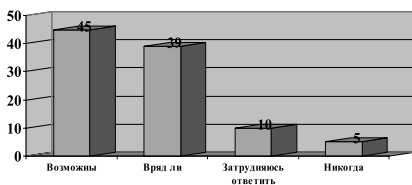
Как часто вы сталкиваетесь с проявлением негативного отношения к людям вашей национальности в %

55% студентов редко или часто, но встречались с проявлениями негативных отношений к людям своей национальности

42% молодежи области в 2006 году сталкивались с проявлением негативного отношения к людям своей национальности

Возможны ли межнациональные конфликты в Оренбургской области в %

Выявлен высокий уровень возможности межнациональных конфликтов в студенческой среде. 45,6% студентов вузов полагают, что межнациональные столкновения в нашем городе возможны. В МГЮА так считают 58% студентов. В мае 2006 года возможность возникновения

конфликтов в Оренбурге прогнозировали – 50%, в Орске – 51%, в Бугуруслане – 44%, в Бузулуке – 57%, в Новотроицке – 33%.

53% нетолерантных студентов и 38% толерантных студентов предполагают, что конфликты в межнациональных отношениях возможны. Уровень опасений у нетолерантных студентов выше, чем у толерантных, на 15%.

37% всех студентов вузов Оренбурга готовы к личному участию в межэтнических конфликтах: Из них в ОГПУ – 43%; в МГЮА – 38%; в ОргМА – 35%; в ОГУ – 33%.

Итак, самый высокий уровень готовности к личному участию в межэтнических конфликтах выявлен у студентов ОГПУ – 43%

Среди тех, кто считает, что в области есть напряженность в межнациональных отношениях, 46% готовы принять участие в межнациональных конфликтах.

Среди тех, кто считает, что напряженности в межнациональных отношениях нет, только 24% готовы участвовать в межнациональных конфликтах.

Среди нетолерантных студентов 48% готовы участвовать в межнациональных конфликтах. А среди толерантных – 20%. Это достаточно высокий конфликтный потенциал, который зафиксировал данный соцопрос.

Приведенные показатели социологических исследований позволяют сделать определенные выводы:

1. Осуществляя введение в вузовские учебные планы факультативов по основам религиозных знаний и истории мировых религий, следует учитывать специализацию вузов, а также готовность самих студентов изучать эти курсы. Этот опрос выявил большую расположенность к изучению

этих предметов у студентов гуманитарных факультетов ОГУ и ОГПУ. Студенты МГЮА и ОргМА значительно меньше заинтересованы в изучении этих предметов.

2. В проведении работы по нравственному воспитанию студентов в вузах следует учитывать, что 87% студентов считают себя верующими. Этот статус также привлекателен и признается в молодежной среде, как в советское время – атеизм.

3. Определенное беспокойство вызывает тот факт, что 48% студентов вузов ощущают напряженность в межконфессиональных отношениях. Причины такого восприятия и проявления напряженности в межконфессиональных отношениях требуют дополнительного изучения. Поэтому необходим регулярный мониторинг отношения студентов к межконфессиональным и межнациональным отношениям с целью предотвращения конфликтов на национальной и религиозной почве в молодежной среде.

4. Выявлена корреляция между оценкой студентами межконфессиональных и межнациональных отношений, а также толерантностью и готовностью принять личное участие в конфликтах на стороне своей нации. Эту корреляцию также нужно учитывать в учебно-воспитательной работе в вузах города.

5. Более 50% студентов вузов ОГУ и ОГПУ готовы изучать «Основы религиозной культуры». Причем большинство студентов этих вузов полагают, что преподавать эти предметы должны преподаватели этих вузов.

6. Более 60% студентов вузов выразили готовность изучать такой предмет, как «История мировых религий». И это несмотря на то, что на гуманитарных факультетах преподают историю России и

культурологию. Поэтому с данными этого опроса были ознакомлены руководители вузов города. Можно ввести этот предмет в рамках регионального компонента, который в вузовском образовании пока сохраняется. Предмет может быть введен решением ученых советов соответствующих вузов Оренбурга.

7. В связи с тем, что в ходе опроса выявлен относительно высокий уровень нетолерантности среди оренбургских студентов, нужна программа по снижению уровня межэтнической и межконфессиональной нетолерантности студентов вузов и предотвращению проявлений национализма и экстремизма в Оренбурге.

8. В связи с тем, что выявлен высокий уровень настороженности в отношении иммигрантов, следует продумать мероприятия по разъяснительной работе в молодежной среде по вопросу политики государства в отношении иммигрантов.

9. Нужно выяснить причины того, почему 50% студентов вузов отметили наличие напряженности в межнациональных отношениях в области. Нужно выяснить, почему более 50% студентов лично встречались с проявлениями национализма в отношении представителей своей нации, тем более что 45% студентов вузов считают возможными межнациональные конфликты в области. 37% студентов вузов и 46% в ОИ МГЮА уже готовы вступить в конфликт, если понадобится, на стороне представителей своей нации.

Г. В. ШЕШУКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Опрос проведен социологическим центром «Общественное мнение» 23-26 декабря. Опросе-

но 200 студентов. В ОГУ были опрошены студенты гуманитарного факультета: психологи (3 курс), историки (2 курс), религиоведы (1 курс). В ОГПУ были опрошены студенты отделения физкультуры (2 курс), историки (2 курс) и экономисты-менеджеры. В ОГМА были опрошены студенты 6 курсов по специальностям «лечебное дело», «педиатрия», медико-профилактического от-

деления. В ОИ МГЮА были опрошены студенты 5 курсов по специальности «юриспруденция».

В опросе участвовало: 9% татар (в ОГУ – 12%); 9% казахов; 3% башкир; 3% украинцев. В опросе также приняли участие 66% русских студентов во всех вузах: 57% – в ОГУ; 82% в МГЮА; 62% – в ОргМА и 65% в ОГПУ. В опросе участвовали 43% мужчин и 57% женщин.

ГРАЖДАНСКАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ «ЭТНИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА»

Ретроспективный взгляд на динамику «этнического ренессанса» на советском и постсоветском геополитическом пространстве позволяет выделить несколько особенностей. Например, одновременность подключения к процессу субъектов федерации (сначала союзные республики, затем автономии, несколько позже – административно-территориальные субъекты) и народов (в конце 1980-х годов – меньшинства, с середины 1990-х – доминирующее русское большинство).

Другая особенность – различия в политико-правовом позиционировании идеологии, акторов, институций «этнического ренессанса» национальных меньшинств и русского большинства. Вектор «этнического ренессанса» реализовывался как в пространстве традиционной культуры, так и в политике. Другими словами, сопровождался этнополитической институализацией (этнонационализмом). Если национализм меньшинств, за исключением ультрарадикальных форм и технологий,

практически сразу же был включен в поле легальной политики, то идеология и практики русского национализма независимо от характера, форм и технологий занимали и занимают маргинальное положение. Национал-патриоты (например, Конгресс русских общин, «Родина», «Народная воля»), радикальные националисты (например, Русская партия, Народная национальная партия), нацистские организации (например, Русское национальное единство, Движение против нелегальной иммиграции) позиционируются политическими оппонентами, официальной политикой и массовым сознанием как явление однозначно негативное, требующее общественного порицания и искоренения. Отсюда – кампании по осуждению и противодействию «любым проявлениям фашизма, экстремизма, национализма», соответствующие формулировки в федеральных законах. Каким образом можно реализовать задачи по искоренению «национализма вообще» в национальном государстве, федеративное устройство которого включает в качестве

главенствующего принцип признания национально-территориального суверенитета, остается за скобками этих кампаний и концептов.

Несмотря на появление новых организаций (например, Союза русского народа, Русского освободительного движения и др.) в последние годы, и особенно в 2007-м, наблюдается снижение активности публичной деятельности русских националистических организаций. Вместе с тем следует отметить действия сторонников национал-социализма, направленные на презентацию этой идеологии в российских регионах. С этой целью распространялись листовки, журналы; на зданиях, гаражах и других городских сооружениях появлялись надписи-призывы, сопровождающиеся фашистской символикой и маркированные аббревиатурой НСО (Национал-социалистическая обществу). Дискурсивный анализ национал-социалистической продукции выявил идейно-теоретическую специфику, принципиальные отличия от идеологии этнонационализма, в том числе «российского» нацизма. Вероятен сценарий вброса идеологии и организационного ресурса национал-социализма (неонацизма) в российское общество. Однако определенный социальный ресурс у этой идеологии есть.

Причин для инноваций в русском националистическом движении несколько. На наш взгляд, одна из причин снижения активной публичной деятельности – это возвращение темы патриотизма в государственную политику. Отождествление патриотизма и национализма является имманентной особенностью идеологии русского национализма и русского национального сознания. В постсоветский период массовое сознание

россиян претерпело глубокие трансформации. Из системы социально и личностно значимых ценностей буквально «выкорчевывались» такие ценности, как коллективизм, интернационализм, патриотизм и т.п. В 1990-х годах практически главным критерием социально-статусного определения россиян стала антитеза «демократ – патриот». Политические силы, отстаивающие патриотизм как нравственный и политический принцип, подвергались массовой критике со стороны «демократов», обвинялись в симпатиях к тоталитаризму, фашизму. Появилось и широко использовалось клише «красно-коричневые». При этом сложная структура, многообразие этого сегмента политического пространства, политической идеологии и политической культуры не брались в расчет. Ценность патриотизма, во всяком случае, патриотическую риторику в тот период манифестировали КПРФ, национал-патриотические, радикальные националистические и откровенно нацистские общественно-политические организации и партии.

В 2004-2005 годах патриотизм как доктринальный концепт включают в свои программы новые партии демократической направленности, например, «Возрождение России», «Патриоты России», затем «Справедливая Россия», «Единая Россия» и другие. Хотелось бы отметить позиции и деятельность Русской православной церкви и созданных под ее эгидой религиозно-светских движений, последовательно отстаивающих ценность патриотизма.

Таким образом, в последние годы в государственной идеологии и общественном сознании происходит реабилитация патриотизма. Пришло осознание и при-

знание, что «демократ» и «патриот» – это явления одного порядка, что возродить Россию невозможно без гражданского патриотизма. Важным атрибутом демократического типа политической культуры является симбиоз патриотизма и гражданственности в идентификационном пространстве личности. Понятие «гражданская лояльность» хотя и не тождественно обозначенному состоянию, несомненно, обладает близкородственной природой. Осознанный «гражданский патриотизм» или «патриотичную гражданскую лояльность» можно рассматривать в качестве маркера гражданской нации. Формирование российской гражданской нации – это и перспектива эволюции политического общества, и одна из задач современной политической элиты.

В этой связи представляют интерес результаты исследовательских проектов, реализованных в Самарской области при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: «Этнически ориентированные учебные заведения и пресса как каналы формирования гражданской и этнической идентичностей у представителей традиционных поволжских народов (на примере татар и чувашей)» (2006 год) и «Изучение результатов деятельности и потенциала национально-культурных организаций этнических меньшинств по формированию гражданской и этнической идентичностей» (2007 год)¹.

Два критерия, на основании которых оценивалась деятельность институций «этнического ренессанса» национальных меньшинств, – это уровень распространенности позитивного типа этнической идентичности; соотношение гражданской и этнической идентичностей. Результаты

тестирования школьников показали, что этническая и гражданская идентичности отчетливо выражены и достаточно близки в идентификационном пространстве личности. Так, у школьников-чувашей этническая идентичность оказалась на 4 позиции (87,3% ответов), российская – на 7 (71,2%). 88,5% школьников-татар отметили значимость для них этнической идентичности и 76,2% – гражданской (российской). В иерархии идентичностей это соответственно 4 и 7 позиции. Этническая идентичность по значимости уступает семейно-родственной и возрастной, а гражданская – территориально-поселенческой и миро-воззренческой идентичностям.

Практически такая же ситуация характерна для взрослых представителей этнических меньшинств. Во всех выделенных для анализа группах – «актуализированные» (находящиеся под непосредственным воздействием национально-культурных организаций), «индифферентные» (находящиеся вне какого-либо влияния национально-культурных организаций), «этнические мусульмане», эксперты (лидеры и активисты) – наиболее значимыми оказались семейная и духовно-родственная идентичности. Степень выраженности этнической и гражданской (российской) идентичностей высокая: 86,0% и 78,0% в целом по массиву; 88,1% и 76,3% в группе «актуализированных»; 85,5% и 78,4% в группе «индифферентных»; 87,7% и 75,5% в группе «этнических мусульман»; 97,9% и 93,6% в группе экспертов. В качестве респондентов (опрошено 600 человек) и экспертов (опрошено 47 человек) в этом исследовании выступили представители как традиционных для региона, так и мигрантских этнических

меньшинств (азербайджанцы, армяне, башкиры, казахи, корейцы, осетины, татары, чеченцы, чуваш).

Развитой «гражданский патриотизм» включает в числе прочих важных составляющих уважительное отношение к государственной символике. Позиции представителей этнических меньшинств, принимавших участие в массовом опросе (2007 год), свидетельствуют о том, что для этой группы граждан характерно уважительное отношение к символам Российской Федерации (Таблица 1).

Показательно, что атрибуты государственной власти вызывают уважительное отношение у значительно большего числа людей, чем региональные символы. Отношение к региональной символике – это, в первую очередь, маркер региональной идентичности. Хотя очевидно, что формирование гражданского и патриотического сознания начинается с уважения и любви к «малой родине».

Интересно отметить, что активисты, лидеры и другие непосредственные участники деятельности национально-культурных организаций (группа «актуализированные») отличаются более высоким уровнем гражданской лояльности, чем средний представитель этнического меньшинства.

Таким образом, для подавляющего большинства представителей этнических меньшинств, проживающих в Самарской области, социально значимыми ценностями являются патриотизм и гражданская лояльность. Есть основания полагать, что в административно-территориальных субъектах РФ аналогичная ситуация.

В уставных документах и практической деятельности всех обследованных национально-культурных организаций (как и подавляющего большинства других) отсутствуют специальные задачи и мероприятия, направленные на формирование гражданских позиций, гражданской лояльности российской нации. Поэтому очевидно, что полученные в ходе исследования характеристики, свидетельствующие о благополучном состоянии гражданского сознания представителей этнических меньшинств, – это результат влияния ряда объективных и субъективных факторов. Например, многовековая принадлежность к единой политико-территориальной общности, экономические интересы, культурно-исторические традиции, деятельность системы образования и специальных программ. Не будет преувеличением сказать, что свою лепту в формирование гражданского сознания вносят и национально-культурные организации.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к символам Российской Федерации и Самарской области?» (в % в целом по массиву).

Символы	«Отношусь с уважением»	«Отношусь с душевным трепетом»	«Отношусь безразлично»
Герб РФ	78,5	6,5	14,6
Флаг РФ	79,2	6,7	13,7
Гимн РФ	71,2	13,3	15,0
Герб Самарской области	60,3	5,8	33,3
Флаг Самарской области	60,8	4,7	33,7
Гимн Самарской области	56,3	6,5	36,3

В первом десятилетии XXI века одна за другой принимаются государственные и региональные программы патриотического воспитания. Однако эти программы до недавнего времени не получали сколько-либо заметной поддержки со стороны общества, педагогических и научных кадров, молодежной аудитории. Сегодня патриотизм и патриотическое воспитание приобретают особое звучание не только в государственной идеологии, но и в массовом сознании. Пилотажное исследование, проведенное в 2007 году по заказу Министерства культуры и молодежной политики Центром социальных и маркетинговых исследований СГАСУ, экспертные интервью в рамках других проектов обнаружили весьма примечательное явление: многие россияне четко

разводят понятия «государство» и «Родина», экстраполируют патриотические чувства на «Родину», подчеркнуто отказывая в этом «государству». Разведение понятий позволяет интериоризировать чувство патриотизма в Я-концепцию, однако это явно недостаточное основание для формирования гражданской лояльности. Если явление имеет массовый характер, то в этом случае оно может стать серьезным препятствием в становлении и развитии российской гражданской нации.

Н.С. МУХАМЕТШИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹Гранты РГНФ №06-03-26302 а/В, 2006 г., РГНФ №07 05 2630 а/В, 2007 г. Автор и руководитель проекта Н. Мухаметшина.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК РЕЗЕРВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Развитое гражданское общество в России является гарантом сохранения многокультурного бытия нашей страны. Русским словом «многокультурность» вполне можно объяснить и в значительной степени заменить термин «мультикультурализм», который в качестве концепции, претворяемой в жизнь, в настоящее время приобретает все большую популярность и вызывает интерес не только ученых, занимающихся проблемами развития этносов и межэтническими взаимодействиями, но и достаточно широких слоев обще-

ственности, озабоченной сохранением внутригражданского мира и создающей стабильности.

Реальное гражданское общество в современном понимании и представлении мыслится для нас сейчас настоящей панацеей от всех болезненных перекосов, которыми страдает наше государство как регулирующее начало общества. В некоторых сферах жизни государства «слишком мало» – отсюда проистекает недовольство населения постоянными экономическими «огрехами» его деятельности (невозмож-

ностью остановить рост цен, спрогнозировать очередную их существенный взлет). В иных сферах жизни общества государства «слишком много» – административно-бюрократическое засилье стало «притчей во языцех». Гражданское общество должно взять на себя функцию регулятора этого дисбаланса, так как степень демократизма в развитии того или иного государства в настоящее время прямо и линейно связана с развитостью в его рамках гражданского общества. Именно последнее формирует общегражданские ценности и приоритеты; если же они будут провозглашены «сверху» государством и не воспримутся как значимые и правильные в понимании значительной части общества, то останутся пустыми декларациями. Правильные и одобряемые обществом идеи, выдвинутые государством, приобретают статус «национальных». Они одновременно являются и целью и средством сплочения сограждан, которые в ходе их реализации могут почувствовать себя нацией в самом масштабном, политическом смысле этого слова.

Однако нация – это не только социально-политическая общность людей. В случаях многих государств – это еще и общность многоэтническая. В этом случае процесс нациестроительства значительно усложняется, так как общенациональная в политическом и гражданском смысле идея становится наднациональной в смысле этническом.

В Конституции РФ записано, что источником власти в стране является многонациональный народ Российской Федерации. Значит ли это, что национальная идея у нас может быть только многонациональной, и гражданское общество

прежде всего должно ориентироваться на этнические ценности, по сути являясь мозаикой этнических гражданских обществ? В этом случае следует признать правоту Рафаэля Хакима, который в своей часто цитируемой книге «Сумерки империи» подчеркнул: «В принципе невозможно отвлечься от этнической принадлежности и пребывать в области «чистых» прав человека»¹.

При такой постановке вопроса нет смысла рассуждать об общегражданской нации, скрепленной лишь общими официальными границами государства под названием Российская Федерация. Однако выход, как представляется, все же есть. Он сложный, небыстрый, но не тупиковый. Этим выходом в реалиях нашей страны может стать реальный же мультикультурализм, разумно используемый на нашей государственной почве.

В связи с этим возникает вопрос, будет ли являться жизнеспособным мультикультурное гражданское общество в нашей стране, где проживают этносы, демонстрирующие разный уровень модернизации? Возможно ли, применив инструментарий мультикультурализма, с одной стороны, защитить культурное разнообразие, нивелировать неравноправные отношения доминирующей культуры и культур этнических и иных возможных меньшинств, а с другой стороны, применив этот инструментарий, создать платформу для гражданского единства и гражданского общества, которое, защищая с помощью своих организаций интересы и права граждан, должно будет абстрагироваться от их этнической принадлежности? Если же гражданское общество сосредоточится на защите

этнических прав, то, пытаясь определить эти права в их наиболее полном объеме, оно вряд ли достигнет консенсуса ввиду крайней специфичности самого определяемого предмета. Такое направление развития гражданского общества может существенно отдалить решение проблемы этнического сепаратизма.

Тем не менее вряд ли найдется более разумный способ уравновесить этнические интересы с интересами гражданского общества, нежели мультикультурализм. Наиболее существенные компоненты этничности – язык, религия, культура – находятся в сфере действия мультикультурной политики самым непосредственным образом. Для любого этноса решающее значение имеет его культурная, в широком смысле, презентативность, т.е. представленность в жизни государства и гражданского общества. Если этнос ощущает эту представленность как адекватную, он, соответственно, ощущает себя реальным и значимым компонентом гражданского общества. Когда этот вопрос для этноса решен или успешно решается, тогда возникают возможность и место для формирования надэтнической самоидентификации в рамках развитого гражданского общества, которое составляет основу нации. Если же этот вопрос в понимании граждан Российской Федерации той или иной этнической принадлежности остается открытым, надэтническая общенациональная идея не вызовет у них должного отклика, понимания и признания.

Мировая практика мультикультурализма нарабатала определенное количество вариантов решения проблем культурной презентативности этносов. Наиболее

существенными в этом плане являются проблемы сохранения, поддержки и развития языков этнических меньшинств, получения образования всех ступеней на языке своей этнической общности, возможностей сохранять, развивать и демонстрировать достижения этнокультуры, а также, разумеется, реализации духовно-религиозных потребностей. Все эти проблемы решаемы при консолидации усилий как государства, так и гражданского общества. Одновременно их решение – реальное поле деятельности, возможность для развития и укрепления самого гражданского общества, которое может и должно отстаивать культурные интересы своих членов.

Однако в этой связи возникает вопрос, а насколько велико должно быть участие государства в этом процессе? Должно ли оно ограничиться законодательными функциями и частичным спонсированием, либо должно разработать стратегию поведения, определенный кодекс жизни «многонародной нации», ведя широкий диалог с гражданским обществом и из него черпая материал для определенных доктринальных установок, которыми оно, государство, будет руководствоваться? В настоящее время на этом поприще, к сожалению, государство себя мало чем проявило.

Пока государство не заполнило реальной мультикультурной практикой пространство межэтнического взаимодействия, его будут заполнять явления этноцентризма и этнонационализма. В условиях реально существующих и действующих этноцентрических моделей внутри РФ зачастую не соблюдаются даже внешние признаки благополучного

культурного (как самого безобидного) представительства нетитульных этносов. Например, в результате проходившего в Республике Татарстан смотра народных театров из 16 лауреатов 12 театров были татарскими, два – русскими, 1 – чувашский и 1 – без национального оттенка². В календаре рекомендованных к отмечанию памятных дат, который содержится в «Основных направлениях программы развития культуры РТ на 2003-2006 гг.», на 2003 год отмечены 40 дат, из них только две касаются деятелей русской (советской) культуры, на 2005 год ни одного деятеля русской культуры не отмечено, на 2008 год из 27 пунктов только один – о русском деятеле культуры³. В «Программе развития оперного и балетного искусства в РТ до 2005 г.» предусмотрено осуществление через социальный заказ только татарских оперных и балетных постановок⁴. С высокой трибуны прошедшего в ноябре 2007 года Второго съезда народов Татарстана, не собиравшегося, кстати, 15 лет, прозвучали и вовсе печальные цифры: русские в Союзе композиторов Татарстана составляют 10%, а в Союзе писателей РТ – 6%⁵. В этих условиях появляется и обсуждается концепция государственной национальной политики Республики Татарстан, которая на словах

содержит основные мультикультурные нормы, но ни слова не говорит о включении в процесс общегосударственного нациестроительства. Таким образом, отдельные концепции, разрабатываемые в этнотерриториальных образованиях РФ, не приведут к созданию целого, под которым подразумеваются и общенациональная идея, и гражданское общество, и полиэтничная нация. Частные случаи интерпретации мультикультурализма показывают лишь необходимость действий его в рамках целостной общегосударственной политики и общегражданской позиции.

С.Р. ДЕРЯБИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Рафаэль Хаким (Р.С. Хакимов). Сумерки империи (К вопросу о нации и государстве). – Казань: Таткнигиздат, 1993. С. 33.

² Министерство культуры РТ. Сборник нормативных и директивных документов. – Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 111.

³ Культура Татарстана 1997-2002 гг. (Информационно-справочный материал к 3-му Всемирному конгрессу татар). – Казань, 2002. С. 177-179.

⁴ Там же. С. 137-138.

⁵ Звезда Поволжья. – №43 (8-14.11.07).

ФАКТОРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧУВАШЕЙ ПРИУРАЛЬЯ

(по материалам полевого обследования в 2006-2007 гг.)¹

Процесс этнокультурной идентификации этнических групп связан с влиянием целого ряда факторов: языкового, исторического, территориального, социального, этнокультурного, геополитического и т.д. В совокупности они образуют конкретную социоэтнокультурную среду, в которой формируется самосознание членов этнического сообщества. При ее характеристике обычно отмечают либо однородность в этнокультурном смысле (мононациональная среда), либо указывают на многосоставность, определяя как многонациональную. Последняя привлекает особый интерес для изучения процесса этнокультурной идентификации в силу специфики воздействия известных факторов, а также сложности и нестандартности типов и форм идентичности.

В основу данной статьи легли результаты полевого обследования чувашей центральных и западных районов Башкортостана (РБ) и юго-востока Татарстана (РТ), проведенного в 2006-2007 годах и охватившего 10 смешанных селений, представляющих различные варианты совместного проживания чувашей с другими народами: удмуртами, русскими и татарами (сс. Потапово-Тумбарла, Удмуртские Ташлы Бавлинского р-на РТ), татарами и башкирами (с. Суккулово Еремеевского р-на, с. Базгиево и д. Кучук Шаранского р-на РБ), с кряшена-

ми и татарами (с. Старые Маты Бакалинского р-на РБ), марийцами (с. Юмашево Чекмагушевского р-на РБ), мордвой (сс. Намкино Аургазинского р-на и Ильтерьяково Кармаскалинского р-на РБ), русскими, татарами и башкирами (с. Айгулево Стерлитамакского р-на РБ). Изученные селения, несмотря на ограниченное количество, представляют репрезентативный материал и отражают реальные формы этнокультурной идентификации чувашей в регионе. Для изучения темы привлекались данные статистики и экспедиционные материалы: интервью, наблюдения.

С учетом многонациональности селений основное внимание уделялось изучению языкового, конфессионального и, шире, этнокультурного факторов. Закономерности функционирования языка и этнической культуры чувашей в этнически смешанных селениях находятся, предположительно, в зависимости, с одной стороны, от численного соотношения этнических групп (варианты чувашско-удмуртских селений), а с другой стороны, от этнических, языковых, конфессиональных характеристик взаимодействующих групп (чувашаи/башкиры/татары, татары/кряшены/чувашаи, чувашаи/русские, чувашаи/мордва). Значимым показателем межэтнического взаимодействия в смешанных селениях являются межнациональные браки.

Одним из основных факторов этнокультурной самоидентификации чувашей Приуралья является язык. Им владеет большинство сельского населения и горожан в первом поколении (ПМА 6). Он преподается почти во всех моноэтнических селениях Башкортостана, причем в 40% их них как предмет. Язык функционален в семье и в общении сельчан-жителей компактных кустов чувашских селений и обеспечивает относительно устойчивое воспроизводство населения. По сравнению с другими регионами России в Башкирии выявлены наименьший показатель снижения роста численности чувашского населения за межпереписной период (1989-2002 годы) – 1% и довольно высокие показатели приверженности чувашей родному языку – 82,7% в среднем (1989 год) и 93,4% в сельской местности (Иванов 2005: 267, 280, 282).

В изученных селениях чувашский язык функционирует на бытовом уровне среди старшего поколения во всех селениях, но молодежь приобщена к нему в семье и через школу только в тех, где чувашки составляют численное большинство: Потапово-Тумбарла, Юмашево, Суккулово, Наумкино. В остальных языковая ситуация складывается по-разному.

В Удмуртских Ташлах, где чувашки составляют численное меньшинство (8,7%), идет их языковая и этническая ассимиляция. Чувашки переходят на удмуртский язык общения не только в общественных местах, но и в семьях, в результате чего он становится для них родным (ПМА 1: Иванова). Этот процесс обусловлен, с одной стороны, межэтническими браками, а с другой стороны, влиянием языковой среды большинства.

К примеру, в семье К.И. Афанасьевой (1921 г. р.) сын понимает по-чувашски, но не говорит, женат на чувашке из Аксубаевского района. Поначалу супруги разговаривали по-русски, пока сноха не освоила удмуртский. Теперь в этой семье параллельно существуют три языка общения: Клавдия Ивановна со снохой разговаривает по-чувашски, с сыном и внуками – по-удмуртски, сын с женой по-русски, иногда по-удмуртски, а с детьми – по-удмуртски. При этом все в этой семье по документам числятся чувашами. (ПМА 1: Афанасьева). Таким образом, на этом примере мы наблюдаем языковую ассимиляцию чувашей при сохранении этнического самосознания.

Не менее интересно складывалась языковая ситуация среди чувашей в Суккулово (представлена ниже в оценке местных жителей). Поколение родившихся до войны свободно владеет чувашским, татарским языками (понимают при этом башкирский) и многие – также русским. Послевоенное поколение 1950-1960-х гг. р. татарским владеют слабо, но гораздо лучше русским, а их дети 1970-1980-х гг. р. общаются и на чувашском, и на русском одинаково хорошо. Поколение 1990-х и дети школьного возраста предпочитают, зная чувашский, разговаривать между собой и с родителями на русском языке. Позиции чувашского языка во многом сохраняются благодаря преподаванию его в школе. Тем не менее языком межэтнического общения для взрослого населения по-прежнему остается татарский, постепенно вытесняемый русским языком, хотя многие татары, особенно старшее поколение, знают и чувашский (ПМА 2: Аюпова).

Уникальная языковая ситуация сложилась на протяжении XX в. в с. Базгиево, которое, учитывая историю и этническую принадлежность большинства жителей (53,85% – чуваш²), в округе считается чувашским. Но местные чуваша говорят на татарском языке и считают его родным. Чувашским языком владеют только переселившиеся из других чувашских селений (например, из с. Дюртюли), в их числе преимущественно невестки. Подобная ситуация не могла сложиться без длительного и мощного влияния татарского языка и культуры, что подтверждается преданиями и историческими данными. Селение было основано в середине XVIII в. чувашами, к которым с конца столетия стали подселяться татары, преобладавшие также в окружающих Базгиево селениях (ПМА 3: Игнатъева, Петров; Асфандияров 1993: 43-45).

Уже в начале XX в. татарский язык становится престижным языком домашнего общения в образованных и состоятельных семьях базгиевцев, а к 20-30-м годам – нормой внутрисемейного общения всех жителей: дети, рожденные в эти десятилетия, воспитывались на татарском языке, при том, что их родители владели чувашским. Последний прекратил существование вместе с поколением, рожденным в первое десятилетие XX в. и теперь уже ушедшим из жизни. В качестве родного языка в базгиевской школе преподается татарский язык (ПМА 3: Петров, Андреева). Таким образом, за первую половину XX в. произошла языковая ассимиляция (отатаривание) базгиевских чувашей, которая повлекла и частичную этническую ассимиляцию части населения. По данным местной статистики более трети жителей

Базгиево – татары (34,87%³), большинство из которых либо родились в этнически смешанных семьях, либо являются потомками татароязычных чувашей.

Несколько иная форма проникновения татарского языка в чувашскую среду прослеживается с. Старые Маты. Исторически чуваша численно преобладали, поэтому деревня во всех официальных документах считалась чувашской, но при этом обучение в школе велось на русском и татарском языках, что вело к постепенному вытеснению чувашского языка в семейно-бытовую сферу и формированию устойчивого чувашско-татарского билингвизма (ПМА 4).

Татарское влияние заметно и в языке жителей д. Кучук. Местные чуваша не просто поголовно владеют татарским языком, что еще раз подтверждает типичность чувашско-татарского билингвизма для северо-западных районов Башкортостана, но и говорят по-чувашски с татарским акцентом (ПМА 3: Бурлакова). Аналогичное явление было отмечено и в с. Юмашево, но позиции чувашского языка здесь более устойчивы и вызывают «чувашизацию» марийцев. Чувашский язык через школу осваивают не только марийские, но и татарские дети из соседних деревень, завершающие обучение здесь в 10-11 классах (ПМА 5). Этому способствует серьезное отношение к преподаванию чувашского языка в школе: полный курс с 1 по 11 классы с переводными и обязательным выпускным экзаменом после 11 класса. В школьной библиотеке имеется 2000 единиц хранения на чувашском языке – учебников, художественной литературы и публицистических изданий.

Полная противоположность вышеописанной ситуации наблюдается в чувашско-русском с. Айгулево. Чувашский язык здесь не преподается с 1948 года вследствие якобы отсутствия интереса к нему со стороны учащихся и их родителей и «нефункциональности» за пределами селения. Фонд чувашской литературы в сельской библиотеке составляет около 6%, но и он востребован редко. Единицы жителей выписывают республиканскую чувашскую газету «Урал сасси». Как следствие, поколение детей 1990-х годов рождения почти не владеет родным языком или владеет им слабо (ПМА 9). Таким образом, слабость позиций языка угрожает сохранению чувашской идентичности жителей села. По ряду указанных признаков языковая ситуация в Айгулево резко отличается от положения дел в моноэтничных чувашских селах прибельского бассейна.

В чувашско-мордовском селении Наумкино чувашский язык как фактор этнической идентификации выступает в корреляции с другими языками: эрзянским как языком соседа, русским и татарским как языками межнационального общения. Хотя исторически сложилось взаимное чувашско-мордовское двуязычие, но в межэтническом общении обе группы чаще прибегают к русскому языку. При контактах с внешним миром чуваша были ориентированы преимущественно на татарский язык, значительно уступая своим соседям в знаниях русского (ПМА 7).

До 1960-х годов чуваша обучались в школе по национальной программе (все предметы изучались на чувашском языке), чем сами жители объясняют и

относительно слабый уровень знания чувашами русского языка по сравнению с мордвой, но более высокий по сравнению с чувашами окружающих однонациональных селений. Это же одновременно способствовало сохранению языка по сравнению с эрзянским. В настоящее время чувашский изучают в школе с 1 класса, но в смешанных семьях дети, ссылаясь на якобы трудность изучения чувашского языка, чаще выбирают эрзянский.

Чувашский язык в последние годы активно вытесняется в общении детей русским. Это приводит к тому, что в одной и той же семье 13-15-летние дети владеют им свободно, а 6-7 летние – в пассивной форме, предпочитая (кстати, с одобрения взрослых) разговаривать по-русски. Причину «обрусевания» детей жители видят во влиянии русскоязычной среды детского сада, с одной стороны, а с другой, в общении с городскими детьми во время каникул. Аналогичные причины обычно называют и в других чувашских смешанных и моноэтничных селениях (ПМА 7).

В другом мордовско-чувашском с. Ильтеряково двуязычие – это относительно позднее явление, для старшего поколения оно не характерно (поколение мордвы 20-30-х гг. р., к примеру, чувашским языком не владеет). Чувашский язык по сравнению с эрзянским более востребован в общении в семьях и в общественных местах; чувашскую литературу, составляющую больше четверти общего фонда (28,3%) сельской библиотеки, читают охотнее, чем мордовскую. В школе родной язык изучают до 9 класса (ПМА 8).

Таким образом, влияние языкового фактора (чувашского как родного языка) в смешанных чувашских селениях Приуралья заметно слабее, чем в моноэтнических, а в некоторых исключено вследствие вытеснения чувашского языками соседей и русским. При этом язык как элемент этнического самосознания вариативен по своей значимости и зависит от возраста индивидов, численности группы его носителей, характера межкультурного взаимодействия соседствующих групп, доминирующей культурно-языковой среды. Традиция би- и даже полилингвизма с определяющей ролью татарского языка, характерная для старшего и среднего поколений, вытесняется у молодежи чувашско-русским двуязычием с тенденцией перехода на единственный, русский, язык. Существенную роль в трансляции языкового наследия играет обучение в рамках школьной программы.

В процессе этнокультурной идентификации язык выступает в комплексе с этнокультурными факторами, прежде всего конфессиональным. Наиболее показательным это сочетание на примере с. Базгиево, жители которого – татароязычные чуваша – настойчиво подчеркивают свою самобытность в религии – православии. Небольшая группа жителей пытается восстановить церковь. В обрядовую культуру местных чувашей прочно вошли христианские праздники: Рождество, Пасха, Троица, Ильин день и др. Вероятно, именно православие удержало чувашей от окончательного отатаривания. Но при этом базгиевцы соблюдают и «языческие» обычаи, особенно в похоронно-поминальной обряд-

ности: например, набирая воду из ручья для обмывания покойного, жертвуют духу воды нитки, поминают по четвергам в течение пяти недель, исполняют особый поминальный напев (провождения) на 40-й день (последний, правда, поют на татарском языке, но на чувашскую мелодию *юпа юрри*; совпадает и содержание текста). Базгиевцы проводят также ритуал «провождения души» (*хывни*), устраивают «прощание с душой» на 41-й день (*салам*), выходят на кладбище на семик. Все эти элементы сохраняются вопреки стремлению местных христиан при поддержке церкви внедрить христианские (ПМА 3: Игнатьева, Петров).

В Старых Матах православие, наоборот, выступило консолидирующим фактором чувашей и кряшен и способствовало формированию надэтнических религиозно-обрядовых комплексов. Свадебный и похоронно-поминальный обряды кряшен фактически представляют собой татароязычный вариант соответствующего блока чувашской обрядности. В ходе интенсивного межэтнического общения обе группы настолько сблизилась к середине XX в., что сегодня представляют почти единую в культурном отношении, но двуязычную общность. При этом в интеграционный процесс втянуты и местные мусульмане – татары и башкиры, которые, например, за неимением своего кладбища хоронят покойных на одном с христианами (ПМА 4).

Православие культурно сблизило население чувашско-мордовских и чувашско-русских селений, постепенно вытесняя этнически значимые элементы обрядности. Поэтому, сравнивая свои

обряды, чувашаи, мордва и русские нередко затрудняются сразу выделить отличительные черты. Тем не менее в каждом селении фиксируется целый ряд элементов традиционного религиозно-обрядового комплекса, очерчивающих этнокультурные границы между соседствующими группами. Показателем их актуальности служит то, что эти различия осознаются жителями. Так, мордва в Ильтеряково упоминают в качестве таковых «мордовские» пельмени (больше по размерам чувашских), напиток *лоза* у мордвы (у чувашей *сара*), вечернее поминовение на 40 дней у чувашей (у мордвы днем), обычай «приглашения» и «провождения» души покойного на поминках и жертвоприношение *хывни* у чувашей, отсутствующие у мордвы. Мордва отмечают также, что чувашаи чаще пекут пирожки с начинкой из внутренностей животного и обязательно пьют чай после еды, едят конину (считается у мордвы грехом), поют особую поминальную песню, раздают на поминках суровые нитки (а мордва только мыло и платки), оставляют на кладбище ритуальную утварь (мордва расценивает это негативно), а на кресте зажигают свечку, которая должна догореть, прежде чем родственники покинут кладбище (ПМА 8).

Наумкинские чувашаи отмечают как «свои» гадания на Новый год *нартукан*, обряд изгнания злых духов и очищения *серен* (сущ. до 1980-х годов), осеннее поминовение предков *ваттисене асанни* с гостеванием родственников по мужской линии, проведение *хывни* на поминках, проведение ритуала приобщения к предкам *хуаштарса яни* с жертвоприношении-

ем, гостевание родственников во время пасхального цикла, а в прошлом – молений на озере Азейкуль. Чувашаи также прекрасно знают о том, что на похоронах и поминках мордва причитают, а впереди похоронной процессии идет человек с тарелкой блинов, что на поминки к мордве ходят только по приглашению (в настоящее время этот обычай нарушается чувашаими вследствие многочисленных дружеских и родственных контактов). Мордва, по мнению чувашей, более склоняется к православию (ПМА 7: Федоров).

Аналогичные этнокультурные маркеры существуют и в с. Айгулево. Так, русские отмечают, что во время поминок они подают блюда на стол последовательно, а чувашаи – все сразу; сам обряд совершается ими ночью. Чувашаи описывают целый ряд «своих» обычаев: зажигание свечей, обычай встречи и проводов души на поминках, различие во время осенних поминок, а также то, что у чувашей принято на поминки приносить угощение («русские вообще ничего не приносят, только поедят и уйдут»). Отличительные признаки отмечают чувашаи и в обычаях помряскинских кулугур («у них на поминках одна миска на пять человек и деревянные ложки – не наедаешься»; «все время постятся») (ПМА 9).

Слабость позиций чувашского языка и влияние православия компенсируются в Айгулево наличием довольно устойчивого комплекса «языческих» обрядов, преимущественно в похоронно-поминальной обрядности. Это правила обмывания и обряжения тела покойного, выкуп земли на кладбище, жертвоприношение хозяину кладбища, *хывни* на кладбище и дома, приглашение и проводы

души покойного на поминки с прыганием через костер, исполнение поминального напева *лумилке юрри*, раздача подарков, в т.ч. и ниток, установление намогильных столбов, проведение ритуала приобщения души покойного к ранее умершим родственникам – *хуташтарни* и заключительного ритуала угощения мясным пирогом и пивом – *Аса курки*. До начала 1990-х годов бытовал обычай «четверговых» поминок, вытесненный «воскресным поминовением»; обычай осеннего поминовения предков *керхи хывни* сопровождается гостеванием родственников по мужской линии *несел* и др. (ПМА 9).

Другой причиной сохранения и даже реанимации «языческого» комплекса у чувашей служит соседство с некрещеными удмуртами (ПМА 1: Максимова, Уд. Ташлы) и марийцами (ПМА 5а, Юмашево)

Наличие соседа – «чужой» в религиозном, языковом, культурном отношениях этнической группы – актуализирует параметры собственной культуры и мобилизует ресурсы для сохранения своей самобытности. Но это правило действует лишь в случае большой культурной дистанцированности соседей, например, резких конфессиональных различий, таких как православие и ислам (Базгиево), язычество и православие (Ильтеряково, Айгулево), православие и старообрядчество (Айгулево). В свою очередь, культурная дистанция обуславливает изоляцию и территориальное обособление этнических групп, что было выявлено также среди других национальных меньшинств Башкирии: марийцев, мордвы, удмуртов. Обще-

распространенными явлениями стали отдельные кладбища, культовые места и этнические «концы» селений, создающие микромир «своей» культуры, который, безусловно, выступает одним из факторов и показателей этнокультурной идентификации.

Таким образом, влияние этнокультурного фактора проявляется, с одной стороны, в сохранении элементов традиционной культуры как основы идентификации, а с другой – в создании надэтнического уровня культуры путем «забвения» и вытеснения части этнокультурного пласта христианским, заимствования иноэтнических элементов. Этнокультурный фактор, прежде всего конфессиональный, коррелирует с языковым и компенсирует его недостаточное влияние за счет соответствующего комплекса традиционных верований или православия.

Отмеченная выше тенденция культурно-языкового и территориального обособления дополняется предпочтением однонациональных браков межэтническим. В селениях с численным преимуществом чувашей (Айгулево, Наумкино, Потапово-Тумбарла, Суккулово) моноэтнические чувашские браки составляют от 65 до 80%; исключение составляет Базгиево, где при почти 54%-м преобладании насчитывается менее трети (31,8%) однонациональных пар. Мононациональные семьи – еще один значимый социальный фактор этнокультурной идентификации чувашей Приуралья⁴.

Е.А. ЯГАФОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Исследование выполнено на средства грантов РГНФ и Президиума РАН.

² Подсчеты автора на основе данных похозяйственных книг с. Базгиево (ПМА 3).

³ Остальные 11,28% населения составляют русские, башкиры, марийцы, корейцы, казахи и узбек: Подсчеты автора на основе данных похозяйственных книг с. Базгиево (ПМА 3).

⁴ Подсчеты произведены автором на основе данных похозяйственных книг соответствующих сел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Асфандияров 1993 – Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 4. – Уфа, 1993.

Иванов 2005 – Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. – Чебоксары, 2005.

ПМА 1 – Полевые материалы автора, 2006. Республика Татарстан: Бавлинский р-н. Удмуртские Ташлы (Афанасьева К.И., 1921 г. р., ур. с. Удмуртские Ташлы; Иванова В.А., 1931 г. р., ур. с. Удмуртские Ташлы; Козлов В.Н., ур. Потапово-Тумбарла).

ПМА 2 – Полевые материалы автора, 2006. Республика Башкортостан: Еремеевский р-н., с. Суккулово (Аюпова Р.Р., 1979 г. р., ур. с. Суккулово).

ПМА 3 – Полевые материалы автора, 2006. Республика Башкортостан: Шаранский р-н, с. Базгиево (Андреева П.Н., 1923 г. р., ур. с. Базгиево; Игнатъева Р.Т., 1947 г. р., ур. д. Яблаково Илишевского р-на; Петров В.А., 1930 г. р., ур. с. Базгиево), д. Кучук (Бурлакова М.М., 1941 г. р., ур. с. Наратасты Шаранского р-на).

ПМА 4 – Полевые материалы автора, 2006.

Республика Башкортостан Бакалинский р-н, с. Старые Маты.

ПМА 5 – Полевые материалы автора, 2006. Республика Башкортостан: Чекмагушевский р-н., с. Юмашево (Иванова В.А., 1940 г. р., ур. с. Юмашево; Соколов В.В., 1960 г. р., ур. с. Юмашево; Соколова С.М., ур. с. Юмашево; Тихонов Г.К., ур. с. Юмашево).

ПМА 5а – Полевые материалы автора, 2003. Республика Башкортостан: Чекмагушевский р-н., с. Юмашево.

ПМА 6 – Полевые материалы автора, 2000, 2002, 2004. Республика Башкортостан: Аургазинский Бижбулякский, Еремеевский, Кармаскалинский, Миякинский, Стерлибашевский, Федоровский р-ны.

ПМА 7 – Полевые материалы автора, 2007. Республика Башкортостан: Аургазинский р-н, с. Наумкино (Афанасьева Л.Е., 1941 г. р., местн.; Афанасьев В.Н., 1941 г. р., местн.; Федоров Н.Т., 1930 г. р., местн.)

ПМА 8 – Полевые материалы автора, 2007. Республика Башкортостан: Кармаскалинский р-н, с. Ильтерьяково (Аркадьева Г.П., 1963 г. р., местн., Михайлова А.В., 1964 г. р., местн.; Буйлова П.И., 1925 г. р., местн.; Буйлова О.И., 1930 г. р., местн.)

ПМА 9 – Полевые материалы автора, 2007. Республика Башкортостан: Стерлитамакский р-н, с. Айгулево (Андреева А.А.; Евдокимова Х.В., 1936 г. р., местн., Евдокимова В.Н., 1946 г. р. ур. д. Кунакбай того же р-на, с 1969 г. живет в Айгулево).

ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(от прошлого к настоящему)

*Прогресс мысли в том, что достигнутую цель
она превращает в средство для дальнейшей цели.*

В.Ключевский

По справедливому замечанию философа И.А. Ильина, Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. К. Аксаков подметил необыкновенную сознательность и логичность хода явлений в российской истории. В научной литературе отмечается, что внутренний стержень, задающий системный строй, логичную органическую подпочву тока российской жизни, обусловлен географической средой – самой стихией, естественной реальностью обитания русских, и железная логика обеспечения расширенных циклов производства ставила перед лицом экспансии. Отечественную колонизацию нужно рассматривать не как следствие природной агрессивности, не как врожденный имперский комплекс, а как суровую экономическую необходимость. Российское имперостроительство было вынужденным: инспирируясь низкоурожайным малоземельем исходно оно нацеливалось на приращение географического богатства страны как предпосылки ее выживания. Как отмечает

В.В. Ильин, существуют два способа наращивания географического пространства – талассократия и теллуократия: захват территорий морским и земным путем¹. При этом он ссылается на С.М. Соловьева: «Всем племенам Европы завещано историею высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено совершать это дело морским, восточному племени, славянскому, сухим путем»². По утверждению Н.Я. Данилевского, удел России состоит не в том, чтобы покорять и угнетать, а освобождая, восстанавливать.

Мировой опыт колонизации подтверждает это. Так, освоение Северной Америки сопровождалось насильственным переселением и массовым уничтожением индейцев, а освоение Австралии протекало как планомерная ликвидация аборигенов. В российской практике колонисты действовали не огнем и мечом, не инкорпорацией через отчуждение, а переселением и перениманием образа жизни. Можно выделить некоторые черты русской колонизации:

1. Бескровность, обеспеченная свободным расселением, а не государственным завоеванием³. Результатом этого было предоставление неконкурентоспособной периферии шанса выхода в мировую историю с гарантией этнического сохранения.

2. Централно-административное властвование как закономерность, диктуемая поиском оптимального модуса бытия для выживания и относительно органичного развития.

3. Сохранение у покоренных народов культурно-национальной автономии. Вступая на новые территории, русские не разрушали местные типы культур, а вживались в них. Национальное сознание русских формировалось в тесном контакте с другими народами. Ф. М. Достоевский отмечал, что если у француза есть гордость, любовь к изяществу, у испанцев – ревность, у англичан – честность и дотошность, у немцев – аккуратность, то у русских есть умение понимать и принимать все другие народы.

4. Веротерпимость. Отношения Киевской Руси и Волжско-Камской Булгарии до монгольского нашествия строились на добрососедстве, и это при том, что они исповедовали разные религии. В первой половине XVI столетия растет авторитет Московского княжества. Историки отметили одну из особенностей политики Ивана Калиты – принцип этнической терпимости и равноправия всех поселившихся в Москве. Энергичный человек любой национальности при условии принятия православной веры мог достичь при княжеском дворе высокого поста. Есть и другой пример. После объявления ламами Екатерины II хубилганом богини

Дара-эхэ в Санкт-Петербурге был построен величественный буддийский храм. В 1773 году вышел сенатский указ «О терпимости всех вероисповеданий», провозгласивший политику веротерпимости на многонациональных окраинах России. В 1775 году последовал указ о том, чтобы «снабдить» казахов муллами. В 1778 году было учреждено Уфимское Духовное магометанское собрание, осуществлявшее руководство мусульманским духовенством в Оренбургском крае. Самостоятельная Оренбургско-Уфимская епархия была создана в 1799 году. История взаимоотношений христианства и ислама в России не обходилась и без драматизма. Но историю нельзя осуждать, на ее опыте нужно учиться, совершенствоваться. История этих взаимоотношений насыщена и позитивными результатами, одним из которых является опыт сосуществования славяно-православной и тюрко-мусульманских сообществ в России. Этот опыт завершился формированием государства, единого духовного пространства, особого менталитета, свойственного многонациональной России. Само название «Россия» как обозначение страны появилось в источниках во второй половине XV в., а столетие спустя вошло в титул московских царей. Наряду с названиями «Русия», «Россия» в XVI-XVII вв. употреблялся термин «Московское государство». После принятия в 1721 году Петром I титула «Отца Отечества и Императора Всероссийского» Русское (Московское) государство стали именовать Российской империей. В систему духовных ценностей Российской империи с ходом времени входили понятия

«Отечество» и «патриотизм». Слово «патриотизм» вошло в русский язык в 1717 году. Впервые оно было употреблено П.П. Шафировым в его сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны». Отечество отождествлялось с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения, постепенно вырабатывалось представление «мы – россияне». Совместное проживание носителей многих культур и языков в рамках одной страны и в составе русского народа являлось характеристикой нашего государства на протяжении всей его истории. Сила России всегда была в ее многонациональности, так как великое государство Европы и Азии создавалось национальной общностью, которая утверждала свою культуру и волю на целом этнографическом материке. Народы России приобщились к мировой культуре через великорусскую. В начале XX в. жизненным кредо русского населения стал лозунг самоопределения народов, который после революции реализовался в форме федеративного строя. Методы командования и репрессий, которым подвергались целые народы, характерны для национальной политики бывшего СССР, это задержало развитие страны по пути превращения в подлинную семью народов с их самостоятельными государственными образованиями. Как отмечает Н. Макиавелли, император Филипп Македонский, отец Александра, «перегонял жителей из страны в страну подобно тому, как пастухи перегоняют скот⁴. В бывшем СССР с 1939 по конец 1940-х годов полной или частичной депортации были подвергнуты 20 этносов

(поляки, финны-ингерманландцы, немцы, крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, турки-месхетинцы, курды, корейцы), что составило 2,75 млн. человек. Следует отметить, что многие из депортированных народов на момент принятия соответствующего решения имели собственные национально-государственные образования в виде автономных республик и автономных областей. Поволжские немцы – АССР немцев Поволжья, карачаевцы – Карачаевская АО, калмыки – Калмыцкая АССР, балкарцы – Кабардино-Балкарская АССР, крымские татары – Крымская АССР в составе РСФСР, чеченцы и ингуши – Чечено-Ингушская АССР. В конце 50-х годов численность чеченцев в процессе депортации сократилась примерно на 50%, крымских татар – на 46%, калмыков – на 30%. Большинству депортированных народов было разрешено вернуться на свои исторические территории, но «склеенный кувшин» давал о себе знать: административный передел, проведенный в результате депортации, переселение на покинутые земли представителей других народов привели к появлению новых межэтнических конфликтов (осетино-ингушского, чечено-лакского).

Крайней формой развития любого конфликтного противостояния являются вооруженные действия. Примером сценария силового реагирования является чеченский конфликт, имеющий две вооруженные фазы. Первая длилась 21 месяц – с декабря 1994 по август 1996 года. Вторая фаза началась в августе 1999 года, говорить о ее завершении на сегодняшний день не приходится. Для всех народов бывшего СССР не прошли бесследно и

годы атеизма, когда разрушались культовые здания, репрессиям подвергались священнослужители. Как заметил П. Буаст, «атеизм почти так же опасен, как фанатизм».

В национальных отношениях отражается вся совокупность социальных отношений, причем политические аспекты являются ключевыми, решающими. Непосредственно к сфере политики относятся такие вопросы, как национальное самоопределение, равноправие наций, подготовка и представительство национальных кадров в структурах власти. Национальная политика в России должна учитывать уникальность страны в этнонациональном и конфессиональных отношениях. Федерация – проверенная опытом многих стран эффективная форма государственного устройства, но непременным условием ее прочности является равноправие входящих в нее субъектов. Напряжение в сфере межнациональных отношений исчезнет только тогда, когда каждый гражданин выработает в себе уважительное отношение к другим народам, их культуре, бытовому, историческим ценностям. Если сравнивать ситуацию в России середины 90-х годов, когда проявлялись конфликты в сфере этнокультурного развития, противоречия возрождения религиозной жизни страны, с настоящим временем, то сегодня наблюдается высокая степень консолидации российского общества, возросшая активность общественных объединений, способствующих этноконфессиональному диалогу. Директор Института этнологии и антропологии РАН доктор исторических наук профессор В.А. Тишков, выступая на пленарном за-

седании VII Конгресса этнографов и антропологов России в Саранске, отметил значение деятельности этнокультурных объединений, национально-культурных автономий в Российской Федерации. При участии этнокультурных сообществ в некоторых субъектах федерации подготовлены соглашения о гражданском мире и согласии между органами государственной власти и общественными объединениями, разработаны региональные целевые программы поддержки значимых мероприятий. Этнокультурное развитие характеризуют организации в поддержку языка и традиций, школы народной кулинарии, кружки самодеятельности, объединения любителей старины. В эту работу все больше и больше вовлекаются дети и молодежь. Распространенным явлением стали летние лагеря для изучения языка своего народа или проведение фольклорной экспедиции. Валерий Александрович констатировал увеличение числа религиозных организаций: если в 1996 году их насчитывалось около 13 тыс., то в 2006 году – уже более 22,5 тыс. Крупнейшая из конфессий – Русская православная церковь – значительно расширила свое влияние: зарегистрировано 12 тыс. ее приходов, монастырей, епархий. Растет число организаций и приверженцев других традиционных для России конфессий. Духовной потребностью для православного или мусульманина стало посещение святых мест нашей страны или за рубежом. Основную деятельность в этом направлении ведут Русская православная церковь, Духовное управление мусульман Центрально-Европейского региона России. Как заметил В.А. Тиш-

ков, интерес к святыням разных религий никак официально не стимулируется. Он – часть мировоззрения сограждан, примета нашего времени, которая заслуживает одобрения и признания. Религиозные организации ведут большую социальную работу. При культовых заведениях открыты и действуют благотворительные столовые, монастыри содержат свои трапезные, открытые для нуждающихся и малоимущих. Жизнь и вызовы времени требуют нахождения новых форм деятельности: оказание помощи людям, страдающим алкоголизмом, большим СПИДом, наркоманией. Мигранты, переселенцы и беженцы также нуждаются в помощи и поддержке, это задача государства и должностных священнослужителей, первые шаги в этом направлении сделаны. Правомыслен вывод, сделанный В.А. Тишковым: «Только теперь начинает наконец формироваться новая система отношений, которая давно и прочно утвердилась в европейских странах. Этническая и религиозная жизнь – это в самой малой степени «территория ответственности» государства. Этническая и религиозная жизнь – это выбор и труд самого гражданина, созданные им в содружестве с другими гражданами организаций и союзов. Этническая и религиозная жизнь

– право человека оставаться самим собой, быть не похожим на других. Это никак не снижает требований подчиняться общим законам, сосуществовать вместе, крепить гражданскую солидарность ради процветания государства»⁵. Достигнутый прогресс мысли в сегодняшней России при потерях многого в ее непростой истории, при заплаченной высокой цене опирается на достигнутую цель, синтезировавшую традицию и модернизацию, что должно стать средством для дальнейшей цели – упрочения достигнутого Россией модернизационного уровня и дальнейшего его углубления.

И.М. ГАБДУЛГАФАРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ильин В.В. Россия и Европа – путь в будущее: вместе или врозь (политологические заметки о России и ее национальных интересах). Социально-политические исследования. 1994, № 3. С.25.

² Соловьев С.М. Избранные труды. – М., 1883. С.28.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. С.24.

⁴ Макиавелли Н. Избр. соч. – М., 1982. С.422.

⁵ Тишков В.А. От «дружбы народов» к дружному народу. VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. – Саранск, 2007. С. 8.

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ КАК СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Вопрос о том, что целенаправленные действия по управлению знаниями повышают эффективность организации, является невероятно ценным и актуальным. Как показали исследования, для эффективного управления знаниями необходимо наличие таких факторов, как организационное взаимодействие, доверие, общепринятые нормы и ценности.

Именно наличие опосредующего психологического фактора может стать интегратором межличностных отношений в процессе этнического взаимодействия. Таким интегрирующим фактором в этническом коллективном взаимодействии, согласно Ю.П. Платонову, является социальная направленность этнического субъекта. Социально-психологическая основа активности этнического субъекта, в нашем случае национально-культурного объединения, представляет собой сложную трехкомпонентную структуру, включающую в себя когнитивный, аффективный и практический компоненты. Каждый компонент отличается собственным набором психологических характеристик этнического субъекта социального взаимодействия.

Когнитивный компонент, направленный на осознание объекта социальной активности, раскрывается через целенаправленность и мотивированность. Аффективный компонент включает эмоциональную оценку объекта, проявление

симпатий и антипатий к нему и прослеживается через эмоциональность и стрессоустойчивость.

Интегативность, организованность и коллективность характеризуют практический компонент, отражающий последовательное поведение по отношению к объекту, к знаниям, которые и обеспечивают собственно эффективность и результативность деятельности структурных организаций.

В настоящее время существуют различные способы, с помощью которых достигаются благоприятные условия для установления и развития межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений.

К одному из способов можно отнести проведение таких мероприятий, как фестивали, праздничные встречи, музыкально-культурные гостиные, заседания президиумов национально-культурных объединений и автономий, которые дают возможность своим членам познакомиться друг с другом, с той работой, которую организуют собственное национально-культурное объединение и представители других этнических субъектов.

В выделенных структурных элементах особое значение приобретает целенаправленность, отражающая готовность этнического субъекта к достижению групповых целей этносоциального взаимодействия.

Цель взаимодействия является исходным пунктом развертывания всех форм внутригрупповой активности. Это организующее и системообразующее начало взаимодействия. Цель взаимодействия можно рассматривать как феномен опережающего отражения, как идеальное представление будущего результата, которое определяет характер и способы этносоциального взаимодействия. Практика наблюдения указывает, что мотивированность как характеристика этнического субъекта играет важную роль и раскрывает особенности активного, заинтересованного отношения к этносоциальному взаимодействию. Она представляет собой особую сопряженность мотивов в конкретной социальной ситуации, процесс осознания субъектом потребности в достижении этносоциальных групповых целей. Эти цели могут быть разного уровня, начиная от участия в совместном концерте областного фестиваля народов до согласованного соучастия в открытии «своего» национально-культурного подворья.

В отношениях к взаимодействию проявляется эмоциональность, формируемая под влиянием обстоятельств, которые приобретают эмоциональную значимость для каждого представителя национально-культурного объединения и избирательно вызывают позитивное, нейтральное или негативное отношение членов объединения к различным сторонам взаимодействия. Эмоциональность выражается прежде всего в удовлетворенности членов национально-культурных объединений реализацией этносоциальных целей.

Следует остановиться на стрессоустойчивости, важной характеристике этнического субъекта как фактора взаи-

модействия. Указанная характеристика отражает способность согласованно и быстро мобилизовать эмоционально-волевой потенциал для противодействия различного рода деструктивным силам. Развитие стрессоустойчивости обеспечивается степенью включенности членов этнической группы в социальное взаимодействие, содержанием взаимодействия, адекватным отражением причин эмоциональной напряженности, уровнем социально-психологического развития и организованности этнического объединения, степенью принятия членами объединения своих функционально-ролевых обязанностей по нейтрализации дисфункций, подавлению деструктивных проявлений в текущей деятельности организаций.

Интегативность раскрывает генезис интегративных процессов в этнических коллективах и представляет несомненный практический интерес, так как в социальном взаимодействии этнических субъектов наблюдается наличие двух социально-психологических процессов: интеграции и дифференциации. Интеграционные процессы обеспечивают необходимые для этноса монолитность, структурированность, согласованность, позволяющие рассматривать его как единое целое. Общение как способ организации внутригруппового взаимодействия способствует проявлению интегративных феноменов этнического субъекта, таких как межличностные отношения, психологический климат и т.д. Выделение этих факторов в качестве показателей социальной направленности этнического субъекта и фактора взаимодействия обусловлено особенностями процессов самоуправления и самоорганизации объединения, сообщества

на всех этапах их жизнедеятельности. При этом необходимо отметить, что организованность этнического субъекта связана прежде всего с функционально-ролевыми взаимодействиями, поскольку каждый член этнического объединения занимает определенное место в ее иерархической структуре. Групповой этнический субъект, как и любой другой, наряду с официальной имеет и неофициальную структуру, наличие которой во многом обусловлено лидерскими процессами, а само лидерство выступает как фактор организованности этнического объединения.

Коллективность характеризуется рядом показателей, внутренне присущих деятельности этнического коллектива, но имеющих разную степень выраженности. Особое значение для процесса управления знаниями приобретают такие психологические характеристики, как инициативность и заинтересованность. Инициативность предполагает выход членов этнического коллектива за определенные нормативные ограничения, неизбежные в любом виде деятельности, а заинтересованность позволяет определить степень мотивированности каждого этнофора в совместной деятельности, в знакомстве с языком, культурой и нормами этноса, сообщества и организации.

Для эффективного обмена знаниями национально-культурное объединение как сообщество должно разработать общие нормы, стандарты, которые обеспечат надлежащий контекст управления знаниями. Согласно исследованиям одним из механизмов, используемых для передачи «памяти» сообщества и знаний организации в целом, является структурированный сторителлинг (storytelling). Содержательный ма-

териал для информационного обеспечения (один из вариантов – создание собственного сайта) может отражать различные стороны. Например, для изучения образа жизни народа и его основных аспектов следует расширить представление о воспитании, образовании, внешности и манерах, личной гигиене, физической культуре, занятиях, досуге, религиозной жизни, нравственном облике. С огромным интересом посетители сайтов познакомятся с обычаями и обрядами народов, разносторонним описанием семейных обрядов. Именно создание такой информационно-ориентировочной основы социального поведения позволит проводить знакомство и разностороннее взаимодействие с социальными и культурными условиями людей. Так, народам Средней Азии и Казахстана испокон веков свойственно уважение к старшим. В обращении к старшим особенно соблюдаются выработанные веками жесты, подчеркивающие учтивость. Например, когда младший подает старшему что-либо, то должен левой рукой поддерживать правую. С помощью рассказов и мультимедийных технологий (открытие и поддержка собственных сайтов), позволяющих визуально представить конкретные ситуации, сообщества можно создавать и передавать основополагающие «правила» в дополнение к внутреннему словарю сообщества. Такая работа служит пусковым механизмом к стимуляции деятельности членов национально-культурных объединений к размышлению и обсуждению своих проблем, сопереживанию чувствам и проблемам других членов и объединения в целом. Отмеченный механизм способствует формированию адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения и в целом

жизнедеятельности личности, поддержке ее интеллектуального и эмоционально-волевого развития.

Такая психологическая характеристика, как дисциплинированность, проявляется в отношении этнофора к нормативным ограничениям, к целесообразности и справедливости требований, к соблюдению правопорядка как ценности. Добросовестность отражает соответствие реального поведения этнофора его функционально-ролевым обязанностям, соответствие поведения и деятельности нормативным предписаниям, которые функционируют в виде традиций, обычаев, групповых мнений и составляют наряду с другими характеристиками образ жизни этнического коллектива. Что касается ответственности, то она раскрывается через совпадение интересов и стремлений членов этнического объединения в принятии ответственности за результаты совместной деятельности. Требовательность означает степень должного отношения этнофора к этническим и социальным нормам, регулирующим поведение и деятельность.

Степень проявления указанных характеристик обусловлена такими психологическими факторами:

– причастность к этническому коллективу и наличие развитых межличностных отношений;

– устойчивость основных интересов членов национально-культурного объединения в совместной общественной деятельности и активное участие в указанной деятельности;

– наличие в субъекте этнического взаимодействия достаточно развитой системы самоуправления и самоорганизации.

В заключение следует отметить, что современный человек во все большей степени должен ориентироваться не столько на накопленный личный опыт, сколько на обобщенный опыт, накопленный семьей, группой, культурой и хранящийся в форме текстов, рассказов, сообщений. Повышается и возрастает роль общения, коммуникации на всех уровнях, начиная с межличностного и заканчивая межкультурным. Эффективность этого общения, взаимопонимания связана с пониманием каждой личностью, каждой группой цели приобретения знаний, норм и ценностей, в границах которых полученные знания применимы без ущерба для других.

Огромное значение приобретают трансляция, взаимообмен накопленного человечеством в различных культурах знания.

Каждый народ, каждая языковая культура, в интересах самосохранения заинтересованная в успехах и росте своих носителей-индивидов, становится прямо заинтересованной в максимальной интеграции знаний, накопленных другими. Исключительное значение при этом приобретает проблема взаимопонимания и доверия между культурами.

Ф.А. ВЕТЛУГИНА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М., 1980.
2. Введение в этническую психологию/под ред. Ю. П. Платонова. – СПб.: Наука, 1999.
3. Гумилев А.Н. Этногенез и биосфера земли. – М., 1995.
4. Крысько В.Г. Этнопсихология. – М., Академия, 2002.
5. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М., 1999.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

(на примере Оренбургской области)

Современное возрождение национального и конфессионального самосознания оказывает большое влияние на жизнь и культуру народов, населяющих регионы России, в том числе и Оренбуржье. Южно-Уральский регион в территориальном, конфессиональном и этническом отношении является одним из крупнейших в России. Оренбургский край, несмотря на свою относительную молодость в плане государственно-административной организации (Оренбургская губерния была официально образована 15 марта 1744 года), в XVIII в. отличался взаимодействием различных этносов, что и обусловило обширность конфессионального пространства региона. Исторический процесс формирования сложной национальной и конфессиональной структуры населения Оренбуржья предопределил наличие специфических интересов и ценностей каждой из этнонациональных и конфессиональных групп, неизбежность противоречий между этими интересами, необходимость их учета и гармонизации.

Этничность, часто выступающая в форме религиозных убеждений, и, наоборот, религиозные установки, имеющие существенную этническую окраску, стали на рубеже двух тысячелетий важнейшим

и опаснейшим фактором социальной конфликтности. Неся, с одной стороны, большую положительную нагрузку посредством возрождения религиозной духовности, процесс возрождения этноконфессиональных ценностей имеет существенный конфликтный потенциал и поэтому требует научного осмысления с точки зрения разработки теоретических и прикладных основ его оптимизации.

Только в недавние годы русские стали объектом специального изучения, в результате чего появились коллективные работы по этносоциологии: «Русские: этносоциологические очерки», «Русские: «образ» народа», «Национальное самосознание русских». Региональные же особенности этносоциального развития русских, проживающих в иноэтничной среде, остаются мало изученными. Это в значительной степени относится и к Оренбуржью.

Процесс «возрождения» этнических и конфессиональных ценностей приобретает особое значение в многонациональных регионах, каким является и Оренбургская область, так как во многом определяет общественно-политическую, морально-психологическую обстановку и является одним из условий обществен-

ного согласия. Оренбургская область, будучи отражением структуры религиозно-конфессиональной общегосударственной модели, демонстрирует такие же тенденции к росту религиозности, что и по стране в целом: увеличивается количество приходов традиционных конфессий; сами традиционные конфессии раскалываются на отдельные, независимые; на конфессиональном пространстве области появляются ранее неизвестные конфессии. Однако, как показывают исследования¹, религиозность, став массовым явлением, реализуется в большей мере не в форме возвращения к ортодоксальной вере, а в поисках духовной опоры личности.

Во многом возрождение и развитие этнокультурных, религиозных традиций в регионе связано с созданием и деятельностью общественных национальных объединений, зарегистрированных в области. Возникнув в течение последних двенадцати лет, национальные объединения демонстрируют определенный уровень национального самосознания населения области, способствуют формированию и сохранению этноконфессиональных ценностей. Кроме того, одним из важнейших аспектов возрождения этноконфессиональных ценностей как русских, так и представителей других национальностей Оренбуржья, является политизация общественных движений и организаций, которая иногда приобретает опасные тенденции.

Для русских Оренбуржья характерны практически те же тенденции возрождения этноконфессиональных ценностей, что и в целом в стране. Однако в связи с тем, что представители русской национальности Оренбуржья издревле проживали в

полиэтнической среде, их этноконфессиональные ценности в своём возрождении и развитии на современном этапе имеют целый ряд характерных черт, в том числе как большая терпимость к иноэтническим явлениям, так и большая выраженность своей русскости, значительное влияние региональной и сословной идентификации. С другой стороны, этноконфессиональные ценности жителей Оренбургской области возрождаются несколько по-иному, чем это происходит в соседних национальных республиках (Башкортостан, Татарстан, Казахстан), где титульными являются народы, представленные в Оренбуржье анклавно очень сильно.

На процесс возрождения этноконфессиональных ценностей русских Оренбуржья накладывается два определенных фактора: во-первых, наличие значительных групп нерусского населения; во-вторых, то, что этноконфессиональные ценности русских Оренбуржья формируются под мощным влиянием преуспевающих в социально-экономическом отношении соседних национальных республик.

В результате проведенных социологических опросов² было выявлено, что русские по сравнению с другими национальностями края значительно больше идентифицируют себя с Россией, чем с Оренбуржьем. Такое положение понятно и хорошо объяснимо: русские ощущают себя титульными по отношению к России и для них сама русскость в социально-политическом отношении больше исходит из российскойскости.

Сравнение с общероссийскими показателями системы этноконфессиональных ценностей, даже по материалам, основанным на анализе информации начала 90-х

годов, показывает, что если ценности русских центральных и столичных регионов и городов ориентированы на общенациональные ценности культуры, литературы, выдающихся политических и духовных деятелей русского народа, то у русских Оренбуржья существенным компонентом в системе этноконфессиональных ценностей являются исторические деятели (местные духовные лидеры, политические лидеры и т.д.), сыгравшие большую роль в развитии края.

Анализ идентификационных характеристик в системе этноконфессиональных ценностей показал, что русские Оренбуржья значительно в большей степени, чем не только русские других регионов, но и нерусские этнические группы самого Оренбуржья, фиксируют этническую принадлежность окружающих их людей.

В конфессиональном значении идентичности у русского населения Оренбуржья больших различий не наблюдается. Так же, как и на общероссийском уровне, русские края пытаются возродить свою религию, которую рассматривают как обязательный элемент этнонационального сознания.

Проблемой, мало разработанной в отечественной социологии применительно к вопросу об этноконфессиональных ценностях, является различие в материальном их аспекте. Имеется в виду, что для русских периферийных регионов России в силу особенной хозяйственной деятельности и специфических климатических условий материальными этноконфессиональными ценностями становятся элементы, заимствованные из культур других народов, в том числе издревле проживающих на этой территории.

Таким образом, изучив систему этноконфессиональных ценностей русского населения в многонациональном российском регионе, можно разработать модель оптимизации этих ценностей в современных условиях.

Очевидно, что ценности, выступая явлением духовно-когнитивного характера, не могут подвергаться прямому регулированию, так как являются проявлением естественного развития индивидуального и социально-группового общественного сознания. Исходя из этого, можно выделить четыре функциональных направления процесса оптимизации этноконфессиональных ценностей:

- законодательно-правовое, которое в данном случае предполагает два главных уровня (федеральный и региональный);
- организационно-политическое направление основывается на определении в организационном смысле оптимального соотношения территориальности и экстерриториальности;
- программно-управленческая составляющая в системе оптимизации этноконфессиональных ценностей направлена прежде всего на выработку научно-обоснованной справедливой политики в области этнического и конфессионального развития;
- образовательно-воспитательное ориентировано на регулирование исключительно духовных сфер общественного развития.

Заимствуя у специалистов характеристику и название отдельных направлений, мы можно предложить анализ оптимизирующе-регулирующего воздействия на систему этноконфессиональных

ценностей по каждому из предложенных направлений, в том числе применительно к этнической группе русских на региональном уровне.

С.В. СПАСЕНКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Социологические исследования в России

(Материалы социологических центров и служб). Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – 47 с.

² Амелин В.В., Рагузин В.Н. Состояние этноконфессиональных отношений в приграничных с Казахстаном районах Оренбургской области (социологический аспект). – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2000. – 40 с.

ВЛИЯНИЕ ВОСПИТАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Период невнимания к воспитанию этнической толерантности в школах, институтах и других учебных заведениях дал целое поколение молодых людей, открытых для расистских идей и негативных стереотипов по отношению к представителям других этносов. В обществе не снижается напряжение в отношении растущего различия в социально-экономическом положении людей, так как эти различия воспринимаются молодежью как отсутствие равенства шансов на получение образования, медицинской помощи и т.д. В связи с этим проблема воспитания молодежи в уважении этнокультурных различий и прав человека является для снижения уровня конфликтного взаимодействия в молодежной среде в современной России очень актуальной.

Анализ ситуации образования молодежи в России позволяет выделить специфические проблемы, обусловлен-

ные историко-культурной традицией российского образования. Государственный заказ на воспитание личности определен в основополагающих законодательных актах Российской Федерации – Конституции Российской Федерации, Законе Российской Федерации «Об образовании», Федеральной программе развития образования, Национальной доктрине образования в Российской Федерации, Концепции модернизации российского образования, Программе развития воспитания в системе образования России. Прежде всего стоит отметить появление среди нормативных актов, стимулирующих научные поиски в понижении возможностей конфликтного взаимодействия в молодежной среде, федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

В ней указывается, что «формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной России особую актуальность, обусловленную сохраняющейся социальной напряженностью в обществе, продолжающимися межэтническими и межконфессиональными конфликтами, ростом сепаратизма и национального экстремизма, являющихся прямой угрозой безопасности страны». В Национальной доктрине образования в Российской Федерации среди приоритетных целей и задач образования обозначены задачи воспитания граждан правового, демократического государства, проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов.

В системе воспитания и обучения России, в том числе и в пограничных регионах, прослеживается тенденция преимущественного выбора этнических ценностей и этнических интересов. Мы же исходим из того, что этнические ценности и интересы содержат возможность формирования и такой гуманистической ценности, как этническая толерантность, влияющей на снижение уровня конфликтного взаимодействия в молодежной среде.

Анализируя научно-практическую литературу, можно выделить три уровня вовлеченности в конфликтное взаимодействие:

– общесоциальный уровень предусматривает вовлеченность в конфликтное взаимодействие различных органов государственной власти, общественных формирований и т.д.;

– социальный уровень предусматривает вовлеченность в конфликтное взаимодействие соответствующих субъектов;

– индивидуальный уровень – конфликтное взаимодействие конкретных лиц.

По силе (остроте) протекания конфликтного взаимодействия выделяют также три уровня: высокий, средний, низкий.

В структуре взаимодействий в социуме выделяются позитивные и негативные моменты. В зависимости от восприятия общественных событий у некоторых молодых людей негативные элементы выходят на первый план. Тогда под их воздействием у молодежи может формироваться – по схеме «мы не такие-то» – противопоставление «нас» – «им». Негативную окраску приобретают вновь возникающие формы социальной и политической жизни. В этом случае молодежь может потерять надежду на формирование позитивных взаимоотношений между социальными и этническими группами. Тогда подавленная отрицательная энергия может найти выход в поддержке лидеров, основанием деятельности которых является негативное отношение к так называемым «обобщенным другим», и взаимоотношения переходят на высокий (острый) конфликтный уровень.

Многие молодые представители разных этносов, стремясь быстрее адаптироваться в новой социокультурной среде, в то же время психологически настроены на то, чтобы не «потеряться» и не ассимилировать. Поэтому наблюдаются противоречия в их мотивации: желание успешно адаптироваться сочетается со стремлениями сепаратистского плана,

направленными на сохранение своей этнической общности как самостоятельного культурного целого. Последняя тенденция, будучи естественной и легко объяснимой, не всегда адекватно воспринимается и дает основания для восприятия представителей других этносов как лиц, настроенных негативно по отношению к чужим культурным и иным ценностям.

Если не воспитывать толерантное восприятие других этнических групп, замкнутость в собственной группе преобразует полиэтническое окружение молодого человека в непонятный «враждебный мир», вызывает отчуждение. Следовательно, адаптивная (защитная) функция этнической идентификации снижается и появляется агрессивное и враждебное поведение.

По мнению австрийского культурантрополога И. Эйбл-Эйбесфельда, при одинаковом протекании социализации в процессе этнической идентификации одни дети вырастают агрессорами, а другие толерантными к представителям другого этноса из-за разного отношения в культурах к агрессивности. Мы исходим из того, что этнические ценности и интересы содержат возможность формирования и такой гуманистической ценности, как этническая толерантность.

Учитывая, что содержание ценностных ориентаций молодежи детерминировано социокультурной ситуацией развития общества, современная совокупность социально значимых ценностей определяется приоритетом общечеловеческих ценностей и включает в себя такую ценность, как толерантность (дорога к миру).

Воспитать этническую толерантность у молодого человека в этом понимании означает помочь ему стать субъектом

культуры, исторического процесса, собственной жизни.

Представители молодежи, которые склонны к анализу и познанию, устанавливают более короткую социальную дистанцию между собой и представителями другой этнической культуры. Обладающие свойством использовать более крупные категории, обобщать новый опыт и объединять его с прежним культурным опытом, эти молодые люди лучше адаптируются к новому окружению, эффективно овладевают новыми социальными ценностями, нормами и языком, менее склонны к конфликтному взаимодействию.

Обстоятельства жизненного опыта молодого человека, степень его предыдущего знакомства с историей, культурой, языками, традициями народов и стран, предыдущий опыт пребывания в любой другой инокультурной среде, умение устанавливать дружеские отношения существенно влияют на возможность и уровень проявления конфликтного взаимодействия в молодежной среде.

На основе этих знаний о своей и чужих этнических группах и их оценке у молодежи формируются представления об этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаках. В этот момент особенно важно формирование позитивных аттитудов (оценок) своей этнической общности и чужой. В этнических аттитудах проявляется аффективный компонент этнической толерантности. А негативные оценки и аттитюды другой этнической группы ведут к повышению уровня конфликтного взаимодействия.

Межличностные конфликты на этнической почве трудно зафиксировать, так как они внешне обыденны и не отличаются от

аналогичных эпизодов общения юношества, принадлежащего одному этносу. Тем не менее этническая подоплека некоторых конфликтных ситуаций очевидна. К представителям других этнических групп могут появляться приступы гнева, враждебности, что отнюдь не способствует гармоничным межличностным отношениям.

Проявления конфликтных взаимоотношений подтверждаются опросом, проведенным в молодежной среде с молодыми людьми, имеющими разные этнические корни. Психолого-педагогические проблемы, имеющиеся у них, получили следующую оценку: частые ссоры, агрессивное поведение, вызванное замечаниями по поводу этнического происхождения молодого человека (38%), тревожность, легкая возбудимость, обидчивость (32%), недостаток уверенности в себе (30%).

По мнению опрошенных, чем ярче проявляются этнические, национальные отличия, тем выше уровень конфликтного взаимодействия в молодежной среде.

Следовательно, одним из условий снижения уровня конфликтного взаимодействия, по нашему мнению, является принятие во внимание этнического многообразия в конкретной молодежной группе и прежде всего воспитание этнической толерантности. Тем самым это помогает молодому человеку приобрести навыки этнотолерантного общения, а чем шире коммуникативный опыт молодого человека, тем меньше проявляются симптомы конфликтного взаимодействия (высокий уровень тревожности, агрессивное поведение, недостаток уверенности в себе, трудности в обучении). В силу моральных законов, автономии собственного сознания по мере взрос-

ления возрастает степень собственного влияния молодого человека на процесс формирования этнической толерантности. Выбор этнической толерантности как ценности связан с переживаниями и борьбой мотивов.

Совершенное овладение профессиональными навыками и знаниями не выступает в качестве доминирующей задачи для молодежи. Большое значение молодежь в этом смысле придает способности к неконфликтному взаимодействию в сложных жизненных ситуациях. Примечателен тот факт, что молодежь начинает осознавать, что наличие узкопрофессиональных знаний, даже высокого качества, не является достаточным основанием для того, чтобы быть адекватно принятым в молодежной среде. В то же время осознание молодыми людьми необходимости овладения толерантными качествами личности не является само по себе гарантом того, что личность адекватно определяет их для себя и реализует во взаимодействии в молодежной среде.

Совместное с молодежью осознание ценностей, норм и традиций жизни, их исследование в конкретных видах деятельности и как следствие снижение опасности конфликтного взаимодействия в молодежной среде и составляют содержание процесса воспитания этнической толерантности.

Современное российское общество в силу своей полиэтничности выдвигает перед педагогической наукой и педагогической системой целый комплекс теоретических и практических проблем, связанных с решением задач бесконфликтного взаимодействия представителей разных культур.

Многонациональный состав населения России, Оренбургской области, миграция из стран ближнего зарубежья, неурегулированное законодательство в отношении переселенцев создают трудности в воспитании этнической толерантности и тем самым влияют на уровень конфликтного взаимодействия молодежи.

Воспитание этнической толерантности и снижение уровня конфликтности в молодежной среде стали центральной частью научно-профессиональной дискуссии во всех регионах, где есть мигранты. Миграция не является исключительным злом: миграционные процессы – это, с одной стороны, мощные ресурсные вливания, с другой

– источник притока населения (в первую очередь молодежи и детей). Последнее обстоятельство особенно важно учитывать в процессе воспитания молодежи.

Общие цели воспитания предполагают через диалог, разрешение конфликтов, критическое осмысление собственной культуры и традиции «как чужой», преодоление этноцентрической фиксации вести молодежь к толерантности, признанию равенства шансов для всех, к сознательному, бесконфликтному взаимодействию или, по крайней мере, снижению уровня (остроты) конфликтов в молодежной среде.

Л.И. ПАИНА

ХРИСТИАНСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Основу культурного ландшафта в регионе составляет ландшафт, сформированный под воздействием христианства (главным образом православия) и ислама.

В области на стыке культур разных народов, издавна заселявших регион, сформировался специфичный культурный ландшафт, обусловленный культурными традициями населения, которые повлияли на особенности планировки, застройки, архитектуры культовых и светских зданий, интерьера, домашней утвари, способов ведения сельского хозяйства, одежды населения и другие этнокультурные особенности.

Христиане появились в регионе позже мусульман, однако их влияние на форми-

рование и дифференциацию культурного ландшафта постепенно стало более существенным.

Рассмотрим влияние христианского фактора на примере крупных этнокультурных групп – русских, украинцев, мордвы, чувашей и немцев.

Важнейшим элементом культурного ландшафта христиан был и остается храм. Большинство православных церквей в Оренбургской области построено в византийском стиле, главной особенностью которого является центрально-купольная система, наличие колонн [7, 23]. Особенность православного храма в России – многоглавие, обилие икон (часто украшенных драгоценными камнями) и роскошное убранство помеще-

ния, регламентированное Ветхим Заветом [2 Исх 25:1-7, Исх 35:4-9, Исх 25: 31-39, Исх 37:17-24, Исх 31:1-11, Исх 35:30-36:1; 13]. Богатое убранство церкви характерно лишь для православных христиан.

При росписи стен храмов используются цвета, имеющие сакральный смысл: золотой (символ Божественного начала, Христа, солнца, света, царя) и голубой (символ воздуха и неба, через которые выражается присутствие Божества в мире) [6]. Данные цвета, согласно Библии, используются также в написании икон, в домашнем интерьере и в одежде православных [2 Исх 39:1-7, 28:31-43, Исх 39:22-31].

Для восточных славян характерны улично-рядовая (вдоль рек, озера, дорог) и улично-квартальная планировка поселений [27]. Раньше русские и мордовские селения были расположены «с большей правильностью, чем татарские, чувашские и черемисские, большая часть которых установлена без всякого порядка» [19, С. 230]. В настоящее время все дома в селах строятся по строительным нормам.

Сельские жилища мало отличаются от описанных исследователями: «Дома в деревнях русские строят по большей части одноэтажные с крышей в два ската, обыкновенно безо всяких украшений» [14, С. 169]. Около избы был огород и редко плодовый сад [22].

Для восточнославянского жилища характерны общие элементы планировки: наличие печи, рядом расположенных полатей, а напротив – красного угла (иконы) [27], эти элементы присутствуют до сих пор в сельских домах восточных славян.

Основным занятием русских (в большинстве своем православных), как и всех восточных славян, было земледелие (куль-

тивирование злаковых), все остальные хозяйственные занятия (животноводство, пчеловодство, рыболовство) были лишь подсобными способами обеспечения жизни [26, 27]. Это характерно и для современных селян.

Сравнивая религиозность этноконфессиональных групп Оренбургской губернии, исследователи прошлых веков отмечали: «Все русское население здешнего края отличается более или менее набожностью... Жители священной обязанностью считают по воскресным и праздничным дням посещать церковь, делать посылное приношение, с благоговением и усердием молиться Богу, служить молебны... в храмовые праздники все поголовно берут иконы по домам... свято соблюдают посты» [19, С. 203]. «Русский человек мог не признавать правил христианской нравственности и жить распущенно... но не мог жить без храма; он не мог опустить праздничного христианского богослужения» [20, С. 97]. Но «недостаточная культурность, в связи с расколом, укрепляла сохранение в среде русского населения многих суеверий и обрядов, свойственных языческим племенам» [14, С. 172].

Таким образом, в духовной жизни русских и других восточных славян, в их обычаях и праздниках господствовало и продолжает господствовать бытовое православие, характеризующееся переплетением дохристианских и более поздних христианских верований. Например, языческим является обычай нарекать новорожденного именем умершего родственника [13].

У русского человека сохранилось языческое отношение к жизни (своей и чужой), он привык распоряжаться ею самостоятельно, забывая, что это прерогатива Бога. От-

ношение к Богу у русских было и остается языческим, так как человек обращается к Богу с сиюминутной просьбой, как раньше к языческому идолу.

Основным украшением всех христиан является нателный крестик. Символ креста сопрягается с жертвой Иисуса Христа и охраняет от нечистой силы (у православных христиан распространен шестиконечный крест, у старообрядцев восьмиконечный, у католиков четырехконечный) [10].

Православие является преобладающей, но не единственной религией русских, среди которых встречаются атеисты, баптисты, молокане и представители других конфессий, называемые иногда сектантами. Эта пестрая палитра религиозных толков дополнялась не только элементами дохристианских воззрений, но и суевериями (верой в порчу, сглаз и т.п.) [27].

Особой этноконфессиональной группой являются старообрядцы, особенности вероисповедания которых оказывают огромное влияние на образ жизни и внешний вид верующих: у староверов существует запрет на бритье бороды, усов, запрещено курение и питье спиртных напитков. Для иноверцев старообрядцы имеют отдельную посуду. В современных старообрядческих селах области (например, в с. Дубровка Шарлыкского района) женщины носят платки, очень длинные юбки, не используют косметику [11, 27].

Возникшее в 1746 году казачье войско формировалось как многонациональное, в его состав входили русские, украинцы, татары, башкиры, калмыки и др. [26]. Казаки исповедовали православие, мусульманство, ламаизм, протестантство и другие религии. Присутствие в казачьей среде значительного количества представителей

различных этносов и конфессий, с которыми у казаков сложились тесные хозяйственные и культурно-бытовые связи, отражались на специфике этой группы населения [27]. Поликультурность привела к исключительной веротерпимости в казачьей среде.

Для казаков до сих пор характерен особый жизненный уклад: своеобразие быта (военизированный быт), общинный характер казачьего самоуправления, наличие в каждой станице станичного сбора, станичного правления и атамана. Весь быт казаков сопровождается песнями, особенности казачьего пения не находят сходства с пением ни одного народа, и до сих пор не установлены истоки его происхождения.

Большинство казаков (97,8%) проживали и проживают сейчас в сельской местности. Многие, как и ранее, занимаются земледелием [26, 27]. Согласно переписи населения 2002 года 50 человек в области идентифицировали себя как казаки.

Неповторимый облик имели украинские селения с побеленными чистыми хатами, летом тонущими в зелени, окруженные садами с плодовыми деревьями, огородами с цветами, палисадниками и аккуратными дворами [22, 26]. Сад в украинских селах был постоянной принадлежностью сельского культурного ландшафта.

Для украинского и русского сельского жилища в губернии характерно сочетание дерева и глины (деревянного каркаса и стен из самана). Жилища имели два-три помещения. Хозяйственные постройки у украинцев свободно и разбросанно размещались по площади двора (так называемый открытый незамкнутый двор). Для русских же был характерен открытый замкнутый двор (хозяйственные постройки располагались по периметру двора, образуя вну-

три открытое пространство). В настоящее время украинские дома в области мало чем отличаются от жилищ русского типа.

Украинцы раньше тщательно следили за отправлением православных традиций. Они точно следовали сохранившемуся циклу календарных обрядов (Масленица, Троица и др.), православная церковь лишь вписала в этот цикл свои праздники, сделав их христианскими (например, праздник Ивана Купалы в православном календаре – день Иоанна Крестителя). Календарная обрядность у восточных славян, как и у других земледельческих народов, имела ярко выраженный аграрно-магический характер. В традицию православия из язычества вошли святочные дни, восточные славяне (особенно украинцы) колядовали, несмотря на то, что это осуждалось церковью. Украинцам, как и остальным восточным славянам, не свойственен религиозный фанатизм [25]. К служителям культа сохраняется недоверие, сочиняются анекдоты, поговорки, высмеивающие священнослужителей (подобное отношение к священнослужителям наблюдается и у иудеев, но неприемлемо для мусульман).

Христианская религия в быту белорусов также не имела глубоких корней, важнейшие семейные и календарные обряды развились на дохристианской основе. Глубокой религиозностью белорусы не отличались [25].

В отличие от русских и белорусов, предпочитавших выращивать рожь и картофель, украинцы сажали просо, пшеницу, подсолнечник, кукурузу. Среди русских крестьян главным овощным растением до XIX в. оставалась репа, украинцы же имели широкий набор овощных культур. Они выращивали на продажу чеснок, лук, арбузы, тыкву и др. [26, 27].

Неотъемлемой частью мордовского села была и остается православная церковь. Мордва сейчас, как и раньше, занимается преимущественно земледелием.

Мордва в Оренбургском регионе селилась с русскими, татарами, чувашами, калмыками [9]. Тесное общение мордвы с инонациональными группами (главным образом с русскими) оказало влияние на все стороны жизни, прежде всего на культурное развитие [26]. Мордва Оренбургской губернии была двуязычна, а отчасти и трехязычна [9], сейчас большинство мордовского населения русскоязычно. По внутренней планировке и убранству жилища мордвы и чувашей ничем не отличались от жилищ русского народа.

Традиционно для мордвов искусство вышивания (как правило, красными нитями), в орнаменте преобладают геометрические и зооморфные узоры [27].

Уровень национального самосознания, по мнению исследователей, у мордвы невысок [9].

«Мордва, – писал В.М. Черемшанский, – народ большей частью набожный, хотя и не столько тверды в правилах веры и постановлениях церкви, как русские. В местах замечательных по святине всегда можно встретить значительное количество этого народа... даже из дальних мест приходящего» [19, С. 198].

Многие народы губернии, несмотря на насильственную христианизацию, долго оставались язычниками. Большинство язычников лишь формально были православными, крестили детей, венчались, «но по жизни и религиозными обрядами были идолопоклонниками» [18, С. 3].

Чуваши-язычники раньше селились в лесистых местах, позволяющих иметь там свои святилища. Для язычников при-

рода считалась божеством, а ее ценность – божественной ценностью. В настоящее время чуваша продолжают жить компактно в северо-западной части области, где местность более лесистая. Сейчас чуваша считаются православными.

В настоящее время жилище чуваш не отличается от восточнославянского жилища. В прошлом хозяйственные и жилые постройки чуваш располагались хаотично [27]. Чуваш раньше жили в черных, темных избах, располагавшихся внутри двора [26]. В отличие от избы «русского» типа чувашская не имела по фасаду над окнами карниза. В русских домах чулан располагался напротив избы, в чувашских пристраивался сбоку, и крыша чулана являлась крышей дома. В отличие от русского, который стремился к наружному украшению жилища (резьба на карнизах, воротах), чуваш пренебрегали красотой жилища и «вкладывали свои художественные силы в производство изящной, на его вкус, утвари, посуды» [24, С. 935]. В доме были глинобитные печи и подмости, служившие вместо кроватей и лавок. Одежда чуваш была малоизысканна, из продукции, производимой в домашних условиях.

Основу традиционного хозяйства чуваш составляло земледелие в сочетании с животноводством. Традиционная пища чуваш в отличие, например, от казахов состояла из продуктов растительного происхождения, что не характерно для современности [26].

Сейчас чуваша относятся к народам, именуемым традиционно православными, они никогда не отличались глубокой религиозностью, что подтверждают исследователи губернии.

Наряду с красным углом в избе чуваш раньше имелись, как правило, идола [12]. Священник П. Сухарев отмечал, что чуваша

не любили говорить о христианской вере, а иконы в доме держали для видимости [18]. Иконы у них были в полном пренебрежении: служили предметом игры для детей, некоторые новокрещенные выкалывали глаза лика (считалось, что икона может донести духовенству о нехристианской жизни).

Активного сопротивления православию язычники не оказывали, для них характерен синкретизм, совмещение православных традиций и родовых культов, заимствование православных элементов обрядности. Например, родовое развитие чувашского этноса включало в себя земледельческую культуру, что сказалось на характере принятого ими православия. Народно-праздничный календарь чуваш включает христианские даты и множество ритуалов, тесно связанных с трудовой деятельностью чувашского народа дохристианского периода [7]. В.М. Черемшанский отмечал: «Находясь первоначально в язычестве и время от времени умножаясь новыми переселенцами своих единоплеменников, они, принятыми со стороны правительства мерами, обращались мало-помалу в христианскую веру и в настоящее время почти все исповедуют христианскую религию» [19, С. 173]. На самом деле вплоть до начала XX века родовые традиции у них были очень сильны [7].

Немецкие колонисты селились в губернии по конфессиональному признаку (меннониты, католики и лютеране в разных районах Оренбуржья) [1]. Немцы придерживались религиозных обрядов, одной из первых забот было приглашение духовного пастыря. Расселенные компактно немцы развивали традиционную культуру, были грамотными [16 Свящ. Писание Еф. 6:5-8].

Все дети обучались в школе на родном языке, русский язык вследствие изоляции был распространен слабо [26].

Села строились вдали от городов и дорог (вследствие гонения за веру) по строго определенному плану. Перед домом был палисадник, рядом большой приусадебный участок. В центре дома располагалась печь, отапливавшая одновременно четыре комнаты. Все комнаты были проходными (возможно, это объясняется многодетностью семей). Украшением немецкого дома до сих пор является картина с выдержками из Библии (надписи делались готическим шрифтом).

К дому пристраивался сарай. Немецкие колонисты занимались животноводством, огородничеством (выращивали тыкву, картофель, солод, цикорий (для изготовления кофейного напитка) и др.), садоводством [4].

Немцы-меннониты отличались развитостью экологической культуры: в селах не было свалок, большое внимание уделялось озеленению.

В настоящее время службы ведутся в основном на русском языке. Меннонитам, согласно Священному Писанию, запрещено употреблять спиртные напитки и курить [16 Свящ. Писание Гал. 5:21; 1. Кор. 6:19]. Они вели общинный образ жизни, которой руководил староста.

В настоящее время численность немцев значительно сократилась (по данным переписи 2002 года чуть выше 18000 человек), что связано с массовой эмиграцией.

Характерной деталью женской одежды был фартук, мужской одежды – жилет [4]. Все народные костюмы используются сейчас в большинстве своем лишь на национальных праздниках и в музеях [27].

Особенности быта, культуры, архитектуры и другие черты многих этнокультурных групп, населяющих регион, можно увидеть в музее культуры народов – «Национальной деревне». Это своеобразная модель многонациональной деревни, которая создана на территории парка в Оренбурге, где построены украинская хата, казахская юрта, дома башкир, армян и др. Строительство культурного комплекса осуществляется в целях сохранения стабильной этнополитической ситуации, проведения единой национальной политики в области и координации деятельности национальных объединений.

Что касается расселения, то в большинстве своем христианское и мусульманское население раньше селилось компактно и изолированно, но были и совместные поселения христиан и мусульман, сохранившиеся до наших дней: «нередко в одной и той же деревне встречается несколько различных народностей вместе» [3, С. 118]. Примерами в настоящее время могут служить с. Владимировка Тюльганского района с приблизительно равным соотношением русских и башкир, п. Пугачевский Оренбургского района с равным соотношением русских и казахов, с. Мухраново Илекского района с примерно равным соотношением русского и татарского населения.

По мнению исследователей, «отсутствие топографических преград и смежность инородческих поселений с русскими... способствуют... сближению и ассимиляции» [3, С. 119].

Таким образом, следствием длительного совместного проживания было взаимопроникновение и взаимовлияние, которые выражались в ассимиляции и нивелировании элементов этнической культуры, что

привело «к формированию общих культурных черт и регионального самосознания населения» [5, С. 116].

Автохтонные народы Оренбуржья (башкиры и казахи) под влиянием русских перешли к оседлому образу жизни [5].

Русские же в свою очередь также приобрели некоторые черты культуры других народов: «великорусское население... принимало в себя много из образа жизни инородцев» [14, С. 172].

Украинцы повлияли на культуру казахско-го населения, проживающего рядом с ними [5, 15]. Украинцы, как и русские, сыграли важную роль в хозяйственном освоении региона. Земледельческое украинское население, «особенно склонное к этому типу владения», принесло с собой высокую культуру земледелия [17, С. 100]. Они стали развивать в степях свиноводство, бахчеводство [8]. Украинцы вступали в бытовые, хозяйственные, культурные связи с многонациональным населением Оренбуржья. Они, как и мордва, осваивали не только русский язык, но и казахский, татарский, башкирский языки [26].

Исследователи губернии писали: «мордва и чуваша как ближайшие по местожительству к русским... приняли многое от русских в домашнем ритуале... даже изменяют своему национальному костюму» [20, С. 105].

Образ жизни православных, мусульманских, католических, иудейских и других народов различается. Безусловно, они многое переняли друг у друга, но все равно сохранили при этом самобытность. По мнению многих исследователей, стремление сохранить для будущих поколений этническую самобытность – одна из главных задач современности.

И.Ю. ФИЛИМОНОВА

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахарева О.Я. Татары и немцы в Оренбуржье (к вопросу истории)//Татары в Оренбургском крае: научно-практическая конференция. Тезисы докладов. – Оренбург, 1996. – С. 26-29.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. Пер. с еврейского и греческого. – М.: Российское Библейское Общество, 1994. – 1276 с.
3. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1-2. – 2-е изд. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. – 630 с.
4. Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург: изд-во ООО «Агентство «ПРЕССА», 2000. – 75 с.
5. Герасименко Т.И. Особенности формирования этнокультурной среды на Южном Урале//Историческая география, геоэкология и природопользование: новые направления и методы исследования/Материалы II Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 15-18 апреля 2002г.). – СПб.: Изд-во РГГМУ, 2002. – С. 115.
6. Дерябина С.Р. Взаимопроникновение художественных культур христианства и ислама в средние века//Христианство и ислам на рубеже веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1998. – С. 53-56.
7. Ефименко М.Н. Система религиозного традиционализма в Южно-Уральском регионе//Этнопанорама. – 2002. – №№3-4. – С. 94-99.
8. Лихтин А.Н. Украинцы и Оренбуржье: прошлое и настоящее//Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2004. – С. 7-10.
9. Мурзабулатов М.В. Расселение мордвы в Оренбургской губернии//Оренбургскому краю

- 250 лет: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. – Оренбург, 1994. – С. 103-104.
10. Пивоваров Д.В., Андрусенко В.А. и др. Религиозная символика. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995. – 24 с.
11. Православные мормоны//Информационный портал о жизни российской провинции (<http://www.sobkor.ru/lenta/news-dir/28343.html>).
12. Ратцель Ф. Народоведение Т. 2./Пер. с нем. Д.А. Коропчевского. – 2-е изд. – СПб.: Просвещение, 1902. – 877 с.
13. Религии народов современной России: Словарь/Ред.-колл.: Мчедлов М.П. (отв. ред.), Аверьянов Ю.И., Басилов В.Н. и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Республика, 2002. – 624 с.
14. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга/Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. Т.5. Урал и Приуралье. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1914. – 671 с.
15. Рязанов А.Ф. На стыке борьбы за степь (очерк по истории колонизации Новолинейного района) 1835-1845 г.//Труды Оренбургского отдела Императорского Российского Географического Общества. – 1928. – Выпуск 1. – С. 19-64.
16. Сведения о происхождении и основы веры Церкви Меннонитов//Сайт объединения меннонитских церквей Оренбуржья (<http://www.mennonit.ru/symbol.html>).
17. Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Географический очерк. – М.: Изд. отдела народного образования Оренбургского губернского земства, 1916. – 105 с.
18. Сухарев П. Летопись Богородицкой церкви в селе Нагадак, Стерлитамакского уезда, Уфимской губернии//Записки Оренбургского отдела Императорского Российского Географического Общества. – 1881. – Выпуск 4. – С. 3-97.
19. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Оренбург: Изд. в Типографии Оренбургского Губернского Правления, 1859. – 464 с.
20. Чернавский Н. Архивная ученая комиссия (Оренбургская). Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Вып. 7. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 1. Исследование Н. Чернавского.– Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1900. – 352 с.
21. Чернавский Н. Архивная ученая комиссия (Оренбургская). Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии. Вып. 10. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 2. Исследование Н. Чернавского.– Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консистории, 1901-1902. – 1064 с.
22. Энциклопедический словарь. Т.10. – Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. – Ярославль: Изд. центр «Терра», 1990. – 469-938 с.
23. Энциклопедический словарь. Т.11. – Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. – Ярославль: Изд. центр «Терра», 1991. – 488 с.
24. Энциклопедический словарь. Т.76. – Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон 1890 г. – Ярославль: Изд. центр «Терра», 1993. – 483-958 с.
25. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры/Гл. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 560 с.
26. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика)/Под ред. В.В. Амелина. Издание второе, дополненное. – Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 2003. – 228 с.
27. Этнология/Александренков Э.Г., Заседателева Л.Б., Зверева Ю.И. и др. – М.: Наука, 1994. – 383 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ

(на примере Южного Урала)

XX век поставил перед многочисленными народами, населяющими Российскую Федерацию, проблему поиска национальной идентичности. Каждый конкретный народ стал воспринимать себя как особую общность в культурном и социальном плане, отличающую его от других. Основная функция этноса – сохранить ценности, нормы и традиции культуры на уровне повседневного общения, без чего невозможно существование общества, а также передача информации последующим поколениям, и не последнюю роль в этом объективном процессе играет образовательная система. Культура, а также образование как ее составная и неотъемлемая часть несут на себе печать национального характера. Для современного этапа развития школы с этнокультурным компонентом характерно понимание ее как учебного заведения, которое воспитывает в новом поколении уважение к своим культурным корням.

Советская власть не всегда терпимо относилась к национальным школам, отчасти из-за стремления к созданию единого унифицированного пространства, в том числе и образовательного. Это естественно претворялось при господствующей доминанте русского языка. Родной же язык отходил на второй план и преподавался как отдельный предмет. Необходимо отметить, что долгое время в состоянии образовательного процесса в национальной

школе в исследуемый период не было «золотой середины» (учащиеся либо плохо знали русский язык, либо недостаточно родной).

Основа родной культуры – родной язык. В языковом сознании отражены индивидуальность народа и его многовековой опыт. Через него идет приобщение человека к этнокультурным традициям своего народа, к его нравственным ценностям, обуславливающим нормы и стереотипы взаимоотношения людей в условиях поликультурного общества. Владение им – это основа общей лингвистической культуры и фундамент успешного освоения русского языка. Родной язык как предмет изучения не является достаточным условием для того, чтобы признать систему образования национальной. Одна из основных задач этнокультурного образования – это духовное и культурное возрождение своего народа, а также передача родной культуры новым поколениям.

Этнокультурное образование в идеале представляет собой систему, открытую для органического проникновения элементов других культур в условиях реально существующего человеческого общежития и одновременно включенную через региональный и общегосударственный компоненты в контекст развития мировой культуры. Школа – организм живой, развивающийся, поэтому программа этнокультурного образования охватывает все

богатство знаний, выработанных человечеством. Таким образом, образование становится целостностью, а родная культура непосредственно возводится к культуре российской и мировой, составляя с ними непосредственное единство. Социальная функция этнокультурного образования – это передача новым поколениям нравственных и духовных ценностей, традиций, исторической памяти своего народа. Главная задача – не допустить исчезновения этноса как культурной единицы, разрушения уникальной социокультурной среды его жизнедеятельности.

Вопросы развития этнического самосознания и поиска национальной идентичности волновали общественность, педагогов, ученых различных направлений, вследствие чего в постсоветский период появляются различные публикации и исследования, посвященные данной теме¹.

Б. Филиппов писал о том, что национальные школы выступали трансляторами не национальной, а советской культуры на родном языке, что порождало и развивало у народов, населявших страну, всевозможные комплексы, следы которых можно было обнаружить в содержании проектов новых концепций национальных школ, опубликованных в 1990-1991 годах². Мы склонны поддержать данную позицию, поскольку еще в 1920-е – 1930-е годы одним из главных требований новой власти к школе являлось формирование единого мировоззрения, выразившего государственную идеологию, а в 1960-е годы партия и государство поставили целью создать из многонационального населения страны новую историческую общность – «советский народ» с общей социалистической идеологией и единым

языком общения. Из этого следует, что национальные школы просто не вписывались в эту систему, потому что это уже предполагало определенную дифференциацию.

Южный Урал – это полиэтничный регион, поэтому проблема этнокультурного образования была и остается для него одной из приоритетных. В статье В.В. Амелина и Э.М. Виноградовой высказывается мысль о том, что «национальных школ и национальной системы образования в нашей области нет. Существует преимущественно государственная система образования, в рамках которой функционируют отдельные школы с изучением родного языка как школьного предмета»³. Это положение не лишено оснований, поскольку сейчас все-таки более верно будет говорить о существовании общеобразовательной школы с этнокультурным компонентом.

А.Г. Иванова⁴ останавливается на положении национальной школы в 90-е годы XX в. В статье характеризуются этапы осуществления политики по отношению к национальным школам и изучению национальных языков, поскольку это позволяет проследить изменения в политической линии относительно национального образования. Поднимается вопрос об открытии национальных образовательных учреждений в районах компактного проживания различных этнических групп.

Положение национальных школ в 90-е годы XX в. исследователь Г.В. Кораблева⁵ воспринимает критически, понимая, что существовали трудности с устройством на работу специалистов и сложным экономическим положением в системе образования. Она видит в этом непродуманную перспективу развития национальных школ. Выход, по ее мне-

нию, есть – это необходимость создания единой уральской региональной системы педагогического образования, в том числе и национального.

А.В. Федорова рассматривает историю развития национальных школ и изучение национальных языков⁶. Она акцентирует внимание на 90-х годы XX в., отмечая появление позитивных тенденций в развитии национальной школы и приобщение учащихся к этнической культуре своего народа. В статье анализируется положение школ с татарским этнокультурным компонентом, при этом автор останавливается на персоналиях. Не упускаются из виду сложности, такие как проблема изменения алфавита, выпуск учебников и методической литературы.

На Южном Урале в исследуемый период активное развитие получили школы с этнокультурным компонентом. Развитие этнокультурного образования особенно актуально для полиэтничного региона.

В 1980-е годы в 72 школах Оренбургской области более 7 тыс. учащихся татарской национальности изучали родной язык как на уроках, так и на факультативах и кружках; около 4 тыс. – родной немецкий язык, более 2 тыс. – башкирский язык. Изучение родных языков в 123 школах с многонациональным составом учащихся организовывалось через факультативы и кружки (около 2 тыс. учащихся). Преподавание музыки, изобразительного искусства, трудового обучения в ряде школ Красногвардейского, Александровского районов велось на родном языке.

Практически во всех национальных школах была поставлена работа по изучению народного фольклора, искусства, песни, танца, имелись комнаты-музеи,

где были собраны экспонаты, материалы по истории родного народа, села. В Оренбургской области находились национальные музеи: Александровский район, с. Хортица – музей национального (немецкого) искусства, культуры; Красногвардейский район, в с. Староюлдашево – музей Даута Юлтыя, с. Подольское – музей по истории села; Шарлыкский район, с. Муштафино – комната-музей им. М. Джалиля; 252 клуба интернациональной дружбы, где занимались около 13,2 тыс. учащихся⁷. В Кунашакском районе Челябинской области создано 8 школьных музеев, в которых накоплен богатый материал по истории родного края. Например, в Усть-Богорякской школе активизировалась художественная самодеятельность, а также работали районные спортивные школы по национальным видам борьбы с филиалами в четырех школах⁸.

Возрождение и развитие этнокультурного образования в Российской Федерации в конце 1980-х годов связано с реализацией демократического конституционного права обучения и воспитания учащихся на родном языке, увеличившейся сетью национальных школ. В 1989/1990 учебном году татарский язык в Оренбургской области преподавался в 69 школах, башкирский – в 30, немецкий – в 24, в них обучалось 10 тыс. 280 учащихся⁹. Изучение родного языка в Челябинской области в 1990 году велось в 6 городах и 12 районах, всего функционировало 64 национальные школы, в которых 5181 школьник изучал родной язык как предмет, в 13 школах (217 учащихся) обучение шло через факультативы и кружки¹⁰. Но, как писали в газетах того периода, «парадокс в том,

что в Кунашакском или Аргаяшском районе национальные школы есть, но родители предпочитали отдавать детей в русские»¹¹. Наибольшее количество татарского и башкирского населения Челябинской области было сконцентрировано в Кунашакском, Аргаяшском, Сосновском, Красноармейском и других районах. В 1991 году в 86 школах изучался родной язык, в 26 школах велись кружки, факультативы родных языков – казахского, мордовского, татарского¹². К примеру, в Араслановской средней школе Нязепетровского района дети в школе изучали татарский язык и литературу по трехчасовой программе, ежегодно проводился конкурс рисунков на тему «Жизнь моего народа». В школе функционировал кружок «Мировая татарская культура» (руководитель Р.Л. Муштакова)¹³.

В 1990 году утверждена новая концепция национальной школы, которая исходила из необходимости сосуществования множества образовательных систем. Они воплощали бы в жизнь государственный образовательный стандарт и транслировали этническую культурную традицию, то есть личность должна была одновременно самоидентифицироваться в этнокультурном, российском и мировом измерениях.

Этот подход нашел выражение в тезисе Института национальных проблем образования: «Школа не может не быть национальной». Этот тезис был активно поддержан Федеральным советом, руководством органов управления образования, педагогической общественностью. В итоге в 1991-1992 годах практически во всех административно-национальных тер-

риториях России предпринимаются более или менее удачные попытки разработать концепции местных национальных школ и делаются первые практические шаги по их реализации.

Объем функционирования родного языка был расширен в детских дошкольных учреждениях и общеобразовательной школе как языка обучения и учебного предмета. Также начинают вводиться новые предметы, имеющие этнокультурную ориентацию: литература, история и культура родного народа, народные ремесла и т.д. На местах идея национальной школы в ряде случаев воспринималась крайне односторонне, вне контекста единого образовательного пространства и единого образовательного стандарта России. На практике это неизбежно приводило к появлению образовательных моделей, которые стремились возродить культурные и духовные ценности дороссийского периода истории родного народа.

В этот период появляется так называемая концепция мультикультурного образования, то есть образования, направленного на сохранение и развитие многообразия культурных реалий, существующих в обществе, предусматривает адаптацию человека к различным ценностям в ситуации существования множества разнородных культур, ориентацию на диалог культур¹⁴. Современный специалист-педагог стал представлять собой не только творческую личность, способную к продуктивной интеллектуальной и организационной деятельности, но и умеющую находить общий язык с представителями различных национальностей. Деятельность учителя стала все

больше рассматриваться с социокультурных позиций, и «процесс социализации личности стал приобретать национально-этническую окраску»¹⁵.

Итогом реализации подобной политики на практике стало расширение объема изучения родного языка в школе как учебного предмета и введение новых предметов этнокультурной ориентации: литературы, истории и культуры родного народа, народных ремесел и т.д. Этнокультурный компонент системы национального образования области обеспечивался учебными предметами, факультативами, кружками, спецкурсами и т.д.

Первая половина 1990-х годов характеризуется увеличением числа школ с этнокультурным компонентом. В Оренбургской области в 1993/1994 учебном году насчитывалось 147 школ с изучением родного языка, в том числе казахского – 13. Начала работу национальная татарская школа № 38 в Оренбурге, в начальных классах Озерской средней школы Илекского района было введено обучение на татарском языке, созданы необходимые условия для изучения мордовского и чувашского языков в Бугурусланском, Северном, Асекеевском районах. В 1994/1995 учебном году в Оренбургской области в 20 школах изучался мордовский язык и литература. В начале 1990-х годов в области насчитывалось 43 школы с изучением башкирского языка. Одновременно с этим значительно сократилась немецкая национальная система образования в Александровском, Первомайском, Беяевском и других районах, что в первую очередь было связано с усилившейся иммиграцией немцев в Федеративную Республику Германия (ФРГ).

«Концепция национальной государственной политики Российской Федерации» от 15 июня 1996 года закрепляла право на формирование общественных объединений, способствующих сохранению и развитию культуры и образования, более активному участию национальных групп в общественно-политической жизни страны. Подобные общественные объединения появляются на Южном Урале: общество «Казах тиле» («Казахский язык»), украинское культурно-просветительное общество имени Т.Г. Шевченко, мордовский общественный центр «Лисьмапря», татарский общественный центр «Туган тел», польский общественный центр «Вавель» и др. Эти национально-культурные общества и центры стремились удовлетворить этнокультурные потребности населения, пытались обеспечить школы с этнокультурным компонентом учебниками, литературой, улучшить материальную базу, организовывали фестивали, национальные праздники.

В 1998 году в Челябинской области функционировала 101 школа с изучением родного языка. Изучение башкирского и татарского языков в 86 школах было включено в число обязательных предметов учебного плана, в 19 школах в качестве факультативов. Открыты воскресные школы по изучению корейского и еврейского языков (2), российско-турецкий лицей. В 1999 году в Челябинске была открыта частная общеобразовательная школа еврейской культуры и традиций. В 1999 году в Оренбургской области в 18 школах казахский язык преподавался как предмет, факультативные занятия проводились в 60 школах, кружки в 26 школах.

Этническую карту Курганской области составляют представители более 100 национальностей. В области татары состав-

ляют 2%, башкиры – 1,6%, казахи – 1,43%, чувашаи – 0,2%¹⁶. В Сафакулевском, Альменевском, Шадринском, Шатровском, Щучанском районах татарское и башкирское население проживает в основном компактно. Казахское население расселено дисперсно, и наибольшее их число сосредоточено в районах, граничащих с Республикой Казахстан. С целью развития системы национального образования в Курганской области были заключены соглашения на уровне гуманитарной сферы и социальной политики администрации области с республиками Башкортостан и Татарстан, департаментами гуманитарной сферы Северо-Казахстанской области и Ямало-Ненецкого автономного округа, на уровне министерств образования Башкортостана и Татарстана и Главного управления образования. В 1998/1999 учебном году башкирский язык изучали как предмет 768 учащихся 14 школ, татарский язык – 516 школьников пяти образовательных учреждений Альменевского и Сафакулевского районов¹⁷. С 2000 года по типу воскресных школ действовали центры азербайджанской культуры (школа № 54), казахской (на базе городского центра национальной культуры)¹⁸. На базе Азналинской основной школы Сафакулевского района была создана модель инновационного учебного заведения – «Школа национальной башкирской культуры».

В исследуемый период произошло количественное изменение школьной сети, но не произошло качественной трансформации: в структуре школ с этнокультурным компонентом попрежнему преобладали начальные школы. Существовали и объективные проблемы: расконцентрированность по региону

различных национальностей, сложности в обеспечении преемственности в изучении языка, слабая обеспеченность школ учебно-методической и художественной литературой, недостаточное количество педагогических кадров. Несмотря на эти проблемы, в регионе сложилась и достаточно стабильно функционирует система этнокультурного образования, которая явилась отзвучием на насущные потребности полиэтничного региона. Особенно важно этнокультурное образование для молодого поколения, поскольку оно дает возможность учащимся получить ценные знания о своей собственной культуре, традициях, обычаях. Одновременно такая образовательная модель не позволяет замкнуться в рамках собственной культуры, поскольку приобщает к культурно-духовным ценностям народов, населяющих регион, а также к познанию российской и мировой культуры. Это общемировая тенденция, и полиэтничная Российская Федерация активно в нее вписалась.

Д.А.АСТАФЬЕВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Шаповалов В.К. Этнокультурная направленность российского образования. – М.: Ин-т развития регион. образования, 1997. – 173 с.; Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. – М.: Народное образование, 1999. – 208 с.; Жуковский И.В. Этнокультурное образование в многонациональном регионе//Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 40-45; Палаткина Г.В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях// Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 41-47; Проблемы образования и воспитания в полиэтничном

- обществе. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 21 с.; Гукаленко О.В. Поликультурное образование: теория и практика. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. пед. ун-та, 2003. – 510 с.; Куликова С.В. Национальное образование России: история и современность. – Волгоград: Перемена, 2004. – 294 с.; Федоров П.Г. Поликультурное образование как путь формирования толерантной личности//Проблемы межнационального согласия и современный образовательный процесс в многонациональном регионе. Материалы «круглого стола». – Оренбург: Электа, 2004. – С. 3-17; Борисенков В.П. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования/В.П. Борисенков, О.В. Гукаленко, А.Я. Данилюк; Рос. акад. образования, Междунар. Славянская акад. образования им. Я.А. Коменского. – М.: Педагогика, 2006. – 458 с.
- ² Филиппов Б. Реакция на культурный шок// Народное образование. – 1994. – № 4. – С. 52-56.
- ³ Амелин В.В. Язык и языки в системе народного образования//Оренбуржье в системе региональных интересов России: реальность и представления граждан в зеркале этносоциологии; под ред. М.Н. Губогло/В.В. Амелин, Э.М. Виноградова. – М.: Изд-во РАН, 1998. – С. 47-52.
- ⁴ Иванова А.Г. Национальная школа: история, опыт, проблемы: матер. межрегион. науч.-практ. конф. «Укрепление взаимосвязей народов Урала и Поволжья и проблемы национальной регио-нальной политики». – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 1994. – С. 268-272.
- ⁵ Кораблева Г.В. Осуществление общих условий права на образование в развитии национальной общеобразовательной школы Южного Урала (1936-1993 гг.). – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 1999. – 112 с.
- ⁶ Федорова А.В. Родной язык в условиях билингвизма (История и современное национальное образование в области)//Народы Южного Урала: этнический взгляд на историю. – Оренбург: Пресса, 2001. – С. 246-249.
- ⁷ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННОО).Ф.371. Оп.97. Д.764.Л.35.
- ⁸ Кораблева Г.В. Осуществление общих условий права на образование в развитии национальной общеобразовательной школы Урала (1936-1993 гг.). – Оренбург, Издат. центр ОГАУ, 1999. – С. 98.
- ⁹ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 97. Д. 764. Л. 35.
- ¹⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 201. Л. 6.
- ¹¹ Кравченко Н. Жаумысыгыз! Здравствуйте!// Челябинский рабочий. – 1990. – 12 марта. – С. 1.
- ¹² ОГАЧО. Ф. 1000. Оп. 15. Д. 2897. Л. 54.
- ¹³ Сагретдинова А. В центре внимания – родной язык//Заря. – 1993. – 3 июня. – С. 3.
- ¹⁴ Палаткина Г.В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях//Педагогика. – 2002. – № 5. – С.41–47.
- ¹⁵ Жуковский И.В. Этнокультурное образование в многонациональном регионе//Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 40.
- ¹⁶ Уфимцев В.Д.Этнополитическая ситуация и деятельность администрации области по сохранению межнациональной стабильности и поддержке развития национальных культур народов Зауралья//Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сб. научн. тр. – Вып.2. Курган, Изд-во КГУ, 1999. – С. 23.
- ¹⁷ Куган Б.А. Образовательная система области: состояние и перспективы//Наука и образование Зауралья. – 2000. – №1. – С. 9.
- ¹⁸ Пичурина В. Ассамблее народов Зауралья быть//Новый мир. – 2000. – 20 октября. – С. 2.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Рост этнической идентичности рассматривается как одна из основных черт развития человечества во второй половине XX в. Интерес к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в самых разных формах: от попытки реанимировать старинные обычаи, фольклор, традиции до стремления создать или восстановить свою национальную государственность. Пример тому – СНГ. Рост этнической идентичности может привести к кровопролитным войнам. Если настолько важно осознание человеком своей принадлежности к определенному народу, поиски его особенностей – в том числе и особенностей психики – оказывают столь серьезное влияние на отношения между людьми, то совершенно необходимо изучение психологического аспекта этнического фактора.

Каковы психологические причины роста этнической идентичности, почему именно этнические общности часто оказываются аварийными группами поддержки в ситуации острой социальной нестабильности, какие стратегии используются людьми для поддержания коллективной этнической идентичности?

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос – не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни.

Среди таких групп можно назвать партии, церковные и иные организации. Многие люди целиком «погружаются» в одну из подобных групп, но в них стремление к психологической стабильности не всегда может быть реализовано. Состав такой группы постоянно обновляется, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могут из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Эта группа устойчива во времени, для нее не характерна стабильность состава, а каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса. Благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки.

Одна из психологических причин роста этнической идентичности в этом веке – поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире. Вторая психологическая причина – интенсификация межэтнических контактов, таких как трудовая миграция, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм и так далее.

Этническая идентичность – часть социальной идентичности личности. В ее структуре обычно выделяют два основных компонента – когнитивный (знания, представления об особенностях собственной

группы и осознание себя ее членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней). Выделяется также и поведенческий компонент социальной идентичности, построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. Одним из первых концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе предложил Пиаже [6].

Развитие этнической идентичности ученый рассматривает прежде всего как создание когнитивных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Пиаже выделяет три этапа в развитии этнических характеристик:

1) в 6-7 лет ребенок приобретает первые – фрагментарные и несистематичные – знания о своей этнической принадлежности;

2) в 8-9 лет ребенок уже четко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык;

3) в 10-11 лет этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры.

Проведены были исследования, уточняющие конкретные возрастные границы этапов в развитии этнической идентичности. Диффузная идентификация с этнической группой обнаружилась у детей 3-4 лет. Итак, в процессе формирования этнической идентичности

ребенок проходит ряд этапов – от диффузной до реализованной идентичности, и результатом этого процесса является эмоционально-оценочное осознание своей принадлежности к этнической группе в подростковом возрасте. Но этническая идентичность подростка не статичное, а динамичное образование: процесс ее становления не окончен. Осознание детьми своей этнической принадлежности варьирует от того, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде.

Межэтническая среда дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, формирует коммуникативные навыки. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает меньший интерес к собственной этничности. У индивидов, живущих в условиях, сильно отличающихся по своим этническим признакам культуры, этническая идентичность наиболее сильно выражена, а у индивидов, живущих среди группы, близкой в культурном отношении, осознание собственной этничности не становится жизненно важной проблемой. Но насколько позитивны социальные установки, во многом зависит от того, к какой группе он принадлежит – большинства или меньшинства. У детей групп меньшинства существует тенденция идентифицироваться с доминантной группой, что отражает раннюю осведомленность детей о существовании определенной социальной структуры, о том, что в обществе одни группы оцениваются выше, чем другие. Но с возрастом и развитием этнической идентичности у членов этнических меньшинств обычно происходит сдвиг к «внутригрупповой ориентации».

Это происходит, когда новому поколению передаются нормы и ценности социокультурной среды.

Среди многочисленных социокультурных групп наиболее стабильными являются устойчивые во времени этносы. Этнос зачастую оказывается аварийной группой поддержки. Этническая общность устойчива во времени, стабильностью состава. Благодаря этому этнос является для человека самой надежной группой, которая может обеспечить ему необходимую безопасность и поддержку в жизни в кризисные периоды развития общества.

По значимости этническую идентичность можно сравнить с базовыми принадлежностями: семейной, половой, профессиональной, возрастной.

Следствием бурных и разносторонних культурных контактов становится ощущение нестабильности окружающего мира. Когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск того, что помогло бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитило бы от трудностей. В этих обстоятельствах все больше людей, в том числе молодых, начинают искать поддержку в проверенных временем ценностях своего этноса, которые в данных обстоятельствах оказываются самыми надежными и понятными. Результатом становится усиление чувства внутригруппового единства и солидарности. Через осознание своей принадлежности к этносам люди стремятся найти выход из состояния социальной беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию в динамическом мире и защитит от больших невзгод.

С появлением на свет в определенной этнической среде личность формируется в соответствии с установками и традициями ее окружения. Не возникает проблемы этнического самоопределения у человека, если его родители принадлежат к одной и той же этнической группе и его жизненный путь проходит в ней. Такой человек легко и безболезненно идентифицирует себя со своей этнической общностью, поскольку механизмом формирования этнических установок и стереотипов поведения здесь служит подражание. В процессе повседневной жизнедеятельности он усваивает язык, культуру, традиции, социальные и этнические нормы родного этнического окружения, формирует необходимые навыки коммуникации с другими народами и культурами.

Этническая идентичность – переменная величина в каждой культуре. Границы ее подвижны, динамичны и культурно обоснованы.

Приведем и проанализируем наиболее важные факторы, определяющие этническую идентичность. Рассмотрим все факторы: и этносоциальные (макрофакторы), и этнокультурные (мезофакторы), и этнопсихологические, или семейно-психологические (микрофакторы). Подчеркнем, что ни один из них не оказывает самостоятельного влияния на формирование этнической идентичности. Вес и значение этих факторов сменяются в разные периоды жизни человека.

Факторы, определяющие этническую идентичность человека, можно разделить на три блока.

Первый блок – этносоциальный (макрофакторы). В него входят этносоциальные, исторические, этнополитические факторы,

а именно: условия исторического развития, контакты этносов, к которым относятся родители (в биетнических браках), этническая ситуация в регионе проживания семьи, этническая территория, этнокультурная политика, проводимая государством, в том числе языковая политика, система этнической стратификации (размещение на определенной территории представителей этносов, их профессионально-образовательный уровень), характеристики непосредственного социально-этнического окружения, миграционные характеристики.

Второй блок – этнокультурные факторы, культурные характеристики семьи (мезо-факторы): воспроизводство традиционного бытового уклада в семье, характерного для конкретного этноса, языковая сфера (родной язык, язык внутрисемейного общения), структура семьи (в этнически смешанных семьях), родственные контакты, этническое общение в группе сверстников. Воздействие на человека первого и второго блоков преломляются через воздействие третьего блока, блока этнопсихологических факторов (микрофакторы): система межличностных отношений с родными, семейно-психологический климат, ролевая структура семьи (личностные конфликты, эмоциональные представления об этнической идентичности), восприятие и оценка этнических характеристик и статуса этнической группы [5]. То есть все те семейно-психологические составляющие, которые определяют развитие и формирование самосознания личности в целом и формирование этнической идентичности в частности, которые мы будем рассматривать позже.

В процессе социализации ребенком усваиваются исторически сложившиеся образы мыслей, чувств и действий,

которые составляют основу формирования этнического самосознания. Формируясь в процессе присвоения традиций, этническое самосознание предполагает развитие у человека этнических чувств, чувства истории своего народа, чувства привязанности к конкретному географическому месту. Системность традиции соединяет человека с прошлым предков, совмещая прошлое и настоящее конкретного этноса.

Как было уже показано выше, элементарное представление об этнической принадлежности и ее осознание возникают уже в раннем детстве и продолжают на протяжении всего развития индивида. Большое значение осознание собственной этнической идентичности имеет в подростковом возрасте. Это происходит в силу известных возрастных психофизиологических особенностей, когда вопросы идентичности приобретают жизненно важное значение.

Рассмотрим предложенные в литературе взгляды ученых на процессы формирования этнической идентичности в зависимости от возрастных особенностей детей и подростков.

Одну из первых концепций развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе предложил Ж. Пиаже. О трех этапах формирования этнической идентичности мы говорили ранее.

Данный подход к формированию этнической идентификации основывается на уровне развития мыслительной деятельности. Но, на наш взгляд, эта классификация незавершена по возрасту. Пиаже не рассматривает старших подростков.

Б.А. Вяткин, В.Ю. Хотинец, И.А. Снежкова выделяют четыре этапа формирования этнической идентичности:

Начальный этап приходится на дошкольный и младший школьный возраст (5-10 лет). Для него характерны еще нечеткое осознание детьми общности с людьми своей национальности, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. На данном этапе семья выполняет значительную роль в передаче этнокультурной информации.

Второй этап охватывает подростковый возраст (11-15 лет) и характеризуется осознанным отношением к своему этносу. Дети проявляют интерес к истории и культуре своего и других народов. На этом этапе происходит формирование системы представлений и оценок об этнокультурных и этнопсихологических особенностях своей общности в сравнении с иноэтническим окружением. Не менее важное значение имеют такие моменты, как стремление подростков принадлежать к одной из групп этнического большинства в регионе, а также язык, в первую очередь выполняющий для подростков этнодифференцирующую функцию.

Третий этап выпадает на старший школьный возраст (16-17 лет). На данном этапе укрепляется осознание своей этнической идентичности, определяется мотивация выбора своей национальности, конструируется этническое мировоззрение. В старшем школьном возрасте на формирование этнической идентичности наибольшее воздействие оказывает школа, целенаправленно влияющая на процесс развития самосознания личности, его этнической направленности.

Четвертый этап, охватывающий юношеский (студенческий) возраст (18-22 года), являющийся решающим периодом развития этнического самосознания, его упрочнения и закрепления. В период обучения в вузе этническое самосознание молодого человека расширит систему его представлений о мире, укрепит его место в нем [2].

На наш взгляд, данная классификация имеет статичный характер. Автор завершает процесс формирования этнической идентичности на юношеском возрасте. Мы же присоединяемся к мнению ученых, считающих, что этническая идентичность – динамическое образование, и мы разделяем эту позицию.

Американская исследовательница Дж. Финни представила модель стадийного формирования этнической идентичности [7]. По ее мнению, внимание следует уделять именно подростковому возрасту, так как именно в этом возрасте формируется основное содержание этнической самоидентификации.

Первая стадия – непроверенная идентичность – характеризуется безразличием к исследованию идентичности, отсутствием интереса к проблемам этнических корней и членства в этнической группе. На ней находятся младшие подростки, а также взрослые, не имеющие проблем с этнической принадлежностью. Этой стадии соответствуют два подвида идентичности: диффузная, когда индивиды просто не интересуются своей этнической принадлежностью и не задумываются о ней; предварительная, когда индивиды принимают позитивные этнические attitudes родителей и других взрослых и поэтому не проявляют предпочтения по отношению к группе большинства.

Вторая стадия – поиск этнической идентичности – характеризуется исследованием своей идентичности, стремлением понять значение этничности в собственной жизни. Собственный опыт, значимые события в жизни этнической группы могут стимулировать этническое пробуждение. Происходящий на этой стадии интенсивный процесс погружения в культуру своего народа осуществляется через такие виды деятельности, как чтение, беседы, посещение этнографических музеев и активное участие в событиях культурной жизни. Результат разрешения кризиса этнической идентичности приводит к более глубокому пониманию и оценке своей этничности.

Третья стадия – реализованная этническая идентичность – характеризуется ясным, четким и устойчивым ощущением незыблемости своих этнических особенностей, привязанностью к этнической культуре и этнической общности. Это стадия реализованного этнического «я» [6].

В модели Финни становление этнической идентичности подростка, происходящее по мере исследования реальности и принятия им решений относительно роли этничности в его жизни, рассматривается как процесс, сходный с развитием личностной идентичности. В своих изысканиях Финни базируется на теории идентичности Э. Эриксона и ее операционализации Дж. Марсия, который выделил четыре стадии формирования эго-идентичности.

Первая стадия, соответствующая двум стадиям эго-идентичности по Марсия – диффузии и предрешению – и названная Финни непроверенной идентичностью, характеризуется безразличием к анализу своей идентичности, отсутствием интере-

са к проблемам этнических корней и членства в этнической группе. Представители меньшинств с непроверенной идентичностью часто демонстрируют предпочтение высокостатусной группы большинства, но оно не является универсальной характеристикой идентичности, на этой стадии Финни выделяет два подвида идентичности на первой стадии:

1) диффузную, когда индивиды просто не интересуются своей этнической принадлежностью и не задумываются о ней;

2) предварительную, когда индивиды принимают («всасывают») позитивные этнические установки родителей и других взрослых и поэтому проявляют предпочтение по отношению к группе большинства.

Вторая стадия – поиски этнической идентичности (мораторий) – характеризуется исследованием своей этничности в собственной жизни, что имеет сходство со стадией моратория, описанного Марсия. Собственный опыт, значимые события в жизни этнической группы могут стимулировать «этническое пробуждение».

При эмпирической проверке модели выяснилось, что чаще всего событиями, заставившими подростков по-новому взглянуть на свое этническое происхождение, были случаи дискриминации и оскорблений по национальному признаку. Как считает американская исследовательница, «событие» становится таковым, лишь всплывая в памяти людей после того, как они прошли этап моратория.

Теперь несколько подробнее рассмотрим природу этнической идентичности как систему этнодифференцированных признаков, что предоставит возможность зафиксировать структурные и содержа-

тельные особенности этнической идентичности. Это, в свою очередь, поможет понять общие, семейно-психологические и психолого-педагогические условия становления и развития этнической идентичности подростков.

Мы считаем, что мощными факторами становления и развития этнической идентичности являются: родной язык; определенный психологический склад, который «передается», «присваивается» новым поколением, и эмоциональное отношение человека к историческому прошлому своего народа, к культуре, традициям. Эти факторы опосредуются через семейно-психологические условия. Рассмотрим их.

Семья признается многими исследователями институтом, наиболее тесно связанным с этнической реальностью, поскольку именно в ней происходит становление этнической идентичности человека. Именно семья является той начальной ступенью, на которой человек впервые знакомится с материальной и духовной культурой своего народа, узнает обычаи и обряды, постигает свой родной язык. Затем другие социальные институты могут усилить или ослабить этническую ориентацию, но фундамент этнической культуры, безусловно, закладывается в семье.

Также важнейшим условием, влияющим на этническую идентичность, является языковая сфера. Язык часто рассматривается как один из наиболее социально значимых этнических определителей. Безусловно, роль языка как фактора детерминации этнической определенности, используемого во многих исследованиях в качестве индикатора этнической идентичности, несколько снижается в условиях го-

рода. Но события последних лет затронули возрождение этой функции и выделили язык как важнейший этнодифференцирующий признак.

Социальный контекст играет существенную роль в формировании его этнической идентичности, детально это влияние изучалось в относительно небольшом количестве исследований. Какие элементы социального окружения подростка и каким образом оказывают воздействие на развитие его этнической идентичности? Следует отметить важность учета социальной структуры общества, в котором протекала этническая социализация.

Среди самых существенных факторов, в разной степени исследованных в мировой науке, можно выделить:

- 1) особенности этнической социализации в семье, а также в других ее институтах – школе, группе сверстников и т.п.;
- 2) особенности этноконтактной среды, прежде всего степень этнической однородности ближайшего и более широкого окружения;
- 3) место этнической группы в более широком социальном сообществе, статусные отношения между группами.

На формирование этнической идентичности непосредственное воздействие оказывают многие институты социализации.

Среди них выделяют, во-первых, государство, разрабатывающее политику в отношении национальной идентичности своих граждан, и институты, через которые это политика проводится (перепись, паспортная система, система образования), во-вторых, структуры гражданского общества (национальные движения и организации) [3]. Важная

роль в этнической социализации детей и подростков признается за семьей, в рамках которой представление об этнической принадлежности тесно связано с бытовыми ситуациями, семейными традициями и семейными преданиями. Еще одним условием формирования этнической идентичности является постоянный непосредственный контакт с этническими общностями, например, в биэтнических браках родители выступают как своеобразный катализатор в отношении к этническому (не обязательно на осознаваемом уровне). Потомки от биэтнических браков «острее» воспринимают все национальное, чем выходцы из моноэтнических семей [1]. Этот факт предполагает систему ориентации и возможных предпочтений в вопросе становления этнического самосознания человека через учет следующих компонентов: этническая принадлежность родителей; этническая группа; непосредственное общение во дворе, школе, микрорайоне.

Итак, все те факторы, которые определяют условия становления и развития этнической идентичности подростков, взаимообусловлены, и ни один из них не оказывает самостоятельного влияния и не действует изолированно. Вес и значение этих факторов меняются в разные

периоды жизни человека и в разных условиях развития общества, в том числе и российского.

Е.В. ГОЛУБ

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей//По материалам этносоциологического исследования в г. Москве/: Дисс...канд.ист.наук.– М., 1993.
2. Вяткин Б.А., Хотинец В.Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности//Психологический журнал, 1996. Т.17, №5. С.69-75.
3. Карпенко О. Быть «национальным»: страх потерять и страх потеряться. На примере татар Санкт-Петербурга//Конструирование этничности. – СПб., 1998. – С.37-96.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис/ под. ред. Толстых А.В. – М., 1996.
5. Этнология: учебник/А.П. Садохин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2006. – С.151-152.
6. Piaget J., Weil A.M. The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with other Countries//International Social Science Bulletin, 1951. – Vol.3. P. 561-578.
7. Phinney J.S. A Three Stage Model of Ethnic Identity Development in Adolescence// Ethnic Identity: Formation and Transmission among Hispanics and Other Minorities.– Albany, 1993. – P.61-79.

ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Создание в Советском государстве специализированного органа по религиозным вопросам относится к 1929 году, когда была образована Постоянная комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Аналогичные комиссии образовывались при Президиумах республик, краевых и областных исполкомов. В 1936 году при Президиуме Совета депутатов трудящихся Оренбургской (с 1938 года – Чкаловской) области была создана Комиссия по рассмотрению культовых вопросов.

В 1943 году произошли изменения в области государственного контроля религиозной деятельности: при Совнарком СССР образован Совет по делам РПЦ. Уполномоченные этого Совета осуществляли деятельность, связанную с организациями РПЦ в областях, в том числе и в Чкаловской. В 1944 году при Совнарком СССР был создан Совет по делам религиозных культов. Уполномоченный этого Совета по Чкаловской области осуществлял деятельность, связанную с различными религиозными объединениями, кроме православных (католическими, протестантскими, мусульманскими и др.).

С марта 1946 года Совнарком СССР переименован в Совет Министров СССР, в связи с чем изменилась подчиненность Советов по делам РПЦ и религиозных культов. С созданием Совета по делам религий при Совете Министров СССР, который

объединил Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов, Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Оренбургской области стал выполнять функции контроля различных религиозных объединений.

Задачами Уполномоченного Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Оренбургской области являются:

- проверка деятельности различных объединений в области по соблюдению ими законодательства;
- контроль проведения религиозных обрядов, церемоний в области недопущения посягательств на права граждан;
- проведение в жизнь конституционных норм, гарантирующих свободу совести граждан в СССР.

На местах соблюдение законодательства о религиозных культах контролируют районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся, которые разъясняют законодательство о культах, порядок его применения с учетом вопросов, возникающих на практике. Райисполкомы рассматривают ходатайства верующих граждан о регистрации религиозного объединения, выносят свое заключение. Заявления верующих и заключения райгорисполкома поступают в облизполком, а затем в Совет Министров СССР для рассмотрения материалов о регистрации объединения и открытии молитвенного здания.

После регистрации религиозного объединения райгорисполком выдает разрешения на проведение собраний верующих для обсуждения вопросов, связанных с управлением делами религиозного объединения, пользованием культовым имуществом, религиозными шествиями, совершением обрядов.

В 1985 году Исполнительный комитет городского Совета народных депутатов принял решение № 238 «Об утверждении комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах»¹.

За период с 1981 по 1995 год в структуре подчиненности и названии произошли следующие изменения: до февраля 1991 года – Уполномоченный Совета по делам религий по Оренбургской области подчинялся Совету по делам религий при Совете Министров СССР. Руководствуясь Постановлениями Верховного Совета СССР «О введении в действие Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», Верховного Совета РСФСР «О свободе вероисповеданий» и в связи с упразднением института Уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР, исполнительный комитет областного Совета народных депутатов решил образовать отдел по делам религий облисполкома².

В положении об отделе по делам религий облисполкома отмечено, что обозначенный орган является рабочим органом исполкома областного Совета народных депутатов, который образуется решением исполкома областного Совета народных депутатов и работает под его непосредственным руководством³.

Отдел является экспертным, консультативным, информационным и координационным центром, совместно с

депутатской комиссией областного Совета призван осуществлять повседневную деятельность по налаживанию конструктивного сотрудничества верующих и неверующих, установлению взаимоприемлемых отношений между государственными органами, общественными и религиозными организациями, соблюдению и единообразному осуществлению на всей территории области принципов свободы совести, закрепленных Конституцией РСФСР, а также реализации права граждан на пользование этой свободой.

Основными направлениями деятельности отдела являлись⁴:

1. Способствование установлению экономических связей с религиозными и общественными организациями в соответствии с требованиями законодательства о свободе вероисповеданий, в части:

а) осуществление права на благотворительную деятельность, создание культовых и просветительских организаций, учреждение органов массовой информации на условиях и в порядке, установленных для общественных объединений в РСФСР;

б) реализация права собственности на здания, строения, предметы культа, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для деятельности религиозных организаций, а также на другие имущественные и финансовые правоотношения, диктуемые законом РСФСР «О свободе вероисповеданий».

2. Принятие решений по просьбам государственных, общественных и религиозных объединений по реализации договоров, оказанию практической

помощи религиозным организациям по проблемам, требующим решений органов власти и общественных объединений.

3. Организационная и методическая работа с местными исполнительными комитетами Советов народных депутатов по делам религий и вероисповеданий по проблемам, связанным с исполнением законодательства о свободе совести и вероисповеданий.

4. Осуществление контактов, координация связей государственных, общественных и религиозных объединений.

5. Проведение работы по привлечению на сторону социалистических идеалов на позиции советского патриотизма и интернационализма верующих и духовенства за счет обеспечения свободы совести, невмешательства во внутренние дела религиозных организаций, предоставление им возможностей для полного удовлетворения духовных потребностей верующих.

6. Оказание содействия тем видам деятельности, которые объединяют верующих и неверующих (защита окружающей среды, сохранение памятников истории и культуры, благотворительность и т.п.), сплачивают людей различных мировоззренческих установок для решения насущных проблем жизни общества.

7. Формирование информационного банка данных о религиозных организациях, содействие развитию межконфессиональных связей.

8. Организация и проведение религиозно-экспертной экспертизы, выработка и предоставление в необходимых случаях официальных заключений по запросам органов управления и суда.

9. Подготовка данных, проектов решений, информирование членов исполкома областного Совета об актуальных проблемах деятельности религиозных организаций, о состоянии государственно-церковных и межконфессиональных отношений.

10. Осуществление мер по укреплению взаимопонимания и терпимости между религиозными организациями различных вероисповеданий.

11. Осуществление совместно с депутатами комиссий контроля исполнения решений съездов и сессий Советов, касающихся проблем государственного контроля соблюдения законодательства о свободе совести.

На основании решения облисполкома от 27 февраля 1991 года №48 в структуру областного Совета народных депутатов введен отдел по делам религии и вероисповеданий, который стал вести повседневную организационную и политическую работу по налаживанию конструктивного сотрудничества верующих и неверующих; установлению взаимоприемлемых отношений между государственными органами и религиозными объединениями, соблюдению на всей территории области принципов свободы совести, а также реализации права граждан на пользование этой свободой⁵.

В соответствии с Указом Президента РФ от 22 августа 1991 года №75 исполнительно-распорядительные функции государственного управления в областях стали осуществляться главами администрации⁶. В Оренбургской области первый глава администрации назначен Указом Президента от 24 октября 1991 года №154⁷.

Распоряжением главы администрации области от 1 ноября 1991 года №1-р Оренбургский областной исполнительный комитет был ликвидирован, а его правопреемником объявлен Глава администрации области⁸. 29 декабря 1991 года №152 в структуру областной администрации была введена служба уполномоченного по связям с религиозными объединениями⁹.

На основании распоряжения главы администрации области от 6 апреля 1992 года №326 служба уполномоченного по связям с религиозными объединениями переименована в комитет по связям с религиозными объединениями¹⁰. Согласно Положению о комитете администрации Оренбургской области по связям с религиозными организациями комитет являлся структурным подразделением администрации области. Комитет работал под непосредственным руководством заместителя главы администрации области – начальника информационно-аналитического управления администрации области. Комитет являлся экспертным, консультативным, информационным и координационным центром, осуществлявшим совместно с администрациями городов и районов области повседневную деятельность по налаживанию конструктивного сотрудничества верующих и неверующих, устанавливал связь и взаимоприемлемые отношения между государственными, общественными и религиозными организациями.

Комитет осуществлял свою деятельность, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях», федеральными и областными законами, указами и рас-

поряжениями Правительства Российской Федерации, распоряжениями главы администрации области, постановлениями правительства области, решениями Законодательного собрания области и Положением о комитете.

В 2004 году комитет по связям с религиозными организациями был вновь реорганизован в отдел, который вошел в состав комитета по делам национальностей и связям с религиозными организациями.

Рассмотрим основные задачи и функции отдела¹¹. Отдел оказывает практическую помощь и принимает непосредственное участие в установлении связей между религиозными, общественными, государственными организациями, отечественными и зарубежными предприятиями, фирмами и банками в соответствии с требованиями Закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно в решении вопросов по строительству, ремонту и реставрации культовых зданий; в открытии церковно-приходских и воскресных школ, осуществлении посреднической деятельности между церковью, школой, общественными организациями и учреждениями культуры в проведении церковных праздников, занятий в церковных школах; создании при религиозных организациях малых производственных предприятий, связанных с изготовлением товаров религиозной принадлежности, с производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, изготовлением товаров народного потребления; в реализации права собственности религиозных организаций на здания, строения, предметы культа,

объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительского назначения и иное имущество, необходимое для деятельности религиозных организаций.

Совместно с Законодательным собранием области, правоохранительными органами отдел содействует единообразному пониманию и соблюдению на всей территории области принципов свободы совести, закрепленных Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, а также реализации прав граждан на пользование этой свободой¹².

Отдел организует методическую работу с администрациями городов и районов области по проблемам, связанным с использованием законодательства Российской Федерации о свободе совести и вероисповедной практики, а также участвует в пропаганде российского патриотизма среди верующих и духовенства за счет обеспечения свободы совести, невмешательства во внутренние дела религиозных организаций, оказывает им помощь в возрождении и совершенствовании духовности, нравственности через этнические поучения различных религий¹³.

Также отдел формирует информационный банк данных о религиозных организациях области, содействует религиозным организациям по развитию тех видов деятельности, которые объединяют верующих и неверующих в защите окружающей среды, сохранении памятников культуры и истории, благотворительности; организует и проводит религиозоведческую экспертизу, вырабатывает и предоставляет в необходимых случаях официальные заключения по запросам органов управления и суда¹⁴.

Подготовка данных, информирование главы администрации области по актуальным проблемам деятельности религиозных организаций и о состоянии государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в стране и области также входит в сферу деятельности отдела.

Отдел по связям с религиозными организациями входит в управление по связям с общественными, национальными и религиозными организациями, которое, в свою очередь, представлено в структуре Министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области.

В годовом докладе «Оренбуржье в контексте информационной политики, общественных и внешних связей» С.Г. Горшенин отметил, что целью создания министерства в январе 2006 года является решение ряда серьезных задач регионального развития, которое в рамках своей компетенции осуществляет функции по реализации государственной информационной политики, установлению и развитию взаимовыгодных межрегиональных и внешнеэкономических связей с субъектами Российской Федерации и зарубежных государств, позиционированию Оренбургской области, укреплению приграничного взаимодействия и оптимизации миграционных процессов. На соответствующие подразделения возложены задачи по созданию благоприятных условий для деятельности институтов гражданского общества и системы социального партнерства, осуществлению государственной национальной политики, формированию регионального рынка туристических услуг. Министерство от-

вечает и за координацию государственных органов и организаций в указанных сферах¹⁵.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что разрешение проблем конфессиональных отношений является важным элементом внутренней и внешней государственной политики, которая характеризуется специфическими стратегией и тактикой, направленными на поиск путей достижения мира и согласия в Оренбургской области. Одним из приоритетов деятельности исполнительных органов власти в Оренбургской области должно стать осуществление такой конфессиональной политики, которая удовлетворила бы интересы и потребности всего населения области – как верующего, так и неверующего.

Ю.В. НАЗАРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ ГАОО. Ф. 63. Оп. 7. Д. 2283. Л. 62.

² ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2429. Л. 155.

³ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 2429. Л. 156.

⁴ Там же.

⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 3. Д. 489. Л. 1.

⁶ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 934. Л. 21.

⁷ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 6. Д. 935. Л. 24.

⁸ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Горшенин С.Г. Слово к читателю / Оренбуржье в контексте информационной политики, общественных и внешних связей: ежегодный доклад, 2006 г. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. – С. 3.

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Понятие «менеджмент» (англ. management – управление) означает совокупность принципов, форм, методов, приемов и средств управления материальными и человеческими ресурсами. Этот процесс осуществляют определенные группы людей, которые в соответствии с законодательством и устоявшимися в обществе нормами поведения реализуют властные функции относительно государственной, коммунальной, корпоративной собственности.

Политический менеджмент охватывает систему управления политической сферой общества на основе использования форм, методов и технологий правового менеджмента и политического маркетинга. Он предусматривает непосредственное рассмотрение, принятие и претворение в жизнь политических решений. Эта функция возложена на специализированную группу людей (политическая, правящая элита), которая добивается необходимого поведения людей – членов общества – с помощью правовых норм, уговариваний и

манипулирования. Эти виды социотехники управления называют еще инструментами регуляции влияния на людей.

Политический менеджмент существует уже давно. Даже в ранних обществах правители вынуждены были решать задачи повышения своего авторитета, расширения своего влияния на широкие слои населения, а конкурирующие группы и кланы всегда искали пути эффективного влияния на своих вождей, королей и императоров. Однако только в современном обществе политический менеджмент обретает масштабный характер. Это связано с пятью важными процессами, получившими бурное развитие в XIX-XX вв.

Первый из них – изменение роли масс в политической жизни общества. Этот процесс очень ярко и образно выразил испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. «XIX веку, – писал он, – принадлежит слава и ответственность за то, что он выпустил широкие массы на арену истории»¹. На смену обществам, где все решалось аристократическим меньшинством, где управляемость социумом обеспечивалась прежде всего за счет инертности широких масс, их невмешательства в вопросы политической власти, пришли общества, где «массы перестали быть послушными этим самым меньшинствам: они не повинуются им, не следуют за ними, не уважают их, а, наоборот, отстраняют их»². Для сдерживания разрушительных охлократических тенденций необходимо было переходить от прямого давления на массы к более скрытым способам воздействия.

Второй процесс – утверждение в сознании многих людей ценностей либерализма: свободы личности, идеологического и политического плюрализма,

толерантности, равенства всех перед законом, недопустимости вмешательства со стороны государства в частную жизнь и т.д. В этих условиях для достижения своих целей политической элите все чаще и чаще приходится прибегать к косвенному воздействию на людей, предпринимать попытки такого влияния на их мотивационную структуру, которое не противоречило бы их ценностным ориентациям и поддерживало бы у них ощущение свободы своего выбора, естественности совершаемых ими действий.

Третий процесс – демократизация общества. Утверждение в политической практике многих современных государств принципов правового государства вело к резкому сужению институциональных возможностей для произвола и применения нелегитимных форм насилия со стороны властей. Будучи ограниченными законом в своих действиях, государственные должностные лица и другие политические деятели не могли не обратиться к теории и практике политического менеджмента для укрепления своего авторитета и влияния, для проведения в жизнь своих замыслов и решений.

Четвертый процесс – введение всеобщего избирательного права. Как это ни кощунственно звучит, но массой, способной повлиять на выбор того или иного кандидата, нужно было управлять так, чтобы она не замечала направляющего воздействия, чтобы у каждого человека, пришедшего на избирательный участок, всегда сохранялось ощущение, что он действует самостоятельно, что его выбор является свободным.

Пятый процесс – превращение политических партий и общественных организаций, групп интересов в самостоятельных

субъектов, стремящихся играть активную роль на политической арене. Партии, общественные организации, группы интересов в отличие от государства лишены права на создание общеобязательных норм и на применение легитимного насилия, поэтому политический менеджмент становится для них единственно возможной формой управленческого воздействия на массы.

Итак, возрастание интереса к политическому менеджменту в XX в. было во многом обусловлено сужением рамок силового решения проблем в сфере политических властеотношений, утверждением ценностей и принципов правового государства, идеологического и политического плюрализма, уважения прав меньшинства, свободы оппозиции, толерантности. Ограничение действий высших государственных должностных лиц законом, провозглашение незыблемости прав и свобод личности, выход на политическую арену партий и иных организаций, не обладающих статусными ресурсами власти, требовали пересмотра способов достижения политических целей. Широко распространенные ранее методы государственного принуждения, откровенного насилия уже не соответствовали новым реалиям. Эффективность политического, в том числе и государственного управления должна была достигаться на основе иных средств, обеспечивающих исполнение принимаемых решений без репрессивного механизма санкций.

В данной статье акцент делается на пятый процесс – превращение политических партий и общественных организаций, групп интересов в самостоятельных субъектов, стремящихся играть

активную роль в сфере национальных отношений. Речь идет о сотрудничестве государственных органов и национально-культурных объединений в решении национальных проблем. Государство в этом плане имеет следующие стратегические установки:

- государственно-правовые нормы, идеология, культура, образование, информация, через которые утверждаются общегосударственная (национальная) идентичность, гражданская солидарность и общие ценности;

- внутренние формы самоопределения, включая государственное устройство и этнонациональную политику, через которые признаются и поддерживаются этническое и региональное своеобразие, культура, язык и идентичность всех этнических общностей (народов или наций);

- идеологические, правовые и силовые методы нейтрализации или подавления проявления крайних форм этнического национализма, особенно в их сепаратистских вооруженных формах или в форме разжигания межнациональной вражды и ненависти и основанном на них насилии³.

Руководство работой властных структур (администрация президента, правительство, министерства, ведомства и тому подобное) предусматривает формирование структуры управления, налаживания информационных потоков, отработки модели и процедур принятия политических, экономических решений.

Процесс принятия политического правительственного решения предусматривает такие этапы:

- сбор, проработка и интерпретация информации;

- выделение альтернативных проектов решений;
- выбор на основе принятых процедур окончательного варианта из имеющихся альтернатив;
- реализация на практике принятого решения;
- коррекция (в случае необходимости) решения.

У государства остается своя «зона ответственности» в строительстве этнокультурных отношений. Как считает В.А. Тишков, необходимо совершенствовать российское законодательство, определить статусы, «правовые коридоры» для языка этнических групп и общностей, проводить воспитание общества в духе солидарности и укрепления гражданского мира. Представления о современных этнических процессах, способах разрешения межэтнических конфликтов необходимо формировать и у работников правоохранительных органов.

Остается актуальной задачей повышение компетентности муниципальных служащих, проведение специальных совещаний и тренингов по вопросам правоприменительной практики в плане профилактики экстремизма⁴.

Оренбургская область по национальному составу представляет мини-Россию. Заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу В.Ю. Зорин в своем выступлении на расширенном заседании рабочей группы Общественного совета с участием руководителей национально-культурных общественных объединений Оренбургской области отметил: «Здесь накоплен значительный опыт деятельности органов

государственной власти, местного самоуправления совместно с национально-культурными общественными объединениями, направленный на сохранение межэтнического и межконфессионального согласия»⁵. Закон «Об областной целевой программе реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006-2010 годы» предусматривает проведение широкого круга мероприятий по развитию этнокультурного образования, национальных культур и системы мер противодействия национальному и религиозному экстремизму». В 179 школах Оренбуржья представители разных национальностей имеют возможность изучать родные языки. В городах и районах работают 5630 русских и 354 нерусских творческих коллективов с общим охватом более 64300 человек. Ежегодно в селах, городах области проводятся сотни национальных праздников, фестивалей, семинаров, этнографических выставок, которые способствуют расширению межкультурного диалога и укреплению межнациональных отношений. Имеются четыре национальные газеты, соучредителем которых является Правительство Оренбургской области⁶. Органы исполнительной власти Оренбургской области осуществляют планомерную работу по усилению пограничного таможенного контроля, совершенствованию миграционной политики, обустройству приграничной инфраструктуры. Используется такой инструмент государственного регулирования миграционных процессов, как квотирование. На 2007 год Правительством Российской Федерации для Оренбургской области были установлены следующие квоты:

– на выдачу разрешений на временное проживание – 500 человек;

– на выдачу разрешений на работу: для иностранных граждан, въезжающих в страну в визовом порядке, – в объеме 600 человек и въезжающих в безвизовом порядке – 15 тыс. человек⁷.

По инициативе губернатора Оренбургской области А.А.Чернышева создан музей культуры и быта народов Оренбуржья «Национальная деревня». В создании культурного комплекса участвовали десять национально-культурных центров: русский, татарский, казахский, украинский, башкирский, мордовский, чувашский, немецкий, армянский, белорусский. В домах, выстроенных в национальном стиле, размещены музеи, национальные кухни, библиотеки литературы на родных языках. Так, на открытии 16 сентября 2008 года немецкого подворья и дома-музея немецкой культуры, быта и этнографии присутствующие приветствовали выступления творческих коллективов Оренбургской области и Оренбурга: хореографический ансамбль Переволоцкого района, вокальный ансамбль «Квелле» (Оренбург), немецкую вокальную группу «Штэрхан» Акбулакского района, вокальный ансамбль «Юнгевельт» (Бугуруслан), народный ансамбль танца «Грация» Соль-Илецкого района.

Для укрепления этноконфессиональной стабильности органы исполнительной власти сотрудничают с религиозными организациями. 20 апреля 2006 года подписано Соглашение о сотрудничестве Министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области с оренбургской епархией Русской Православной Церкви, 7 июля 2006 года Соглашение о сотруд-

ничестве подписано с духовным управлением мусульман Оренбургской области. Разработка и реализация совместных программ, включающих актуальные проблемы сегодняшнего дня: нравственное и патриотическое воспитание, возрождение духовности личности, участие и проведение совместных благотворительных проектов, – будут способствовать спокойствию и миру в этноконфессиональной сфере.

Английский политический и государственный деятель, писатель Бенджамин Дизраэли (1804-1881) заметил: «Общины создаются людьми, но нацию могут создать только общественные институты». Эти слова не утратили своей актуальности и в начале XXI в., они касаются наций и их национально-культурных объединений. В Оренбуржье разработаны механизмы взаимодействия с общественными институтами. Плодотворную работу в этом ракурсе осветил в своем выступлении на заседании рабочей группы Общественного совета при полномочном представителе Президента РФ в Приволжском федеральном округе начальник управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области В.В. Амелин. В Оренбуржье не первый год функционирует Совет по делам национальностей при губернаторе Оренбургской области. Основные задачи Совета: выработка рекомендаций по проведению национальной политики в регионе, координация совместных действий органов исполнительной власти и общественных объединений по обеспечению прав народов и человека на территории области, разработка мероприятий по

предотвращению и принятию мер по пресечению любых проявлений шовинизма, национализма, расизма и экстремизма, умышленных действий, направленных на разжигание межнациональной розни.

На заседаниях Совета регулярно обсуждаются вопросы межэтнических отношений и состояния этнополитической ситуации в области, проблемы удовлетворения национально-культурных запросов населения. Принимаемые рекомендации и предложения, которые высказываются участниками Совета, направляются в различные организации для их реализации.

Как известно, молодость – это время для усвоения мудрости. Усвоению мудрости жить умно в многонациональном мире способствуют мероприятия научного характера: молодежно-студенческие конференции, круглые столы. Вот некоторые из них:

– «Противодействие экстремистской деятельности в России: проблемы теории и практики» (круглый стол по разъяснению Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности»);

– «Молодежь и экстремизм: проблемы воспитания толерантности»;

– «Роль средств массовой информации в профилактике и нейтрализации этнического экстремизма»;

– «Толерантность и этноконфессиональные отношения».

Повышение толерантности неразрывно связано с просвещением, образованием населения путем совместной работы государства и институтов гражданского общества⁸.

В деятельности Министерства образования многонационального Оренбуржья уделяется внимание формированию и

развитию системы этнокультурного образования. В развитии этнокультурного образования выделяются три основных направления:

– формирование и функционирование сети учреждений образования, осуществляющих данные направления в образовании;

– подготовка и переподготовка кадров;

– учебно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса.

В Оренбуржье большое внимание уделяется развитию традиционной народной культуры в рамках реализации этнокультурной политики. Модель этнокультурной политики в крае связана с плодотворным диалогом всех национальностей, населяющих Оренбургскую область. Социальная инфраструктура каждого района, города, области содержит ряд государственных культурных и образовательных учреждений, которые учитывают особенности национального и конфессионального состояния населения. Вместе с тем в этой сфере возрастает роль различных негосударственных организаций, в том числе национальных, которые заполняют не занятые государственными структурами ниши просветительской работы среди этнических групп региона. Это в основном национальные общества, центры, автономии, негосударственные институты.

Национально-культурным автономиям предоставлены широкие права по сохранению самобытности, языка, развитию образования и культуры народов России.

Со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления они вправе получать поддержку, необходимую для сохранения национальной

самобытности, развития национального языка и культуры, создавать средства массовой информации, получать и распространять информацию на родном языке, иметь свободный доступ к национальным культурным ценностям, сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, поддерживать культурные контакты с гражданами других стран. Права оренбуржцев по сохранению национальной идентичности закрепляются законодательством. 17 августа 2005 года принята «Программа реализации региональной национальной политики в Оренбургской области на 2006-2010 годы», являющаяся продолжением Программ 1994-1995 годов, 1996-1997, 1998-2000, 2001-2005 годов. В 2004 году был принят областной закон «О формировании установок толерантного сознания и противодействии экстремистской деятельности».

Д.А. ГИЛЬМУЛЛИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.//Анто-

логия мировой политической мысли. Т.II. М., 1997. – С.264

² Там же, – С.260

³ Тишков В.А. Россия – это нация наций.//Единство в многообразии. Оренбург, 2008. – С.176

⁴ Тишков В.А. О законах и ответственности государства.//Единство в многообразии. – С.164-167

⁵ Зорин В.Ю. О состоянии и перспективах развития межэтнических отношений в ПФО.// О реализации государственной национальной политики и совершенствование системы взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления с общественными объединениями по вопросам профилактики экстремизма на национальной и религиозной почве. Оренбург, 2007. – С.3

⁶ Горшенин С.Г. О работе органов исполнительной власти по реализации региональной национальной политики. Там же. – С.7-8.

⁷ Горшенин С.Г. Там же, – С.7.

⁸ Амелин В.В. Взаимодействие органов государственной власти с национально-культурными общественными объединениями по регулированию межнациональных отношений в Оренбургской области. Там же. – С.15-17.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ – РУССКАЯ ДУША

Русский народный танец является одним из наиболее распространенных и древних видов народного творчества. В танце русский народ передает свои мысли, чувства, настроение, эмоции. На протяжении многовековой истории своего развития русский народный танец всегда был тесно связан с бытом и обычаями русского человека (рождение,

свадьба и т.д.), с трудовым сельскохозяйственным годом. Русский народный танец неотделим от песни, которая наложила отпечаток на его характер и стиль, определила особенности русской манеры исполнения танца, наполнила танец содержательностью, сюжетностью, эмоциональной выразительностью и певучей пластикой.

Развитие русского народного танца тесно связано со всей историей русского народа. Каждая новая эпоха, новые политические, экономические, административные и религиозные условия отражались в формах общественного сознания, в том числе и народном творчестве. Это объясняет периодические изменения, происходившие в русском танце, прежде чем он дошел до нашего времени. Наблюдалась эволюция танцевальных форм, отмирали старые и зарождались новые виды танца, обогащалась и видоизменялась его лексика. В истории русского танца можно проследить несколько периодов, назвав первым период становления восточнославянских племен (IV-VI вв. до н.э.), когда во время народных игр, обожествляя природу, славяне исполняли ритуальные танцы и пляски, водили хороводы¹.

В VIII-IX вв. из многочисленных восточнославянских племен начинает складываться государство Русь. Племена были схожи не только лексикой, но чертами характера, например свободолобием, широтой души, что, естественно, стало просматриваться и в танце.

С принятием христианства на Руси распространилось скоморошество. Бродя по просторам нашей Родины, на праздниках скоморохи, исполняя забавные танцы, со временем превратились в первых профессиональных исполнителей русского танца.

Период Средневековья прошел для русского танца относительно спокойно. Лишь в конце XVII в. происходит новый всплеск его развития. Искусство и танец в частности становятся светскими. При Петре I создаются ассамблеи, положившие начало публичным балам в России.

Налицо было пренебрежительное отношение правящих кругов к русскому танцу как «мужицкому» и «деревенскому», а в XVIII в. он начинает вытесняться из городов².

Возрождение русского танца начинается в советское время. Новой формой проявления народного творчества стала художественная самодеятельность. Она впервые вывела русский народный танец на большую сцену, поскольку возникла потребность продемонстрировать танцевальные достижения русских широкой аудитории. Массовое развитие самодеятельности выявило множество талантливых исполнителей и постановщиков. В это время создается огромное количество профессиональных танцевальных коллективов, таких как Государственный академический ансамбль народного танца И. Моисеева, Государственный академический хореографический ансамбль «Березка» под руководством Н.С. Надеждиной, Государственный академический Северный русский народный хор, Государственный Уральский народный хор, Государственный Омский народный хор, Оренбургский государственный академический русский народный хор и т.д.

Существует кодекс правил в русском народном танце. «У плясуна должны быть»: дыхание глубоким, ноги веселыми и легкими, поступь твердая, стан гибкий, руки широкими и вольными, взор вдохновенным, темперамент кипучим, мастерство щеголеватым³.

Русский народный танец – важнейший популярный жанр в хореографии. В своем современном виде – это отточенная совершенная система элементов, упражнений и комбинаций, созданная в процессе длительного хореографического опыта.

Экзерсис народного танца – это большой специальный тренинг, развивающий специфику исполнения русского танца.

Условия жизни, характер труда накладывают свой отпечаток на русский народный танец. Большой оригинальностью и разнообразием отмечены народные танцы Урала. Уральское народное творчество вобрало в себя различные национальные черты. XVII в. открывает для государства сокровища уральских недр. Спасаясь от помещиков, сюда бежали крестьяне, позднее целыми семьями стали переселяться горнопромышленники. Если добавить к этим группам населения коренных жителей, среди которых встречались коми-пермяки, башкиры, татары, марийцы, то легко представить все национальное разнообразие населения Урала. Постепенно сближались их интересы, взгляды и культура. Все это органично слилось в песенном и танцевальном искусстве Урала. В отдельных плясках отчетливо видны элементы, навеянные марийскими и другими национальными танцами, но русский танец, в свою очередь, несомненно оказывал влияние на национальную танцевальную культуру других народов.

С другой стороны, сами условия жизни края порождали своеобразные манеры исполнения, оригинальную тематику русских народных плясок. Уральские народные танцы, на которые наложила свой жизненный отпечаток суровая величественная природа Урала, не спутаешь с другими. Истоки русского танца на Урале также лежат в далеком прошлом, в старинных обрядах и традициях, праздниках, отмечавшихся народными играми и забавами. Богатыми по своему содержанию являются русские народные пляски, не связанные с обряда-

ми и возникшие в более позднее время. Среди них кадрильные пляски. В некоторых из них довольно отчетливо отразились художественно-осмысленные и отработанные процессы народа. Примером могут служить «Топотуха» или «Ленок». В силу природных условий уральские народные пляски большей частью групповые – изобовые. Зимы на Урале довольно долгие, 7-8 месяцев, поэтому луговые и массовые хороводы не были широко распространены. Чаще всего парни и девушки собирались в избах и плясали по очереди. Среди наиболее распространенных уральских народных танцев можно выделить кадрили, кадрильные пляски, переплясы и игровые хороводы.

Самым распространенным танцем на Урале остается разнообразный по форме парный и массовый перепляс. В некоторых районах он называется «Доказывание», в других – «Казак»⁴.

Глубоко этичны уральские кадрили. В течение всего танца парень ухаживает за девушкой, завоевывает ее, красуется перед ней. Девушки же ходят плавно и степенно. Современные уральские кадрили, такие как «шестерка», «семерка», «восьмерка», отличаются быстрым темпом, стремительностью, темпераментными дробями, энергичными широкими движениями, частыми подскоками.

Тематика уральских игровых хороводов поразительно широка – от лирики до сатиры. Об этом можно судить по их названиям: «Поповна», «Станем Ванюшку женить», «Как на талую на землю», «Я по жердочке шла», «Как во кузнице», «Соловейка маленький», «Барабушка».

На Урале женщины выполняли работу не менее тяжелую, чем мужчины. Это, несомненно, повлияло на манеру и ха-

ракетер девушки в танце. Ей свойственна уверенная гордая поступь, проникнутая чувством собственного достоинства. Особенно интересны положения рук в народном танце Урала. Среди них «Свечка», «Замок» и др.

Традиционная лексика русского народного танца, вырабатываемая веками и преобразуемая до сих пор, включает такие основные элементы, как «ходовые движения, построенные на шагах», «веревочки», «ковырялочки», «прыжковые движения», «подбивочные движения», «моталочные движения», «дробь», «хлопушки» и др.⁵

Большое значение в русском народном танце имеет костюм. Изменять его, не считаясь со стилем танца, местным колоритом, значит разрушать целостность художественного произведения. Костюм русского танца определяет его стиль, характер, движения. Если на девушке длинное платье, то оно придаст ей грациозность и плавность, если покороче – задор и озорство.

Оренбуржье издавна славится песенно-танцевальными традициями, заложенными исстари и приумноженными оренбургскими казаками⁶. Вся полнота оренбургских особенностей русского народного танца отразил в своей танцевальной деятельности коллектив Оренбургского государственного академического русского народного хора, созданного в 1958 году. Сегодня этим замечательным ансамблем, успевшим со дня основания побывать в КНДР, странах Прибалтики и объехавшим всю Европу, руководит заслуженный деятель искусств России В.А. Позднеев⁷. Под его руководством было воспитано множество профессио-

нальных певцов, танцоров, музыкантов, десять из которых удостоены звания заслуженных артистов России⁸.

Воображение оренбуржцев в 1971 году поразил Государственный академический ансамбль «Березка», приехавший на гастроли с программой русских танцев. В основной состав коллектива вошли заслуженная артистка РСФСР М. Кольцова, ветеран ансамбля В. Бабарыкин, В. Зверев⁹. Наиболее запомнились оренбургским зрителям такие русские народные танцы, как «Березка», «Топотуха», «Узоры», «Холостяки» и др.¹⁰.

Среди оренбургских хореографов, развивавших русский народный танец, выделяется Г.Г. Перехватов – первый выпускник Оренбургского училища культуры. Окончив Краснодарский государственный институт культуры, он вернулся в родное училище уже преподавателем. Геннадий Григорьевич работает хореографом уже более 40 лет, является учителем высшей категории, имеет награды и благодарности от правительства Оренбургской области и администрации Оренбурга, он – «Отличник культурного шефства над селом», ветеран труда, заслуженный работник культуры РФ. Из-под его крыла на большие сцены страны вышли Д. Леонтьев, Р. Быков, А. Золотарев, И. Попов, Е. Сергеев, Е. Пономаренко и др. Г.Г. Перехватов вел активную работу по организации стажерских площадок для выпускников хореографических учебных учреждений в Оренбуржье, детских танцевальных коллективов, мастерклассов и классконцертов, является председателем жюри детского конкурса-смотра «Малахитовая шкатулка». В настоящий момент Г.Г. Перехватов – преподаватель народного танца

педагогического колледжа №2 Оренбурга и театра музыки и танца «Щелкунчик». Именно Геннадием Григорьевичем в 1990 году была составлена выборка народных танцев, а русский танец выделен в отдельный учебный предмет в хореографических учебных заведениях.

В чем красота и сила русского народно-го танца? Прежде всего в жизненной правде, оптимизме, законченности художественных образов, в которых отражались история русского народа, его обычаи, национальные черты – широта, удаль, мужественность, скромность. Народное искусство прекрасно потому, что в нем талант не одного человека, а целых поколений.

Русский народный танец – явление синкретичное, он органически связан с пением, игрой, музыкой, костюмами, культурой и, несомненно, с характером, отражая широту русской души и самой России.

И.А. ДАНИЛОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Устинова Т. Беречь красоту русского танца. – М., 1980. – С. 32.

² Там же. – С.57.

³ Климов А. Основы русского народного танца. – М., 1994. – С. 51.

⁴ Заикин Н.И., Заикина И.А. Областные особенности русского народного танца. – Орел, 2003. – С.60–64.

⁵ Там же. – С.67.

⁶ Оренбургский государственный академический русский народный хор. – Оренбург, 1981. – С. 1-2.

⁷ Оренбургский государственный академический русский народный хор. – Оренбург, 2007. – С. 1.

⁸ Емельянова Н. Родного края певчая душа// Южный Урал. – 2007. – 23 мая. – С. 12.

⁹ Ярошенко М. «Березка» – и сказка, и быль// Южный Урал. – 1971. – 20 апр. – С. 6.

¹⁰ Павлова Е. Оренбургский автограф «Березки»//Южный Урал. – 1971. – 25 апр. – С. 4.

О МЕРАХ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАЦИОНАЛЬНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность темы этноконфессиональной сферы более чем очевидна. Вопросы религиозного и национального экстремизма – это вопросы внутренней безопасности России, целостности и стабильности государства.

Нетерпимость и экстремизм и основанное на них насилие представляют со-

бой серьезную угрозу для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Наиболее распространенными проявлениями этого вызова являются конфликты в этноконфессиональной сфере, дискриминация по этническому и конфессиональному признаку, нетерпимость политических движений и идеологий.

Задача государственной политики Российской Федерации сегодня состоит в укреплении российской нации при сохранении ее этноконфессионального многообразия, гражданского мира и согласия.

В Самарской области накоплен значительный позитивный опыт реализации национальной политики, регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений.

В Самарской области проживает сложное по этническому и религиозному составу население, которое формировалось в ходе тысячелетней истории. По данным переписи 2002 года в области проживают представители 135 этносов и этнических групп, действуют более 60 национально-культурных объединений, в том числе 7 национально-культурных автономий местного, регионального и федерального значения.

Ресурсным центром реализации национальной политики является государственное учреждение «Дом дружбы народов», учредителем которого с 2006 года является аппарат Правительства Самарской области. Здесь размещаются офисные помещения 22 этнических организаций (татарская, чувашская, мордовская, украинская, башкирская, казахская, чеченская и т.д.), созданы условия для проведения мероприятий, действуют 15 коллективов национальной художественной самодеятельности, предоставляются услуги связи, информационные услуги.

Национально-культурными объединениями издаются сегодня 12 газет, 7 из них – на национальных языках (татарская «Бердэмлек», чувашская «Самар ен», мордовская «Валдо ойме», украинская «Проминь», немецкая «Волга-курьер» и др.).

В течение 2007 года ГУСО «Дом дружбы народов» провело более 120 мероприятий, в том числе конференции, семинары-тренинги, круглые столы, национальные праздники и т.д. Учреждением подготовлено и тиражировано 14 изданий общим тиражом 4 000 экземпляров, в том числе материалы семинаров, буклеты, брошюры, памятки и т.д.

При департаменте действует экспертно-методический совет по национальной политике, членами которого являются ученые, руководители общественных организаций, специалисты министерств. На заседаниях обсуждаются наиболее острые вопросы этнической сферы, в том числе вопросы финансирования. При Доме дружбы народов действует Общественный совет. Привлечение руководителей институтов гражданского общества к обсуждению управленческих решений в сфере национальной политики позволяет добиться гласности, прозрачности, коллегиальности и ответственности в принятии решений.

Департамент ежеквартально проводит мониторинг межэтнической ситуации в области. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии острых проблем в межэтнических отношениях в регионе. 85% опрошенных считают межэтнические отношения в области стабильными, спокойными; 11% считают, что происходят единичные ссоры, поступают жалобы; 4% считают, что межэтнические отношения носят конфликтный характер. В целом межэтнические отношения в регионе характеризуются как стабильные с признаками умеренной напряженности. Причем напряженность, как правило, появляется как реакция на локальные конфликты в

других субъектах РФ (Кондопога, сентябрь 2006 года – Тольятти, митинг), террористические акты (Беслан – село Сухие Аврали Елховского района).

Признаки межэтнической напряженности проявляются чаще в малых городах области, где более сильно социальное расслоение и значительна доля безработицы. Нашумевшие в свое время конфликтные ситуации в различных регионах страны – в значительной мере выражение социального протеста, облеченное в этническую форму.

Сегодня муниципальные образования также ответственны за профилактику экстремизма и ксенофобии. В некоторых муниципальных образованиях созданы советы по работе с национально-культурными объединениями (Тольятти, Самара), штабы по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений (Красноярский район, г. Новокуйбышевск). Это свидетельствует о стремлении местных органов власти отслеживать ситуацию и своевременно реагировать на негативные проявления.

В ряде школ Самара, Октябрьска, Тольятти разработаны и реализуются такие программы, как «Воспитание у детей толерантности и гражданской солидарности», «Психологические аспекты межнационального общения и предупреждение конфликтных ситуаций»; проводятся детские лагеря «Школа толерантности», «Шире круг», круглые столы, семинары, совещания по вопросам профилактики межэтнических конфликтов.

Сегодня очевидно, что реальная национальная политика расширила своё влияние на уровень местного самоуправления. Государство задает общие стандарты, а

основные события происходят на уровне местного самоуправления в городах, в поселках. Сегодня вопросы этнокультуры, этнообразования, досуга, безопасности – в ведении органов местного самоуправления. Муниципальные служащие – это категория управленцев, которая должна «владеть темой» этноконфессиональной сферы, профессионально решать те или иные вопросы, возникающие в этой тонкой и деликатной сфере. Поэтому в 2008 году департаментом по информационной политике и связям с общественностью были организованы и проведены ряд семинаров в муниципальных образованиях на тему «Как управлять этническим многообразием». Здесь важна практическая направленность курсов, помощь в организации диалога разных групп – представителей гражданского общества и власти.

Особая категория, с которой необходимо работать вплотную, – молодежь.

В декабре 2007 году по заказу Правительства в области было проведено социологическое исследование «Экстремизм и межэтнические отношения в среде школьников и учащейся молодежи». Были опрошены молодые жители Самары в возрасте от 16 до 21 года. Результаты анализа позволяют характеризовать самарскую молодежь как обладающую достаточно высоким потенциалом толерантности. Более 80% участников опроса отрицательно относятся к проявлениям экстремизма. Однако примерно для каждого 6-го этничность может стать причиной напряженности. Для 90% молодежи в той или иной степени характерна мигрантофобия. Причины роста неприязни среди самарской молодежи к мигрантам – отсутствие или недостаточность информации, стерео-

типы и предубеждения, транслируемые в массовом сознании средствами массовой информации, мнение окружающих.

Сегодня выросло целое поколение, которое не знает страну, не знает общую российскую историю. Нам пора признать, что после распада СССР процесс интернационального воспитания в России сильно упал. Необходимо воспитывать у людей, особенно у молодежи, чувство уважения к другим народам, к их традициям и обычаям, чувство добрососедства.

Сегодня во многих Самарских вузах (Самарский государственный университет – 30 человек, Самарский медицинский университет – 25; Самарский технический университет – 30) обучаются студенты по направлению из Чеченской Республики, где ощущается кадровая проблема. К нам приехали юноши и девушки, которым в 1995 году было 5-6 лет, естественно, у них есть определенные пробелы в знании, проблемы с учебой, поведением. Для молодых людей характерно вызывающее поведение, граничащее с нарушением общепринятых норм и законов. Данная ситуация вроде бы под контролем, но любая конфликтная ситуация, где одной из сторон будет представитель чеченской национальности, может обернуться бедой. Такое положение вызывает определенную напряженность в молодежной студенческой среде.

В декабре 2007 года в Доме дружбы народов впервые были проведены семинары-тренинги «Школа мира и дружбы» с участием студентов Международного института рынка и Самарского государственного университета – будущих юристов и менеджеров, где молодые люди – представители разных национальностей,

пожалуй, впервые задумались о хрупкости мира, о важности сохранения межэтнической стабильности и толерантности.

Здесь необходимо усилить воспитательную, профилактическую работу, целесообразно продумать программу организации досуга чеченской молодежи. От того, с каким багажом знаний и с какими представлениями о единой стране вернутся в республику будущие управленцы, юристы, во многом будет зависеть и стабильность в будущем на Северном Кавказе. Наша задача – помочь чеченской молодежи в обретении прочных знаний, а возможно, новых друзей в Самаре.

Обучающие программы по этноконфессиональным особенностям жителей области нужны и представителям правоохранительных структур. В первую очередь они становятся свидетелями той или иной конфликтной ситуации на улице, в людных местах. От их поведения, от их умения изменить ту или иную ситуацию зависит многое в профилактике и разрешении конфликта. В 2006 году был выпущен «Справочник самарского милиционера: этносы, религии, культуры», получивший высокую оценку со стороны руководства ГУВД Самарской области и Минрегионразвития России. Департаментом в 2008 году данный справочник переиздан с дополнениями.

Одна из острых проблем современности – миграция. Не секрет, что в ряде российских городов наблюдается рост уровня ксенофобских настроений, эскалация преступлений на почве этнической ненависти. В течение первых двух месяцев 2008 года в стране произошло около 60 преступлений на почве ксенофобии, от рук агрессивных националистов погибли 36 человек, 58 получили увечья.

Наиболее проблемными остаются Москва, Санкт-Петербург, Свердловская область, Воронеж.

Самара является относительно спокойным в этом плане регионом.

В.В.Путин в одном из своих выступлений говорил о том, что для снижения ксенофобии необходима адаптационная работа с мигрантами. Если мы сегодня на государственном уровне признаем необходимость трудовой миграции, необходимо помочь и мигранту интегрироваться в самарский социум. Сегодня государство, создавая условия для работы национально-культурных центров в Доме дружбы народов, заинтересовано в том, чтобы этнические общественные объединения (киргизская организация «Манас ата», узбекская – «Алишер Навои», таджикская – «Сомоньен», «Лига азербайджанцев Самарской области» и др.) брали на себя определенную ответственность за поведение своих земляков. Сегодня данные организации являются «ступенькой» в социокультурной интеграции мигрантов. В качестве позитивного примера можно привести деятельность «Лиги азербайджанцев Самарской области»: издание газеты «Очаг», консультационная помощь мигрантам, работа воскресной школы, женского клуба, молодежной секции, футбол, конструктивное сотрудничество с органами власти и ГУВД, гражданская позиция лидеров организации и их активное участие в работе различных экспертных советов при правительстве, УФМС, ГУВД, уполномоченном по правам человека – все это демонстрирует потенциал этнической организации в адаптации своих земляков к новым условиям существования.

Одним из приоритетных направлений в работе Дома дружбы народов и общественных организаций является и деятельность

по адаптации мигрантов в принимающее сообщество. С февраля 2008 года на базе учреждения проводятся консультации для мигрантов по трудовым и миграционным вопросам. В учреждении предоставляется исчерпывающая информация о правовых актах российского законодательства, о принятых в России нормах поведения и общежития, здесь мигранты могут познакомиться с культурой и обычаями проживающего старожильческого населения.

В Самарской области сегодня сформированы стабильные межэтнические и межконфессиональные отношения. По мнению экспертов Российской академии наук и Министерства регионального развития РФ, Самарская область наряду с Пермским краем и Оренбургской областью относится к регионам, где проводится эффективная национальная политика.

Вместе с тем сегодня нельзя останавливаться на достигнутом – необходимо научиться грамотно осознавать грядущие вызовы и угрозы и готовить адекватную реакцию на эти вызовы. События в мире и в ряде российских регионов демонстрируют, что это обострение не является случайностью. Жизнь наглядно показывает, что проблемы межэтнического, межконфессионального взаимодействия не только не сходят на нет, но и актуализируются. Ксенофобия как общественное явление в той или иной форме присутствует везде, где есть представители различных этнических групп и рас. Поэтому главное в этом направлении – знать настроения граждан, глубину существующих проблем и принимать своевременные меры для обеспечения стабильности в этноконфессиональной сфере.

Н.П. ОСИПОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОРЕНБУРГСКОМ СЛЕДЕ В «РУССКОМ КИТАЕ»

Одним из центров «белой» русской эмиграции в годы гражданской войны стал Китай. Судьба оренбургских казаков, отступавших с армией Колчака на восток, также связана с Китаем.

В книге А.В. Ганина «Черногорец на русской службе: генерал Бакич» (М., 2004) опубликованы воспоминания Синзянского «Крестный путь отдельной Оренбургской армии. Из дневника конвойца». Автор пишет, что в первых числах декабря 1919 года командующий армией А.И. Дутов из-за оказавшихся в его тылу большевиков решил отходить из Каркаралинска на Сергиополь (станция Семиреченского казачьего войска в 200 верстах от границы Китая), отходить по трем направлениям... Предстояло преодолеть путь в 550 верст. Бывавшие в этой голодной пустыне посоветовали казакам запастись жареной пшеницей или пшеном, так как в пути ничего достать нельзя. 3 декабря армия вступила в пределы Каркаралинской степи. Морозы стояли суровые, люди были измучены непрерывными походами, болели всеми видами тифа. Весь путь Оренбургской армии от родных берегов Урала до границы Китайского Туркестана через Каркаралинскую голодную степь и перевал Кара-Сарык высотой в 18 футов был пройден пешком порядком, больными измученными людьми. Как свидетельствуют архивные документы, в числе ушедших с Дутовым были 5 офицеров, 2 военных чиновника, 708 казаков из станицы Донецкой, 3 офицера, 131 казак из Верхнее-Платовской,

130 казаков из Капитоновской... На протяжении всего пути отступающая Оренбургская армия оставляла трупы лошадей и курганы nasкоро зарытых станичников. Спали под открытым небом, на снегу. На 15-й день закончилось продовольствие. На привалах приходилось резать лошадей и верблюдов. В Сергиополь пришли на 21-й день скитаний. Здесь был уже генерал Бакич с корпусом. На последнем пикете при регистрации выяснилось, что до Сергиополя из 60 тысяч дутовских казаков дошли всего 33 тысячи, остальные погибли в пути от голода и болезней. По другим данным в армии Дутова было до 40 тысяч человек, из которых лишь 3 тысячи боеспособных. По мнению историка А.В. Ганина, до Сергиополя добралось около 10 тысяч человек. Наконец, сам Дутов считал, что ему удалось вывести 14 тысяч человек при 150 пулеметах и 15 орудиях¹.

Другой участник отступления Отдельной Оренбургской армии в Семиречье – офицер иркутского казачьего войска И. Еловский в своих воспоминаниях также описал отступление в Китай остатков казачьих отрядов атамана Дутова. «К 15 декабря 1919 года, – пишет автор, – части белой армии стали прибывать в Сергиополь... Хотя оренбургский отряд и занимал свои позиции, но не мог уже быть по-прежнему боеспособным из-за возрастающей смертности от тифа, холода, истощения, отсутствия медикаментов и ухода. От каждой части назначались особые команды, которые непрерывно рыли

могилы и носили туда умерших. Зарывали в одну могилу иногда до 25 человек. Жители сел, в которых размещался отряд, тоже повально были все больны». К середине февраля 1920 года красные прижали отряды казаков к китайской границе неподалеку от города Чугучака. Оставалось защищаться или переходить границу, сдав оружие китайцам. Части бывшей Отдельной Оренбургской армии оказались сосредоточенными в приграничном районе вокруг двух центров Западного Китая – городов Суйдун (отряд Дугова) и Чугучак (отряд Бакича) на значительном удалении друг от друга. Утром 14 марта 1920 года (по сведениям историка А.В. Ганина – 27 марта) «оренбуржцы, расстреляв почти все патроны и сделав все, что можно было сделать, с сознанием исполненного долга перешли пределы своего многострадального отечества и вошли в чужую страну». Перешедших было свыше 10 тысяч человек (не считая беженцев)². После сдачи оружия всех разместили в военном лагере на берегу реки Эмиль, в 40 верстах от города Чугучака. Довольствие получали от китайцев, но за наличные средства отряда: четверть фунта баранины и 1 фунт хлеба на человека в сутки. Голод и лишения на чужбине вынудили часть казаков тогда же, в 1920 году, принять решение о возвращении в Россию. Никаких препятствий к возвращению на Родину как со стороны командного состава, так и китайских властей не ставилось. Казаки и солдаты уходили «домой» группами. По данным штаба Бакича к 27 (14 июля) 1920 года в лагере на реке Эмиль оставалось 1468 офицеров, 3557 солдат, 721 член семей военнослужащих, 1000 гражданских беженцев, всего 6746 человек, то есть от-

ряд покинули 4892 человека. «В то время трудно было сказать: тот ли счастлив, кто идет в Россию, на милость вчерашних врагов, поближе к своим родным очагам, или тот, кто останется, претерпевая разные лишения, на чужбине», – писал в воспоминаниях И. Еловский. Автор этих строк выбрал чужбину: из лагеря на реке Эмиль бежал сначала в Пекин, потом перебрался в Америку. Воспоминания, о которых идет речь, написаны в марте 1921 года в Пекине³.

Сын участника исхода оренбуржцев в Китай, уроженец Чугучака писал о судьбе остатков Отдельной Оренбургской армии: «Оренбуржцы просыпались как песок, не оставив о себе следа в истории. Песок и ветер замели их тяжкий путь на Голгофу, как будто ничего и не было. И только случайные «встречи» напоминали, что они все-таки были: я хорошо помню, как мужики, ездившие из Чугучака в Шара-Сумэ по своим извозным делам, рассказывали, что в пустыне ветер, сметая песок, обнажал человеческие скелеты, валявшиеся то в одном, то в другом месте на обочине дороги. Много скелетов»⁴.

После ухода казаков и солдат в Россию в лагере на реке Эмиль осталось немногим меньше половины того количества, которое перешло границу. Люди постепенно привыкали к своему новому положению. Уже 23 апреля в День Георгия Победоносца, традиционный праздник Оренбургского казачьего войска, были устроены скачки, джигитовка и военные игры. Летом казаки по одному или несколько человек жили в построенных из тальника балаганах, а к зиме вырыли землянки. «Роющие землянки говорили, что роют себе могилы, – вспоминал И. Еловский, – пожалуй,

это походило на правду. Жизнь в сырых землянках, без топлива, обмундирования и при полном недоедании могла сказаться на лагере губительно. Врачи предсказывали цингу и другие неизбежные эпидемии. Из отряда началось массовое бегство в разные стороны. Но больше всего на Ургу и далее...»⁵.

В аналогичной ситуации пребывали и остатки отряда генерала Дутова, выступившего из Семиреченского края по направлению к китайской границе: отряд до 1500 оренбургских казаков был также интернирован и находился в районе Кульджи (город на западной границе Китая, в 750 верстах южнее города Чугучак). Казаки оказались в крайне тяжелых материальных условиях, иногда были вынуждены буквально голодать, существовали за счет двухфунтового пайка муки, выдаваемого китайскими властями. От одежды и обуви остались жалкие отрепья. Дутов с частью казаков обосновался в Суйдуэ (в 50 км от Кульджи), поселился в отдельном доме с гражданской женой и маленькой дочкой. В отстроенных казармах жили офицеры, семейные вырыли землянки. Дутов готовился к новому походу на Россию, постепенно приводя в боевую готовность свои силы. Однако в феврале 1921 года в результате чекистской операции Дутов был убит. Атамана похоронили на следующий день после убийства во дворе казарм, среди землянок. Через несколько лет останки Дутова перенесли на суйдунское католическое кладбище (предположительно на кладбище у реки Доржинки в 4 км от Суйдуэ), где на его могиле сложили пирамиду из крупного булыжника.

Достойной замены атаману в белом движении оренбургского казачества не нашлось. Ликвидация Дутова способ-

ствовала распаду казачьей эмиграции в Западном Китае. Начались борьба за власть и разложение отряда, о дисциплине никто не вспоминал... 16 февраля 1923 года войсковым атаманом зарубежных оренбургских казаков был избран бывший помощник Дутова Генерального штаба генерал-майор И.Г. Акулинин, оставшийся на этом посту вплоть до смерти в 1944-м. Борясь за выживание, казаки вели собственное хозяйство, брались за любую работу, создали рыболовную артель во главе с войсковым старшиной Ткачевым, сами пекли хлеб, занимались огородничеством и выделкой шкур. Процент от заработной платы отдавали в отряд. Неплательщики отчислялись из отряда. Офицеры же большую часть своих денег пропивали, обычным делом были пьяные драки. Казаки начали уходить из Суйдуэ в Кульджу и Харбин.

Надеясь на лучшее будущее, кульджинские казаки командировали в Харбин депутата Войскового круга Н.П. Скобелкина, чтобы как-то посодействовать их переселению из Кульджи в другой пункт, где можно было найти работу. Н.П. Скобелкин в феврале 1923-го сообщил о положении казаков в Кульдже генералу Акулинину, находившемуся в Германии. Вскоре комитет «Казачья помощь» обратился в Российскую дипломатическую миссию в Константинополе с просьбой возбудить ходатайство об оказании помощи в эвакуации в полосу отчуждения КВЖД уцелевшим казакам из отрядов Дутова и Бакича.

В начале 1925 года отряд Дутова был ликвидирован. В 1930 году в Синьцзяне оставалось около 18 000 русских. Здесь оформились «Офицерский союз» полков-

ника П.П. Паленгута, группа полковника И.В. Могутнова. Однако реальной силой они не обладали. К помощи бывших дутовцев прибегали китайские власти в борьбе с народными выступлениями, их вербовала английская разведка. Постепенно казаки уходили в Кульджу, пробирались в Харбин (полосу отчуждения КВЖД), Шанхай, другие китайские города, где уже жило русское население, и неплохо жило, довольно спокойно и обеспеченно, храня уклад жизни дореволюционной России, традиции и язык своего народа⁶.

В 1920-е годы между Россией и Китаем граница была еще фактически открыта. Из России люди легально уезжали в Маньчжурию, а беженцы могли возвратиться на родину. Белогвардейцы до последнего времени верили в возможность противостоять большевизму, надеялись еще нанести сокрушительный удар, тщательно подготовившись к нему здесь, в полосе отчуждения КВЖД, на ближайших границах. Главным русским городом в Маньчжурии был Харбин, основанный в 1898 году как русский административный центр, обслуживающий строительство и функционирование КВЖД. С самого начала он стал заселяться российскими подданными разных национальностей. Среди прочих здесь стала складываться казачья среда. Русское население Харбина в 1913 году насчитывало 36 528 человек и представляло собой пеструю смесь различных социальных, политических и культурных групп. Харбинцы в 1920 году приняли к себе русских беженцев от коммунизма. Уже в 1920-м в Харбине оренбургские казаки создали Рабочую артель, переименованную в 1922 году в Оренбургскую казачью дальневосточную станицу – первое казачье объединение в

Маньчжурии (атаман – есаул А.Я. Арапов). В 1924-м в Харбине была образована Оренбургская имени атамана А.И. Дутова станица (атаман – генерал-майор В.В. Кручинин). В 1927-м обе станицы объединились в одну. Оренбургские казаки в 1923 году вошли в состав Восточно-Казачьего союза с центром в Харбине (председатель правления – оренбургский казак полковник Г.В. Енборисов). В 1930-х годах в Союзе казаков числилось 109 офицеров-оренбуржцев, проживавших в Маньчжурии. Несмотря на тяжелое материальное положение оренбургских казаков-эмигрантов, в 1930-е годы в Харбине функционировал кружок ревнителей истории Оренбургского казачьего войска. В 1932-1936 годах ко дню войскового праздника выходили ежегодные однодневные газеты, а в 1937-1939 годах даже отдельные сборники «Оренбургский казак», публиковавшие мемуары и исследования по истории войска, в том числе периода гражданской войны. В это же время в Китае вышли воспоминания генералов И.Г. Акулинина, А.В. Зуева, полковника Г.В. Енборисова. Многие русские эмигранты в Китае, как и ранее поселившиеся здесь, так или иначе были связаны с КВЖД. По свидетельству историка Г.В. Мелихова, на КВЖД в 1923 году работали 18 362 служащих и рабочих. Сотням русских беженцев и эмигрантов в 1917-1922 годах дала работу, спасая от голода и обеспечивая их семьи, фирма «Чурин», владевшая многочисленными магазинами, фабриками, заводами, мастерскими.

Бывшие белогвардейцы поначалу ютились в жалких хибарах в кварталах зеленого базара и Модягоу, а встав на ноги, строили себе настоящие дома. Любопытно, что в начале 1950-х годов выезжавшие

в СССР на освоение целины эмигранты указывали в выездных документах адрес в Харбине – «Пристань Казачья». Они жили обособленно, объединенные антисоветскими, антикоммунистическими настроениями, мечтали о будущем освобождении России. Благодаря трудолюбию, предприимчивости у русских в Харбине к началу 1925 года уже имелось более 1200 производств, торговых и финансовых предприятий, учреждений культуры, принадлежащих российскому капиталу⁷. Это только в Харбине, не считая других городов. Вполне вероятно, что среди предприимчивых людей были и оренбургские казаки. Уместным будет привести здесь высказывание о казаках русского географа Ф.Ф. Буссе, который писал: «Он (казак) – охотник, плотник и кузнец; в лесу, в степи как дома: он везде найдет дорогу и средства к существованию, он обладает талантом объясняться с местными жителями, язык которых ему совершенно неизвестен; он невероятно изобретателен в пользовании тем, что дает природа. Словом, это человек самостоятельный, уживчивый и способный выйти победителем из самых затруднительных положений»⁸. К этому бесспорному гимну казаку можно в качестве достоинств добавить и довольно значительный процент грамотности.

Оренбургские казаки, как и другие русские эмигранты, осели также в городах Гирич, Чанчунь, Тяньцзинь, Мукден, Дайрен, Порт-Артур, Пекин. С 1919 года началось увеличение численности русской общины в Шанхае, особенно когда туда устремились сторонники белого движения в Сибири, беженцы, офицеры белой армии и казаки со своими семьями. В Шанхае существовала Оренбург-

ская имени атамана Дутова станица, атаманом которой являлся полковник Д.В. Кочнев. Приехавшим из Харбина Шанхай казался недоброжелательным к своим новым обитателям: здесь довольно ярко проявлялись интересы и присутствие крупнейших европейских стран. Русская колония в Шанхае, как и в Харбине, старалась вести дореволюционный образ жизни, сохранять традиции, язык. Однако большинство русских в Шанхае с трудом сводили концы с концами: не имеющим китайского гражданства невозможно было сразу найти работу. К 1925 году в Шанхае проживало свыше 10 000 русских. В 1935 году из Харбина в Шанхай перебрались 2275 эмигрантов и 204 советских гражданина. В начале 1940-х годов русское население Шанхая по разным данным составляло от 50 до 70 тыс. человек. Расцвет «русского Шанхая» пришелся на 1930-е годы. Это был наиболее благоприятный период существования оренбургской казачьей эмиграции на Дальнем Востоке, когда казаки уже сумели адаптироваться к новым условиям, трудоустроились, активизировали исследовательскую и просветительскую работу. Эмигранты объединялись в профессиональные клубы, общества, организации, организовывали издательства, редакции газет и журналов, частные и общественные больницы, школы. Многим в Шанхае был известен «Казачий дом» с висевшим в нем портретом Дутова в рост. Осенью 1937 года русские эмигранты в Шанхае организовали общество «За возвращение на Родину», издавали газету «Возвращение на Родину» («Новая жизнь»), активно проявляли себя «Общество граждан СССР», ассоциация советских женщин и др.

Колония русских в Тяньцзине в 1925 году насчитывала 387 человек. Они открыли фирмы, торгующие пушниной, шерстяные и ковровые заводы, типографии, издательства, заводы алкогольных напитков, рестораны, кузнечный завод, булочные, обувные магазины⁹.

В преддверии войны оказавшиеся на чужбине русские воины, в том числе и казаки, стремились вернуться, чтобы разделить судьбу своей страны. Но было много и таких, которые, объединившись в различные союзы, готовы были помогать фашистам, только бы вернуть прежнюю Россию. В годы Второй мировой войны часть оренбургских казаков, включая генерала И.Г. Акулинина, поддержала Германию в борьбе с СССР. Япония, активно готовясь к войне с Россией, наводнила все крупные города Дальнего Востока своими резидентами, в основном из белых эмигрантов, в том числе и казаков. Они обычно скрывались под видом фотографов, аптекарей, владельцев ресторанов и отелей, редакторов газет и журналов, научных работников, учителей и т.д. В 1932 году в Харбине были открыты специальные курсы для эмигрантов, готовящихся для отправки в Советский Союз в качестве агентов. Нередко японская разведка прибегала к форсированному способу вербовки в агенты лиц, не желавших добровольно идти на эту работу. Следует отметить, что Россия невольно сама создала прецедент массового шпионажа Японии на советской территории. Образование многочисленной белой эмиграции на рубежах Советского Союза создавало невыгодное для советского правительства мировое общественное мнение. Поэтому с самого начала ее образования советским правительством проводилась кампания по возвращению

эмигрантов на Родину. Вместе с патриотами России возвратились и будущие резиденты иностранных разведок.

Участь русских эмигрантов, решивших вернуться в Россию в середине 30-х годов (их всех называли харбинцами), была предрешена приказом КГБ СССР от 30.09.37. (20.09.37) № 005936. В нем говорилось: «Органами НКВД учтено до 25 000 человек, так называемых харбинцев (бывшие служащие Китайской Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоуго), осевших на ж/д транспорте и в промышленности союза. Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы в подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т.п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной, шпионской деятельности. Доказательством этому могут служить следственные материалы. Например, на ж/д транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4500 харбинцев...

Приказываю:

1. С 1 октября 1937 года приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской

и вредительской деятельности; б) бывшие белые реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований, в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.)... л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство...

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года¹⁰.

Во время войны многим русским эмигрантам, обращавшимся в советское посольство с просьбой о выезде в Россию, не разрешили вернуться домой: ведь те, кто рвались на Родину, могли оказаться потенциальными немецкими, японскими, американскими шпионами.

Послевоенное обращение правительства к соотечественникам, оказавшимся за рубежом, с призывом вернуться на родину, готовую простить им минутную слабость, что заставила их некогда свою страну покинуть, нашло горячий отклик в душах тех, кто десятилетиями жил без гражданства, ощущая себя чужаком. Уехать в Советский Союз было значительно проще, чем в другую страну, – советское правительство предоставляло визы, гражданство, обеспечивало беспрошленный ввоз любого количества багажа, а также бесплатный проезд для тех, кто готов был ехать осваивать целинные земли. В 1947 году после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о репатриации советских граждан начался массовый исход из Шанхая – выехала одна треть русской диаспоры, не зная и не особенно еще задумываясь о том, что их ждет. Следующая волна репатриации пришла на 1949 год. Уезжали в Америку, Канаду, Австралию и Советский Союз.

В 1951 году отправляли в Советский Союз сначала детей, а потом и родителей. С передачей Советским Союзом в 1952 году безвозмездно прав на управление КВЖД правительству КНР, Харбин перестал быть русским городом. В 1954 году ушли на родину последние эшелоны с репатриантами. От многочисленной русской колонии в Шанхае осталось лишь около 200 человек, так и не рискнувших еще раз в одночасье круто изменить свою судьбу. До станции Маньчжурия ехали в комфортабельных спальнях вагонов. На станции Отпор пересаживались в теплушки. Здесь, на границе, выдавали деньги на устройство: 3 тыс. рублей на главу и по 600 рублей на остальных членов семьи и отнимали все непопавшее – книги, иконы, граммофонные пластинки. Люди, прибывавшие из Китая, проверялись КГБ по месту жительства, и дела так называемых «реэмигрантов из Китая», находящиеся в Центре документации новейшей истории Оренбургской области, отражают результаты этих проверок¹¹.

Особенностью репатриации 1950-х годов было то, что людей отправляли не в родные места, а на неосвоенные земли, как писали в заявлениях-анкетах реэмигранты, «на освоение целинных земель, в любое место по усмотрению правительства», где им предстояло начинать жизнь с нуля. О процессе переселения, продолжавшемся около трех лет, ничего не сообщалось ни в газетах, ни по радио. А между тем происходило историческое событие: репатриация миллионной китайской диаспоры русских как бы означала окончание эпохи усобицы и братоубийства, расколовших страну на «красных» и «белых».

Шок от столкновения с новой жизнью был слишком сильным. Целинники писали оставшимся в Китае родственникам и знакомым, чтобы не вздумали приезжать в Россию. КГБ отслеживало поведение реэмигрантов, их переписку. Местные власти старались трудоустроить приезжих, помочь наладить их быт. Партийные работники призывали вести массово-политическую работу среди граждан, прибывших из Китая. Репатриантам не доверяли. Они подвергались дискриминации при выдвижении на руководящие должности, при приеме в партию, комсомол, поступлении в вузы. С подозрением смотрели на тех, кто много лет жил подругому и в другой стране. Семья Ираиды Петровны Коваленко, родившейся в Харбине в семье сотрудника главной конторы И. Чурина, приехав в 1954 году на целину, оказалась в совхозе им. Сталина Илекского района Чкаловской области. Их с маленькими детьми временно разместили в домах местных жителей. Саманные и финские домики достраивали сами репатрианты... С согласия руководства совхоза при первом удобном случае репатрианты устроились на работу в Чкалове и привезли справку в совхоз. И.П. Коваленко устроилась кассиром в бухгалтерию дорожной клинической больницы, оформила документы и переехала в город¹².

Как видим, большая часть эмигрантов вернулась потом на родину, многие попали в сталинские лагеря и там погибли. В современном Китае оренбургский след разыскала экспедиция, организованная в августе 2007 года в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР газетой «Оренбуржье» по инициативе и при поддержке известного предпринимателя Ю.П. Бель-

кова. Целью был поиск могилы атамана Дутова неподалеку от Кульджи. Правнучка атамана Дутова, жительница Сергиева Посада Лариса Кузнецова, будучи в Оренбурге, поделилась с хозяином музея казачества Ю.П. Бельковым своей заветной мечтой – найти могилу прадеда в Китае, перевезти его прах на родину, в Оренбург, и перезахоронить. Экспедиция с помощью директора русской школы в Кульдже Н. Лунова нашла потомков очевидцев событий 1920-1921 годов.

В начале 1960-х в Кульдже было 4 русских школы, в городе тогда жило еще много русских. И если бы не культурная революция, когда хунвейбины громили национальные общины, русские бы не уехали отсюда. Сейчас русских в Кульдже почти нет. Дунгане – торговцы и местные жители в Шуйдине (Суйдуне) показали оренбуржцам место, где находится могила Дутова: раньше на ней был самый большой памятник, а сейчас она без опознавательных знаков стоит в середине небольшого заводского двора. Здесь же, в Шуйдине, почти в центре располагается микрорайон, называемый русской больницей. В 1920 году за чертой города оренбургские казаки открыли госпиталь, где лечили не только своих, но и местных. После ухода военных здесь еще долго работали русские врачи и пользовались большим авторитетом у местного населения.

Сохранились перестроенное здание казармы, где был штаб Дутова, старые русские дома, удивительно похожие на домики старого Оренбурга. Жители Шуйдина показали, где в самом начале приезда в этот город жили русские офицеры, пока не были построены казармы. Старожилы поведали и об уехавшей в Австралию

В. Г. Семенова

большой русской семье, державшей мельницу в Шуйдине, и что неподалеку от мельницы, на реке Доржинке, было русское кладбище, разоренное в 1960-х годах хунвейбинами...¹³

Без всякого сомнения, невероятно трудно было русским не ассимилироваться, не раствориться в коммунистическом Китае. Тем не менее потомки оренбургских казаков, ушедших в Китай с Дутовым, уже долгие десятилетия сохраняют свой язык, культуру, религию в том первоизданном виде, в каком все это было «вывезено» оренбуржцами еще в 1920 году.

Т.С. ПАНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Синзянский. Крестный путь Отдельной Оренбургской армии. Из дневника конвойца. В кн. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. – М., 2004. – С. 227, 228; Ганин А.В. Атаман А.И.Дутов. – М., 2006. – С.443, 538.

² Динской Н. Судьба Оренбургских казаков из

армии адм. Колчака. В кн. Ганин А.В. Черногорец на русской службе... – С. 229, 230

³ Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии. Из воспоминаний участника похода. В кн. Ганин А.В. Черногорец на русской службе... – С.216-221; Ганин А.В. Атаман А.И.Дутов. – С.462, 463.

⁴ Ганин А.В. Черногорец на русской службе... – С. 171.

⁵ Еловский И. Указ. соч.– С.216-221.

⁶ Динской Н. Указ. соч.– С.229-230; Ганин А.В. Атаман Дутов. – С. 498, 499, 508-514.

⁷ Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь русского Китая. – М., 2006, – С. 130, 131.

⁸ Там же. – С.31; ЦДНПО. Ф. 8003. Оп.2. Д. 4. Л. 11об.

⁹ Там же. – С. 166, 169, 270, 273; Ганин А.В. Атаман Дутов. – С.513.

¹⁰ Старосельская Н.Д. Указ. соч. – С. 243-245.

¹¹ Там же. – С.248, 249, 154, 304; ЦДНПО. Ф.8003. Оп.2. Д.4, 5, 8, 13, 21, 27, 30, 16037, 16084.

¹² Там же. – С.338.

¹³ Артемьев К. Последний приют атамана.// Оренбуржье. – 2007- 9, 12, 19 сентября.

ЖЕРТВЕННЫЙ ПОДВИГ РУССКОЙ АРМИИ, СПАСШЕЙ ПАРИЖ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА

(на примере участия 2-го Оренбургского казачьего полка
в Восточно-Прусской операции)

Первым крупным сражением, в котором приняли участие оренбургские казаки, стала Восточно-Прусская операция войск Северо-Западного фронта (командующий генерал Я.Г. Жилинский), проведенная в начале 1-й мировой войны 4 (17) августа – 1 (14) сентября

1914 года. По просьбе англо-французского командования операция была предпринята еще до окончания мобилизации и сосредоточения русской армии на границе. Цель – сорвать наступление главных сил Германии против Франции. Главная задача группировки, участвующей

щей в этой операции, – уничтожение германской армии, оставленной в Восточной Пруссии, и овладение Восточной Пруссией с целью создать выгодное для России исходное положение для дальнейших действий. «Кенигсберг должен быть обложен»¹. По плану военных действий и мобилизационному расписанию русской армии № 19, утвержденным в 1910 году, 13-я кавалерийская дивизия генерала князя Г.А. Туманова должна была действовать в составе 2-й армии². Однако военная действительность изменила многие составленные в мирное время планы.

Боевое расписание 1912 года предусматривало направление 13-й кавалерийской дивизии в 4-ю армию³. В состав 2-й бригады 13-й кавалерийской дивизии входил 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк под командованием полковника Генерального Штаба А.Н. Ситникова. 18 (31) июля 1914 года в 12 часов ночи в полку была объявлена мобилизация, а уже через шесть часов полк закончил подготовку к походу.

Согласно новым планам 2-я сотня есаула И.И. Белова и 4-я сотня подъесаула И.Я. Лобова были направлены в крепости Варшавскую и Новогеоргиевскую (эти сотни насчитывали 5 офицеров и 230 казаков)⁴. Основные силы полка (1-я, 3-я, 5-я и 6-я сотни) в этот же день были направлены из Варшавы тремя эшелонами на станцию Чинеев, а затем – в деревню Остроже Ломжинской губернии, где поступили в распоряжение командира 2-й бригады 4-й пехотной дивизии генерал-майора А.Д. Нечволодова. Таким образом, полк выступал на фронт, имея всего 2/3 своей штатной

численности, что не могло не сказаться в дальнейшем на его действиях.

22 июля (3 августа) полк вошел в состав сил 15-го армейского корпуса генерала от инфантерии Н.Н. Мартоса. В период развертывания сил 2-й армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова казаки охраняли железную дорогу, обеспечивали разведку и связь. В ночь на 6-7 (19-20) августа казацкие разъезды обнаружили кавалерийские разъезды и пехотные части германцев. 8 (21) августа разъезды полка, перейдя границу, вступили в перестрелку с окопавшимся противником в районе деревень Франкенау, Линау и Орлау. Затем решением генерала Мартоса полк был переведен на территорию Восточной Пруссии для ведения разведки между флангами 6-й и 8-й дивизий 15-го армейского корпуса.

11 (24) августа 1914 года 15-й армейский корпус 2-й армии генерала А.В. Самсонова перешел в наступление без артиллерийской подготовки. Мартос его описывал так: «Германцы, видимо, не ожидали удара и после упорного сопротивления в укреплениях стали в беспорядке отступать, бросая раненых. Все поле сражения было покрыто трупами убитых людей и лошадей. Отступление германцев было так стремительно, что до крайности утомленные войска корпуса не могли их преследовать на далекое расстояние»⁵.

Германский полковник Шефер впоследствии вспоминал о тех боях: «...не только во многих случаях пришлось оставить раненых, но не досчитались целых войсковых частей»⁶. Особенно тяжелые потери понесла 37-я пехотная дивизия германцев, в которой было более 4000 убитых и раненых, свыше тысячи солдат попало в плен.

13 (26) августа казаки 2-го полка, высланные по направлению к деревням Модекен и Хохенштайн, обнаружили немецкую кавалерию и велосипедистов, большую часть которых им удалось уничтожить. Остальные были обращены в бегство⁷.

В этом бою особенно отличились подхорунжий 3-й сотни Дмитрий Горбунов и казак Александр Верхошенцев. Д. Горбунов был послан на разведку с 20 казаками близ д. Воплиц и «атаковал в конном строю разъезд противника в 30 коней, проткнул шашкой офицера и зарубил четырех нижних чинов. При преследовании остатков разъезда наткнулся на пехоту противника, был ранен в живот навывлет, но не потерял присутствия духа, а собрал свой разъезд и вывел его благополучно из огня». Его однополчанин А. Верхошенцев «в разведке близ д. Хохенштайн был ранен пулей. И несмотря на рану, сам вызвался доставить в полк донесение за 6-7 верст, что и исполнил»⁸. После этого боя две сотни полка поступили в распоряжение начальника 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта И.Ф. Мингина, а две другие остались в распоряжении начальника 15-го армейского корпуса.

Через день генерал Мартос убедился в том, что оставил при себе малое число казаков. В своем сообщении 15 (28) августа командующему 2-й армией Самсонову он выражал обеспокоенность сложившейся ситуацией: «Положение на левом фланге, где находится совершенно растрепанная 2-я дивизия, лишает корпус правильных сообщений, установленных через Нейденбург, а отсутствие надежной кавалерии заставля-

ет действовать вслепую. Оренбургский полк, из которого у меня осталось две сотни, не может и не умеет выполнять обязанности корпусной конницы, а второочередной 21-й полк (Донской), из которого одна сотня отправлена в 23-й корпус, не подготовлен к несению обязанностей дивизионной конницы»⁹.

16 (29) августа 15-й армейский корпус был окружен, и казаки 2-го полка предприняли все возможное для того, чтобы избежать плена. Но атака 5-й и 6-й сотен не была доведена до конца, так как казаки встретили на своем пути проволочные заграждения и подверглись пулеметному и ружейному обстрелу. Понеся потери, казачья сотня была рассеяна, командир ее был смертельно ранен.

Части полка, разбросанные по фронту 15-го корпуса, потеряв своего командира полковника А.Н. Ситникова, прорывались из окружения небольшими по численности группами со своими соединениями или же самостоятельно.

Начавшееся 17 (30) августа 1914 года стремительное наступление Северо-Западного фронта под командованием генерала Я.Г. Жилинского (было предпринято по настоянию англо-французского командования до окончания мобилизации и сосредоточения русской армии) окончилось трагедией для 2-й армии генерала Самсонова.

Отсутствие согласованности в действиях двух наступающих 1-й и 2-й русских армий привело к провалу операции. 28 августа превосходящие силы германских войск, нанеся удары по флангам, сумели окружить и взять в плен войска 13-го армейского корпуса и остатки

15-го (около 90 тыс. человек) вместе с их командующими – генералами Н.А. Ключевым и Н.Н. Мартосом.

Русская армия понесла тяжелые потери, лишившись многих славных войсковых частей. Некоторые полки могли перестать существовать по причине утраты полковых знамен. В 13-м армейском корпусе были утрачены знамена 2-го, 3-го, 4-го, 142-го, 143-го, 144-го, а в 15-м корпусе – 22-го, 24-го и 31-го пехотных полков¹⁰.

Четверо суток 2-й казачий полк, потерявший своего командира и около половины личного состава (10 офицеров, 3 врача и 315 казаков), тоже ожидал расформирования: вышедшие из окружения сотни были без полковой святыни – знамени, высочайше пожалованного в 1842 году. Но 20 августа (2 сентября) через германские заслоны пробилось 9 казаков во главе с урядником Андреем Прочанкиным, которые спасли полковое знамя. Все они – П. Русанов, А. Ковешников, Ф. Подтихов, Е. Щербинин, М. Толкачев, Е. Репьев, И. Чернев, А. Игнатенков и А. Прочанкин были награждены георгиевскими крестами 4-й степени¹¹. Родственникам героев были пожалованы Наказным атаманом иконки Св. Николая Угодника. Выгравированная на серебряных табличках надпись гласила: «Наказной атаман генерал-лейтенант Сухомлинов благоволяет родных героя (далее шла фамилия. – В. С.), спасшего в боях с немцами 16-17 августа 1914 года знамя 2-го Оренбургского казачьего воеводы Нагого полка в укрепление вечной памяти доблестным подвигом назидании потомству. 1915 г.».

В бою 17 (30) августа отличились приказный И. Завалишин и казак Т. Мазалов (оба из 6-й сотни), они сумели вы-

везти из окружения полковой денежный ящик¹². Кроме 2-го полка, в Восточно-Прусской операции участвовали казаки Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка, 2-я сотня которого состояла из оренбуржцев. Полк под командованием полковника М.Н. Граббе вошел в 3-ю бригаду 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и Отдельный Оренбургский казачий дивизион под командованием полковника К.В. Желтухина.

Дивизион в составе 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанта барона А.Ф. Бринкена 10-й армии генерала от инфантерии А.В. Флуга участвовал в боях под городом Лыком 27 августа (9 сентября) 1914 года. Всего в составе 1-й и 2-й армий находилось 9 кавалерийских дивизий, 2 кавалерийские бригады, 21 казачий полк (из них только 7 полков были первоочередными)¹³, 11 отдельных казачьих сотен. Русская кавалерия в Восточно-Прусской операции насчитывала 316 эскадронов и сотен¹⁴.

В Восточно-Прусской операции участвовало более тысячи казаков и офицеров: 2-й Оренбургский казачий полк (без двух сотен), Отдельный Оренбургский казачий дивизион и 2-я сотня Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка.

Причинами неудачного исхода Восточно-Прусской операции можно считать: неподготовленность русских войск к наступлению, явившуюся результатом поспешного начала военных действий против Германии с целью скорейшего оказания помощи Франции; неудовлетворительное управление войсками со стороны русского командования фронта и армией, которое привело к отсутствию взаимодействия

между армиями фронта в результате несогласованности действий командующих 1-й и 2-й армиями и к поражению армий Северо-Западного фронта по частям; плохую осведомленность русского командования о противнике, явившуюся результатом слабо организованной оперативной разведки; преступное отношение русских штабов фронта и армий к сохранению военной тайны, выразившееся в передаче незашифрованных оперативных радиogramм, перехватываемых германцами.

Одной из причин поражения было также неумелое использование кавалерии в операции для преследования отступающего противника, рейдов в тылу германцев, дробление кавалерийских и казачьих частей, нерациональное использование резервов. Так, например, Оренбургская казачья дивизия, прибывшая в начале августа в Петербургский военный округ, в течение четырех месяцев бездействовала в окрестностях столицы.

Тем не менее Восточно-Прусская операция, длившаяся около месяца, оказала серьезное влияние на исход военных событий как на французском, так и на русском фронтах в начальный период войны. Наступление русских войск вынудило германское командование перебросить часть сил с запада на восток (11-й армейский и гвардейский резервные корпуса и 8-ю кавалерийскую дивизию). Русская армия оказала Франции серьезную помощь в трудный для ее армии момент во время Маранского сражения.

Не менее важное значение Восточно-Прусская операция имела и в масштабе всего русского фронта. В период конца августа и первой половины сентября, когда правое крыло Юго-Западного фронта наносило удар австро-венгерской армии, войска Северо-Западного фронта сковали силы германцев в Восточной Пруссии и лишили их возможности оказать влияние на ход событий в Галиции. В результате русские войска Юго-Западного фронта нанесли австрийцам крупное поражение и вынудили их отойти к Карпатам.

В. Г. СЕМЕНОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. – М., 1926. С. 245.

² Там же С. 364.

³ Там же С. 378.

⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 51. Л. 31.

⁵ Храмов Ф. Восточно-Прусская операция 1914 г. – М., 1940. С. 32.

⁶ Там же.

⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.

⁸ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

⁹ Восточно-Прусская операция. Сборник документов. – М., 1939. С. 295.

¹⁰ Там же. С. 580-586. (Знамена 23-го, 30-го и 32-го пехотных полков, по показаниям некоторых солдат, были зарыты в землю на территории Германии.)

¹¹ Оренбургская газета. – 1915. – № 95. – 30 апреля.

¹² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

¹³ Из них 19 Донских, 1 Уральский и 1 Оренбургский казачьи полки.

¹⁴ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 375-376.

КУЛЬТУРА НЕМЕЦКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

(XIX – начало XX века)

Зародившееся в середине XVIII в. немецкое городское население Оренбургской губернии продолжало расти и участвовать в культурной жизни губернского общества. Его наивысший расцвет приходится на конец XIX в., когда немецкая интеллигенция внесла заметный вклад в развитие народного образования и здравоохранения, губернского театра и других сфер культуры.

Важной составной частью культуры является просвещение, которое к началу XIX в. было представлено городскими школами и училищами. В 1804 году территория Оренбургской губернии относилась к Казанскому учебному округу. По постановлению правительства 1797 года во всех наиболее крупных крепостях губернии, таких как Оренбург, Верхнеуральская, Троицкая и др., открылись гарнизонные школы для обучения детей служащих и отставных солдат. Среди преподавателей учебных заведений Оренбурга числились учителями потомки обрусевших немцев, особенно много их работало в Неплюевском кадетском корпусе.

Военный губернатор Н.Н. Бахметев получил 15 августа 1801 года рескрипт об учреждении в Оренбурге военного училища для детей местных дворян, чтобы «отправлять в кадетские (столичные) корпуса и ближайšie университеты для дальнейшего и окончательного приготовления одних к военной, а других

к гражданской службе»¹. Проекты двух губернаторов – Г.С. Волконского и П.К. Эссена – рассматривались в петербургском совете о военных училищах в 1822 году. Оренбургское Неплюевское военное училище приступило к работе 2 января 1825 года и подчинялось военному губернатору, который сам формировал учительский состав, предъявляя к нему высокие требования. Первые учителя состояли из способных воспитанников Казанского военного сиротского отделения.

Первым директором военного училища являлся инженер-полковник Г. Генс (с 1824 по 1832 год), совмещавший обязанности председателя пограничной комиссии и начальника инженеров Оренбургского инженерного округа. Признав учебную программу слишком перегруженной, летом 1830 года он пересмотрел ее и поддержал предложение военного губернатора П.П. Сухтелена о разделе училища на два отделения: «восточное» и «европейских наук». На первом обучались дети казахов и азиатских народов, а на втором – дети русских и других национальностей, желавших посвятить себя военной или гражданской службе. По ходатайству военного губернатора В.А. Перовского училище в 1840 году приравнивали к кадетскому корпусу, с 4 июня 1844 года оно получило статус кадетского корпуса.

С 1862 по 1865 год учебное заведение возглавлял полковник П.Л. Энгельке. В подготовке профессиональных военных кадров есть немалый вклад учителей немецкого происхождения. Преподаватели К.К. фон Безин, Блюменбах, Е.К. Вейгелин, Э.Ф. Гейм, А.М. Дорман, В.А. Сикстель, Э.Э. Фриауф, Г.Ф. Эстеррейх и другие отдавали знания и силы будущим офицерам российской армии, приучали с немецкой педантичностью к порядку и дисциплине. В 1897 году перед праздником Рождества по военно-учебному ведомству за многолетний труд получили награды орден Владимира IV-й степени бывший офицер, воспитатель кадетов полковник Н. Гальфтер, орден св. Станислава II-й степени подполковник Ф. Грибель и штатный преподаватель П. Мей, а орден св. Станислава III-й степени заслужил Оттон Гиргенсон².

Выпускники корпуса продолжали военное образование в столичных училищах: Михайловском артиллерийском, 1-м Павловском, Николаевском кавалерийском, Александровском инженерном. Так, например, кадета В. Дрейера, сына полицмейстера, направили на учебу в 1-е Павловское, а Е. Штригеля – в Николаевское кавалерийское (Казачью сотню)³. Братья Вейгелины посвятили себя военной профессии, окончив кадетский корпус, и продолжили образование в столице, куда переехала семья накануне Первой мировой войны. Их отец, учитель немецкого языка, Е.К. Вейгелин, выпускник университета в Дерпте, в возрасте 28 лет переехал в Оренбург, преподавал в институте благородных девиц и одновременно в 1-м Неплюевском кадетском корпусе. С 1884 по 1908 год работал штатным преподавателем, написал спе-

циальный учебник немецкого языка для кадетских корпусов со 2 по 7 классы, который состоял из трех частей и издавался в Санкт-Петербурге с 1889 по 1893 год. С 1910 года Е.К. Вейгелин вошел в штат 2-го кадетского корпуса⁴. Его современные потомки живут в С-Петербурге. От них получены воспоминания старшей дочери Е.К. Вейгелиной и семейные фотографии конца XIX – начала XX в.

Купцы 2-й гильдии А.Ф. Клюмп и Ф.П. Мерц являлись почетными попечителями приходского мужского училища в 80-х годах XIX в.⁵ После смерти А.Ф. Клюмпа в 1892 году почетным смотрителем трехклассного училища утвердили его приемного сына Николая⁶.

Для разведения лесов на землях Оренбургского казачьего войска в Оренбурге в 1836 году открылось лесное училище, где готовили лесничих. Директором училища назначили капитана К.И. Герна. Учебное заведение такого уклона имело «цель восстановления лесов, поскольку их вырубка привела уже к изменению климата, усилению снежных бурь зимой, снижению плодородия почв»⁷. Учитель земледелия и лесоводства В.А. Рейхенбах, выпускник Дерптского университета, не только обучал учащихся этому мастерству, но и разводил на опытном участке и отбирал наиболее выносливые сорта акации, клена и тополя для озеленения города в условиях засушливого климата⁸.

Мужская классическая гимназия и женская прогимназия, где работали немцы учителями математики, арифметики, немецкого языка, открылись в конце 60-х годов XIX в. Среди именных стипендиатов отмечен сын генерал-майора Баллюзек. Во главе женской гимназии стояла ба-

ронесса М.К. фон Гершау. Занятия вели К.Е. Вейгелин, в подготовительном классе – В.Г. Фукс⁹. Окончила 1 женскую гимназию в 1911 году Мария Грен из потомственной купеческой семьи А.Ф. Грена¹⁰. В 1916 году в 10-м женском училище работали учителями сестры Мария и Клавдия Палант – дочери унтер-офицера Т. Паланта¹¹. До 1914 года в мужской гимназии Троицка преподавали немецкий язык Р.Х. Юргенсон и А.А. Ставенгаген.

Часто услуги по обучению иностранному языку предлагали сами носители немецкого языка. Необходимо уточнить, что иностранцы для работы в качестве домашнего учителя должны были иметь российские аттестаты, выданные университетами или гимназиями. Только тогда они получали право на преподавание. При отсутствии свидетельства согласно 1378 и 1379 статей 1 книги XV тома Свода Законов Уголовного права иностранные лица подвергались денежному штрафу, исчисляемому по курсу серебряного рубля¹². В газетах печатались объявления о желании заниматься языком на дому: «Немка желает давать уроки немецкого и французского языков, обращаться «Водяная улица дом Воронцова, квартира Шнейвас»¹³; или «Преподаватель гимназии Ю.О. Тиеф готовит учеников во все классы средних учебных заведений. Специально дает уроки немецкого и латинского языка»¹⁴. Из 630 губернских школ в 1890 году на Оренбург приходилось 33 учебных заведения¹⁵. Большое внимание школьному образованию в Оренбургском казачьем войске уделял временно исполнявший в 1912 году¹⁶ должность наказного атамана Рихтер. Он выступил против предложения о сокращении срока обучения с 6 до 4-х лет в начальных классах.

Во второй половине XIX – начале XX в. продолжался рост городских общественных и народных библиотек. Оренбургское уездное земство планировало дополнительно открыть в начале 1914 года библиотеки в Оренбурге, Орске и Челябинске. В работе земского собрания по вопросам народного образования, состоявшегося в декабре 1913 года, принимал активное участие А.Р. Оберлендер. Он внес дельные предложения об открытии библиотек в уездах и об учреждении 10 стипендий для фельдшерской школы от губернского земства¹⁷, но осуществить эти намерения помешала Первая мировая война. По предварительным подсчетам исследователя выявлено участие 20 немцев-учителей в городских школах перед началом войны.

Культурное развитие тесно связано со здравоохранением. К 1796 году в губернии оно только делало первые шаги. Лечение воинского персонала проводилось лекарями Оренбургского госпиталя, основанного в 1770 году, который к 1818-му значился заведением второго класса. Главное здание начали возводить с 1830 года. В военном госпитале в 40-х годах XIX в. лекарями числились А.Э. Фальк, Луиза Ромберх, Карл Тобиас, Магдалина Шендеман.

С 1839 года в течение четырех лет инспектором по аптекарской части, практикующим хирургом и гинекологом работал К.О. Розенбергер. В его обязанности входила забота об улучшении здоровья как военного, так и гражданского населения. Он составил и отправил несколько проектов и предложений по вопросам социальной гигиены в Министерство внутренних дел, ведавшее в те годы здравоохранением.

К. Розенбергер участвовал в неудавшемся Хивинском походе военного губернатора В.А. Перовского в 1839-1840 годы, был близким другом В.И. Даля, выпускника Дерптского университета, и полковника И.Ф. Бларамберга.

Деятельность доктора медицины Майделя началась в Оренбурге с января 1843 года в войсковой врачебной Управе Оренбургского казачьего войска, а затем в ведомстве пограничной комиссии¹⁸. Для начинающего врача, получившего образование в Дерпте, имелось широкое поле деятельности в губернии. Чтобы познакомиться с болезнями казахов, доктор Майдель жил в ауле султана Касымова с февраля по май 1845 года. Однако ввиду скромных успехов медицины и недостаточного количества врачей, подавляющая часть населения пользовалась малоэффективными народными средствами, что приводило к высокой смертности населения.

Эмбрионы холеры часто заносились в Оренбург из Астрахани, поднимаясь вверх по течению Урала, и вызывали эпидемии. В 1829-1830 годах с ней боролись приглашенные из соседних губерний опытные врачи: из Казани – Шрейбер, Симбирска – Рютчи, Пензы – Рейснер, Тамбова – Грамбаум. Штаб-лекарь Глассон проводил прием больных в Оренбурге. Врачи лечили заболевших и наблюдали за ходом развития эпидемии не только в Оренбурге, но и в уездах, Рейснер, например, курировал Стерлитамакский уезд. Молодой врач-оренбуржец Дмитрий Генс, сын Г.Ф. Генса, во время очередной эпидемии, спасая людей, умер в возрасте 29 лет. Холера 1848 году возникла внезапно, имела скоротечный характер и достиг-

ла пика распространения уже к середине июля¹⁹. По примеру прошлых лет созданный Комитет начал принимать срочные меры против эпидемии. В него вошли комендант крепости М. Лифлянд, бригадный командир Федяев, председатель пограничной комиссии М.В. Ладзыженский, начальник артиллерии Фрейман, наказной атаман Оренбургского казачьего войска Г.В. Жуковский. Все указанные личности имели звание генерал-майора. В числе первых жертв оказались два преподавателя немецкого языка Неплюевского кадетского корпуса – Фенколь и Блумменберг. Генерал-майор М. Лифлянд скончался 29 июня 1848 года в разгар эпидемии. По описанию С.Н. Севастьянова, это был энергичный и заботливый комендант, немец лет 50. Оба его сына воспитывались в военном корпусе. «Утром он с подобающей педантичностью распорядился вывозом трупов из Караван-Сарая, сложенных целыми ярусами, после полудня занимался тушением пожара в казачьем Форштадте, с которого его увезли еще живого, а к ночи М. Лифлянд скончался от быстротекущей холеры. Городской врач Молленгауэр, – далее сообщал С.Н. Севастьянов, – добросовестно исполнял обязанности в любое время суток, но не мог справиться с числом заболевших и умерших, как и городские аптеки не могли обеспечить жителей лекарственными средствами».

В борьбе с холерой в начале лета 1892 года губернский врачебный инспектор фон Шлихтинг главную роль отвел профилактике. В «Оренбургской газете» он дал «Краткое наставление» для предотвращения заболевания²⁰. Меры борьбы против эпидемии обсуждались на

совещании санитарной исполнительной комиссии 22 июня. Предполагалось, что в Оренбург прибудет один из ассистентов профессора Р. Коха из Германии, чтобы на месте изучить возбудителей холеры и весь ход болезни.

За вторую половину XIX в. в Оренбурге и губернии увеличилось число лечебниц, больниц и аптек. К концу XIX в. число городских врачей составило 7 человек, фельдшеров 16, вольных губернских аптек 12²¹. В 70-е годы трудились госпитальный служащий А.А. Гангельгард, врач Гумбург в Николаевском институте, младший врач В.Э. Берблингер в Неплюевском кадетском корпусе, старший врач Я.Г. Пинес в Оренбургском казачьем училище. Доктор медицины фон Шлихтинг исполнял обязанности губернского врачебного инспектора, заботился о санитарном состоянии города, регулярно проводил осмотр Александровской больницы, интересовался как медицинской, так и хозяйственной частью. П.А. Грен, сын оренбургского купца А.Ф. Грена, служил врачебным инспектором и спасал население города от холеры в 1892 году²².

Известной в городе старшей медсестрой милосердия слыла баронесса М.К. фон Гершау. Ее труд отличался преданностью делу и гуманным отношением к больным. Она работала в передвижном госпитале во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Большой опыт практической работы имели губернский врачебный инспектор Л.П. фон Шифтон – 25 лет, старший врач губернской больницы М.М. Кеппсбер – 20 лет. В начале XX в. челябинским известным врачом считался А.Ф. Бейвель, французские предки которого вышли из Швейцарии²³. Доктор медицины

В.Э. Берблингер заведовал лазаретом для раненых воинов евангелическо-лютеранской общины. Когда Оренбург и губерния стали местом ссылки немецких военнопленных и интернированных граждан Германии в Первую мировую войну, он обратился к вице-губернатору Л.А. Пушкину с прошением оставить двух военнообязанных немцев в лазарете. Из-за отсутствия русских врачей, мобилизованных на фронт, немец Леймер исполнял обязанности фельдшера, а Гейнке – рассыльного²⁴.

Главная роль в развитии аптечного дела традиционно принадлежала немцам-провизорам. При военном госпитале в 30-е годы XIX в. имела аптека Беккера, позже К.Ф. Капеллера, которые снабжали население города и губернии лекарственными препаратами. К 90-м годам фармацевтами и провизорами работали дипломированные специалисты. Они окончили университеты в Москве, Казани, Дерпте, имели российское подданство, исповедовали православное, лютеранское или римско-католическое вероисповедание. Особый вклад в развитие местной фармации внесли потомственные аптекари К.Ф. Капеллер и К.К. Капеллер, И.И. Гровес, их ученики А.К. Капеллер и К.Ф. Бейвель. В 1897 году вольная аптека Э.Л. Аудринга вместе с филиалом перешла к кандидату права Теодору Манделю²⁵. Другая вольная аптека провизора Адольфа Бургерта заботилась о здоровье жителей Верхнеуральска. В остальных городах население и больницы медикаментами снабжали единичные аптеки. В Орске подобное заведение содержал А.Я. Тицнер, Челябинске – Фридрих Штандт, в Миасском заводе Троицкого уезда – Федор Фидлер. По неполным подсчетам в этих сферах трудилось 25 человек.

Театральная и музыкальная культура являлись неотъемлемой частью жизни немецкой городской интеллигенции. В первой половине XIX в. в Оренбурге не существовало театрального здания для гастролей заезжих пианистов и актеров. В Дворянском собрании офицеры Генерального штаба устраивали любительские спектакли в пользу бедных. Из «Воспоминаний» И.Ф. Бларамберга следует, что любительский театр появился в 1843 году. Сам И.Ф. Бларамберг выступал в роли оформителя, билетного кассира, бухгалтера, а жена Елена Павловна – директора, главные роли исполняла Ольга Винтер. «Первые небольшие пьесы были приняты бурными аплодисментами. Премьеры выливались в праздник для всего Оренбурга»²⁶.

Во второй половине XIX в. культурная жизнь стала богаче. При губернаторе А.П. Безаке в ведение города в октябре 1869 года передали здание каменного манежа Оренбургского казачьего войска под устройство постоянно действующего городского театра²⁷. В 70-е годы антрепренером оренбургской труппы числился актер Р.А. Крамес, австрийский подданный. Он ставил спектакли, участвовал в благотворительных мероприятиях городской общественности. Череда январских праздников отметила приход нового 1882 года и переросла в благотворительные мероприятия. Р.А. Крамес безвозмездно дал спектакль в пользу приюта св. Ольги с участием первого состава труппы. Под руководством архитектора О. Графа и инженера Ф. Гагена в 1897 году прошел ремонт театрального здания.

Популярные вокально-инструментальные концерты в конце века часто проходили с благотворительными целя-

ми. Их давали военные хоры и оркестры, которыми дирижировали известные музыканты И.Ф. Гровес и Г.Ф. Эстерейх. Капельмейстер оркестра казачьего войска и учитель музыки Неплюевского кадетского корпуса Г.Ф. Эстерейх являлся членом музыкального отдела. Его оркестр исполнял сложную и разнообразную программу, состоявшую из произведений русских и зарубежных классиков. Музыкантов часто приглашали в Народный дом, городской театр, в Общественное, Военное и Коммерческие собрания, в Женский институт, кадетские корпуса, юнкерские училища. Оркестранты участвовали в церковном параде по случаю встречи иконы Табынской Божьей Матери. Казачий хор при участии капельмейстера Г.Ф. Эстерейха ездил с концертами по губернии, в кумысное заведение англичанина Каррика и на Кавказ летом 1910 года.

Широкое распространение получило фотоискусство. В губернском центре работало несколько фотоателье, владельцами которых были немцы. В середине 60-х годов XIX в. открылась фотография Марии и Иоганна Зеббин. У этих мастеров появилась новинка – эмалированные карточки под названием «Камеенбильдер». В 70-90-х годах XIX в. прославились А. Бухгольц из Пруссии, К. Фишер из Саксонии и поселянин-собственник Саратовской губернии А. Браун. А. Бухгольц изготавливал карточки и портреты разных размеров, как и фотоателье А. Брауна.

Необходимо отметить вклад в фотолетопись Оренбурга саксонца Карла Фишера, являвшегося с 1894 года поставщиком фотоснимков для Высочайшего двора в Санкт-Петербурге²⁸. С 1878 года в Оренбурге К. Фишер составлял серьезную кон-

курению. Его работы отличались высоким качеством съемки и творческим подходом к созданию композиций. Они представляли собой художественные фотографии высшего класса, отдельные экземпляры которых до сих пор хранятся в оренбургских семьях и передаются по наследству. К.А. Фишер работал с новейшей по тем временам аппаратурой и использовал такие же реактивы. В Оренбурге он открыл филиал от московской фотостудии, купив помещение в 1877 году на Кузнецком мосту у И. Дьяговченко. В 1875-м К. Фишер участвовал в московской фотовыставке и получил медаль императорского общества любителей естествознания, затем золотую и большую медали (1882; 1888). За работы, представленные на международной фотовыставке в Тулоне (1883), удостоился медали. Ателье К.А. Фишера существовало более двадцати лет, до 1900 года. Он много и успешно работал в жанрах портрета и городского пейзажа. Его снимки сохранили виды Оренбурга XIX в. и портреты представителей других национальностей: башкир, казахов, татар, узбеков в их национальных костюмах. Приобретя салон в Москве, он стал ее признанным театральным фотографом и летописцем.

Новый фотосалон открыл с октября 1897 года дворянин Ковенской губернии А.А. Норвилло, чьи снимки по качеству и по манере композиции не уступали известному предшественнику²⁹.

Немцы и подданные Германии оставили заметный след в развитии народного образования, здравоохранения, театральной и музыкальной культуры и фотоискусства. Культура немецко-горожан находилась во взаимодействии

с многонациональным населением городов Оренбургской губернии, в которой большинство составляли русские. Это привело к обогащению культур двух народов. Подданные Германии, оставаясь носителями культуры своего народа, также жили и работали в инонациональном окружении. Российские немцы стали носителями двух культур – немецкой и русской, которые дополняли друг друга, помогали интегрироваться в городское общество и адаптироваться к новым условиям жизни. Представители немецкой интеллигенции работали учителями и воспитателями в учебных заведениях, врачами и аптекарями.

О.Я. БАХАРЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Севастьянов С.Н. Оренбургский военный губернатор кн. Г.С. Волконский как инициатор Неплюевского кадетского корпуса. – Оренбург, 1897. С. 9.

² Адрес-календарь на 1914 г. – Оренбург, 1915. С. 77.

³ Второй Оренбургский кадетский корпус (1887 – 1894 гг.) в ряду других военно-учебных заведений. – СПб., 1894. С. 56.

⁴ Борковский Ю.М. Семейный архив Вейгелиных. Неизданная рукопись потомка. – СПб., 1995. Частная переписка автора.

⁵ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1 Д. 20 Л. 273.

⁶ Оренбургский листок. 1892. 10 мая.

⁷ Дорофеев В.В. Василий Перовский и Оренбургье. – Оренбург, 1995. С. 19.

⁸ ГАОО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 319. Л. 11.

⁹ ГАОО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 208. Л. 24 – 24 об.

¹⁰ Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 35. Л. 6 – 8.

¹¹ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 311. Л. 9.

¹² ЦГИА. РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 597. Л. 4.

Т. И. Тугай

¹³ Оренбургский листок. 1882. 22 февраля.

¹⁴ Степь. 1906. 30 сентября.

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 158. Л. 42; Л. 62.

¹⁶ ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.

¹⁷ ГАОО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 253. Л. 14.

¹⁸ ГАОО. Ф. 222. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2 об.

¹⁹ Севастьянов С.Н. Из летописи холерной эпидемии г. Оренбурга в 1848 г.//Оренбургская газета. 1897. 2 августа.

²⁰ Оренбургский листок. 1892. 26 июля.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 158. Л. 31–41.

²² ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 360. Л. 119 об.

²³ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 648. Л. 1.

²⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 12. Д. 117. Л. 31.

²⁵ Оренбургская газета. 1897. 3 декабря.

²⁶ Блаرامберг. И.Ф. Воспоминания. – М., 1987. С. 266.

²⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 2616. Л. 18.

²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1853. Л. 3.

²⁹ Оренбургская газета. 1897. 17 октября.

КАЗАХСКАЯ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПЕРВЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ КАССР

Создание советской автономии в Казахстане поставило целый ряд важных и неотложных задач. Их решение зависело не только от намерения большевиков покончить с наследием колониального режима, построить многонациональное государство на новых принципах и создать новую советскую нацию, но и от компетентности местной власти. В правительстве КАССР должны были быть люди, хорошо знающие нужды края, его историю и культуру, хозяйство и устремления населения.

Председатель Киргизского (Казахско-го) революционного комитета С.С. Пестковский мотивировал свою инициативу сделать Оренбург столицей Казахстана не одними лишь политическими причинами, как это принято считать, но и необходимостью использовать оренбургскую интеллигенцию для организации советского строительства в республике¹. Он же убедил СНК РСФСР включить в состав Военревкома Киргизии некоторых членов Алаш-Орды, незадолго до этого

прощенных большевиками и внесшими весомый вклад в создание автономии². Впоследствии ученые-краеведы, учителя, агрономы и инженеры, имеющие богатый дореволюционный опыт работы и изучения Казахстана, вошли в состав КирЦИКа и СНК, заняв в них не последние, а порой и ключевые посты³. Здесь были русские и казахи – видные представители национальной интеллигенции.

С наиболее сложными и самыми насущными проблемами столкнулись два наркомата – Наркомзем и Наркомпрос. Одним из руководителей Народного комиссариата земледелия был лидер Алаш А.Н. Букейханов. Его участие здесь было особенно важным. В 1920 году он участвовал в работе Учредительного съезда, провозгласившего образование Казахской АССР. До революции в течение ряда лет принимал участие в составе известной экспедиции по исследованию степных областей в статистико-экономическом отношении, руководимой Ф.А. Щербиной, написал ряд монографий по скотоводческому хозяйству.

После установления советской власти остро встал вопрос о возможности перевода nomadов к оседлому образу жизни и земледелию. На страницах оренбургской периодической печати развернулась полемика. Букейханов был категорически против насильственного ускорения этого процесса. В 1921 году после трагической смерти супруги он добровольно отстранился от активной деятельности и уехал в родные места – в Токраунскую волость. Но его нахождение в Казахстане было нежелательным для советской власти. Осенью 1922 года он был арестован и под конвоем доставлен в столицу, где его ожидала... персональная квартира в бывшем доме графа Шереметьева в центре Москвы⁴.

С декабря 1922 года А.Н. Букейханов занимал должность литературного сотрудника казахской секции Центриздата РСФСР (СССР). В 1925 году его приглашают в состав Особого комитета АН СССР в качестве эксперта по Казахстану и одновременно предлагают должность профессора в Ленинградском университете. В 1926 году он трудился в составе научно-исследовательской экспедиции АН СССР в Адаевском уезде (Каз. АССР) в качестве руководителя исследовательской партии. Несмотря на то что в этот период он еще не раз подвергался арестам, Букейханов продолжал оказывать влияние на национальную интеллигенцию вплоть до 1930-х годов через прессу. В течение 1922-1930 годов он сотрудничал практически со всеми периодическими изданиями Казахстана. Историк А.П. Чулошников, работавший над своим трудом «Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других

тюркских племен» (Оренбург, 1924), писал в Кирнаркомпрос, что не раз обращался за консультациями к Букейханову⁵.

Сотрудником Наркомзема был агроном М.Г. Сириус, в 1923 году состоявший членом Государственной общеплановой комиссии. В советской литературе по истории краеведения в Казахстане Сириуса обвиняли в том, что он «не верил в силы и способности казахского народа» по преодолению отсталости и «закрывал глаза на огромную работу партии и правительства по социалистическому переустройству (казахского) хозяйства»⁶. Причем Э.А. Масанов использовал для своих выводов две его статьи за 1926 и 1928 годы, а С.Ш. Ахметова делает ссылку лишь на одну страницу из статьи за 1923 год⁷. Между тем М.Г. Сириус серьезно занимался экономическими исследованиями. В своих работах начала 1920-х годов пытался научно обосновать перспективы развития кочевого хозяйства и разработал целый ряд мер, чтобы осуществить «главную задачу – накормить все население»⁸. Он не был противником культурного прогресса казахов, а выступал лишь против форсирования темпов перехода их к оседлости. Сириус предлагал в ближайшие 15 лет – к 1940 году – осуществить переход к земледелию не более 5-5,5% казахского населения, а темпы коллективизации намечал еще более медленные. Но его научные прогнозы противоречили планам партии: «все эти... сириусы являлись открытыми выразителями интересов казахского кулачества – баев-полуфеодалов»⁹. Так русский ученый попал в разряд защитников казахских баев.

Теперь, когда известно, какие катастрофические последствия имел массовый перевод кочевников Средней Азии к оседлости, необходимо напом-

Т. И. Тургай

нить, что еще в 20-е годы оренбургские исследователи-практики – М. Сириус, Д. Букиннич, С. Шевцов и др. посредством местной периодической печати пытались указать наиболее оптимальные пути модернизации кочевого хозяйства и предупредить массовую гибель населения от голода.

Известный ученый-почвовед М.И. Рожанец также был приглашен для работы в Народный комиссариат земледелия. Он был учеником С.С. Неуструева – работал с ним в составе экспедиций Переселенческого управления в начале XX в. В 1925 году его назначают заведовать почвенно-ботаническим бюро Губернского земельного управления. Супруга М.И. Рожанца – С.Е. Рожанец-Кучеровская, ботаник – принимала участие в почвенных и мелиоративных экспедициях Кирнаркомзема и определила все ботанические коллекции, собранные в 1923-24 годах в Адаевском, Тургайском и Орском уездах¹⁰.

В Оренбурге М.И. Рожанец написал научный труд «Природные условия КССР (опыт естественно-географического районирования)»¹¹. В нем и других работах давалось обстоятельное описание всех видов почв республики с указанием определенной территории, в том числе и непригодной для земледелия. Эти исследования должны были послужить научной базой для предстоящего районирования республики, однако мнение ученого учтено не было. Опираясь на данные М. Рожанца, исследователь-почвовед Р. Аболин в 1927 году пытался доказать, что единственно возможным хозяйством в Южном Казахстане является только пастбищное животноводство¹².

Результаты, полученные М. Сириусом, М. Рожанцом, а также управляющим ЦСУ республики М. Крутилиным, были использованы в отчетах Наркомзема, Статистического управления и опубликованы. Цифры говорили сами за себя. За период с 1916 по 1922 год поголовье скота в Казахстане сократилось с 21,7 до 5,4 млн. голов, а валовой сбор зерна – с 150 млн. пудов до 41 млн. В «Статистическом вестнике» прямо указывалось на непомерно высокие налоги, в том числе и наиболее тяжелый – продовольственный. Там же говорилось о неэквивалентном обмене между городом и селом, который тормозил развитие сельского хозяйства. Только за первую половину 1923 года цены на промышленные товары выросли на 311%, дорого обходилась закупка инвентаря¹³. Показатели, выявленные чиновниками-исследователями, били тревогу и предупреждали о том, что после голода начала 20-х республике грозит новое, еще более тяжкое по своим последствиям испытание, которое и постигло ее на рубеже 1920-1930-х годов. Однако, как известно, научные разработки не использовались в политике «больших скачков».

Положение Кирнаркомпроса в начале 20-х годов, как констатировала Коллегия НКП РСФСР, было чрезвычайно тяжелым. Коллегия, созванная специально для обсуждения этой проблемы 18 сентября 1923 года, признала необходимым оказать ему «всяческую поддержку в его ходатайстве об отпуске средств»¹⁴. Доклад Кирнаркомпроса явился поводом для решения НКП РСФСР просить Союз ЦИК о «скорейшем осуществлении культурного фонда»¹⁵. Лишь в 1925 году Казахстан получил 2 млн. рублей, из которых более 75%

было направлено на просвещение и здравоохранение¹⁶. Но именно в оренбургский период, не дожидаясь государственных дотаций, наркомат выполнил всю самую трудную работу – по организации школ в республике, ликвидации неграмотности, созданию первых учебников.

Помимо этого ему были переданы и другие функции. В ведении НКП находились музей, архив, научные учреждения, издательство. Так, например, Историко-статистический отдел (1919) и преобразованная из него в 1920 году Ученая комиссия были подведомственны отделу народного просвещения Кирревкома. С октября 1920-го она уже именуется Научным отделом Наркомпроса. Самостоятельным подразделением Научного отдела стало выделившееся из его состава Общество изучения Киргизского края (ОИКК)¹⁷. Членами-учредителями его были представители советской власти самого высокого ранга: председатель КирЦИКа С. Мендешев (в 30-е годы – нарком просвещения) и начальник штаба Кирвоенкомата А. Турский. В составе ОИКК мы находим и ученых чиновников: М.И. Рожанца, М.Г. Сириуса (председатель правления) и др.

В начале 1921 года в соответствии с распоряжением Академического центра НКП РСФСР в регионах начали создаваться Краевые научные центры и Краевые Союзы научных учреждений¹⁸. Научный отдел Кирнаркомпроса был преобразован в Академический центр, в состав которого в 1922 году был включен представитель Общества изучения Киркрая П.А. Воронцовский, а в состав Совета музея при Кирнаркомпросе – М.И. Рожанец¹⁹.

При непосредственном участии НКП в Оренбурге было создано Казахское издательство. Те трудности, которые пришлось преодолевать в условиях разрухи и голода (в том числе и бумажного), описал в своих мемуарах А.К. Бочагов. Участник гражданской войны, делегат VIII съезда советов, успевший окончить учительские курсы, он и был назначен заведующим Киргизским (Казахским) издательством (1921-1925). 4 сентября 1921 года Госиздат перешел в ведение Наркомпроса на правах главного управления Госиздательства республики²⁰. В Киргосиздате печатались не только учебники, что являлось его главной задачей, но и периодические издания, в том числе «Труды ОИКК», сочинения оренбургских ученых-краеведов. Киргосиздат начал выпускать книги на казахском и татарском языках²¹. В 1922 году объем изданий на казахском языке составил 30 печатных листов, тираж – 57500 экземпляров²². Внес свою лепту в это дело и Наркомзем, выделив в 1924 году 300 рублей на издание работ по районированию²³.

Как вспоминает А.К. Бочагов, рукописи готовились к изданию Академическим центром и печатались без специального редактирования. Акцентр привлекал к этой работе «наиболее образованных и литературно грамотных партийных и советских работников»²⁴. Фактически же этой работой занималась ученый секретарь Академического центра Р.В. Овчинникова. Несмотря на то что она не принадлежала к числу партийных и советских работников и даже не являлась членом РКПб, Кирнаркомпрос пригласил ее на работу как образованного человека. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что она была дочерью члена оренбургской груп-

Т. И. Тугай

пы РСДРП К.А. Овчинниковой (партийная кличка Фемида) и в детстве помогала матери распространять марксистскую литературу из магазина «Степь»²⁵. Она же исполняла роль своеобразного референта в НКП. В отчетах наркома Байтурсунова или председателя Акцентра Лошкарева неизменно стоит еще одна подпись: Р. Овчинникова²⁶.

Образ первых сотрудников наркомата просвещения КАССР нам помогают воссоздать ее воспоминания, а также описания А.К. Бочагова. В Кирнаркомпросе работали члены бывшей Оренбургской ученой архивной комиссии – преподаватели Н.И. Бутовский, ведавший педучилищами, и А.С. Лазов. О нем Бочагов отзывается как об опытнейшем учителе и человеке большой культуры. Его статьи по вопросам краеведения часто появлялись на страницах «Вестника просвещенца»²⁷.

Советская педагогика 20-х годов увлекла Лазова своим демократизмом, новизной форм, обращенностью к практической жизни. Став председателем педагогической секции краеведения Оренбургского отдела Географического общества, он внес существенный вклад в обновление методики школьной работы на основе краеведческого материала. Однако, будучи сотрудником Кирнаркомпроса, А.С. Лазов вплотную столкнулся с проблемами школьного образования в республике. Так, в журнале «Советская Киргизия» появляется его большая статья, представляющая собой настоящее исследование, в которой он ставит проблему возможности осуществления всеобщего обучения в КССР.

Используя обширные статистические данные по дореволюционной и современной России и Казахстану, а также по

странам Европы и Америки и сведя их в таблицу, Лазов обнаруживает резкий диссонанс цифр. Так, если в начале века содержание одного ученика в начальной школе обходилось правительству России в 11 руб. 70 коп., США – 31 доллар, Швейцарии – 5,4, а в Венгрии (минимальный показатель) – 0,3, то в советской Киргизии (Казахстане) расходы на содержание одной школы (не ученика!) выражались в сумме 3 руб. 87 коп. Автор делает вывод, что для разрешения вопроса о всеобщем обучении необходимы в первую очередь крупные государственные ассигнования²⁸.

Из оренбургской периодики тех лет мы узнаем еще об одной стороне деятельности учителя-чиновника. В условиях голода 1921 года А.С. Лазов работал в Центральной детской комиссии помощи голодающим при КЦИК. Ежедневно он выходил из дома на поиски голодных беспризорников, а в феврале 1922 года, когда правительство РСФСР начало отправку голодающих детей из центральных губерний и Оренбурга в Туркестан, Алексей Сергеевич включился в работу по обеспечению эвакуации санитарных детпоездов. Его работа была отмечена специальным приказом президиума КирЦИКа²⁹.

В соответствии с принципами ленинской национальной политики в наркомпросах республик должны были быть люди, знающие язык данной национальности и знакомые с ее бытом и культурой³⁰. На практике оказалось, что в комиссариатах просвещения первых автономий – Татарской, Дагестанской, Горской, Башкирской и Киргизской (Казахской) – оказался цвет национальной интеллигенции³¹. Везде были творческие люди, которых отличали

высокий образовательный уровень и горячая любовь к культуре и истории своих народов.

Первого наркома просвещения КАССР и почетного председателя ОИКК Ахмета Байтурсунова еще до революции знали как автора школьных учебников. Вместе с А. Букейхановым и М. Дулатовым он был организатором в Оренбурге первой в степном крае газеты «Казах» (1913-1918). В 20-е годы огромной популярностью пользовались написанные им учебные пособия по родной речи, учебники для системы ликбезов, иллюстрированный букварь, выдержавший в 20-годы несколько изданий в Оренбурге. В 1924 году он занялся реформированием арабской графики с целью приспособить ее к особенностям казахского и татарского языков. Эта его работа заслужила высочайшую оценку такого авторитетного специалиста, как Е.Д. Поливанов³². Искренним уважением пользовался Байтурсунов и у своих коллег, а известный собиратель и стилизатор национальных мотивов А.В. Затаевич посвятил ему один из своих «казахских маршей»³³.

В 1920 году наркому было уже 47 лет. Р.В. Овчинникова вспоминала, что это был большой, грузный человек, и выдерживала его на себе всего одна лошадь из числа тех, которые имелись в пользовании КирСНК. По своей природе Байтурсунов являлся типичным ученым – не администратором, и чиновничья работа тяготила его. Зачастую, как вспоминала Овчинникова, он подписывал документы, не глядя. Однажды, чтобы усилить бдительность своего начальника, она подложила ему заявление от его же имени с просьбой... об освобождении от занимаемой должности. И оно было под-

писано. Когда она попросила прочитать «документ», он был немало обескуражен своей невнимательностью.

Сотрудниками Кирнаркомпроса были соратники Байтурсунова по Алашу. Это один из известных казахских мыслителей – энциклопедист М. Дулатов, как его называют в одном из отчетов Общества изучения Киркрая. Он составил задачник в трех частях на казахском языке и написал «Историю Киргизии». Дулатов работал в научном совете НКП республики. М. Джулдубаев – обществовед – перевел на казахский язык «Манифест» Маркса и другую марксистскую литературу, сочинения Л. Троцкого и Н. Бухарина. В 1924 году он занимал пост председателя научного совета. И. Омаров – математик и историк – составил учебники физики и геометрии на казахском языке для Киргизского института народного образования³⁴.

Заместителем наркома просвещения Киргизской АССР в 1922 году, а затем председателем СНК республики был избран С. Сейфулин. В 1925-м его назначили председателем академического центра при Кирнаркомпросе. Сакен получил образование в Омской учительской семинарии, занимался изучением этнографии, истории, хорошо знал работы Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Бебеля³⁵. В воспоминаниях Бочагова дается его словесный портрет – красивого, всегда подтянутого молодого человека, одетого в костюм, непременно в белой рубашке и галстуке³⁶. С целью привлечения национальных авторов Киргосиздат обратился через газету «Енбекши казак» к казахским писателям. Их призывали больше заниматься сбором произведений фольклора, присылать материалы по народной лите-

ратуре³⁷. Редактором газеты в это время (1922) был Сакен Сейфулин. Занимая такие ответственные посты, он оставался романтиком в душе: именно в Оренбурге в начале 1920-х были написаны его лучшие стихи «Неукротимый тулпар», «Советстан», «Раненая сайга», «Разлученные лебеди» и др.³⁸ Здесь он превратился в классика казахской литературы. Следует упомянуть, что в 20-е годы в аппарате КазЦИКа работал Мухтар Ауэзов, ставший впоследствии крупнейшим казахским писателем, академиком, ученым и общественным деятелем.

Таким образом, в советское строительство Казахстана национальная интеллигенция вложила немало интеллектуального труда. Работа в республиканских органах власти давала ей дополнительный импульс для просветительской и научной деятельности. Стремление к развитию культуры, просвещения, государственности у «своих» народов в целом совпадало и с политикой большевистского руководства. Тем не менее научный опыт бывших политических противников применялся лишь в известных пределах. Член Кирпартбюро Агеев еще в 1920 году в письме к Е.А. Преображенскому в Оргбюро ЦК отмечал в работе партбюро «слишком диктаторские приемы по отношению к киргизской интеллигенции»³⁹.

Бочагов вспоминает: «В Академическом центре Наркомпроса активно работала группа коммунистов во главе с С. Сейфулиным. Но слой образованной национальной интеллигенции, преданной советской власти, был невелик. Поэтому приходилось использовать и недавних открытых противников нового строя, буржуазных националистов (Байтурсунова,

Омарова, Дулатова и др.)»⁴⁰. В этот период во всех республиканских наркомпросах сложились две крупные группировки: леворадикальная, или «интернационалисты», которую в Оренбурге представлял С. Сейфулин, и «националисты» (Байтурсунов и др.)⁴¹. Соответственно, первые целиком и полностью выражали линию партии, а вторые позволяли себе с ней не соглашаться. Подобно своим русским товарищам – М. Сириусу, Д. Букиничу и др. – они выступали против насильственного перевода казахов к оседлости. Используя глубокие знания истории, быта, хозяйства своего народа, применяя сведения по этнографии, общественным отношениям, они пытались научно обосновать необходимость постепенного и бережного вторжения в традиционный уклад.

Однако научной дискуссии не получилось. Позиции А. Байтурсунова, М. Дулатова и др. власти сразу придали политический оттенок и припомнили им алашординское прошлое. Даже в 1970-е годы Бочагов, не сомневаясь в справедливости обвинений тех лет, писал: «Национал-уклонисты стремились сохранить старые общественно-экономические отношения в ауле. Они были против экспроприации хозяйств баев, против коллективизации и перехода к оседлости и земледелию кочевого и полукочевого населения. Фактически они являлись выразителями идеологии Алаш-Орды»⁴².

Подобные и еще более категоричные оценки мы находим в литературе 1960-х годов. Используя формулировки обвинений, выдвинутых сначала в конце 20-х, а затем в 1937 году, авторы извращают ситуацию, приписывая казахским просветителям окровленную антисоветскую деятельность.

Так, например, Э.А. Масанов в 1966 году писал, что «буржуазные националисты не просто проповедовали свои антинаучные взгляды, они навязывали их всеми доступными средствами. Занимая ответственные должности в органах просвещения, науки и культуры, они забрали в свои руки издание учебников, составление руководящих распоряжений, инструкций, программ. Всюду они насаждали свои кадры»⁴³.

Одним из нелепейших обвинений было то, что они всячески противились осуществлению в Казахстане «решительных мероприятий Советской власти в области просвещения и образования» и выступали против дружбы с русским и другими народами, ратуя за «самобытную национальную культуру». Между тем еще до революции идеологию обновления казахского общества Мир-Якуб Дулатов видел не в кочевой, а в русско-европейской и мусульманской цивилизациях⁴⁴. А. Байтурсунов на I Тургайском съезде (Оренбург, 2-8 апреля 1917) убедил казахских делегатов не добиваться у властей выселения русских переселенцев, так как их опыт принесет существенную пользу казахскому хозяйству⁴⁵. Летом 1917 года он стал инициатором создания Киргизского национального общества «Еркин Дала». Причем, как свидетельствует его устав, цели общества носили просветительский характер, а членами могли стать все желающие, «независимо от пола, национальности и вероисповедания»⁴⁶. Даже жены у Байтурсунова и Букейханова были русскими – Александра Ивановна и Елена Яковлевна.

Травля национальной интеллигенции, начатая в Оренбурге, продолжалась и в Казахстане с переездом туда столицы, руководящего состава советских и партийных

органов. Свой вклад в разоблачение «врагов народа» внес и А.К. Бочагов, о чем он не без гордости повествует в своих мемуарах. Архип Кузьмич продолжал в то время работу в органах народного образования Оренбурга. Но в Казахстане, очевидно, вспомнили о нем и попросили поделиться воспоминаниями о бывших сотрудниках по Кирнаркомпросу. В 1927 году в Кзыл-Орде Госиздатом КАССР была издана его брошюра «Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане». Она явилась «документальным» свидетельством «анти-советской» деятельности Байтурсунова и др., якобы начатой ими еще в Оренбурге. Политическая кампания против «националистов» закончилась тем, что их вынудили в 1929 году выступить в печати с открытым письмом, в котором они заявили об отказе от своих прежних позиций⁴⁷.

В 1930-м Ахмет Байтурсунов был арестован и выслан в Архангельск, а жена с дочерью Шолпан – в Томскую область. Но в 1934 году по ходатайству Е. Пешковой, работавшей тогда в комиссии Красного Креста, его освободили. В течение 1929-1933 годов неоднократно привлекался к следствию по поводу «преступных деяний» бывших соратников по Алаш-Орде и А.Н. Букейханов.

В 1937-1938 годах алашординцев вновь осудили и расстреляли. «Советскую власть не любил, но признал», – были последние слова приговоренного к смерти Алимхана Букейханова. В живых остался И.О. Омаров. Он полностью перешел на позиции Советской власти⁴⁸. В 1938 году был расстрелян Сакен Сейфулин и другие казахские большевики-интернационалисты. Но если их посмертно реабилитировали в

Т. И. Тугай

1957-м, то реабилитация Байтурсунова, Букейханова и других алашординцев произошла значительно позже – в 1990 году⁴⁹.

Счастливей сложилась судьба их русских коллег. Супруги Рожанцы уехали в Ленинград. В 1932 году М.И. Рожанец руководил Орской почвенной экспедицией АН СССР, по итогам которой создал труд об особенностях черноземов Южного Зауралья. Накануне войны вместе с И.М. Крашенинниковым он издал книгу «Природные ресурсы Башкирской АССР» под редакцией академика В.Л. Комарова⁵⁰. В Ленинграде оказался и А.С. Лазов. Во время блокады он был заместителем завороно и так же, как когда-то в голодном Оренбурге, занимался спасением детей и эвакуацией их на «большую землю»⁵¹. Р.В. Овчинникова вышла замуж за известного оренбургского художника А.Ф. Степанова, преподавала физику в I железнодорожной школе Оренбурга. А.К. Бочагов окончил Институт Красной профессуры, дважды возглавлял Оренбургский пединститут (1941-1942 и 1951-1960). Несмотря на разницу политических взглядов и заблуждений, различную степень лояльности к советскому строю, их всех когда-то объединило искреннее желание помочь казахам построить новую жизнь. А Оренбург явился подлинным центром этого естественного – не «пролетарского» и т.п. – интернационализма.

Т.И. ТУГАЙ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Футорянский Л.И. Люди и судьбы в истории Оренбургского края. – Оренбург: Изд-во. Оренб. губерния, 2000. – С. 57-59.

² Тугай Т.И. Оренбург в истории движения

Алаш: опыт политической конфронтации и компромисса // Современное состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в регионах России: проблема повышения толерантности населения: мат. межрег. конф. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2007. – С. 142-150.

³ См.: Центральное статистическое управление СССР. Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. – Оренбург: Типогр. №1, 1923. – С. 180-182. (Здесь – список долж. лиц).

⁴ Сведения о Букейханове даются по вебсайту IATP, который является проектом Бюро по вопросам образования и культуры (ЕСА) Госдепартамента США, финансируемым в рамках Акта в поддержку свободы (FSA). IATP администрируется Советом по международным научным исследованиям и обмену (IREX). Информация предоставлена докторантом Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова НАН РК Султаном Хан Аккуллы, г. Астана.

⁵ Архив СПб ИРИ РАН. Ф. 262. Чулошников А.П. Оп. 1. Ед.хр. 92. Л. 1-4.

⁶ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Изд. «Наука» Каз. ССР, 1966. – С. 296.

⁷ Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. – Алма-Ата: «Казахстан», 1982. – С. 90.

⁸ См.: Сириус М. На пути к производственному плану в сельском хозяйстве. // Советская Киргизия, 1924. – №1-6; Он же: План восстановления сельского хозяйства КССР // Советская Киргизия, 1924. – №7 – С. 50-63.

⁹ Бочагов А.К. У истоков. Воспоминания. – Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1972. – С. 97-98.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 274. Л. 35.

¹¹ См. Центральное статистическое управление СССР... – С. 28-60.

¹² См.: Масанов Э.А. Указ.соч. – С. 296.

- ¹³ См. Отчет Народного комиссариата земледелия за 1923-24 гг. – Оренбург, 1925. – С. 11-18; Степная правда, 4 окт. 1923 г.; Статистический вестник. – Оренбург, 1923. – №2.
- ¹⁴ Ежедневник Народного комиссариата просвещения. – 1923, № 13 (42). – С. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Сулейменов Р.Б. Социалистический путь культурного прогресса ранее отсталых народов. – Алма-Ата, 1967. – С. 99.
- ¹⁷ Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. – Оренбург, 1921. – Вып. 1. – С. 99-100.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. А-298. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 5; См. также: Наркомпрос. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений. – 19 марта, 1921 г. – № 10. – С. 2-4.
- ¹⁹ Тр. ОИКК. – Оренбург, 1923. – Вып. III, 1922. – С. 184-185.
- ²⁰ Бочагов А.К. Указ. соч.
- ²¹ Потемкин А. Издательское дело в Киргизии. – Советская Киргизия, 1924. – № 8-9. – С. 15.
- ²² Бочагов А.К. Указ. соч. – С. 61.
- ²³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 274. Л. 42.
- ²⁴ Бочагов А.К. Указ. соч. – С. 61.
- ²⁵ Здесь и далее воспоминания Р.В. Овчинниковой передаются в пересказе ее дочери – К.А. Степановой.
- ²⁶ ЦГА РК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 2. Л. 57-58об.
- ²⁷ Лазов А. Вопросы краеведения. Краеведение и школа. – Вестник просвещенца, 1928. – № 1-3. – С. 42.
- ²⁸ Лазов А. Возможность осуществления всеобщего обучения в КССР. Советская Киргизия, 1924. – № 8-9. – С. 3-13.
- ²⁹ Степная правда. – 1922 г. – 23 ноября.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. А-298. Оп. 2. Д. 31. Л. 267-268.
- ³¹ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством. – М.: Наука, 1992. – 290 с.
- ³² См.: Омаров Ил. Ученая деятельность А.Б. Байтурсунова. //Труды ОИКК, вып. III, 1922; М. Дулатов. Ахмет Байтурсунович Байтурсунов (биографический очерк). – Там же. – С.10-14.
- ³³ РГАЛИ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 784. Л. 1-6.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 8. Д. 274. Л. 34-35.
- ³⁵ Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. – С. 183.
- ³⁶ Бочагов А.К. Указ. соч. – С. 66.
- ³⁷ Там же. – С. 65-66.
- ³⁸ См.: Сакен Сейфулин. Избранное/Примечания С. Кирабаева. – М., 1987. – 398 с.
- ³⁹ Цит.: Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. – С. 175.
- ⁴⁰ Бочагов А.К. Указ. соч. – С. 52.
- ⁴¹ Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. – С. 195.
- ⁴² Бочагов А.К. Указ. соч. – С. 98.
- ⁴³ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа ... – С.295-299. См. также: Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Социалистический путь культурного прогресса... – С. 140.
- ⁴⁴ Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918 гг.). – М., 2003. – С.62
- ⁴⁵ Там же. – С. 208.
- ⁴⁶ Устав Киргизского национального общества «Еркин Дала». – Оренбург: Типография газеты «Казак», 1917.
- ⁴⁷ Сулейменов Р.Б., Бисенов Х.И. Указ. соч. – С. 140-141.
- ⁴⁸ В 1947 году управлением пропаганды и агитации при ЦК ВКП (б) была подвергнута идеологическому разгрому как «антирусская» книга «История Казахской ССР», написанная в 1943 г. казахскими историками под руководством А.М. Панкратовой (зам. директора Инст. истории АН). В результате было принято постановление Бюро ЦК КП (б) Казахстана о подготовке 2-го издания. Одним из составителей нового издания вместе с Панкратовой стал И.О. Омаров. В соответствии с идеологическими установками в 1947 году книга была ими написана и издана.

Следует отметить, что ЦК ВКП (б) подверг уничтожающей критике «прославляющие феодальное прошлое» сочинения соратника С. Сейфулина – твердого большевика-интернационалиста С. Муканова и будущего автора книги «Социалистический путь культурного прогресса отсталых народов» Р.Б. Сулейменова. (См.: Докладные записки в ЦК ВКП (б) о состоянии идеологической работы в Казахстане (1945). – Вопросы истории. – 2002. – №5. – С. 2-10).

⁴⁹ См.: Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 9. – С. 72-76.

⁵⁰ Крашенинников И.М. Природные ресурсы Башкирской АССР./И.М. Крашенинников, М.И. Рожанец. – М-Л.: Изд-во АН СССР (Совет по изучению производительных сил), 1941. – 155 с.

⁵¹ См.: Тугай Т.И. Блокадный след оренбургского краеведа А.С. Лазова//Южный Урал в годы Великой Отечественной войны / Под ред. А.В. Федоровой. – Оренбург: ИПК ОГУ. – 2005. – С. 201-205.

МИГРАЦИЯ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Переселение в России начала XX в. имело особую специфику, выделявшую ее среди иных стран, в том числе западных. Например, в сравнении с миграцией из Великобритании, Германии, Швеции и ряда других государств она по своим размерам уступала, поскольку из этих регионов происходило более интенсивное движение¹.

Российское переселение имело существенное отличие, так как осуществлялось в большей степени внутри страны и носило характер перехода из одних мест жительства в другие, сохраняя при этом связь с центральной властью. Жители же западных регионов стремились покинуть пределы собственного государства и не зависеть от его власти, то есть происходила внешняя миграция, или эмиграция.

Основной причиной передвижения большинства людей в конце XIX – начале XX вв. являлось малоземелье. Однако исследователи, занимавшиеся изучением данной проблемы, обратили внимание

на существенные особенности, связанные с малоземельем. А.А. Кауфман отмечал, что причина перемещения людей как из среднерусских, так и восточных, заволжских районов – это результат относительного, при данной системе хозяйства и полеводства, переселения и проистекающего из него малоземелья и кризиса существующей в той или другой местности системы хозяйства и полеводства².

Начало XX столетия ознаменовалось усилением кризиса в аграрном секторе. Старые методы и формы обработки земель перестали приносить достаточный урожай на обрабатываемых участках. Произошло повышение земельных и арендных цен, нарушилось соответствие между возделываемой площадью и рабочими силами семей, тем самым развивалось относительное малоземелье. Выход из сложившейся ситуации для многих крестьян виделся через приобретение в собственность новых земель в других местностях.

В конце XIX в. при покупке земельного надела крестьяне активно пользовались услугами Крестьянского Поземельного банка, являвшегося важным звеном в этом процессе. Однако повышение банком цены на землю в начале XX столетия почти в два раза усугубляло положение желающих приобрести участок. По сделкам, заключенным при посредстве Крестьянского банка, цены на землю в 1904 году составляли 108 рублей за десятину, в то время как в период с 1882 по 1903 год 52 рубля. При таких условиях приобретение участков не могло получить очень широкого развития, хотя земельный запас Крестьянского банка превышал размеры предъявляемого спроса³. В связи с этим происходит усиление переселенческих процессов в те края, где им предоставлялись более выгодные возможности по покупке земли для обработки и выращивания сельскохозяйственных культур.

Реализация этих стремлений населения осложнялась рядом обстоятельств. В частности, не всегда последовательные в своей деятельности власти продолжали то запрещать, то разрешать перемещения. Во многом это обуславливалось проблемами устройства в новых местностях. На съезде надзирателей за казенными землями и оборочными статьями Оренбургской и Уфимской губерний в 1901 году было принято решение о прекращении переселений на данные территории. Причинами этого служили отсутствие хороших земель для обработки, перенаселение этих территорий и желание оставить участки для уже существующих пользователей⁴.

Подобные противоречия в решениях властей влияли на число перемещающихся людей, то увеличивая, то уменьшая

количество потоков. Так, по официальным данным, через Челябинский переселенческий пункт прошло: в 1897 году – 67653 человека, 1898-м – 144223, 1899-м – 163596, 1900-м – 161457, 1901 году – 83319⁵.

Однако запретительные меры не уменьшали количество мигрировавших людей на восток. Во многом это только определяло повышение или снижение числа нелегальных передвижений. В частности, А.А. Кауфман в работе «Переселение и колонизация» отмечает, что 1894 год стал последним годом действия запретительного циркуляра 6 марта 1892 года. Самовольные переселенцы в этом году составляли больше 75% всего переселенческого движения. В 1895 году процент самовольных резко снизился, достиг немногим более 25%, но в следующем году он сильно возрос и за все последующее восьмилетие только однажды, в 1900 году, опустился до 30%, в остальные годы колебался между 40 и 50% всего переселенческого движения⁶.

Правительство, осознав всю тяжесть положения населения и стремясь регулировать процессы перемещения и освоения новых земель, принимало ряд мер, направленных на выход крестьян из общин и поселение их на неосвоенных территориях Сибири, в казахских, заволжских степях и в других губерниях, в том числе и на Южном Урале.

Закон от 6 июня 1904 года, дополненный правилами от 10 марта 1906 года, предоставлял крестьянам свободу переселяться при помощи Крестьянского банка с распространением права собственности переселенцев на занятую землю⁷. Открывались специализированные учреждения, организовывавшие переселенческое дело и определявшие участки прибывавшим.

7 июня 1904 года были опубликованы Правила для образования переселенческих участков в юго-восточных губерниях Европейской России. Предполагалось наделение земель под селения на каждую мужскую душу в Самарской губернии, в Самарском и Ставропольском уездах по четыре десятины удобной земли на ревизскую душу, а в других местностях этой губернии и в Уфимской и Оренбургской губерниях – по пять десятин. В особо неблагоприятных в сельскохозяйственном отношении местностях Новокузнецкого и Николаевского уездов Самарской губернии – до семи десятин⁸.

Правила предусматривали заселение участков селениями или хуторами (ст. 8). Статья 9 поясняла, что земли под селения «должны быть разбиваемые на участки небольшого размера». В статье 10, посвященной хуторским участкам, подчеркивалось, что на этих землях не должны образовываться селения. Конкретизировалось и то, что хуторские отруба отводились по установленному для данной местности размеру душевого надела – на четыре души мужского пола (ст. 11). Зачисление душевых долей и хуторских отрубов за ходоками и само их поселение осуществлялось земскими начальниками (ст. 20), которые затем информировали о состоявшемся поселении управление земледелия и госимуществ⁹.

М. Никитин в своей работе «Основные моменты колонизации Башкирии» отмечал, что в 1904 году переселение признавалось юридически свободным, но закон еще подразделял самих переселенцев на поощряемых и непоощряемых, относя к первым только малоземельных или вовсе безземельных. Наконец, в марте 1906 года

вышел указ, вызванный бурным аграрным движением, по которому внутреннее переселение крестьян признавалось совершенно свободным¹⁰.

С 9 ноября 1906 года правительство страны во главе с премьер-министром П.А. Столыпиным начало осуществление ряда мероприятий, направленных на изменение во взаимодействии внутри аграрного сектора. Крестьяне получали новые права и возможности для занятия земледелием. Реформы позволили им свободно выходить из общины, получить в частную собственность имевшиеся наделы, создавать хутора и отруба, то есть вести единоличное хозяйство. Определенную роль правительством отводилось Крестьянскому Поземельному банку, который занимался выдачей льготных кредитов для покупки земли. Важное место в этом процессе отводилось переселению людей в Сибирь. Крестьяне, отправлявшиеся туда, получали не только участок земли, но и определенные льготы, в том числе налоговые, и денежную помощь от государства.

В этой связи произошло увеличение миграционного движения на восток. Однако не все, кто отправлялся в сибирские края, доезжали до места назначения. По многим причинам они были вынуждены останавливаться на территориях южноуральских губерний. Об увеличении переселения свидетельствуют и имеющиеся статистические данные, так, в южном направлении в 1907 году проследовало 15672 человека¹¹, в 1909-м таких насчитывалось 69813 человек¹², а в 1910-м уже наблюдалось 72062 человека¹³. Тем самым происходило возрастание числа желающих поселиться на новом месте и обустроить свое хозяйство.

Разрушение общины способствовало увеличению миграции из западных и центральных районов. С 1906 до 1913 года в Украине свыше 260 тыс. крестьянских хозяйств продали 745 тыс. десятин земли. В течение 1906–1912 годов с Украины на восток страны переселилось около 1 млн. малоземельных крестьян и середняков¹⁴.

Анализируя вопрос о местах выезда переселенцев, следует обратить внимание на донесения чиновников, отвечавших в начале XX в. за переселение. В одном из «Нарядов Заведующего передвижением переселенцев по Европейской России» отмечалось, что главную массу двигавшихся в Степной край составляли выходцы южной степной полосы России, поскольку крестьяне обычно искали в этих местах условий жизни, наиболее похожих с существовавшими на родине. А также обозначалось, что подавляющее число направлявшихся в Степной край являлись уроженцами губерний черноземной полосы Европейской России и особенно Полтавской, Екатеринославской, Харьковской, Воронежской, Киевской, Подольской губерний и области Войска Донского. К 1910 году наблюдалось участие в переселении жителей Херсонской, Самарской и Саратовской губерний¹⁵.

Если говорить о численности людей, выехавших из этих мест, то можно отметить, что за 1905-1907 годы из губерний Малороссии (Полтавской, Харьковской, Киевской, Черниговской, Екатеринославской) вышло переселенцев и ходоков, по имеющимся данным, общей численностью – 231056 человек, из них семейных переселенцев – 184817 человек и ходоков – 46239 человек¹⁶.

Поскольку особо массовые перемещения людей происходили с территорий Малороссии, можно предположить, что значительную часть мигрантов составляли украинцы, которые во все времена были хорошими колонизаторами. Об этом в начале века говорил и один из исследователей данной проблемы А.А. Кауфман: «...наиболее подходящим колонизационным элементом являются выходцы из южных и главным образом малороссийских губерний Европейской России»¹⁷. Они легче адаптировались к новым условиям, быстрее налаживали свое хозяйство и, соответственно, приносили большую пользу для государства и для обживаемых ими территорий. Подобное положительное влияние украинские переселенцы оказали и на Южный Урал.

Об интенсивности переселенческого движения украинских крестьян в зауральские степи в начале XX в. можно судить по тому, что если в пределах нынешнего Акбулакского района в конце XIX в. не зафиксировано ни одного украинского поселка, то в канун революции 1917 года их насчитывалось уже около сорока с населением около 20000 человек¹⁸. Этот период стал временем формирования большого числа новых украинских населенных пунктов в южноуральских губерниях.

В начале XX столетия в Уфимской губернии появились поселки Валентиновский, Ведерниковский, в которых в 1920 году проживало 92 и 120 человек соответственно, и деревни Золотоношка (Кушкуль), Петро-Федоровка¹⁹, известна с этого времени и деревня Калиновка, которая к 1917 году насчитывала 92 украинцев, имевших 14 дворов²⁰. Тавричанка возникла как хутор примерно в тот же пе-

риод, основали ее украинские крестьяне из Таврической губернии, в 1917-м хутор состоял из пяти дворов и там проживало 44 человека, через три года в девяти дворах насчитывалось 73 жителя²¹. Деревня Ивангород (Туяш) основана украинскими крестьянами из сел Ивангород, Гунча, Михайловка Гайсинского уезда Подольской губернии в самом начале XX в., в 1917 году в 64 дворах взято на учет 389 украинцев, через три года в 65 дворах проживало 344 человека²². Украинские крестьяне Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний образовали в 1900 году деревню Такмак (Большой Такмак), где к 1917-му в 31 доме жили 216 человек²³.

На переселенческом участке №22 в 1902 году был основан поселок Акбулак Оренбургской губернии²⁴. К этому же году относят и создание переселенцами-украинцами из Киевской, Полтавской и Екатеринославской губерний поселка Урусовка, купивших землю у помещика Ждамерова²⁵. Формирование села Адамовка началось весной 1902 года, когда семь украинских семейств заселили левый берег реки Джарлы, а через год новые поселенцы освоили и правый берег, до революции в этом селе насчитывалось около 100 домов, в которых проживали украинцы²⁶. В 1903-м появился поселок Сазда, а через два года образовались поселок Вершинский и хутор Старо-Макеевский²⁷. Накануне революции 1905-1907 годов украинские крестьяне создали деревню Яковлевку в Уфимской губернии, где в 1917 году при 20 дворах наблюдалось 134 человека²⁸. В Оренбургской губернии в 1906 году появляются село Аниховка, поселки Высокий и Харьковский (Каинсайский), на следующий

год образовались поселки Чингирленский (Романовский) и Шкуновка (Балахобдинский), село Беляевка²⁹. Большинство же украинских населенных пунктов на территории современной Оренбургской области сформировалось после 1907 года³⁰, многие из них преобразовались из переселенческих участков³¹.

Особенно массовый приток украинского населения шел в пределы бывшей Тургайской области, в казахские степи, в том числе и на территорию современных Адамовского, Домбаровского, Буртинского и Акбулакского районов Оренбургской области. Если в 1897 году здесь не существовало ни одного украинского поселения, то в период с 1897 по 1914-й здесь возникло большое их количество. По переписи 1920 года на территории Адамовского района имелось уже 22 украинских населенных пункта, в Домбаровском – 16 и Акбулакском – 40³².

В Уфимской губернии украинцы преимущественно селились в южных уездах – Белебеевском и Стерлитамакском. По переписи 1912-1913 годов их в губернии насчитывалось 56,9 тыс. человек. Накануне Октябрьского переворота в некоторых волостях украинцы даже превышали по численности русское население, на что также повлиял поток беженцев в годы Первой мировой войны из прифронтовых украинских губерний. Так, в 1917 году в Трунтайшевской волости Белебеевского уезда проживало 1607 украинцев и 1249 русских, в Тюрюшевской – 3690 украинцев и 677 русских³³.

По материалам подворной переписи крестьянских хозяйств Уфимской губернии, которая проводилась в 1912-1913 годах, можно судить об основных районах рас-

селения украинцев в Башкирии в пределах Уфимской губернии. Миграция украинских переселенцев осуществлялась в трех основных направлениях: юго-западное – в Белебеевский (30 049 чел. – 52,8%), южное – в Стерлитамакский (12119 чел. – 21,29%), центральное – в Уфимский (12170 – 21,38%) уезды. Часть украинцев осела дисперсно на севере Башкирии – в Бирском (2411 чел. – 4,24%) и на северо-востоке – в Златоустовском (174 чел. – 0,29%) уездах. На северо-западе края, в Мензелинском уезде, украинских поселений нет вообще³⁴.

Данные сельскохозяйственной и поземельной переписи населенных мест Оренбургской губернии 1917 года показывают, что наибольшая численность украинцев наблюдалась в Оренбургском уезде и составляла примерно 57 тыс. украинцев, в Орском насчитывалось около 20 тыс. человек, третьим по численности являлся Челябинский уезд, в котором было приблизительно 5 тыс. малороссов, в Троицком – 117 человек, а по Верхнеуральскому данные об украинцах отсутствуют³⁵.

С началом в стране революционного движения 1917 года переселенческие процессы осложнились, а учет их становился практически невозможным. Тем не менее определенное перемещение людей осуществлялось, в том числе и украинцев. Так, С.А. Попов отмечал, что к 1920 году в Оренбургском и Орском уездах насчитывалось 74 219 украинцев³⁶, то есть увеличение представителей этой национальности на данных территориях составило почти 7 тыс., безусловно, и переселение оказало на это свое влияние. Увеличение численности украинцев наблюдалось и в Уфимской губернии, составив к 1920 г. 67 122 человека³⁷.

Таким образом, миграция украинцев на Южный Урал в различные его уезды и губернии позволила увеличить представительство этой этнической группы, расширив культурное и социальное влияние на проживавшие народы и внося свой вклад в развитие указанных территорий.

А.Н. МОЛОЩЕНКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Кауфман А.А. К вопросу о причинах и вероятной будущности русских переселений. – М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. – С. 1-2.

² Там же. – С. 12.

³ Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. – Киев: Тип. Импер-ого ун-та Св. Владимира, 1912. – С. 83.

⁴ Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. – С. 4.

⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. И – 13. Оп. 1. Д. 227. Л. 32–33.

⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – С. 75.

⁷ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области//Великая дружба. – Чкалов: Чкалов. книж. изд., 1954. – С. 73.

⁸ Скуратов И.В. Законодательная деятельность правительства по улучшению быта крестьян в конце XIX – начале XX вв.//Духовная культура народов Южного Урала: история, традиции, проблемы: Сб. науч. трудов. – Оренбург: Южный Урал, 1994. – С. 8-9.

⁹ Там же. – С. 9.

¹⁰ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии.//Хозяйство Башкирии. – 1928. – № 6 – 7. – С. 81.

О. Ю. Устинова

- ¹¹ ОГАЧО. Ф. И – 13. Оп. 1. Д. 1051. Л. 533-537.
- ¹² Там же. Д. 78. Л. 1213-1216.
- ¹³ Там же. Д. 690. Л. 470-489.
- ¹⁴ Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа, 1992. – С. 29.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. И – 13. Оп. 1. Д. 690. Л. 14 об. –15.
- ¹⁶ Там же. Д. 512. Л. 166.
- ¹⁷ Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний. – С. 90.
- ¹⁸ Оренбургский областной историко-краеведческий музей. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 76. Л. 45.
- ¹⁹ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана: Справочная книга. Изд. 2-е. – Уфа: Китап, 1997. Кн. 1. – С. 161.
- ²⁰ Асфандияров А.З. Указ. соч. Кн. 7. – С. 187.
- ²¹ Там же. – С. 189.
- ²² Там же. – С. 189.
- ²³ Там же. – С. 189 – 190.
- ²⁴ Оренбургский областной историко-краеведческий музей. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 82. Л. 89.
- ²⁵ Попов С.А. Указ. соч. – С. 76.
- ²⁶ Оренбургский областной историко-краеведческий музей. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 83.
- ²⁷ Попов С.А. Указ. соч. – С. 76-77.
- ²⁸ Асфандияров, А.З. Указ. соч. Кн. 7. – С. 189.
- ²⁹ Попов, С.А. Указ. соч. – С. 76.
- ³⁰ Там же. – С. 76.
- ³¹ См.: Оренбургский областной историко-краеведческий музей. Фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 82. Л. 91–96.
- ³² Попов С.А. Указ. соч. – С. 75.
- ³³ Роднов М.И. Социальная структура украинского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века//Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. – Уфа, 1993. – С. 138.
- ³⁴ Бабенко В.Я. Указ. соч. – С. 31.
- ³⁵ Подсчитано по: Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии: по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи. – Оренбург, 1917. – 41 с.
- ³⁶ Попов С.А. Указ. соч. – С. 75.
- ³⁷ Никитин М. Указ. соч. – С. 85.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПО ПРИЕМУ И РАЗМЕЩЕНИЮ ЭВАКУИРОВАННОГО НА ЮЖНЫЙ УРАЛ НАСЕЛЕНИЯ В 1941 – 1945 гг.

Важным фактором, оказавшим влияние на формирование национального состава Южноуральского региона в годы Великой Отечественной войны, стала эвакуация многих предприятий наркоматов боеприпасов, вооружения, авиационной промышленности и людских ресурсов с

западных территорий СССР на Восток. Для приема и размещения производственных мощностей и населения в тылу создавались комиссии по эвакуации, бюро по учету и распределению рабочей силы, отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

Местные органы государственной власти организовывали свою деятельность, ориентируясь на выполнение требований, выдвинутых в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 года, директиве СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 года, а также других нормативных актах, изданных в 1941-1945 годах. Постановлением СНК СССР от 31 января 1942 года № 111-51с на СНК союзных, автономных республик, краевые и областные исполкомы возлагалась работа по хозяйственному устройству прибывавших граждан. Исполком Челябинского облсовета назначил 18 июля 1941 года исполняющим обязанности заведующего отделом по эвакуации Н.А. Маргасову. В Чкаловской области такой отдел возглавил И.Я. Шарапов¹.

Мобилизация людей в ряды Красной Армии обусловила сокращение числа советских работников. Одним из источников восполнения кадров Советов депутатов трудящихся Южноуральского региона являлось привлечение на работу прибывших с западных территорий депутатов. Многие из эвакуированных членов Советов, приехав в тыловые районы в начале войны, продолжили свою деятельность в структуре местных органов власти. К началу апреля 1942 года в Чкаловской области 9 председателей районных и 3 председателя городских исполкомов возглавляли эвакуированные депутаты². Прибыли с Украины и Белоруссии В.А. Герасименко, В.П. Ефремов, А.М. Сычев, Г.И. Шайко. До войны В.А. Герасименко два года возглавлял Тернопольский облисполком, В.П. Ефремов – Севастопольский горисполком. Последний в эвакуации работал сначала в исполкоме Бузулукского

горсовета Чкаловской области, а с ноября 1942 года по октябрь 1943 года руководил Чкаловским городским Советом. В январе 1942 года отозвали в Смоленскую область инструктора исполкома Чкаловского облсовета А.М. Сычева. По состоянию на 20 июня 1943 года в Чкаловскую область прибыло 126 председателей сельских и 16 секретарей районных Советов³.

Большую часть эвакуированных советских сотрудников отправили на работу в районы. По эвакуации в Ивановский район Чкаловской области прибыли из Белоруссии депутаты А.С. Лисовский и С.В. Пономарев. Последнего 20 сентября 1941 года в связи с уходом в РККА Д.И. Веселова назначили временно исполняющим обязанности председателя районной плановой комиссии. А.С. Лисовский возглавил отдел по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. 10 июля 1943 года на девятой сессии Ивановского райсовета С.В. Пономарева и А.С. Лисовского избрали заместителями председателя райсовета и ввели в состав членов исполкома. В связи с освобождением западных территорий 16 сентября 1943 года ввиду отъезда в Черниговскую область С.В. Пономарева райисполком предоставил право первой подписи на чеках и поручениях А.С. Лисовскому. 20 ноября 1943 года выехал в Белоруссию А.С. Лисовский. Из 8 председателей сельских Советов Ивановского района на 1 января 1944 года в Залесовском и Шарьякивском сельсоветах работали эвакуированные советские кадры. По национальному составу председатели сельсоветов делились следующим образом: 3 русских, 1 украинец, 2 башкирина, 1 еврейка, 1 татарин⁴.

Длительное время являлась секретарем Краснохолмского райисполкома Чкаловской области О.Н. Печерская, находившаяся до войны на посту секретаря исполкома Порховского райсовета Ленинградской области. Прибыв по эвакуации на Южный Урал, она входила в состав членов исполкома вплоть до окончания войны. С 22 февраля 1942 года председателем Рождественского сельсовета Гавриловского района была Н.Н. Сысова, уроженка Белоруссии, до января 1943 года исполняла обязанности секретаря исполкома Гавриловского райсовета М.И. Некерова. В феврале 1944 г. вернулся в Днепропетровскую область председатель Верхне-Днепровского сельсовета Буртинского района Г.И. Шайко⁵.

Прибыли в Чкаловскую область сотрудники исполкомов украинских Советов депутатов трудящихся. Из Одесской области приехали председатель облисполкома К.П. Кучеренко на хутор Старо-Саратовский Ново-Покровского района, председатель исполкома Ольшанского райсовета И.П. Козлов – в Соль-Илецк, председатель Кодымского райисполкома – в с. Ромашкино Курманаевского района. Направили на работу в с. Кирсановку Тоцкого района председателя исполкома Новоархангельского райсовета Кировоградской области К.Г. Янова, в Орск – председателя исполкома Черниговского областного Совета В.Л. Капранова⁶.

Местные и прибывшие на Южный Урал советские работники организовывали свою деятельность в русле решения задач военного времени⁷. Эвакуация в регион около 490 крупных и средних предприятий, детских учреждений предопределили ряд особенностей в обеспечении культурно-бытовых потребностей местных и эвакуиро-

ванных жителей края. Докладывая на 10-й сессии Челябинского облсовета 16 апреля 1943 года, председатель облисполкома А.А. Белобородов отметил, что численность городского населения области выросла на 44 %, то есть на 500 тыс. человек⁸. Перед местными Советами стояла задача обеспечить местное и эвакуированное население жильем, продовольствием, предметами первой необходимости.

В центре внимания южноуральских Советов депутатов трудящихся находился жилищный вопрос. Наиболее остро он стоял в городах и рабочих поселках Южного Урала, поскольку значительная часть прибывших разместилась в индустриально развитых центрах. По данным на 15 октября 1941 года, в Чкаловскую область приехало 40355 евреев, 30013 русских, 14568 украинцев, 8780 белорусов, 728 поляков, 440 латышей, 126 эстонцев и др. На 20 января 1942 г. область приняла 220917 эвакуированных. К весне 1942 года Челябинск насчитывал 92 тыс., Чкалов – 40 тыс. жителей западных территорий⁹.

Местные органы государственной власти Южноуральского региона отправляли прибывавших в районы. В июле 1941 года исполком Белозерского райсовета Чкаловской области подготовил жильё для 56 семей украинцев, Екатериновский райисполком – для 52 семей, Ново-Покровский – для 209, Сорочинский – для 304 семей. На 1 августа 1941 года в 24 районах Чкаловской области числилось 377 эстонцев, из них 66 человек жили в Мустаевском районе¹⁰. На 30 октября 1942 года руководство Чкаловской области разместило 446 латышей, основную массу которых расселило в Белозерском, Бугурусланском, Гавриловском, Чкаловском районах.

Городские и районные Советы депутатов Южного Урала осуществляли работу по расквартированию эвакуированных и обеспечению их топливом на зиму. Вновь прибывшие получали единовременные пособия. Так, исполком Чкаловского облсовета выделил к 13 декабря 1941 года для оказания материальной помощи эвакуированным более 800 тыс. руб., из них 685 тыс. передал в районы особо нуждавшимся¹¹.

Первоначально местные Советы депутатов трудящихся пытались решить жилищный вопрос за счет уплотнения жильцов, приспособления под жилье нежилых помещений. 10 июля 1941 года руководство Челябинской области приняло решение «О размещении эвакуированных граждан в Челябинской области», установив расселение 138 тыс. человек в Агаповском, Далматовском, Миасском, Мишьярском, Мишкинском, Уфалейском, Шадринском районах. Выполняя постановление Совнаркома СССР от 5 июля 1941 года и решение Чкаловского областного Совета от 27 апреля 1942 года, исполком Орского горсовета разрешил оргбюро горисполкома произвести по Ворошиловскому, Ленинскому и Сталинскому районам уплотнение граждан в домах районных Советов, в жилых зданиях, принадлежавших или арендованных предприятиями, учреждениями, организациями, в домах собственников и застройщиков¹².

По Южноуральскому региону местные органы государственной власти установили в 1942 году жилищно-санитарную норму в 4 м² на человека. Высвобождавшаяся жилплощадь, однако, не обеспечивала потребностей увеличивавшегося населения региона.

Советы депутатов трудящихся и их исполкомы приступили, наряду с изысканием резервов жилой площади и организацией расселения на ней, к строительству нового жилья. Ограниченность материально-финансовых ресурсов, сжатые сроки не давали возможности возводить капитальные постройки. Наиболее быстрым и дешевым способом преодоления жилищного кризиса в первый год войны представлялось ведомственное и коммунальное строительство упрощенного и временного жилья. В соответствии с постановлениями СНК СССР от 13 сентября 1941 года № 2069 и СНК РСФСР от 22 сентября 1941 года № 627 исполком Челябинского облсовета предложил городским и районным исполкомам при строительстве упрощенного типа жилых помещений, бараков, полужилых, столовых и бань для эвакуированного населения использовать возможности по приспособлению имевшихся помещений под жилье, максимально применяя местные строительные материалы¹³.

Зимой-весной 1943 года прошли сессии областных и городских Советов депутатов трудящихся Южного Урала, которые подвели итоги работы по решению проблемы жилищного строительства. Руководство Челябинской, Чкаловской и Курганской областей констатировали систематическое невыполнение планов строительства и его низкое качество. Так, на 1942 год исполком Челябинского облсовета наметил построить 1800 жилых домов индивидуального типа, фактически соорудили 521 дом¹⁴. Областные органы государственной власти ликвидировали разрыв между жилищным и промышленным строительством, приравняв возведение жилых домов к сооружению важных производственных объектов.

Отделы по хозяйственному устройству эвакуанселения при исполкомах местных Советов занимались вопросами контроля над исполнением решений союзного, республиканского и областного руководства на местах. За период с апреля по июль 1942 года сотрудники аппарата Челябинского облисполкома выезжали с проверкой условий жизни эвакуанселения в 29 районов, инспектора 16 районов отчитались на заседаниях городских и районных исполкомов¹⁵. Руководство Чкаловской области отмечало неудовлетворительное обслуживание и трудоустройство эвакуированных граждан в 1941 году со стороны исполкома Павловского райсовета и его отделов, отсутствие учета прибывших, организации подвоза топлива, овощей, вследствие чего из района выбыло 685 семей. Перед администрацией района ставилась задача исправить все недостатки в течение 10 дней¹⁶.

Местные Советы депутатов акцентировали внимание на успешной деятельности городских и районных органов власти. Так, Челябинский облисполком отмечал в 1944 году серьезную работу исполкома Карабашского горсовета по ремонту квартир, обеспечению топливом, упорядочению деятельности мастерских бытового обслуживания, позволившую улучшить условия жизни трудящихся. Исполнительный комитет Чкаловского облсовета высоко оценил предпринимаемые администрацией Бугуруслана меры, позволившие выполнить план по капитальному ремонту жилфонда к 1 ноября 1944 года на 108 тыс. руб. из 155 тыс., или на 69,7 %, а также увеличить количество объектов, подвергшихся капремонту, с 11 до 22. Председатель Бугурусланского горисполкома С.С. Ке-

ворков сумел создать большой советский актив из депутатов горсовета, городской интеллигенции и жен военнослужащих, с помощью которого успешно справлялся с трудностями военного времени¹⁷. По замечанию членов исполкома Чкаловского облсовета, Таналыкский сельсовет Ново-Орского района добился весной 1942 года серьезных результатов в выполнении основных задач, поставленных перед сельской администрацией. Сельский Совет опирался в своей деятельности на постоянно действующие комиссии, актив из местных и эвакуированных жителей. 22 человека помогли сельсовету в проведении всех основных мероприятий. В то же время Таналыкский сельсовет не сумел развернуть работу комиссий кооперативной и здравоохранения¹⁸.

Особую актуальность приобрел в годы войны вопрос продовольственного снабжения местного и эвакуированного населения Южного Урала. Ввиду увеличения его численности возросла потребность в усилении внимания к производству продуктов питания.

Советы депутатов трудящихся, стремясь провести на высоком уровне уборочную кампанию, досрочно выполнить план хлебопоставок, организовывали отправку через отделы по мобилизации по сельхозработы, носившие сезонный характер, трудоспособного населения городов и райцентров, а также незанятых жителей сельской местности¹⁹. Челябинский облисполком ввел 26 сентября 1941 года платную трудовую повинность на период уборки урожая. 27 апреля 1942 года администрация Галкинского района приняла решение о порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы и МТС трудо-

способного населения района, в том числе прибывших в эвакуацию. Ответственность за ее проведение возлагалась на секретаря исполкома Галкинского райсовета И.А. Ваганова. С целью оказания практической помощи в завершении уборочной кампании и хлебосдачи государству руководство Челябинской области направило в сентябре 1941 года из городов в районы 500 человек партийно-советского актива²⁰. Аналогичные мероприятия осуществляли органы власти Чкаловской и Курганской областей. К 14 октября 1941 года исполком Чкаловского областного Совета привлёк к трудовой повинности 9025 человек городского населения, среди которых были эвакуированные. Чкаловский, Бугурусланский, Бузулукский, Медногорский, Орский горисполкомы оказывали помощь колхозам и совхозам области рабочей силой за счет отправки из городов населения и учащихся 8-10 классов средних школ. Весной 1942 года руководство Чкаловской области потребовало от городских администраций мобилизовать по Чкалову 2390 человек в Акбулакский, Белозерский, Гавриловский, Екатериновский, Краснохолмский, Октябрьский, Павловский, Покровский, Сакмарский, Саракташский районы, по Абдуллино – 250 человек для колхозов Пономаревского района, по Бугуруслану – 450 человек для Мордово-Боклинского района. С 5 июня по 10 июля 1943 года Акбулакский поселковый Совет привлёк 1000 человек для работы в колхозах и совхозах района²¹. Члены объединенного заседания исполкома Мишкинского райсовета и райкома ВКП (б) Курганской области 14 марта 1943 года обязали председателей сельсоветов и колхозов в суточный срок выполнить разнарядку и

ежедневно информировать райисполком о количестве поставленных лошадей на вывозку зерна²². По итогам проведенной в июле 1943 года проверки, выявившей неудовлетворительную деятельность в мобилизации людей и тягла исполкомом Шатровского райсовета, Курганские областные власти потребовали от председателей исполкомов райсоветов обеспечить в кратчайший срок необходимое количество колхозников, комбайнеров, трактористов, рабочих совхозов, населения райцентров и учащихся на уборке урожая. Кроме того, выполняя директиву из столицы, руководство Челябинской и Чкаловской областей предоставило возможность колхозам производить повышенную оплату труда колхозников на уборке подсолнечника и выполнявших установленные нормы выработки натурой сверх начисленных им трудодней. За уборку 1 га подсолнуха лобогрейками в Чкаловской области выдавали до 5 кг подсолнуха, за срезку корзинок с 1 га вручную – до 15 кг²³.

Учитывая важность продовольственного обеспечения эвакуированного населения Южного Урала, важное место в котором принадлежало картофелю и другим овощам, советское правительство предусмотрело в государственном плане сельскохозяйственных работ на 1942 год значительное расширение посевов картофелеовощных культур. В частности, в Ташлинском районе Чкаловской области посевные площади под картофелем возросли по сравнению с 1941 годом на 90 га, по овощам – на 30 га. Исполком Чкаловского облсовета утвердил срок окончания уборки картофеля и капусты соответственно 1 и 10 октября 1942 года

и потребовал от горисполкомов до 25 сентября 1942 года мобилизовать городской автомобильный и гужевой транспорт для их вывоза на заготовительные пункты, а сельсоветы – организовать уборку семян свеклы, моркови, лука и других двухлетних культур²⁴.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны местные органы государственной власти Южноуральского региона предпринимали активные действия, направленные на скорейший прием и размещение прибывших с западных территорий граждан. Благодаря их эффективной работе эвакуированное население было обеспечено жильем и продуктами питания как в крупных городах, так и сельской местности.

О.Ю. УСТИНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1385. Л. 34; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее ЦДНИОО). Ф. 371. Оп. 5. Д. 163. Л. 81.

² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 149. Л. 15.

³ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 158. Л. 12; ЦДНИОО. Ф. 267. Оп. 14. Д. 17. Л. 348; Д. 11. Л. 149; Ф. 1868. Оп. 1. Д. 2060. Л. 65; Федорова, А.В. Местные органы власти в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А.В. Федорова // Крестьянство и казачество в трех веках: тез. докл. регион. науч. конф. – Оренбург, 1996. – С. 42.

⁴ ГАОО. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 128. Л. 74; Д. 135. Л. 11; Д. 135. Л. 17; Д. 146. Д. 99, 123; Д. 149. Л. 26.

⁵ Там же. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 160. Л. 37; Ф. Р-1084.

Оп. 4. Д. 25. Л. 18; Д. 27. Л. 42 об.; ЦДНИОО. Ф. 14. Оп. 8. Д. 58. Л. 10.

⁶ Федорова, А.В. Эвакуация на Южный Урал / А.В. Федорова // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития. – Оренбург, 2004. – С. 47.

⁷ Федорова, А.В. Национальный состав населения, прибывшего на Южный Урал в годы Великой Отечественной войны / А.В. Федорова // Укрепление взаимосвязи народов Урала и Поволжья и проблемы региональной национальной политики. – Оренбург, 1994. – С. 130-133; Ее же. Эвакуированные промышленные предприятия и население Украины и Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / А.В. Федорова // История и культура славян Южного Урала. – Оренбург, 1995. – С. 32-34;

⁸ Футорянский, Л.И. Размещение эвакуированных предприятий на Южном Урале войны / Л.И. Футорянский // Урал в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: тез. докл. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 1995. – С. 95; Челябинская область. 1917-1945 гг. Сб. документов и материалов / под ред. П.Г. Агарышева. – Челябинск, 1998. – С. 216.

⁹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 42-44; Оп. 6. Д. 168. Л. 1; Зорина, Р.Ф. Социальное положение эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (по материалам Урала) / Р.Ф. Зорина // Тыл – фронту: матер. междунар. конф., посвящ. 60-летию Великой Победы. – Челябинск, 2005. – С. 282.

¹⁰ ГАОО. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 747. Л. 28.

¹¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 161. Л. 55.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1384. Л. 4; Решение № 334 исполкома Орского городского Совета депутатов трудящихся от 28 августа 1942 г. «О порядке размещения в гор. Орске эвакуированного населения» // Орский рабочий. – 1942. – 1 сентября. – С. 2.

- ¹³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 1414. Л. 17.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 169. Л. 22.
- ¹⁵ Потемкина, М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: люди и судьбы / М.Н. Потемкина. – Магнитогорск, 2002. – С. 60.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 112. Л. 278.
- ¹⁷ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 509. Л. 15; Больше внимания работе столовых! // Карабашский рабочий. Карабашский район Челябинской области. – 1944. – 3 декабря. – С. 1.
- ¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 163. Л. 34.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 139. Л. 62; Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 263. Л. 18, 19.
- ²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 3711. Л. 68; Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). Ф. Р-1141. Оп. 2. Д. 11. Л. 91 об.
- ²¹ ГАОО. Ф. Р-61. Оп. 3. Д. 136. Л. 55; Ф. Р-1014. Оп. 2. Д. 127. Л. 22; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 116. Л. 8.
- ²² Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее ГАОПДКО). Ф. 63. Оп. 2. Д. 414 в. Л. 3.
- ²³ Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 72. Л. 20; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 18. Л. 82; Ф. 1165. Оп. 5. Д. 18. Л. 82.
- ²⁴ Об уборке овощей и картофеля в колхозах и совхозах области // Красный Октябрь. Пономаревский район Чкаловской области. – 1942. – 27 сентября. – С. 1; Черных, Л. За расширение картофельно-овощной базы / Л. Черных // Большевик. Ташлинский район Чкаловской области. – 1942. – 5 апреля. – С. 2.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940-е – 1960-е ГОДЫ

Вопрос национального представительства в советских и партийных органах власти в военные и послевоенные годы не потерял своей значимости. Этому аспекту национальной политики, особенно в национальных республиках, по-прежнему уделялось большое внимание. Выравнивание социальной структуры советского общества, развитие его социальной однородности декларировались как базовая основа для формирования новой исторической общности – советского народа. Эта задача обуславливала поддержание и

развитие системы социальной мобильности всех этнических общностей. Особое внимание при этом уделялось представителям титульных национальностей в национальных республиках. Исходя из этого, увеличение численности представителей нерусских национальностей в составах советских органов власти всех уровней, а также в рядах партийных организаций рассматривалось как рост их идейной зрелости и очередной шаг на пути развития социально однородного общества.

Между тем, основное внимание в эти годы было обращено на увеличение численности в органах власти и управления представителей титульных национальностей соответствующих республик. Вопросам национального представительства в аналогичных органах административно-территориальных образований в составе РСФСР уделялось гораздо меньшее внимание. На местах этот аспект более или менее отчетливо учитывался только в местах компактного проживания представителей той или иной национальности.

В годы войны быстрыми темпами шел процесс увеличения численности партийных организаций. Соответственно увеличивалось количество партийцев, принадлежащих к отдельным этническим группам населения (См. Таблицу 1). Так, в составе Чкаловской областной партийной организации на 1 января 1942 г. числилось 27819 человек (из них 21311 членов партии и 6508 кандидатов). Коммунисты русской национальности составляли 67,2 % парторганизации (18694 члена). Следующими по численности партийцев в областной парторганизации шли украинцы, которых

насчитывалось 4376 членов (15,7%) и евреи – 2354 члена (8,5 %). Кроме того, в рядах партии состояло 719 представителей мордовского населения области, 661 татарин, 553 белоруса, 412 казахов, 143 башкира, 112 немцев, 111 чувашей и 103 поляка¹.

К 1 января 1943 г. состав Чкаловской парторганизации увеличился уже до 32914 человек (25432 члена и 7482 кандидата). Несмотря на количественный рост, несколько снизились показатели процентного соотношения коммунистов русской национальности. Члены партии русской национальности составляли уже только 63,9 % (21042 человека, в том числе 16063 члена и 4979 кандидата), украинцы – 16,5 % (5423 человека, из них 4254 члена и 1169 кандидатов), евреи – 9,8 % (3232 человека, в т.ч. 2649 членов и 583 кандидата), белорусы – 2,3 % (748 чел.), мордвыны – 2,0 (666 чел.), татары – 1,9 % (631 чел.), казахи – 1,1 % (361 чел.), башкиры – 0,4 % (142 чел.), поляки – 0,4 % (137 чел.), чувашы – 0,2 % (78 чел.)².

В начале 1944 г. в составе Чкаловской парторганизации насчитывалось 33400 человек. В общей численности

Таблица 1

Национальный состав Чкаловской партийной организации
(на 1 января 1942, 1943, 1944 гг.)⁴

Национальность	1942 г.			1943 г.			1944 г.		
	член.	канд.	всего	член.	канд.	всего	член.	канд.	всего
Русские	14348	4346	18694	16063	4979	21042	15101	6570	21671
Украинцы	3354	1022	4376	4254	1169	5423	3479	1570	5049
Евреи	1962	392	2354	2649	583	3232	2379	862	3241
Белорусы	476	77	553	617	131	748	487	202	682
Мордва	521	198	719	502	164	666	503	252	755
Татары	497	164	661	476	155	631	488	243	731
Казахи	272	140	412	244	117	361	241	115	356
Чувашы	80	31	111	52	26	78	52	39	91
Башкиры	101	42	143	88	54	142	96	52	148
Немцы	73	39	112	57	21	78	74	21	95
Поляки	87	16	103	108	29	137	94	30	124
Прочие нац.	240	41	281	322	54	376	478	62	540
ВСЕГО	22011	6508	28519	25432	7482	32914	23472	10011	33483

партийцев русские составляли 64,9 % (21671 чел.), украинцы – 15,1 % (5049 чел.), евреи – 9,7% (3241 чел.), мордвинов – 2,3 % (755 чел.), татар – 2,2 % (731 чел.), белорусов – 2,1 % (682 чел.), казахов – 1,1 % (356 чел.), башкир – 0,5 % (148 чел.), поляков – 0,4 % (124 чел.)³.

При этом обращает на себя внимание тенденция сокращения численности в партийной организации членов немецкой национальности. Если в 1942 году в рядах партии числилось 112 немцев, то уже в 1943 году их было всего 78, а в 1944 году – 95 человек. Вполне понятно, что как в военные, так и в послевоенные годы к советским немцам, подвергшимся массовым репрессиям, было особое отношение, и прием их в партию был практически невозможен.

В послевоенные годы целенаправленной политики, направленной на вовлечение представителей отдельных этнических групп населения в органы государственного управления Чкаловской области практически не проводилось. Неслучайно поэтому то, что при сборе и систематизации информации о национальном составе руководящих работников Чкаловским обкомом нами использовались стандартные анкеты, в которых акцентировалось внимание исключительно на представителей национальностей, имеющих свои союзные республики в составе СССР. Исключение в этом ряду составляли только евреи. В результате в обобщающих документах отсутствовало указание о количестве в Чкаловской области руководящих работников татарской, башкирской, мордовской, чувашской и других национальностей, которые в своей совокупности были отнесены к категории

«прочие». Однако, даже опираясь на эти далеко неполные данные, мы можем сделать ряд интересных выводов.

Абсолютное большинство руководящих работников в Чкаловской области в послевоенные годы были русской национальности (см. Таблицу 2). Так, в 1946 году 75,8 % руководителей советских и партийных органов области были русскими (1017 человек). Еще 13,1 % руководящих постов занимали украинцы (176 человек), 3,7 % – евреи (49 человек), 0,9 % – белорусы (12 человек) и только 0,5 % – казахи (6 человек). Представители других национальностей занимали 5,8 % руководящих должностей (80 человек). При этом все высшие партийные и советские должности занимали руководители русской национальности. На протяжении всего послевоенного периода эта тенденция практически не изменялась. В 1947 году руководители русской национальности занимали 75,9 % высших должностей, в 1948 году – 76,2 %, в 1949 г. – 75,5 %, в 1950 году – 77,7 % руководящих постов.

Приведенные показатели процентного соотношения руководителей русской национальности в системе партийных и советских органов власти в целом соответствовали доле русского населения в общей численности жителей области. Среди прочих этнических групп населения достаточно широкое представительство среди руководителей советских и партийных органов имели украинцы и евреи. Руководители украинской национальности в этот период имелись практически во всех структурных подразделениях органов власти Чкаловской области. Руководители же еврейской национальности наиболее широко были представлены в системе

Национальный состав руководящих работников Чкаловской области в 1946–50 гг.⁵

Должность	русских			украинцев			казахов			белорусов			евреев			прочих		
	46	47	48	46	47	48	46	47	48	46	47	48	46	47	48	46	47	48
Парт. и сов. руководство	6	6	6	5	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рук. работники партии	32	32	21	22	26	1	4	4	3	4	—	—	1	1	1	—	—	1
Рук. сов. ихоз. организаций	27	31	36	25	30	1	2	2	4	3	—	—	—	—	1	1	1	1
Перв. секр. г/райкомов парт.	44	48	45	44	48	5	6	6	3	—	—	—	1	3	1	2	1	1
Пред. г/рай. исполкомов	48	51	53	53	54	9	11	10	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Г./р. прокуроры	34	35	36	42	42	5	6	8	5	4	—	—	2	4	4	2	10	7
Зав. г/р. финанс. отделами	48	43	48	*	46	9	9	7	9	9	1	—	—	*	—	1	3	4
Упр. г/р. отд. Госбанка	*	37	33	*	38	*	7	11	11	11	*	—	—	—	*	1	1	1
Зав. г/р. торговых отделами	*	41	42	*	41	*	10	6	6	6	*	—	—	*	1	*	2	*
Пред. райпотребкозов	*	38	36	*	25	*	7	10	8	7	*	—	*	1	1	1	*	1
Зав. рай зем. отд.	*	36	39	*	*	*	5	4	*	*	*	—	—	*	—	—	—	*
Зав. г/р. отд. здравоохранен.	42	50	49	*	*	10	9	9	*	9	*	—	*	2	—	6	3	
Зав. г/р. отд. образования	52	54	48	*	44	5	6	5	6	6	—	—	—	1	—	1	1	
Директ. МТС	100	101	103	106	109	23	24	26	27	24	1	1	—	3	4	4	1	
Дир. совхозов	60	58	62	60	59	26	15	12	14	15	—	—	—	—	1	2	2	
Секретари г/р. ком. комсомола	47	44	48	47	47	11	12	10	9	21	1	1	—	—	—	—	—	
Ред. г/р. газет	42	43	42	43	45	3	1	2	4	3	—	—	—	1	1	2	2	
Всего рук. раб. в структур. сов. и парт. органах	1017	1023	1020	1006	1310	176	174	170	175	201	6	4	3	2	5	12	16	
						49	36	30	30	29	79	66	100	104	124			

* Нет сведений.

прокуратуры, а также занимали должности заведующих городскими и районными отделами здравоохранения и финансовыми отделами. Однако в конце 40-х – начале 50-х годов, по известным причинам, отмечается устойчивая тенденция постепенного сокращения количества евреев во властных структурах. Так, если в 1946 году в органах власти было 49 руководителей еврейской национальности, то уже к 1950 году их численность сократилась до 29 человек.

Обращает на себя внимание также крайне незначительное представительство во властных структурах руководителей казахской национальности. В 1946 году не высшие должности во властной иерархии занимало всего 6 казахов, а в 1949 году их численность сократилась всего до 2 человек и только в последующие годы отмечается некоторый рост численности руководителей районного уровня казахской национальности.

Это соотношение представителей различных этнических групп населения сохранялось и при формировании структур всех уровней советов депутатов трудящихся. В Чкаловской области очередные выборы в местные советы депутатов трудящихся состоялись 21 декабря 1947 года (см. Таблицу 3). В областной совет на них было избрано 137 депутатов, из них по признаку национальности: 108 русских (78,8 %), 17 украинцев (12,4 %), 5 татар (3,7 %), 3 мордвина (2,2 %), 2 белоруса и по одному депутату чувашской и еврейской национальности.

В составы советов городов областного подчинения в общей сложности было избрано 1013 депутатов, в том числе 856 русских (84,5%), 84 украинца (8,3%), 33 еврея (3,3%), 14 татар (1,4 %) по 9 представителей от мордовского и белорусского населения области (0,9 %), по 2 башкирина и армя-

Таблица 3

Национальный состав депутатов, избранных в местные советы Чкаловской области 21 декабря 1947 г.⁶

Национальность	Областной Совет	Советы городов обл. подчин.	Районные советы городов обл. подчин.	Советы городов район. подчин.	Советы рабочих поселков	Сельские советы	Районные советы
Русские	108	856	486	152	223	6588	1010
Украинцы	17	84	56	15	50	1228	174
Татары	5	14	14	4	7	695	69
Мордва	3	9	3	4	3	856	72
Башкиры	—	2	—	—	1	200	10
Чуваши	1	1	3	2	—	138	12
Казахи	—	—	—	—	2	322	18
Белорусы	2	9	7	3	18	24	9
Немцы	—	—	—	—	—	114	3
Евреи	1	33	26	3	2	12	13
Поляки	—	1	—	—	2	3	1
Молдаване	—	—	—	—	—	3	3
Латыши	—	—	—	—	—	2	—
Коми	—	—	—	—	3	—	—
Узбеки	—	—	—	—	—	1	—
Марийцы	—	1	—	—	—	—	—
Удмурты	—	—	—	—	—	—	1
Армяне	—	2	1	—	—	—	—
Грузины	—	1	—	—	—	—	—
Финны	—	—	—	—	1	1	—
Чехи	—	—	—	—	—	—	1
ВСЕГО	137	1013	596	183	312	10187	1396

нина (0,2%), а также по одному представителю марийского, чувашского, польского и грузинского населения (0,1%). Еще 596 депутатов были избраны в районные советы городов областного подчинения. 81,6% депутатов в них были русскими по национальности (486 человек). Помимо этого в районные советы городов входили 56 украинцев (9,4%), 26 евреев (4,4%), 14 татар (2,4%), по 3 чуваша и мордвина (0,5%) и армянин. Обращает на себя внимание отсутствие в составах городских советов представителей казахского населения и очень низкий уровень представительства башкир. Объясняется это, прежде всего, тем, что абсолютное большинство представителей этих этнических групп населения традиционно проживало в сельской местности.

В составе Чкаловского городского совета депутатов трудящихся 88,1% депутатских мандатов принадлежало представителям русской национальности (341 чел.), еще 6% – украинцам (23 чел.), 2,6% – татарам (10 чел.), 1,6% – белорусам (6 чел.), 1,0% – евреям (4 чел.) и 0,8% – представителям других национальностей (3 чел.).

В трех советах по городам районного подчинения было избрано 183 депутата. Абсолютное большинство депутатских мест – 152, здесь также принадлежало избранныкам русской национальности (83,1%). Еще 15 депутатских мандатов получили представители украинского населения (8,2%). Кроме того, были избраны по 4 депутата татарской и башкирской национальности (2,2%), по 3 белоруса и еврея (1,6%) и 2 чуваша (1,1%).

В 13 советах рабочих поселков (Пакитянский, Первомайский, Акбулакский, Соль-Илецкий, Кувандыкский, Домбаров-

ский, Халиловский, прииски Айдырля и Кумак и др.) было избрано 312 депутатов, в том числе: 223 русских (715%), 50 украинцев (16,0%), 18 белорусов (5,8%), 7 татар (2,2%), а также по три представителя от мордвы и коми (1,0%), по два поляка и еврея (0,6%) и по одному башкиру и финну (0,3%).

В составы 50 районных советов Чкаловской области 21 декабря 1947 года было избрано в общей сложности 1396 депутатов. По национальности они распределились следующим образом: русских – 1010 депутатов (72,3%), украинцев – 174 (12,5%), мордвы – 72 (5,2%), татар – 69 (4,9%), казахов – 18 (1,3%), евреев – 13 (0,9%), чувашей – 12 (0,8%), башкир – 10 (0,7%), белорусов – 9 (0,6%), по три немца и латыша (0,2%) и по одному поляку, удмурту и чеху⁷. В отдельных районах области уровень национального представительства в советах варьировался в зависимости от наличия компактно проживающих групп населения той или иной национальности. Так, в состав Мордово-Боклинского райсовета входило 14 депутатов мордовской национальности (всего в совете – 25 депутатов, в том числе 9 – русских, украинец и татарин). В Секретарском райсовете 7 из 25 депутатов были также мордовской национальности (остальные мандаты распределялись следующим образом: русские – 14, украинцы – 2, татары – 2). 9 из 25 депутатских мандатов имели представители украинского населения в Акбулакском райсовете (еще 14 депутатов – русские и 2 – казаха). Наибольшее представительство татар наблюдалось в Асекеевском (7 депутатов), Абдулинском (6 депутатов), в Александровском (5 депутатов)⁸.

Более широкое представительство от различных этнических групп населения, проживающих в Чкаловской области, получил депутатский корпус на уровне сельских советов. Всего по 774 сельским советам было избрано 10187 депутатов. Здесь депутаты русской национальности составляли уже только 64,7 % (6588 человек). Оставшуюся часть депутатского корпуса в сельских советах занимали украинцы – 12,1 % (1228 чел.); мордва – 8,4 % (856 чел.); татары – 6,8 % (695 чел.); казахи – 3,2 % (322 чел.); башкиры – 2,0 % (200 чел.); чувашаи – 1,4 % (138 чел.); немцы – 1,1 % (114 чел.); белорусы – 0,2 % (24 чел.); евреи – 0,1 % (12 чел.). Кроме того, в составы сельских советов входили по три представителя польской и молдавской национальности, два латыша и по одному финну и узбеку.

В местах компактного проживания представителей отдельных этнических групп населения их представители, чаще всего составляли большинство в советских органах власти. Так, в 18 сельских советах Мордовско-Боклинского района насчитывалось в общей сложности 260 членов, из них 189 человек (72,7 %) были мордовской национальности, 63 – русских, 3 украинца, по два татарина и чуваша и один еврей. В составах 14 сельсоветов Секретарского района насчитывалось 204 члена. В их числе было 85 представителей мордовского населения (41,7 %), 93 члена русской национальности (45,6 %) и 26 татар (12,8 %). В Сок-Кармальском районе в составе 16 сельских советов числилось 79 представителей мордовского населения (33,8 %), 147 членов русской национальности, 4 украинца, 3 татарина и один чуваш. В составах сельских советов Абдулинского района мордва составляла 27,4 % депутатов (102 человека).

Татарское население наиболее широко было представлено в сельских советах Асекеевского района, где количество членов татарской национальности по результатам выборов составляло 41,4 % (79 человек). Кроме того, в сельсоветы Асекеевского района вошло 69 русских, 28 мордвин, 9 чувашей и 6 украинцев. В Абдулинском районе татары занимали 21,8 % мест в составах сельсоветов (81 человек в 30 советах). В сельских советах Матвеевского района татары составляли 19,7 % депутатов (53 человека их 269).

В Акбулакском районе наиболее широко было представлено украинское и казахское население. Здесь в составы сельских советов были избраны 127 украинцев (55,7 %), 54 казаха (23,7 %), 38 русских (16,7 %), а также 3 немца и 2 поляка.

Обобщенные данные о национальном составе депутатского корпуса в местных советах Чкаловской области, сформированном по итогам декабрьских выборов 1947 г. позволяют сделать общие выводы о степени участия в управлении государственными и общественными делами представителей отдельных этнических групп населения области. Так в советах всех уровней достаточно широко были представлены русские, украинцы, татары, мордва, белорусы и евреи. При этом в целом, показатели представительства отражали степень урбанизации, характерную на этот период для различных национальностей. Так, в городских советах области практически отсутствовали представители башкирского и казахского населения области. Достаточно слабо были представлены в городских органах власти татары, мордва и чувашаи. И напротив, именно в городских советах наиболее широко пред-

ставлены евреи. Немецкое население, выселенное в годы войны из городов и подпадающее под режим спецпоселения, было представлено исключительно в советах сельского и в незначительной степени районного уровней. Обращает также на себя внимание факт того, что в областном Совете депутатов трудящихся совершенно не было представлено башкирское, казахское и немецкое население области, а также незначительным в процентном отношении было представительство от татар, чувашей и мордвы.

Повышение профессионального уровня советских и партийных работников осуществлялось по-прежнему через систему партийного и комсомольского просвещения, успешное прохождение которой являлось залогом карьерного роста. С этой точки зрения определенный интерес представляет национальный состав учащихся в этих учреждениях. Так, набор слушателей первого курса Чкаловской трехгодичной партийной школы в 1955 году составлял 71 человека, в том числе: русских – 56, украинцев – 10, мордвы – 3 и татар – 2 слушателя⁹. В 1956 году в Оренбургской совпартшколе обучалось 100 слушателей, из них русских – 66, украинцев – 14, татар – 7, мордвов – 6, казахов, башкир и немцев – по одному слушателю¹⁰.

В 1960-е годы сохранялась незначительная диспропорция в национальном составе высших советских и партийных органов. Это практически не отражалось в соотношении численности представителей отдельных национальностей в областной партийной организации с общей численностью проживающих в области представителей той или иной этнической общности. К началу 1963 года в составе

Оренбургского обкома КПСС находилось 92456 человек. Русские составляли 73,8% от общей численности партийцев (68288 чел.); украинцы – 10,1% (9332 чел.); татары – 8,0% (4704 чел.); мордва – 3,8% (3566 чел.); казахи – 2,0% (1868 чел.); башкиры – 1,2% (1102 чел.); евреи – 1,1% (1052 чел.); чувашаи – 0,9% (870 чел.). Эти показатели в целом соответствовали данным о процентном соотношении представителей отдельных этнических групп населения Оренбургской области по данным переписи населения 1959 года. Так, русское население составляло в этот период 70,9% от общей численности населения области, украинцы – 7,0%, татары – 6,6%, мордва – 5,2%, казахи – 4,3%, башкиры – 1,7%, чувашаи – 1,2%, евреи – 0,5%. Приведенные показатели свидетельствуют об определенной пропорциональности в соотношении количества членов партии той или иной национальности с общей численностью представителей этих этнических общностей, проживающих в области. Наиболее выделяется здесь только еврейское население. Количество партийцев среди евреев было почти в два раза выше аналогичных показателей по другим этническим общностям, но в связи с малочисленностью еврейского населения в области (8716 человек) этот факт не имел большого влияния на общую картину национального представительства в партийной организации. Всего же в областной партийной организации состояли представители 57 национальностей (См. Таблицу 4).

Руководители высшего звена советских и партийных органов по-прежнему были, за редкими исключениями, русской и украинской национальности (См. Таблицу 5). Так, в 1968 г. из 41 первого секретаря

Национальный состав Оренбургского обкома КПСС
(по состоянию на 1 января 1963 г.)¹¹

№	Национальность	Кол-во	№	Национальность	Кол-во	№	Национальность	Кол-во
1.	абхазы	1	20.	казахи	1868	39.	румыны	5
2.	аварцы	1	21.	калмыки	2	40.	русские	68288
3.	аджарцы	1	22.	караимы	1	41.	сербы	1
4.	адыгейцы	1	23.	карачаевцы	1	42.	таджики	2
5.	азербайджанцы	13	24.	карелы	9	43.	татары	4704
6.	армяне	41	25.	китайцы	3	44.	таты	1
7.	ассирийцы	1	26.	коми	11	45.	туркмены	2
8.	башкиры	1102	27.	корейцы	13	46.	удмурты	24
9.	белорусы	712	28.	лакцы	1	47.	узбеки	8
10.	болгары	15	29.	латыши	27	48.	уйгуры	4
11.	буряты	3	30.	лезгины	4	49.	украинцы	9332
12.	венгры	5	31.	литовцы	17	50.	финны	3
13.	вепсы	1	32.	марийцы	14	51.	хакасы	1
14.	греки	14	33.	молдаване	24	52.	цыгане	1
15.	грузины	9	34.	мордва	3566	53.	черкесы	1
16.	даргинцы	1	35.	немцы	541	54.	чехи	6
17.	евреи	1052	36.	осетины	16	55.	чувашы	870
18.	иранцы	2	37.	остяки	2	56.	эстонцы	7
19.	кабардинцы	3	38.	поляки	97	57.	якуты	1
Всего								92 456

городских и районных комитетов КПСС (в том числе и городских районов) 35 человек были русскими по национальности, 4 – украинцами, и только два секретаря других национальностей. Из такого же количества вторых секретарей украинцев было уже 10, русских – 29 и 2 секретаря райкомов других национальностей. Секретари комитетов партии области были исключительно русскими и украинцами – соответственно 35 и 6 человек. Заведующими организационными отделами комитетов партии области были 33 русских, 4 украинца и 4 представителя других национальностей. Также 33 человека русской национальности занимали должности заведующих отделов пропаганды и агитации, 3 заведующих были украинцами и 5 представителями других национальностей. Обращает на себя внимание тот факт, что секретари и заведующие отделами комитетов партии в городах были практически исключительно русской и украинской

национальности. Немногочисленные же представители других национальностей занимали свои посты только в районных комитетах партии.

Из 48 инструкторов обкома КПСС русскими были 41 человек (5 украинцев и 2 представителя других национальностей). Подавляющее большинство специалистов обкома партии, 78 из 94 человек, также были русскими. Еще 11 специалистов были украинской национальности, 2 мордвина, по одному татарину и белорусу и еще один специалист другой национальности, не отображенной в анкете.

Из числа 186 директоров совхозов области русскими были 146 человек, украинцами – 24, казахами – 3 человека и еще 13 директоров других национальностей. Гораздо более широким было национальное представительство среди председателей колхозов области: 275 русских, 39 украинцев, 2 казаха, 1 белорус и 82 представителя других национальностей.

*Национальный состав руководящих работников Оренбургской области
(по состоянию на 1968 г.)¹²*

Должность	русские	украинцы	казахи	белорусы	прочие
Первые секретари горкомов КПСС	5	1			
Первые секретари горрайкомов КПСС	2	1			
Первые секретари райкомов КПСС	28	2			2
Вторые секретари горкомов КПСС	4	2			
Вторые секретари горрайкомов КПСС	3				
Вторые секретари райкомов КПСС	22	8			2
Секретари горкомов КПСС	6				
Секретари горрайкомов КПСС	2	1			
Секретари райкомов КПСС	27	5			
Зав. организац. отд. горкомов КПСС	6				
Зав. организац. отд. горрайкомов КПСС	3				
Зав. организац. отд. райкомов КПСС	24	4			4
Зав. отд. проп. и агат. горкомов КПСС	5				1
Зав. отд. проп. и агат. горрайкомов КПСС	3				
Зав. отд. проп. и агат. райкомов КПСС	25	3			4
Зав. пром.-трансп. отд. горкомов КПСС	4	1			1
Зав. пром.-трансп. отд. горрайкомов КПСС	3				
Зав. пром.-трансп. отд. райкомов КПСС	5	1			1
Зав. с/х отд. горкомов КПСС	1			1	
Инструкторы обкома КПСС	41	5			2
Специалисты обкома КПСС	78	11		1	4
Председатели исполкомов горсоветов	6	1			1
Председатели исполкомов райсоветов	28	5			1
Зав. гор. и район. отд. культуры	30	4		1	3
Директоры трестов совхозов	2				
Директоры МТС, начальники СМУ в сфере мелорации	7				1
Директоры совхозов	146	24	3		13
Председатели колхозов	275	39	2	1	82
Управляющие стройтрестами	79	12	1	3	18
Управляющие строй.-монтаж. трестами	5	5		1	3
Начальники СМУ	74	7	1	2	15
Начальники рай. произв. управл. с/х	25	6			3
Редакторы объединенных гор. и рай. газет	2				
Редакторы гор. газет	3				
Редакторы рай. газет	23	6		1	2

Отсутствие точных сведений о представителях татарской, мордовской, башкирской и чувашской национальностей, объединенных в графе «прочие», не позволяет отобразить в полной мере национальный состав советских и партийных органов. Однако приведенные количественные показатели свидетельствуют о том, что вопрос национального представительства в органах власти в большей степени учитывался в сельских районах области, где компактно проживали представители той или иной национальности.

Для карьерного продвижения в структурах советских, партийных и хозяйственных органов определяющее

значение имел не этнический фактор, а образовательный уровень. Данные о национальном составе специалистов, имеющих высшее и среднее специальное образование свидетельствуют о том, что к середине 60-х годов в Оренбургской области по отношению к целому ряду этнических групп существовало значительное несоответствие уровня представительства в рядах высококвалифицированных специалистов (См. Таблицу 6). Русское население, составляя по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. 71,8 % населения Оренбургской области, составляло 82,7 % специалистов, в том числе 82,0 % спе-

циалистов с высшим образованием и 83,0 % специалистов со средним специальным образованием.

Татары, составляя 7,1 % населения, при этом в общей массе квалифицированных специалистов составляли только 3,6 %, из них в общей массе специалистов с высшим образованием татары составляли 3,7 %, а со средним специальным – 3,5 %.

Совершенно другая ситуация складывалась у третьей по численности населения этнической группы населения – украинцев, которые составляли 5,5 % в общей численности населения, при этом в общей массе специалистов они составляли 6,8 %, в том числе 6,4 % специалистов с высшим и 7,1 % со средним специальным образованием.

Самая большая диспропорция между уровнем представительства в общей массе населения области и среди квалифицированных специалистов отмечалась у казахского населения, которое, составляя 4,6 % населения области, к 1966 г. имели в общей массе специалистов только 0,7 %. Высшее образование имело всего 213 казахов (0,7 % от общего количества специалистов с высшим образованием). Еще 452 казаха имели среднее специальное образование (0,8 %).

Мордовское население, составляя 4,5 % населения области, в общей массе специалистов составляли всего 1,6 %. При этом среди специалистов с высшим образованием представители мордвы составляли 1,1 % и со средним специальным – 1,8 %.

Еще меньшее представительство в рядах квалифицированных специалистов имели башкиры, которые, составляя 1,8 %

населения области, в то же время в общей численности специалистов составляли всего 0,6 % (523 человека). Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием башкиры составляли так же по 0,6 %.

Чувашское население, несмотря на то, что, составляя 1,2 % населения области, и по своим количественным показателям превышая более чем вдвое численность белорусов (0,5 %), в рядах квалифицированных кадров имели всего 471 человека (0,5 %), в то время как белорусов среди специалистов насчитывалось 510 человек (0,6). То же самое относится и к специалистам с высшим образованием, которых у белорусов было 188 человек (0,6 %), а у чувашей – 148 (0,5). Количество же специалистов со средним специальным образованием у чувашей и белорусов было почти одинаковым – соответственно 323 и 322 человека (по 0,6 %).

Но самые высокие показатели соотношения удельного веса в общей массе населения и в общей численности квалифицированных специалистов имели евреи. Это и не удивительно, учитывая то, что именно евреи являлись самой урбанизированной этнической группой Южного Урала. Составляя 0,5 % населения области, евреи в общей массе специалистов составляли 1,6 % (1465 человек), в том числе 3,0 % специалистов с высшим образованием и гораздо меньше, всего 0,9 % в общей массе специалистов со средним специальным образованием.

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о том, что к середине 60-х гг. в Оренбургской области сохранялась традиционная диспропорция между удельным весом коренного тюркоязычного населения

*Национальный состав специалистов с высшим
и средним специальным образованием в Оренбургской области в 1966 г.¹³*

Национальность	Удельн. вес в общей числ. нас. (по переп. 1970 г.)	Всего специалистов	Из них с высшим образованием		Из них со средним специальным образованием	
			кол-во	в %	кол-во	в %
Русские	71,8	74698	25212	33,8	49486	66,3
Татары	7,1	3201	1131	35,3	2070	64,7
Украинцы	5,5	6173	1963	31,8	4210	68,2
Казахи	4,6	665	213	32,0	452	68,0
Мордва	4,5	1397	334	23,9	1063	76,1
Башкиры	1,8	523	175	33,5	348	66,5
Чуваши	1,2	471	148	31,4	323	68,6
Белорусы	0,5	510	188	36,9	322	63,1
Евреи	0,5	1465	929	63,4	536	36,6
Прочие	2,5	1261	465	36,9	796	63,1
ИТОГО	100,0	90364	30758	34,0	59606	66,0

в общей численности населения области и их представительством в составе специалистов народного хозяйства с высшим и средним специальным образованием. Это свидетельствует о слабой работе по вовлечению представителей этих национальностей в промышленное производство и об отсутствии на местном уровне какой либо целенаправленной деятельности, направленной на увеличение численности и повышение квалификации отдельных этнических групп, для которых эта диспропорция ощущалась наиболее остро.

Несмотря на отмечающийся учет национального фактора в процессе формирования органов государственной власти и управления возврата к масштабной политике коренизации, проводимой в 1920-1930-е годы, не произошло. Основными и решающими факторами социальной мобильности в этот период были личные и профессиональные качества. Этнический же фактор, за некоторыми исключениями, имел второстепенное значение.

К.А. МОРГУНОВ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Подсчитано по: ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 185. Л. 1-68.

² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 90. Л. 1-2.

³ Подсчитано по: ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 7. Д. 102. Л. 1-67.

⁴ Составлено по: ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 185. Л. 1-68; Оп. 6. Д. 90. Л. 1-2; Оп. 7. Д. 102. Л. 1-67.

⁵ Подсчитано по: ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 464. Л. 36-64; Оп. 11. Д. 675. Л. 32-33; Оп. 12. Д. 665. Л. 30б-4; Оп. 13. Д. 979. Л. 17; Оп. 14. Д. 918. Л. 16.

⁶ Составлено по: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1014. Оп. 8. Д. 35. Л. 187-193; Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 752. Л. 1-138.

⁷ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 35. Л. 187-193.

⁸ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 8. Д. 35. Л. 241-295.

⁹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 18. Д. 1181. Л. 11.

¹⁰ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 19. Д. 217. Л. 2.

¹¹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1728. Л. 102.

¹² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 37. Д. 346. Л. 5-57.

¹³ Составлено по: Оренбургская область за 50 лет Советской власти. Статистический сборник. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1967. – С. 100-101

«РУССКИЙ ХОЗЯИН» КАК ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Любая нация, являясь целостной самовоспроизводящейся системой, характеризуется разнообразными видами социальных взаимодействий, среди которых особо выделяется хозяйственная практика, нацеленная на создание необходимых средств жизнеобеспечения этноса. Несмотря на то что стремления к освоению окружающей среды и удовлетворению витальных потребностей по существу одинаковые у всех этнических групп, каждая их реализует по-своему. Эти своеобразия, проявляясь в определенных формах на всем протяжении истории конкретного народа, составляют традиционные элементы его хозяйственной культуры. Их выявление и изучение стало сегодня одним из актуальных направлений научных исследований.

Обретение этим научным направлением официального статуса в системе отечественного социально-гуманитарного знания пришлось на 90-е годы XX в., символизируя смещение акцентов в изучении историко-экономической проблематики. Этот процесс выразился в утрате некогда монопольного положения чисто функциональных подходов, базировавшихся на анализе статистических данных и производственно-технологических характеристик, и институционализации социокультурных исследовательских приемов, основанных на представлении, что любая сфера жизнедеятельности человека – принадлежность культуры и может быть понята только через нее. В этом контексте хозяйство стали

рассматривать не просто частью общей культуры, а «проекцией» всей культуры (в ее широком понимании) на сферу социально-экономических отношений, определяя его как «совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регулятором экономического поведения» каждого человека и конкретного социума в целом¹.

Исследователи подчеркивали, что этнический тип хозяйственной культуры складывается под влиянием целой суммы факторов, в ряду которых природно-климатические, географические, исторические, социальные, религиозные. Под их воздействием формируется особый психологический склад у представителей каждого социума, который, накладывая отпечаток на все формы практической деятельности и хозяйствование в частности, определяет характер потребностей и представления о допустимых формах и способах их удовлетворения.

Так, вместе с постановкой вопроса о хозяйственной культуре произошло смещение основного исследовательского акцента на нематериальные, не связанные с утилитарными потребностями, составляющие экономической практики. Среди них представления о смысле и достойном образе жизни, о социально значимых целях, о престижности и допустимости тех или иных видов деятельности, о собственности и богатстве, о характере материального благосостояния и взаимоотношений хозяйствующих субъектов, а также ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы.

Изучение экономической проблематики с социокультурных позиций позволило исследователям преодолеть безраздельно господствовавшие представления об экономической детерминированности общественного развития и фактически совершить методологический поворот, заключив, что не экономика определяет культуру, а культура выстраивает адекватную себе хозяйственную систему².

На базе этого исследовательского поиска последнее двадцатилетие отмечено процессом становления этноэкономики – нового исследовательского направления, ориентированного на изучение национальных хозяйственных культур. В центре этноэкономических исследований стоит человек как конкретный духовный тип со всей сложностью и многообразием психологических мотиваций хозяйственной деятельности, не сводимых к своекорыстию и стремлению получить материальное вознаграждение, а складывающихся под воздействием исторических традиций и ценностных ориентиров того этноса, к которому он принадлежит по рождению и воспитанию.

На важность этноэкономических исследований обращалось внимание еще в XIX – начале XX в. как западноевропейскими (Ф. Лист, В. Рошер, К. Книс, Л. Брентано, В. Зомбарт, М. Вебер), так и отечественными мыслителями (А.Н. Бутовский, И.К. Бабст, А.И. Чупров, В.О. Ключевский, И.И. Иванюков, И.И. Янжул, А.Н. Миклашевский, В.В. Святловский, С.И. Солнцев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Н. Савицкий и др.). Думается, эффективное осмысление проблематики современными исследователями возможно только на основе аккумуляции этого интеллекту-

ального опыта. Если освоение западно-европейской мыслительной традиции может считаться состоявшимся (повышенным вниманием к ней были отмечены 90-е годы XX в., хотя исследователям-специалистам труды, выполненные в ее рамках, были известны намного раньше), то отечественная по-прежнему нуждается в детальном изучении. На наш взгляд, важно понять, как в России в рамках социально-экономического дискурса трактовалась проблема человека в экономике, какими характеристиками наделялся «русский хозяин» и в чем виделась специфика мотивации его деятельности.

Отправным пунктом анализа проблемы российским мыслителям служила критика утвердившегося в классической политэкономии представления о сущности и роли человека в экономике. Они считали неправомерной допускаящуюся в теоретических построениях приверженцев манчестерства подмену живой личности неким «*homo economicus*», который «не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками»³. По их мнению, за этим упрощением упускалось из вида, что экономика, как и общество в целом, не природная стихия, подчиненная в своем функционировании действию естественных законов, а «результат индивидуальной деятельности личностей», для которых своекорыстие – далеко не единственный мотив участия в сфере хозяйственных отношений⁴. Экономике они рассматривали как феномен духовной жизни, имеющий призвание «сохранить, укрепить и расширить полноту функционирования и полноту развития» всего сущего, являемого совокупностью «того живого и осязаемого

целого», «той системой людей и вещей», в рамках которой человеку предоставлено действовать. В связи с этим они считали, что в процессе изучения сферы экономических отношений, кроме черствого эгоизма и жадности прибыли их участников, важно увидеть, с одной стороны, проявление человеческого духа, воплощенного в религиозном чувстве, нравственных началах, общем понимании жизненных смыслов, а с другой – Абсолют как таковой с его далекими от материалистических установлениями⁵. В этом контексте характерно замечание В.О. Ключевского, который призывал исследователей за хозяйственной стукотней и рыночной суматохой слышать «звон колокола», как «звук иного порядка, запавший в житейскую разногласию откуда-то сверху». Историк писал: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, – и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом...»⁶.

Наиболее полное теоретическое обоснование эта позиция получила в трудах С.Н. Булгакова, утверждавшего, что за материальной видимостью хозяйства, представленной множеством разрозненных экономических актов, скрывается «единая и связанная деятельность», «существующая как бы поверх отдельных ее проявлений». По его мнению, в хозяйственном процессе природа реализует способность к самосознанию и труду над собой, к преобразованию хаоса в космос путем воплощения «образа идеального все-

единства», сложившегося «не в этом мире» и вложенного в сознание человека, главным предназначением которого является внесение одухотворяющего начала в природную стихию⁷. Булгаков подчеркивал: «Единая мировая душа, *natura naturans*, стремится овладеть природой или миром, *natura naturata*, сделать ее прозрачной, так чтобы и *natura naturata* совершенно опознавала себя в *natura naturans*. Такова предельная, уже за пределами истории лежащая, а потому в ней не вмещающаяся цель, путем которой является хозяйство»⁸. Включенное в общий план мироздания и символизирующее «актуальное проявление жизни», хозяйство осуществляется «историческим человечеством» («хозяйство ведет хозяин»), онтологически принадлежащим к двум мирам – горнему и дольному, Софии и эмпирии⁹. Изучение эмпирического хозяйственного процесса, по его мнению, позволяет установить особенности понимания осуществляющими его субъектами сущностного содержания экономической деятельности, которое в конечном итоге определяет не только избираемую ими хозяйственную стратегию, но и специфику экономического развития конкретной страны в целом.

В рамках этой методологической традиции в отечественной общественной мысли сложилось представление о том, что для России приемлемым может быть только особый, принципиально противоположный западно-капиталистическим основам экономических отношений строй ведения хозяйства. Фундаментальной чертой этого строя провозглашалось личное или лично-творческое начало, являемое ХОЗЯИНОМ, а точнее – РУССКИМ ХОЗЯИНОМ¹⁰.

По словам П.Н. Савицкого, понятие «хозяин», будучи исконно русским, аккумулирует в себе народное представление о должном в сфере экономических отношений, которое предполагает реализацию «хозяйского» подхода к делу, а именно: подхода, основанного на «человеческом отношении к людям, милости к скотам и бережении вещей Божьего мира»¹¹. Савицкий писал: «В основе понятий о хозяйском отношении лежит представление не о такой деятельности, которая направлена исключительно к получению наибольшего дохода, к «выжиманию» его в первую очередь из человека, но затем также из лошади, телеги, машины, постройки, земли, – но такой, которая, наряду с целью получения дохода, ставит как самостоятельную цель сохранение и расширение довольства работающих в хозяйстве людей», а также поддержание и повышение порядка и качества охватываемых хозяйством материальных единиц, чтобы к концу каждого экономического цикла оставить производственные мощности «в состоянии, с хозяйственной точки зрения, не худшем, а по возможности – лучшем, чем то», в котором они в него вступили. При этом хозяин убежден, что основу его благополучия составляют трудящиеся у него люди. Неслучайно обустройство их жизни он считает своей основной задачей, реализуя которую, он стремится, с одной стороны, материально обеспечить работников («чтобы они были довольны своей участью»), а с другой, создать в хозяйстве благоприятную – иррациональную по своему существу – атмосферу межличностных отношений, на основе которой «увеличивается сила и крепость

того рационального единства, каковым является (и должна являться) «производственная единица»», называемая хозяйством¹².

Эти принципы хозяйствования можно считать исконно-народными. Сложившись в процессе исторического развития, они получили письменное оформление в разнообразных поучениях и наставлениях русского средневековья («Изборники», «Измарагд», «Златая цепь», «Матица», «Домострой»), составляющих сосредоточие национальной мудрости. В отличие от многих европейских аналогов, имеющих сугубо прикладную направленность, ограниченную стремлением дать практические советы в решении повседневных забот читателю-хозяину, в этих памятниках словесности экономическая деятельность рассматривается не самоценностью, а лишь одним, хотя и чрезвычайно важным, условием общественной состоятельности человека, способом выполнения им нравственного долга перед Богом и людьми. Вот только некоторые из наставлений этого ряда: «Аще бо земные убогаите страды, небесных не узрите благ», «...никто без труда не венчан», «трудайтесь, делайте не яко рукоделию и мамоне, но яко Богу»¹³.

Анализ учительной литературы позволяет составить представление о социальном портрете русского хозяина, сложившегося в обществе в XVI-XVII вв. О нем судили как о владельце, властном распорядителе, управителе в доме и семье, которому, говоря словами «Домостроя», надлежало «за всем приглядеть и самому размыслить»¹⁴. Хозяину вменялось в обязанности знать всякое дело в хозяйстве, уметь его самостоятельно выполнить и обучить этому слуг и

работников. Кроме того, предъявлялось требование не обижать своих служащих в оплате труда, «кормить как себя», а также «во всем остальном удовлетворить», регулярно справляясь «об одежде, обо всем необходимом, о всяких их скудости и недостатке, об обиде, о болезни, о всех тех нуждах, в которых можно помочь ради Бога» как своим детям и близким. Однако в качестве основного давался наказ заботиться о духовном здравии работников. Подчеркивалось, что у хорошего хозяина люди должны быть прежде всего научены страху Божьему, т.к. в день Страшного суда ему самому придется держать ответ перед Богом за души вверенных ему людей, и от того, как он радел об их спасении, будет зависеть характер его посмертного существования¹⁵.

Представленный домостроевской традицией образ русского хозяина сохранял свою привлекательность вплоть до начала XX в. Он признавался социальным эталоном как самими хозяевами, так и представителями общественности. Если первые избирали его в качестве образца для подражания, то вторые через его призму оценивали деятельность отдельных хозяйствующих субъектов, характеризуя ее либо должной, если она шла в русле патриархальных устоев, либо недолжной, если она им противоречила.

Наиболее удачная аккумуляция общественного видения сущностных черт личности русского хозяина была осуществлена П.Д. Боборыкиным в образе главного героя романа «Василий Теркин» (1892) – колоритной личности поволжского купца крестьянского происхождения Василия Ивановича Теркина¹⁶. По замыслу автора, свои купецкие дела он вел по законам

правды и ни под каким видом не пускался в «делеческие комбинации», стремясь не столько наполнить «кубышку», сколько послужить родине, решить задачи общенационального значения, в ряду которых главной считал ограждение Волги, ее водных и лесных ресурсов от разграбления дельцами-авантюристами, не ведающими ни о чем кроме барыша и готовыми погубить бездумными вырубками природные богатства «великой русской реки». Скупая лесные угодья в Поволжье, он планировал развернуть широкую природоохранную деятельность («учредить «заказники», заняться... системой правильного лесонасаждения») и тем самым реализовать свою «миссию», выполнить свое главное призвание – быть человеком, который «блюдет свою совесть», живет по-божески и предан своему народу, делясь с ним «знанием, идеями, трудом, сердечной лаской»¹⁷.

Анализ суждений российских мыслителей рубежа XIX–XX вв. показывает, что этически оправданным считалась только такая хозяйственная система, которой были чужды психология наживы и экономический индивидуализм с его центральным принципом подавления слабого. Идеалом для них, говоря словами В.В. Зеньковского, было «праведное хозяйствование»¹⁸, в котором действовал человек, одновременно выступавший хозяином-управленцем и первым работником среди своих служащих, основным мотивом деятельности которого был труд во имя Бога и на благо общества. В хозяйствовании им виделось не что иное как основная форма присутствия человека в мире, через которую он способен не только обеспечить материальное благосостоя-

ние для себя и своих близких, но и, с одной стороны, раскрыть жизненные смыслы, выходящие за пределы предметного бытия, а с другой – привнести одухотворение и нравственное содержание в окружающую его природно-социальную среду в целях ее облагораживания и возвышая. По их мнению, именно в этом состояла сущность и призвание хозяйствующего человека в России.

Постижение и освоение ключевых принципов национально-предпочтительной модели поведения в сфере экономической деятельности чрезвычайно важно для создания устойчиво-эффективной экономики, которая, будучи связанной с выработкой этически оправданной мотивации, способна обеспечить стабильное развитие общественной системы в целом.

О.А. СМИРНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См., напр.: Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. – Новосибирск, 1991. С. 110-111; Зкарубина Н.Н. Социокультурные основы хозяйства и предпринимательства. – М., 1998. С. 32-37.

² Куликов Л.В. Капитализм и российская цивилизация // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 1999. № 4. С. 154.

³ См., напр.: Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. // Булгаков С.Н. Избранные статьи: в 2 т. Т. 2. – М., 1993. С. 344; Воблый К.Г. Вопрос о методе в истории политической экономии (Историко-методологический очерк). // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. № 11. С. 11; Булгаков С.Н. История экономических учений. Вып. 2. – М., 1919. С. 152-153; Елисеев Г.З. Плутократия

и ее основы. // Народническая экономическая литература. Избр. произведения/под ред. Н.К. Крылова. – М., 1958. С. 154; Гольцев В.А. Движение русской экономической науки. // Русская мысль. 1885. № 3. С. 62.

⁴ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. С. 344-345; Левитский Л. Вопрос о методе политической экономии в новейшей германской литературе. // Юридический вестник. 1884. № 12. С. 603.

⁵ Савицкий П.Н. Хозяин и хозяйство. // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997. С. 219, 233, 242-243.

⁶ Ключевский В.О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка. // Ключевский В.О. Очерки и речи. Второй сборник статей. – М., 1913. С. 91.

⁷ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. – М., 1993. Т. 1. С. 88, 133-135, 146-147; Он же. Народное хозяйство и религиозная личность. С. 347, 365.

⁸ Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность. С. 347; Булгаков С.Н. Философия хозяйства. С. 147.

⁹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. С. 139-145, 151-160.

¹⁰ Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 217, 246-247; Рябушинский В.П. Судьбы русского хозяина. // Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М. – Иерусалим, 1994. С. 125.

¹¹ Савицкий П.Н. Указ. соч. С. 219, 231.

¹² Там же. С. 220-222.

¹³ См.: Татаринов В. «Поваренная книга» русского быта. // Домострой. Русский семейный устав. – М., 2005. С. 7; Найденова Л.П. Мир русского человека XVI-XVII вв. (по Домострою и памятникам права). – М., 2003. С. 125; Домострой. Русский семейный устав. С. 108; Жмакин И.Н. Митрополит Даниил и его сочинения. – М., 1881.

¹⁴ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1999. Т. 4.

С. 557; Домострой. Русский семейный устав. С. 218-219.

¹⁵ Домострой. Русский семейный устав. С. 95, 114, 116-119, 138.

¹⁶ Боборыкин П.Д. Василий Теркин.//Вестник Европы. 1892. №№ 1-6.

¹⁷ См.: Боборыкин П.Д. Василий Теркин.//Боборыкин П.Д. Сочинения: в 3 т. – М., 1993. Т. 3. С. 21-22, 193, 329-330; 273-274; 373.

¹⁸ Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь.//Русские мыслители и Европа/Сост. П.В. Алексеева. – М., 1997. С. 228-231.

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА ОРЕНБУРЖЬЯ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Оренбуржье исторически формировалось как многонациональный регион. Этнический его облик сложился под влиянием самобытности традиционных культур многих народов, особой значимости приграничного фактора, постоянных миграционных потоков в течение нескольких столетий. Культурное и конфессиональное многообразие, ставшее своеобразным фундаментом российской государственности, не исключало активных ассимиляционных процессов по отношению к малочисленным народам страны. В этом плане полиэтничные регионы России представляли собой разные модели пересечения государственной политики и этнических запросов многонациональных пластов населения.

Оренбургская область даже в масштабах нашего многонационального государства выделяется этнокультурным своеобразием, положительным опытом взаимодействия разных этнических групп населения, устойчивой толерантностью в этноконфессиональном плане. Среди 119 национальностей, зафиксированных в ходе последней переписи населения 2002 года, можно выделить как крупные этнические общности – славянскую, тюрк-

скую, финно-угорскую, – так и диаспоры, исторически не относящиеся к коренным народам России. К числу последних следует отнести корейскую диаспору, органично вошедшую за 145-летний период своей российской истории в многонациональную структуру страны.

До начала насильственной депортации 1937-1938 годов основная масса корейского населения России проживала на ее дальневосточных рубежах. Там сложился опыт совместного добрососедского проживания с коренными народами края, с переселенцами из центральных областей России, сформировались основные хозяйственные занятия. Об активной интеграции корейского народа в российский социум свидетельствует хотя бы такой факт, как предполагаемое празднование полувековой даты добровольного переселения корейцев в Россию. Исполнению этого государственного замысла помешало начало I мировой войны.

По сравнению, например, с китайцами корейцы имели свое особенное отношение к России как к новой родине: стремились обрести российское подданство, принимали православие, желали получить не только начальное образование на род-

ном языке, но и продолжить его в русских учебных заведениях. Казалось бы, что подобные действия вполне естественны для народа-пришельца: принятие подданства узаконивало правовое положение корейцев в России. Интерес же к православию возник в Корее со времени определения по Пекинскому договору русско-корейской границы и укрепился с появлением в стране в конце XIX века Русской духовной миссии. Первые православные миссионеры отмечали, что тяготение корейцев к православию объясняется сходством духовных начал двух народов к почитанию предков: «Почитание родителей и предков у корейцев является краеугольным камнем общественной и религиозной жизни. Протестанты не признают молитв за умерших. Другое дело – православная церковь: ее высокохудожественный, умилительный погребальный гимн, служение сорокоустов, панихид, особые дни поминания усопших... все это должно прийтись по сердцу корейцам»¹.

В России переход корейцев в православие становился возможным не только в силу близости к национальным традициям, но необходимым как гражданам страны. Многие корейцы проходили путь от формального акта перехода в официальную религию до подлинной веры. Так, Петр Семенович Цой (Чхве Джэжен), старшина Янчихинской корейской волости, объединившей 22 из 32 деревень в Приморье, считал, что в каждой корейской деревне должны быть школа и церковь, цветом нации – образованная интеллигенция. Будучи глубоко и искренне верующим, он связывал с православием духовность своего народа. Все его 11 детей были крещеными, носили христианские име-

на, венчались в православной церкви. Поэтому решался П.С. Цой на такие жесткие меры, как стрижка традиционной конфуцианской косы у мужчин. В Корее такие действия японских колонизаторов вызывали волны народного протеста. Он направлял на учебу в светские и духовные учебные заведения центральной России способных корейских детей. Центры религиозно-нравственного просвещения корейцев кроме Приморья существовали в Забайкалье (Чита) и в Восточной Сибири (Иркутск)².

Корейцы – российские подданные – могли обучаться и в военных учебных заведениях, а затем храбро сражаться за Россию, получать кровью завоеванные награды³. Однако следует уточнить, что массового расселения корейцев с Дальнего Востока по территории страны в дореволюционный и в советский период (до середины 30-х годов) исследователями не отмечалось.

Оренбургская область в 20-30-е годы прошлого века по численности корейского населения не являлась правилом или исключением: случаи проживания корейцев в регионе зафиксированы в фондах ЦДНИ ОО⁴, но научный поиск пока нельзя считать обширным в силу ряда причин. Следует отметить, что в поле зрения власти могли попасть в основном корейцы – члены ВКП (б), в случае же предъявления им обвинений дела заводились соответствующими органами и хранились в их архивах. Кроме того, после разгрома в Дальневосточной республике национально-культурных организаций (в том числе и корейской) материалы по этому вопросу попали в особую папку Сталина. По предположению И.В. Нам, «отец народов»

изучал вопрос о депортации корейцев еще в 1922 году⁵. Тоталитарный режим, усиливающий позиции в стране, имел свои представления о судьбах государства и его граждан. Бесконтрольное применение силовых методов в управлении, борьба с врагами, зачастую вымышленными, не только усиливало массовую ксенофобию, но неизбежно вело к действиям, противоречащим подлинным интересам государства. Корейцы первыми испытали их на себе. Постановление № 1428-326 сс Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 года уже своим названием определяло действие государственной машины «О выселении корейского населения пограничных районов Дальневосточного края».

В период депортации корейцев с Дальнего Востока оренбургский регион не был определен в качестве места их насильственного расселения. Возможных причин такого решения советской власти могло быть несколько: компактно расселять депортированных только в пустынных районах Казахстана и Средней Азии с иноэтничным населением; использовать корейцев для выращивания риса в этих регионах, контролировать депортированное население с помощью спецкомендатур.

В.Б. Жиромская, анализируя демографическую ситуацию в стране в период с 1926 по 1939 год, определяет ее как чрезвычайно сложную. Большие изменения в численности и размещении населяющих Россию народов, по мнению исследователя, «в значительной степени ... были связаны с интенсивными миграционными потоками, в том числе насильственными»⁶.

Зафиксированные в Книге памяти жертв политических репрессий Оренбургской области десятки корейских фами-

лий – наглядные свидетельства того, что корейский народ разделил участь многих граждан СССР в крупномасштабной политической акции правительства, учиненной в том числе и по национальным признакам. Социальный статус, половозрастная градация при вынесении приговора комиссией НКВД и прокурором СССР значения не имела: токарь, парикмахер, слушатель бухгалтерских курсов, инструктор заочных курсов советского строительства при Оренбургском облисполкоме, летчик-наблюдатель, начальник штаба эскадрильи Оренбургской ВШАИЛН... Посмертная реабилитация явно свидетельствует о недоказанности мифической «вины», за которую выносились смертные приговоры, часто приводимые в исполнение в тот же день.

Всего по имеющимся архивным данным, опубликованным в 1-3 томах книги памяти «Корейцы – жертвы политических репрессий», к началу Великой Отечественной войны погибли в результате политического террора 3218 граждан корейской национальности. Были среди них рабочие и колхозники, студенты и учителя, инженерно-технические работники и военнослужащие, люди, владеющие «опытом организации военного дела и практической реализации полученных исследований в военной области»⁷. Репрессивные меры, применяемые в стране к представителям отдельных этнических общностей, безусловно, приводили к огромным потерям, как экономического характера, так и утрате духовного потенциала.

Осуществленная накануне Великой Отечественной войны депортация стала основной причиной отказа корейцам в массовом призыве в действующую

Красную Армию, что не могло не расцениваться как ущемление законных прав и интересов корейцев, как недоверие со стороны советской власти. Корейцы в числе других депортированных народов (немцев, финнов, крымских татар и др.) в 1942-1946 годах призывались в основном в трудовые армии и рабочие батальоны. Постановление ГКО СССР от 14.10.1942 года (№ 2414 с грифом «секретно») «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности, строительстве железных дорог и промышленных предприятий» позволяло мобилизацию через военкоматы дееспособных мужчин и женщин в военизированные формирования, сочетавшие в себе элементы военной службы, производственной деятельности и ГУЛАГовского режима содержания. Так, в рабочие батальоны с «тыловым ополчением», обозначавшим лиц, лишенных права защищать страну с оружием в руках, только в марте 1943 года было призвано 7765 корейцев. Положение людей в таких соединениях регламентировались инструкцией НКВД СССР от 24.12.1942 года, а также директивным письмом НКВД союзных и автономных республик, датированным ноябрем 1943 года.⁸

Несмотря на все трудности, унижения, на авторитарно-директивный стиль руководства страны, советские корейцы стремились и разными путями попадали на фронты Великой Отечественной, получали заслуженные награды за храбрость и самоотверженность. Так, они воевали в подразделениях Юго-Западного (С.А. Хан, В.Н. Ли), Прибалтийского (Н.М. Цой), 2-го Белорусского (Н.М. Ким), 2-го Украинского (Хван Донгук), 3-го Украинского

(В.С. Кан) фронтов, 1-й Ударной армии, выполнявшей задачи по обороне границы с Финляндией (В.А. Хан-Фимина), 1-й дивизии Народного ополчения Москвы (В.Н. Ли) и многих других воинских соединениях. К сожалению, точное количество корейцев, участвовавших в Великой Отечественной войне, до настоящего времени не установлено в силу вполне объективных причин.

Гордостью корейского и всего советского народа по праву является Герой Советского Союза Александр Павлович Мин. Не случайно книгу о нем ее автор В. Ким сопроводил такими словами: «Светлой памяти молодых корейцев, ушедших на фронт под видом других наций и народностей, павших смертью храбрых на полях сражений. Всем безымянно погибшим в Коми и Якутии корейским трудармейцам посвящается...»⁹. Пройдя жизненные университеты, характерные для многих корейцев из крестьянской среды: начальная школа, рабфак Дальневосточного университета, работа в корейской начальной школе, затем в рыбтресте в месте высылки, – А. Мин не захотел останавливаться на этом. Предпринятая им попытка получить высшее образование в Саратове увенчалась успехом: в 1939 году он поступил в кредитно-экономический институт. Через два года, накануне войны, Александр был призван из Волжска Саратовской области в ряды Красной Армии и направлен в Рязанское пехотное училище. После окончания ускоренного курса обучения молодой лейтенант был направлен в действующую армию, где сначала командовал взводом, затем – стрелковым батальоном.

Его боевые награды – свидетельство храброго и беззаветного служения Родине: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, орден Александра Невского. Орденом Отечественной войны I степени за № 227512 приказом командующего I Белорусского фронта № 48/н от 6.07.44 года Александр Мин был награжден после того, как в бою под Ковелем погиб смертью героя.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза стал последним наградным документом Александра Павловича Мина¹⁰.

Послевоенная история дает немало примеров, подтверждающих стремление корейцев доказать причастность к своей второй Родине. В 1946 году по Указу Верховного Совета СССР в гражданстве восстанавливались те, кто утратил его в силу разных причин: имели прежде гражданство российской империи, не смогли продлить советское гражданство, обрели другое гражданство в связи с браком и др. Большое количество реэмигрантов из Китая прибыло в страну в 50-е годы прошлого века в период освоения целины. Были среди них и корейцы, обращавшие свои помыслы к СССР как к родине, с которой имели кровные связи.

В Центре документации новейшей истории Оренбургской области /ЦДНИ ОО/ хранятся несколько десятков дел реэмигрантов из Китая, переданных в архив в начале 90-х годов в составе фонда УФСБ по Оренбургской области¹¹. Анализ рассматриваемых дел, сопоставление дат, фактов, упоминавшихся в них, свидетельствует о том, что решения реэмигрантами принимались сознательно. Многие честно

изложенные в автобиографиях эпизоды могли быть истолкованы не в их пользу: нелегальный переход границы, утрата советского гражданства, служба в царской и белой армиях, работа в иностранных фирмах, браки с иностранцами, родственники, выехавшие в страны Европы, Америку, Австралию. Во всех делах эта информация выделена проверяющими органами.

Показательным примером могут служить архивные данные о семье Хон (Хонг)-Громовых. Глава семьи – Хон Семен Сергеевич добровольно принял российское подданство, получил среднее образование, затем поступил в Иркутское юнкерское училище. Во время русско-японской войны, еще обучаясь в училище, уходит вольноопределяющимся на фронт и получает свою первую награду – орден Св. Георгия. После войны С. Хон возвращается в училище, по окончании которого получает чин подпоручика. В начале первой мировой войны уходит со своим 37 Сибирским стрелковым полком на германский фронт уже в чине штабс-капитана. В период боевых действий он был четырежды ранен, награжден георгиевскими и другими наградами, золотым оружием за храбрость. В 1917 году был убит и посмертно произведен в подполковники.

Жена С.С.Хона – Татьяна Владимировна, урожденная Громова, 1898 г.р., – происходила из смешанной семьи: отец – кореец, мать – русская. По национальности она записана как русская. Родилась Т.В. Громова в Хабаровске, там же окончила Алексеевское училище. В 1914 году вышла замуж, имела в этом браке двух детей: сына – Павла Семеновича, 1915 г.р. и дочь – Валентину Семеновну, 1918 г.р., записанных по отцу корейцами.

После смерти мужа в 1922 году Татьяна Владимировна вторично выходит замуж за китайского подданного Н.А. Ли и вместе с семьей в 1923 году переезжает в Харбин, затем в Тяньзин. В 1938 году их брак распался. Т.В. Хон с дочерью возвращается к сыну в Харбин, где с 1938 по 1951 год работала портнихой в частной мастерской. В 1951-1952 годах работала в ателье дамского платья фирмы «Чурин». Позже, до выезда в СССР, жила на иждивении сына и дочери.

Дочь Т. В. Хон (Хонг)-Громовой – Валентина Семеновна в 1936 году выходит замуж за англичанина А.И. Гилбрука, имеет от него дочь Маргариту. В апреле 1941 года Гилбрука отзывают по службе в Сингапур и с декабря месяца того же года никаких известий о нем жена и дочь не имели. Маргарита на время выезда в СССР – ученица 8 класса советской средней школы.

Сама Валентина Семеновна окончила семилетку в Харбине и два года училась в английской коммерческой школе. С 1936 по 1941 год была домохозяйкой, затем работала в частной парикмахерской, продавщицей и кассиршей в кондитерских, давала частные уроки английского языка. С 1951 года, переехав к родным в Дальний, постоянной работы не имела, шила, вязала, преподавала вязание на спицах.

Сын Павел с 1924 по 1930 год учился в русских начальном и высшем начальном училищах Харбина. В 1930-1932 годах учился на электротехнических курсах Вишневого в Харбине. Затем работал по оснащению строящихся домов электрооборудованием, чертежником Управления шоссейных дорог в Харбине, заведующим электростанцией Мулинских каменноу-

гольных копей, электромехаником электростанции, сборщиком сельскохозяйственных машин в Трехречье, заведующим слесарной и плотницкой мастерскими табачной фабрики в Харбине. С 1949 по 1954 год работал в порту Дальний: старшим инженером лаборатории электроотдела, а после передачи порта китайским властям – электромехаником того же отдела.

Жена П.С. Хон-Громова, М.А. Медведева, происходила, как и его мать, из смешанной семьи: отец – кореец, мать – русская. По национальности тоже записана как русская. В этом браке родилось двое детей: сын Геннадий, 1940 г.р. и дочь Татьяна, 1946 г.р.

П.С. Хон-Громов активно занимался общественной деятельностью: в 1948-1949 годах обучался на семинаре по подготовке политпросветработников при комитете Союза Советской молодежи Харбина. В 1950-1954 годах руководил струнным оркестром художественной самодеятельности Общества граждан СССР, а также являлся зав. политпросветсектором работников порта Дальний. С 1952 по 1954 год он – член правления Общества, с 1953 года – зав. культмассовым сектором Правления Общества. В 1953-1954 годах – лектор на семинаре по подготовке пропагандистов при Правлении Общества.

Сестра Татьяны Владимировны Хон (Хонг)-Громовой – Анна Владимировна – вместе с ней попала в Китай, где в 1925 году вышла замуж за американского гражданина Э. Камингс и уехала в Америку. Связь с ней была утрачена. Однако в личном деле семьи эта информация отмечена особо.

Братья Татьяны Владимировны – Макарий, 1893 г.р., Андрей, 1894 г.р., Трофим, 1900 г.р., Владимир, 1903 г.р. – проживав-

шие в Амурской области, были репрессированы 19.06.1932 года. Вполне допустимо, что репрессиям братья Громы были подвергнуты за связь с родственниками в Китае. По ряду косвенных сведений можно предположить, что их судьбы трагически оборвались в 30-е годы. Реабилитированы они прокуратурой Амурской области в 1989 году¹².

Все члены семьи Хон (Хонг)-Громовых имели гражданство СССР с 1946 года. Вполне вероятно, что русские корни этого рода способствовали притяжению к давно оставленной Родине, питали надеждами, что не будут там чужаками. К сожалению, дальнейшие судьбы реэмигрантов проследить очень трудно, т.к. информации об их дальнейшей судьбе в ЦДНИ ОО нет. На запросы в УФСБ по Оренбургской области ответы либо поступают предельно краткие, либо отрицательные. Можно только надеяться, что наши соотечественники оказались востребованными по своим специальностям и квалификации, не пострадали за принятое с позиций патриотизма решение вернуться на родину.

В анализируемом фонде содержатся только анкеты и автобиографии реэмигрантов, более подробную информацию приходится либо извлекать при анализе подобной информации по этой группе советских граждан, размещенных в других регионах, либо дополнительно обращаясь к книгам памяти и в архивы дальневосточного региона, либо отыскивая все возможные источники в Интернете.

Корейская диаспора Оренбургской области не относится к числу наиболее многочисленных, но в то же время следует отметить ее рост, как по количественным показателям, так и по значимости

в интеллектуальном, образовательном, культурном, административном, производственном потенциале региона. Так, по неофициальным данным численность корейцев, постоянно проживающих теперь в области, увеличилась почти в 10 раз со времени последней переписи населения. За весь постсоветский период в Оренбуржье увеличилось количество представителей этой национальности среди школьников, студентов и преподавателей вузов, врачей, чиновников разного уровня, предпринимателей, фермеров и других социальных слоев современного российского общества. Безусловно, увеличение выше названных показателей связано с глобальными процессами двух последних десятилетий /распадом СССР, суверенизацией, созданием новых государств/, привлеченными массовые миграции, но также и с национальными особенностями этноса. К числу последних характеристик можно отнести стремление к получению образования, повышению социального статуса и уровня благосостояния, гордость за принадлежность к корейскому этносу, уважение к чужим культурам, открытость к диалогу и др.

Если обратиться к культурному аспекту существования корейской диаспоры в России в целом и в регионах в частности, то, безусловно, слабым местом является владение корейским языком, хотя бы на бытовом уровне. Особенно это ощутимо в среднем и младших поколениях, т.к. только люди старшего поколения учились в корейских школах. Утратив возможность обучения на родном языке, корейцы зачастую хорошо овладевали языками соседних народов, разделивших с вынужденными переселенцами вся тяготы и

лишения, но практически утрачивали язык предков. Уникальный фонд корейской классической и учебной литературы, принадлежавший корейскому пединституту, эвакуированному в Кзыл-Орду, а впоследствии закрытому, был утоплен в водах Сыр-Дарьи. К началу нового тысячелетия более 90% корейцев СНГ не владели национальным языком на литературном и научном уровне, немногие корейские семьи сохранили его в быту. Молодые корейцы чаще кроме русского языка, который стал родным, овладевают английским и другими иностранными языками. Актуальная проблема изучения родного языка осложняется не только необходимостью подготовки преподавателей, но и учебников, учитывающих лингвистическую специфику обучающихся.

Многие корейские семьи – смешанные, поэтому молодому поколению зачастую негде поучиться национальным традициям. Но, несмотря на все указанные причины, самые важные обычаи и традиции, характеризующие этапы жизненного пути человека, символизирующие преемственность поколений, крепость корейской семьи, сохраняются.

Праздники «четырёх столов» – истинно семейные торжества: «первый» и «второй» столы – святая обязанность родителей по отношению к детям; «третий» и «четвертый» – долг, который благодарные дети отдадут родителям. «Первый стол» знаменует первую годовщину жизни ребенка, «второй» – свадьбу, «третий» – шестидесятилетие, «четвертый» – похороны и поминки умерших.

В формировании национального самосознания граждан любой национальности, в том числе и корейской, большое зна-

чение имеют институты нового гражданского общества в России – национально-культурные автономии, общественные национальные организации. Таких корейских организаций на территории страны в настоящее время функционирует более ста. Координацию их деятельности осуществляют Федеральная национальная культурная автономия российских корейцев /ФНКА/, Общероссийское объединение корейцев, объединение корейцев «Единство», находящиеся в Москве.

В Оренбуржье первая общественная организация «Дiasпора оренбургских корейцев» была создана в 1999 году. Сохранение национальной идентичности предполагалось как основная цель, а возрождение и развитие языка, национальной культуры, представление интересов и защита законных прав членов организации, расширение и укрепление международных связей – логически вытекающими из нее задачами. Но поскольку на тот период более 2/3 корейцев области проживало в сельской местности, причем в разных, часто отдаленных друг от друга районах, поставленные задачи практически не решались. Также этому не способствовала смена руководства организации.

В 2009 году при активном содействии Общероссийского объединения корейцев и лично его председателя В.И. Цо в Оренбуржье было сформировано новое общественное объединение корейцев области. Результатами этой инициативы стали выборы руководителя этой общественной структуры /им стал предприниматель В.Г. Кан/, формирование совета объединения, куда вошли самые уважаемые представители диаспоры, и что не менее важно – создание молодежной секции, объединившей

талантливых молодых людей корейской национальности. Она активно заявляет о себе творческими акциями¹³. Информация о подписке на общероссийскую газету «Российские корейцы» распространена в городах и сельских поселениях области, все желающие могут теперь приобрести «Энциклопедию корейцев России»

Впервые в постсоветской истории корейцы Оренбуржья отметили вместе в феврале 2010 года «Соллльал» – корейский Новый год по лунному календарю. Событие привлекло внимание общественности города и области, был снят репортаж, трансляция которого по местному каналу ТВ получила большой резонанс.

В настоящее время решается вопрос о строительстве корейского подворья на территории действующего комплекса «Национальная деревня народов Оренбуржья» или о выделении помещения для корейского культурного центра. Заинтересованность в решении этой проблемы выразило руководство Общероссийского объединения корейцев: Оренбуржье может войти в число российских регионов с положительной динамикой развития национально-культурных организаций, что особенно важно для гармонизации межэтнических отношений в больших приграничных территориях с многонациональным населением.

Такой центр в нашем регионе может стать методическим и культурным объединением по пропаганде достижений российских корейцев в сфере науки, культуры, искусства, литературы, спорта, школой для изучения корейского языка и национальных традиций, передовых сельскохозяйственных технологий для всех желающих, этнографическим му-

зеум, местом восполнения интереса к историческому прошлому и настоящему корейского народа. Асам регион – привлекательным для зарубежных инвесторов, в частности из Республики Корея, и развития производственно-экономического, научного, культурного потенциала.

Г. П. КИМ
(г. Оренбург)

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Павел Ивановский. Современное положение христианских миссий в Корее. //Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т.12. С.342.

² Христианская миссия Чхве Джэхена //Российские корейцы, 2004, № 11 (66).

³ ЦДНИ ОО Ф. 8003 Оп. 2 Д. 12 л. 23, 27, 33; Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904-1905: Итоги войны СПб.: ООО Изд-во «Полигон», 2003.

⁴ ЦДНИ ОО Ф. 371 Оп. 27. Д. 1997. Л. 1-6; Ф. 1326. Оп. 1. Д. 46. Л. 1, 19, 36, 38, 50, 53, 60-61, 88, 143-145 и др.

⁵ Нам И.В. Культурно-национальная автономия в России: опыт Дальневосточной республики // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза /Отв. Ред. Г.Н. Севостьянов /Сост.С.М. Исхаков.– М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. – С. 184.

⁶ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное М., 2001.

⁷ Сон Ж.Г. Российские корейцы: проблема призыва в Красную Армию и участие в трудовом фронте (1937-1945 гг.) //Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2005, с. 271.

⁸ Там же. С. 273-274.

⁹ Ким В. «Эшелон 58». Ташкент, 1995.

¹⁰ Энциклопедия корейцев России. Под ред. действительного члена РАЕН, д.х.н., д. физ-мат. н., проф. Цой Брони. М., 2003. РАЕН, с. 1057-1058.

¹¹ ЦДНИ ОО. Ф. 8003. Оп. 2. ДД. 1-31.

¹² Книга памяти Амурской области: 6475-6478; Справка УВД по Амурской области от 04.06.2010 № 3/11 – Г – 13.

¹³ В феврале 2005 года в Республике Казахстан прошел III Молодежный Информационный Форум «Кольцо Евразии», на котором студент ОГУ Дмитрий Ким, неоднократный лауреат творческих университетских конкурсов, презентовал

свою книгу стихов и переводов «Мастерская» и литературный альманах «Экзерсисы». Он был награжден спецдипломом – «Открытие Форума, за творческую индивидуальность». В 2007 году Д. Ким стал лауреатом конкурса «Оренбуржье – XXI век» в номинации «Новые имена» с правом публикации новой книги стихов «Транслитерация», с марта 2008 года он является членом Союза российских писателей. 3 апреля 2010 года в городе Оренбурге состоялся I фестиваль современной поэзии, его организатор – Д. Ким. Кристина Ким – руководитель молодежной секции оренбургского объединения корейцев – организатор презентации корейской национальной культуры в рамках фестиваля «На Николаевской-2010».

ТРАДИЦИИ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

Российская нация, российский народ, российская культура. Это не просто слова. Их глубинный смысл кроется в богатейшей истории нашей страны, где народы России столетиями жили вместе. Народы эти очень разные, каждый со своей культурой, своими традициями, укладом жизни. Веками формировались их синтез и многообразие самобытностей при общности духовного единства, которые проявились в процессе развития российской нации сегодня.

Одним из факторов формирования российской нации можно назвать традиции народных промыслов. Промысловая деятельность населения России всегда находилась в прямой зависимости и связи с развитием земледелия и

скотоводства. Это особенно заметно проявилось в пореформенный период российской истории, в конце XIX – начале XX вв.

По мере расслоения сельского населения появилась новая социальная группа в лице обезземеленных крестьян. Их труд, с одной стороны, становился объектом купли и продажи, с другой – эксплуатации. Часть крестьян уходила в города, пополняя ряды ремесленников и наемных рабочих, другая часть, пытаясь сохранить связь с землей, изыскивала средства для экономической поддержки своего хозяйства через дополнительный промысел, уделяя его развитию и совершенствованию все свободное время. Этому способствовали климатические условия и сезонный

характер хозяйственной деятельности, склонность крестьян к ремеслу и наличие соответствующих навыков.

Необходимо отметить, что промысел и ремесла присущи любому хозяйству. Это массовое специализированное производство, которое, как писал Ф.С. Голицын, «из всех проявлений производства в России наиболее распространенное и занимающее наибольшее число рук», которое, «будучи правильно распределено по всему государству, дает верный, существенный заработок значительной части населения империи и во многих случаях является главным источником его существования»¹. Например, в Загорье – области металлических промыслов – доход от сельского хозяйства составлял 43%, столько же от подносного промысла и 14% от других занятий; гончары Гжели 44% дохода имели от занятий земледелием, остальные от промысла².

Современники оценивали промыслы как гордость национальной промышленности. «Наша национальная промышленность олицетворяется не лаптем, не куском грубого полотна, не примитивным горшком, вымениваемым на просо, а кимрским сапогом, павловским замком, семеновской ложкой, тульской гармоникой – словом, предметами, имеющими совершенно неоспоримое право на звание товаров»³, – писал П.Б. Струве.

Самобытные традиции промыслов складывались десятилетиями, и к концу XIX в. на карте России появляются центры народных промыслов, известные не только в нашей стране, но и в мире: Палех, Холуй, Мстера, Хохлома, Жостово, Вологда, Елец, Оренбург, Кимры, Касли, Златоуст и многие другие.

Национальные обычаи и традиции населения влияли на развитие промыслов. Подтверждением этому является своеобразие этнографического состава населения Южного Урала в пореформенный период. По данным всеобщей переписи 1897 года в Оренбургской губернии насчитывалось 16, а в Уфимской – 20 национальностей. Основную массу населения составляли русские (в Оренбургской губернии – 70,4%, в Уфимской губернии – 38%), татары (в Оренбургской губернии – 5,8%, в Уфимской – около 26%⁴), башкиры (в Оренбургской губернии – 15,9%, в Уфимской – около 26%⁵).

Многонациональность объясняется переселенческим движением населения России, особенно во II половине XIX – начале XX вв. Заведующий Оренбургской переселенческой станцией К.Е. Сувчинский в своей книге «Переселенцы в Оренбургской губернии», изданной в 1889 году, отмечал: «По сведениям, доставленным в 1886 году волостными и станичными правлениями, в Оренбургской губернии числилось свыше 109 тысяч переселенцев обою пола, в действительности же их было значительно больше, от 150 до 180 тысяч»⁶.

Главным носителем культуры домашнего производства и промыслов было русское население. Устойчивое развитие получили такие промыслы, как ткацкий, шерстобитный, пуховязальный, плотницкий. В среде русского населения занимались плетением тесемок, шнурков, поясков; плетением мелких кружев особого рода, местным, традиционным способом. Развитию плотничества среди русского населения способствовали переселенцы из Симбирской, Владимирской, Вятской, Пермской и Тобольской губерний⁷. Шер-

стобитный промысел был распространен по всей территории края среди русского населения. Изготавливали кошмы, войлок, подшмутники, шапки, валенки.

Переселенцы-украинцы (к 1913 году было 78 украинских поселений с населением в 43,4 тыс. человек)⁸ стали развивать в оренбургских степях гончарное, кузнечное дело, разработку глины-каолина и т.п.

По переписи 1897 года на территории Оренбургской губернии проживал 4971 казах (0,3%)⁹. Среди них было распространено изготовление кошм, войлоков, армяков, верблюжьей шерсти, обработка шкурок лисиц, корсаков, волков, выделка овчин. Особенно славились сырмаки (сырмак – узорчатый, постилочный, мозаичный войлок), где наиболее ярко проявлялись этнические традиции промысла.

В пореформенный период еще более усилился процесс перехода башкир к оседлости и земледелию. Промыслы башкир Уфимской губернии представлены изготовлением лесных изделий – бочек, кадок, посуды, мебели, телег, саней, дуг, корзин, лаптей и т.д. В конце XIX в. на территории губернии получило развитие промысловое производство сельскохозяйственных орудий, в котором принимало участие не только русское, но и башкирское население.

Татары из поколения в поколение передавали умение делать мебель, выделывать кожу, шить обувь, одежду и головные уборы. Например, переселенцы из Казанской губернии изготавливали национальную обувь из сафьяна – ичиги, которые были широко известны. Среди татар было много мастеров по изготовлению украшений из драгоценных металлов и камней, по выработке безворсовых ковров.

Ткачество, служившее заметным подспорьем в домашнем хозяйстве, было распространено повсеместно среди женской части населения Южного Урала. Предметами ткачества являлись холст, скатерти и салфетки, полотенца, толстое сукно.

Национальный колорит в этот промысел вносили башкиры и чувашы, которые ткали полотенца с большим, ярким, разноцветным кружевом. У зажиточных башкир такие полотенца вывешивались на стенах, использовались как занавески и служили украшением жилых помещений.

Из разнообразной шерсти, разноцветной и неокрашенной, бумажных ниток, купленных на местных базарах, чувашы и мордва плели кружева для мужских и женских рубах.

Многонациональное казачество края занималось пуховязальным промыслом. Изначально это был промысел русского переселенческого населения, сложившийся под влиянием местных условий быта, культуры, наличия уникального сырья, традиций русского народа.

В «Очерке о производстве пуховых платков в Оренбургском крае» (1913) С.А. Давыдова пишет, что «во всех казачьих поселках от Орска до Оренбурга женщины и девицы от 7 лет в свободное от полевых работ время исключительно заняты пуховязанием, да и за Орском много поселков, в которых занимаются этим промыслом. Исключения составляют деревни с башкирским населением, так как женщины башкирки пуховых платков не вяжут»¹⁰.

Постепенно изменились национальный состав промысла и сам платок – как отражение вкусов, национальных традиций мастериц. Платки, выполненные татарками и башкирками, отличались

более густым орнаментом, максимально насыщенным узором. Национальный характер проявлялся не только в творческой переработке русского орнаментального наследия, но и в создании собственных орнаментальных форм и узорных мотивов. Так постепенно сложился символ культуры народов Южного Урала – оренбургский пуховый платок. Оренбургская губерния в конце XIX – начале XX вв. стала центром пуховязального производства в России¹¹.

Оренбургский пуховый платок наряду с вологодским и елецким кружевоплетением, дымковской глиняной игрушкой, гжелью, ростовской финифтью, лаковой миниатюрой Жостово, тульским самоваром представляли и представляют Россию на международных выставках.

Таким образом, уже в пореформенный период развитие промыслов в России (в их разнообразных этнических формах) способствовало развитию российской нации.

Продолжение традиций, полиэтничность промыслов и сегодня, в начале XXI века, оказывают значительное влияние на становление российской нации.

Т.Э. ЛАКТЮНКИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Голицын Ф.С. Необходимый для России строй труда. – СПб., 1909. – С. 61, 67.

² Энциклопедический словарь/Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т. XXV. – СПб., 1898. – С. 124.

³ Струве П.Б. На разные темы (1893-1901). – СПб., 1902. – С. 438.

⁴ По материалам первой всеобщей переписи 1897 года в Уфимской губернии башкиры составляли 41%. Это результат включения в состав башкир значительной части татарского населения. Новые данные показывают, что в конце XIX в. в Уфимской губернии численность башкир и татар была приблизительно одинаковой. – см. Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. – «Археология и этнография Башкирии» – Т. III. – Уфа, 1968. – С. 327-370.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – Т. 28. – С. VIII., 2-3; Т. 45. – Тетрадь 2. – С. 40-41; Кузеев Р.Г. Указ. соч.

⁶ Сувчинский К.Е. Переселенцы в Оренбургской губернии. – Оренбург, 1889. – С. 1.

⁷ ГАОО. Ф.168. Оп.1. Д.40. №18.

⁸ Многонациональный мир Оренбуржья. – Оренбург, 1994. – С. 76.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – 1897. – Т. 28 // Оренбургская губерния. – СПб, 1904. – С. 10.

¹⁰ Кустарная промышленность России. Женские промыслы. – СПб., 1913. – С.246-247.

¹¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 27.

Оренбургская губерния. – СПб., 1903. – С. 128-129.

РОЛЬ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Исторически сложилось так, что постсоветское пространство в силу географической близости, единства народно-хозяйственных связей, инфраструктуры воспринималось как единое целое. Однако после распада Советского Союза между новыми независимыми государствами обозначались серьезные социокультурные и цивилизационные различия. Одним из способов, который бы позволил сблизить позиции постсоветских стран на уровне экономики, политики, культуры, явился процесс интеграции.

Интеграция является достаточно длительным, сложным и противоречивым процессом. Поэтому определение нынешнего состояния интеграции важно, поскольку такой поиск поможет выявить тенденции и факторы, которые влияют на взаимодействие новых независимых государств на современном этапе.

Успешный опыт интеграции в ЕС показал, что очень важна роль тех стран, которые возьмут на себя бремя интеграции, которые станут своеобразным локомотивом для остальных участников объединения. Таким локомотивом после распада Советского Союза попыталась стать Россия. Такая роль была predeterminedлена ее экономическим и геополитическим положением. Поэтому одной из тенденций, определяющей современное состояние интеграции, является особое значение России на постсоветском пространстве.

Интерес к странам СНГ со стороны России стал заметен в 1995 году после указа Б. Ельцина «Об утверждении Страте-

гического курса Российской Федерации с государствами-участниками СНГ» (1995), в котором впервые после распада СССР восстановление многогранных связей и форм интеграции, взаимовыгодное экономическое сотрудничество были признаны высшими приоритетами внутренней и внешней политики. Тем не менее эффективной модели многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве так и не было создано.

С приходом к власти В. Путина отношения со странами Содружества стали строиться на реальной прагматической основе, т.е. взаимодействие происходит только с теми странами, кто реально заинтересован в тесном сближении новых независимых государств.

Поэтому уже в январе 2000 года появился документ под названием «Основные направления развития отношений России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств на современном этапе». Базовые положения «Основных направлений» легли в основу соответствующего раздела новой редакции Концепции внешней политики России, утвержденной президентом в июне 2000 года. Ключевые установки этих директивных документов следующие: во-первых, четкая фиксация СНГ как приоритетного направления российской внешней политики; во-вторых, примат обеспечения задач национальной безопасности; в-третьих, прагматический и одновременно дифференцированный подход к партнерам

в зависимости от их встречной готовности учитывать российские интересы; в-четвертых, акцент на взаимодействие в экономической сфере, включая задачу продвижения российского бизнеса; в-пятых, упор на развитие двустороннего сотрудничества и одновременно – корректировка приоритетных направлений интеграции, предполагающая перенос акцента с многопрофильного СНГ на специализированные: Союз Беларусь – Россия, ЕврАзЭС, ДКБ.

Однако соответствующих механизмов реализации этих установок, как и соответствующих органов, координирующих усилия и ответственных за их выполнение, четко определено не было. До сих пор отсутствуют необходимые самостоятельные документы, трактующие принципы, цели и задачи российской внешней политики на постсоветском пространстве.

Такое нечеткое и неясное отношение России к партнерам по СНГ несет негативную нагрузку.

Как показывает практика взаимоотношений между новыми независимыми государствами, Россия старалась играть роль координирующего центра, с которым страны СНГ должны были сравнивать компас своего дальнейшего курса. Например, характерным примером такой практики оказалась ставка на В. Януковича на президентских выборах на Украине (кандидатура В. Ющенко представлялась неприемлемой по двум основным причинам для России: 1) отрицательное отношение к Единому экономическому пространству; 2) скорейшее членство Украины в НАТО).

В то же время Москва пыталась удерживать пространство бывшего СССР за счет уступок. Например, она несла большие

финансовые и политические затраты, списывала миллиардные долги странам Содружества, давала прямую финансовую помощь государствам СНГ и устанавливала низкие тарифы на энергоносители.

То же ЕЭП явилось определенной попыткой России удержать Украину в зоне постсоветского пространства. Значительной уступкой Москвы стало решение о переходе на взимание НДС по стране назначения при экспорте нефти и газа в страны СНГ. Россия настаивала на одновременном внедрении структур таможенного союза и зоны свободной торговли. Если бы таможенный союз появился, то это бы практически сделало невозможным участие Украины в процессах европейской интеграции. Впоследствии Киев заявил, что участие в ЕЭП может интересовать его лишь в той мере, в которой это «не препятствует продвижению на другие рынки».

Поэтому политика России страдает двойственностью и не всегда оказывается эффективной по отношению к другим партнерам по СНГ. Например, для Белоруссии на 2005 год были сохранены стабильные отпускные цены в обмен на увеличение транзита через ее территорию российского газа в Европу. В то же время в прошлом году в «Газпроме» заявили о возможности перейти с 2006 года к поставкам газа по европейским ценам в Молдавию, которая имеет 900 млн. долларов долга перед Россией за поставки газа. Таким образом, отношение Кремля к партнерам по Содружеству является дифференцированным, «в зависимости от их встречной готовности учитывать российские интересы».

Прежнее влияние России в странах Содружества стремительно ослабевает как в политике, так и экономике. Другие

государства пытаются занять свободную нишу на постсоветском пространстве. Это относится в первую очередь к США, которые провозгласили концепцию «геополитического плюрализма» в отношении СНГ. Кроме того, проект бюджета США на 2007 год предусматривает предоставление финансовой помощи странам постсоветского пространства. Белый дом планирует потратить 441 млн. долларов на «содействие независимым государствам бывшего Советского Союза», что предполагает финансирование в этих странах программ по поддержке демократических и рыночных реформ, а также по поддержке гражданского общества и его институтов. В этом документе прослеживается тенденция увеличения помощи тем странам, в которых произошли «революции». В сферу особых интересов США попала Украина как ключевое восточноевропейское государство – член СНГ, прикаспийские государства (особенно, Азербайджан), страны Южного Кавказа (прежде всего Грузия), а также государства Центральной Азии. Государства СНГ, расположенные в Центральной Азии и на Кавказе, – объекты повышенного внимания со стороны США после 11 сентября 2001 года, так как в них проживает мусульманское население.

Ослабление притягательной силы России происходит на фоне возрастающей роли других центров притяжения: ЕС, Турции, Ирана. Например, Брюссель разработал стратегию «нового соседства» по отношению к восточноевропейским государствам СНГ – Украине, Молдове, Белоруссии, а также Армении и Грузии, главная цель которой – создать буферную зону между Большой Европой и Россией. В свою очередь, Москва не в состоянии играть

роль локомотива. Тяжелое финансово-экономическое положение не позволяет ей выделять большие материальные ресурсы для стимулирования интеграции.

Неопределенность стратегического курса России в отношении Содружества сказывается и на экономических показателях: провозглашенные цели региональной интеграции СНГ остались нереализованными на практике, а дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве развивались во многом неуправляемо.

Количественные показатели отношений России со странами СНГ – их доля составляла примерно 15-16% в суммарном внешнеторговом обороте РФ в период 2001-2004 годов и менее 11% в накопленных зарубежных инвестициях (на конец 2004 года) – иллюстрируют это расхождение между декларируемой и реальной приоритетностью.

Также «развитие интеграции тормозит «неумная» политика России, которая провозгласила все постсоветское пространство зоной своих интересов и стремится замкнуть политику стран СНГ на себя... Часто обоснованно они рассматривают Россию как главную угрозу своему суверенитету».

Трещина между Россией и странами, где эти «революции» состоялись (прежде всего имеются в виду Грузия и Украина), дала о себе знать во взаимоотношениях между новыми независимыми государствами. С одной стороны, Москва оказалась не готова к изменениям, которые произошли в этих странах, в немалой степени из-за опасения экспорта идей «оранжевой революции». С другой – сами «революционные» государства негативно восприняли вмешательство России в их внутренние дела.

Несогласованность своей политической линии ряда стран СНГ с Москвой привела к пересмотру российской политики по отношению к партнерам по Содружеству. Прежде всего были задействованы рычаги экономического давления.

Характерным для практики экономического давления явился запрет на ввоз грузинских вин и минеральных вод в РФ («Боржоми» и «Набеглави»). Запрещение экспорта молдавских вин в Россию также стоит в одном ряду в череде этих событий. Тогда Кишинев пригрозил перекрыть Москве путь во Всемирную торговую организацию (прием в ВТО происходит только при наличии консенсуса). МИД России в свою очередь принял решение, что с 7 апреля 2006 года граждане двух стран смогут пересекать российско-молдавскую границу только по загранпаспортам.

Переход Украины на межгосударственный формат сотрудничества в рамках СНГ привел к заявлению министра обороны РФ С. Иванова об изменении российской политики в отношении стран СНГ, стремящихся в НАТО.

По мнению специалистов Центра внешнеэкономических исследований РАН, не только партнеры России по СНГ, но и само наше государство заинтересовано в сохранении режима преференций – и по политическим и по экономическим причинам, так как внутри Содружества реализуется значительная часть товаров и услуг, сбыт которых на других рынках наталкивается на серьезные трудности.

Политика санкций тем более бесперспективна, что процесс включения и России, и стран СНГ в глобальную экономику (Грузия, Киргизия и Молдавия уже вступили в ВТО) ставит под вопрос всю систему пре-

ференций во внешней торговле. Если ЕС добьется от России приближения цен на энергоносители к мировому уровню, это поставит под вопрос практику договорных льготных цен на газ для партнеров по СНГ. Цены на российскую нефть уже постепенно приближаются к мировым. Со временем будет постепенно ослабевать и зависимость стран СНГ от российских нефти и газа. Растет добыча и экспорт нефти в Казахстане, идет интенсивное освоение нефтяных залежей в Азербайджане. Строящийся международный нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (Турция) и действующий Баку – Супса (Грузия), а также строящийся газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум (Турция) создают новые экспортные возможности вне СНГ. Поэтому использование газового вентиля, повышение цен и другие рычаги давления не всегда являются эффективными во взаимоотношениях между новыми независимыми странами, тем более в рамках такой организации, как Содружество Независимых Государств.

Также необходимо отметить, что после «революций» изменились не только отношения между Россией и некоторыми странами СНГ, но и произошла смена вектора развития в Украине и в Грузии. Таким притягательным вектором для стран, в которых произошла революция, оказалось отнюдь не СНГ, а ЕС.

Подтверждением такой оценки может служить инициатива Украины и Грузии, поддержанная странами ЕС – Польшей и Литвой, об учреждении «Содружества демократий Балто-Черноморско-Каспийского региона» (СДВ), выдвинутая в августе 2005 года в Боржоми (Грузия).

Отличительная черта этого объединения – интеграционная направленность, четкое понимание общих интересов, антироссий-

ский вектор (энергетическая независимость от России), ориентация на европейские структуры. Основанием для присоединения к СДВ является не принадлежность к указанному региону, а разделение провозглашенных ценностей. Именно поэтому Россия была приглашена к сотрудничеству с СДВ только в роли наблюдателя. В свою очередь «российская сторона оценивает новую инициативу как попытку создать санитарный кордон между Россией и расширенной Европой, а также как стремление к дальнейшей поляризации постсоветского пространства путем формирования блока «анти-СНГ».

На постсоветском пространстве существует тенденция к ослаблению участия ряда стран в делах СНГ. Первые симптомы этого процесса относятся еще к середине 1990-х годов. В частности, в 1995 году Туркменистаном была провозглашена доктрина постоянного нейтралитета, поддержанного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. Ашхабад фактически свернул работу в институциональных органах Содружества. Позднее Туркменистан объявил об ассоциированном членстве в СНГ. В результате главы государств Содружества поручили Исполкому СНГ подготовить проект соглашения с Туркменией об ее ассоциированном членстве, что в принципе стало лишь юридическим закреплением уже сложившейся ситуации.

Необходимо отметить, что идея ассоциированного членства в СНГ (не предусмотрена в Уставе) неоднократно высказывалась и Украиной. Киев также не подписывает многие документы. К примеру, в Казани (на саммите глав государств СНГ в 2005 году) В. Ющенко не подписал Концепцию военного сотрудничества до 2010 года и Концепцию согласованной пограничной политики.

Необходимо отметить, что, как только партнеры России высказывают мысль об упразднении или выходе из СНГ, Москва начинает использовать санкции по отношению к этим странам.

Грузия вышла из состава Совета министров обороны стран СНГ в январе 2006 года (поводом является объявленный Грузией курс на вступление в НАТО). Санкции со стороны Москвы последовали в виде запрета ввоза грузинских вин и минеральных вод. Ответной реакцией грузинской стороны стало поручение президента М. Саакашвили в мае 2006-го правительству в течение одного-двух месяцев подготовить экономическое обоснование дальнейшего нахождения Грузии в Содружестве. Решение о выходе Грузии из СНГ парламент страны будет принимать параллельно с обсуждением вопроса о пребывании российских миротворческих сил в Абхазии.

Негативную оценку Содружеству дал в свое время президент Молдовы В. Воронин. В 2003 году на саммите СНГ в Ялте он заявил, что, если Содружество по-прежнему будет оставаться аморфной структурой, в которой решения только принимаются, но не исполняются, Молдавия может из него выйти. Недовольство Кишинева вызывает вмешательство России во внутренние дела суверенной страны. Поэтому из Молдавии были депортированы 20 россиян, еще 80 задержаны. Госдума в ответ потребовала от правительства РФ задействовать против партнера по СНГ экономические санкции.

О том, что в Киеве рассматривают возможность выхода из СНГ, сообщил руководитель Главной службы внешней политики секретариата президента Украины К. Тимошенко. По его словам, украинская сторона неоднократно заявляла свое недоволь-

ство функционированием Содружества и поэтому ставит вопрос о целесообразности существования этой организации.

После подобных заявлений в прессе появились сообщения о том, что Россия прорабатывает вопрос об отмене преференций для этих стран в случае их выхода из состава Содружества.

Авторитет СНГ неуклонно падает. В ходе последних избирательных кампаний – на Украине, в Молдавии – вопросы, связанные с деятельностью Содружества, нигде не попали в повестку дня политических дебатов.

Продолжением такой практики, когда происходит снижение престижа Содружества, является недоверие к наблюдателям от СНГ в некоторых странах постсоветского пространства. Например, в феврале 2006 года состоялось заседание Совета Межпарламентской ассамблеи стран СНГ, на котором парламентским делегациям предстояло обсудить проблему мониторинга выборов в странах-участницах Содружества. Было решено, что в составе аппарата ассамблеи появится Международный институт мониторинга развития демократии. Эта организация будет представлять единую точку зрения парламентов СНГ во время выборов, а ее сотрудники будут делегироваться в качестве наблюдателей от парламентов.

Между тем этот опыт вызывает сомнения в странах, взявших курс на интеграцию в евроатлантические структуры. Молдавские власти заявили, что не примут участия в работе института и не поддержат его создание. Глава комиссии парламента Молдавии по внешней политике и европейской интеграции С. Стати заявил, что Совет Европы уже располагает совершенными механизмами мониторинга выборов, в которых Молдавия участвует в полном объеме. Еще в марте

2005 года Молдавия отказала в аккредитации наблюдателям от СНГ на парламентских выборах. Наблюдатели от неправительственной организации «CIS-ЕМО» были арестованы в Кишиневе, а затем высланы из страны.

Похожие претензии высказывала в адрес наблюдателей от СНГ и Украина, МИД которой неоднократно заявлял, что не намерен приглашать на выборы структуры Содружества. В конце прошлого года президент В. Ющенко порекомендовал МИДу не приглашать миссию наблюдателей от СНГ. Он мотивировал свое мнение тенденциозным и идеологизированным подходом миссии к своей деятельности, что приводит к искаженным выводам.

Таким образом, особое место России в процессе интеграции на постсоветском пространстве определяется несколькими факторами:

- во-первых, преемственностью России Советского Союза;
- во-вторых, экономическим и политическим потенциалом РФ, которая является самым мощным государством на постсоветском пространстве.

Отношение участников Содружества при этом к роли России на постсоветском пространстве является двойственным. С одной стороны, осознание важности участия Москвы в интеграционных процессах, с другой – отрицательная оценка вмешательства России во внутренние дела новых независимых государств.

На сегодняшний день у России отсутствует целостная концепция о том, какое место занимает Содружество Независимых Государств. Это тормозит и без того сложный диалог между партнерами по Содружеству.

И.Н. БУРГАНОВА

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Обращение к вопросу о российской нации темпорально имеет глубокие корни в духовном процессе нашего отечества. В различном контексте эту тему рассматривали на уровне течений общественной мысли: славянофилы и западники; народники; плеяда ученых, определяемых как философы «серебряного века»; Евразийская научная школа – в целом круге историков, философов, экономистов, социологов, политиков; в художественной литературе от А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя до Ф.М. Достоевского постоянно находил отражение феномен российского социума и его этнический аспект в том числе. Знаменитая поэтическая формула Ф.И. Тютчева:

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»*

в сфокусированном виде несет в себе смысловое значение российского национального характера с его динамикой парадоксальности и непредсказуемости.

В современных условиях главным фактором актуализации развития российской нации является образование государственности в форме Российской Федерации с русской нацией в качестве ведущего этнического компонента, что выдвигает на передний план граждан-

скую концепцию национального строительства. В данной статье предлагается анализ значения творческого потенциала русского национального характера в эволюции российской нации. При этом выделяются три аспекта исследования: специфика русского национального характера как евразийского феномена; статусно-ментальный подход к русскому национальному характеру, позволяющий всесторонне рассмотреть его этносоциальные ресурсы; степень толерантности русских. Общеизвестное определение понятия «национальный характер» включает способ восприятия мира и реакций на него, свойственный той или иной социально-этнической общности, проявляющийся в эмоциях, складе ума, системе ценностей, нормах общения, в поведении, традициях, привычках и т.д.

Русский национальный характер функционирует и развивается в эпицентре взаимодействия двух самых крупных мировых цивилизаций – западной и восточной.

Представляется возможным выделить в научном исследовании межцивилизационной феноменальности русского национального характера классическую модель ее толкования, применяемую в отечественной науке – евразийскую (см. труды Г.Б. Флоровского, Л.М. Карсавина, Н.А. Бердяева, Н.С. Трубецкого и др.).

Варианты евразийской модели русского национального характера: русский национальный характер – результат диалога западного и восточного культурных компонентов; восточный компонент преобладает над западным в русском национальном характере; евразийская структура русского национального характера дала его парадоксальные свойства как типические, и взаимодействие парадоксов зачастую показывает искусственные связи черт мышления и поведения русских (точку зрения об элементах искусственности в строении русского национального характера изложил Г. Гачев в своей книге «Национальные образцы мира»)¹.

Диалоговое видение русского национального характера в контексте евразийства, берущее начало от чрезвычайно ценного научного изыскания российского историка второй половины XIX в. М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», может быть выражено следующими тезисами: Россия – мост между Европой и Азией; русский народ всегда был и продолжает быть европейским народом, точно так же, как был и остается азиатским народом; евразийское своеобразие русского национального характера – это социально-историческое чудо, итог полноценной включенности и в европейскую, и в азиатскую культуру².

Точка зрения о преобладании восточного компонента над западным в русском национальном характере: в русской душе лишь оболочка европейская, а ядро азиатское – по Н.А. Бердяеву («Русская идея»), аналогично мнению Н.С. Трубецкого («О туранском элементе в русской культуре»)³.

Современная формулировка евразийства русских дана А.П. Бутенко, Ф.Т. Тавадовым и другими: отрицание автономии личности, приоритет служения индивида обществу⁴.

Парадоксальный вариант понимания русского характера как евразийского явления: метание русских между Востоком и Западом составляет коренной парадокс этого национального характера (данное мнение развил Н.Я. Чаадаев); Н.А. Бердяев дал известную обобщающую схему русской парадоксальности: в политике – от деспотизма к анархизму, в религии – от аскетизма к атеизму, в национальном вопросе – от универсализма и идеи богатства народов к мессианству; Л.П. Карсавин в статье «Восток, Запад, «Русская идея» анализировал нравственную амплитуду парадоксальности русских – от поиска высоких идеальных абсолютов – до падения в низины «скотоподобия»⁵.

Современный ученый Ж.Т. Тощенко дает тревожные прогнозы динамики парадоксальности русского национального характера и указывает на опасность распада национального характера как целого⁶.

Следовательно, евразийская специфика русского национального характера имеет огромное значение для развития российской нации: диалог взаимодействия европейского и азиатского компонентов способен стать стержневым условием становления новой социально-этнической общности, но парадоксальные свойства евразийской феноменальности русских могут быть причиной социального напряжения этнодинамики. Наиболее широкие возможности для анализа потенциала русского национального характера в контексте российской нации предоставляет статусно-ментальный подход.

Ведущие статусные ментальности выстраиваются в обобщающую модель русского национального характера. Кратко можно указать следующие ее элементы.

Физический статус, ассоциируемый с русским менталитетом, связан с понятием «богатырство». Его аккумулированное содержание особенно ярко дано в «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном В.И. Далем.

По поводу социально-классового статуса, типичного для русского национального характера, в отечественной общественной мысли утвердилась традиционная точка зрения (школа славянофилов), согласно которой его носителем выступает более народ, нежели аристократия.

При описании духовного строя русского национального характера его аналитики, как прошлые, так и настоящие (от Н. Бердяева до Ж. Тощенко), единодушно отдают приоритет преобладанию эмоционального компонента над рациональным.

Трудовой статус русского национального характера выражает динамика, включающая в качестве важного элемента трудовой порыв, импульс и как менее значительный – систематический процесс.

В условиях демократических преобразований, осуществляемых современным российским обществом, стал особенно актуальным политический статус русского национального характера. Долгое время господствовало мнение славянофильского толка о том, что русские – не политический народ, опровергнутое практикой политического процесса. В отличие от форм, традиционных для западного типа политического поведения, связанных с функционированием законодательства и государственных институтов, политическое

поведение русских более сориентировано на радикальные действия и политические эмоции патриотической направленности.

Семейный статус русского национального характера: семья, дети – важнейшие ценности в системе русского менталитета.

Понятие «Русь православная» в концентрированном виде выражает традицию религиозного статуса русских.

Итак, схема характера русского человека: богатырь народного склада, эмоциональный, склонный к трудовым взлетам, к политическому радикализму как в бюрократических, так и в анархических формах, ярко выраженный патриот, семьянин, сторонник православной духовности, идеи соборности.

Эта схема – русский стандарт – имеет оригинальное воплощение в миллионах русских, их индивидуальности.

В этническом строительстве, в основе которого, безусловно, лежат объективные процессы, необходимо учитывать как позитивные, так и негативные параметры, имеющиеся в любом национальном характере. Яркий патриотизм, эмоциональность, духовность, высокая ценность семьи, дома, общение как черты русского характера уже давно в общественном мнении ассоциируются с понятием россияне; в то же время такие свойства русских, как несистематическое отношение к труду, политический радикализм, правовой нигилизм, специфика приоритета в политической культуре восприятия родины и лишь затем государства также соотносятся с российской традицией, что требует внимания со стороны этнополитического менеджмента, особенно в вопросах воспитания гражданственности.

Анализ этноинтеграционной динамики не может быть полноценным без рассмотрения толерантности, составляющих ее субэтносов.

С позиции социологического знания толерантность понимается как широкое социальное явление, охватывающее эмоциональные, интеллектуальные, поведенческие стороны отношений между людьми в различных сферах жизни общества: от экономики, политики, нравственности – до быта.

Объективные факторы этого феномена составляют поступки, действия, события, взгляды, мнения; субъективные – оценки через механизм интересов субъектов толерантности. Экономические оценки – с позиций владеющих и не владеющих собственностью; политические – с позиций властвующих и подчиненных; нравственные оценки – с позиций добра и зла и т.д.

Социально-этническая общность в качестве субъекта толерантности осуществляет свои оценки и затем действует с учетом всех указанных выше позиций, которые фокусируются в национальном характере, его традициях.

Коренное свойство толерантности как отношения, сориентированного на оценку, – это способность субъекта к терпению, примирению, умение идти на компромисс. Параметры феномена лежат между такими крайними точками меры терпимости и нетерпимости (антипод толерантности), как беспринципность и фанатизм.

Русский национальный характер скорее толерантен, чем нетолерантен, но культура толерантности русских порой бывает низкой. Русские слишком терпимы к порокам, теряют в своей открытости

осторожность и доходят, как указал Н. Данилевский, до болезни «европейничания», проявляющейся в бездумном подражании Западу; не могут быть русские «постепеновцами», как отмечал Л. Карсавин. В качестве рекомендации следует указать на актуальность решения задачи развития культуры толерантности в современном российском обществе.

Общие выводы по статье можно сформулировать следующим образом. Развитие российской нации представляет собой неотъемлемый закономерный процесс движения российского социума в целом. Это движение охватывает весь этнический мир нашего Отечества. Поэтому феноменом «русский характер» номинируются россияне различной этнической принадлежности, но особенно часто проводится ассоциативная связь, получившая форму традиции, между русской и российской культурой.

С.А. ХАНАШ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1998. – С. 186-216.

² Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – Минск, 1997.

³ Русская идея. – М. 1992. – С. 322; Трубецкой Н.С. История, культура, язык. – М., 1995. – С. 22.

⁴ Бутенко А.П., Колисниченко Ю.В. Менталитет россиян и их евразийство // Социс. 1995. – №5; Тавадов Ф.Т. Этнология. Словарь-справочник. – М., 1998.

⁵ Русский узел евразийства. – М., 1997.

⁶ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М., 2001.

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тема правого радикализма (т.н. «русского фашизма») в последнее время становится очень популярной во всех сферах жизнедеятельности российского общества. Об угрозе нацификации и фашизации России сегодня много говорится в средствах массовой информации. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: является ли данная угроза реальной или это очередная «страшилка», которой пугают российское общество, как ранее пугали в советский период реставрацией капитализма, а позднее, в период т.н. «демократических реформ», – угрозой «восстановления коммунизма»?

Для того чтобы понять эту проблему, нам предстоит выяснить: что же такое «русский фашизм» и существует ли он вообще? На первый взгляд этот вопрос кажется настолько странным, абсурдным и кощунственным, что даже его постановка выглядит неуместной. Как могло случиться подобное в стране, которая внесла наибольший вклад в разгром фашизма, как появилась возможность возникновения подобной проблемы? Но реальность такова, что сегодня в России происходят такие события, какие еще лет 20 назад даже представить было невозможно. Российское общество захлестнула ксенофобия. Избиения и убийства иностранных студентов и вообще людей неславянской внешности в ряде российских городов, осквернение захоронений воинов Великой Отечественной войны, еврейских кладбищ, синагог в различных российских

городах, убийства православных священников и т.д. – все это реалии современной России.

Что же происходит сегодня с Россией? Почему вновь мы наблюдаем помутнение в массовом сознании народа, забвение и шельмование собственной истории? Как могло случиться, что внуки и правнуки многонационального народа – победителя фашизма всерьез рассуждают о национальном и расовом превосходстве одних народов над другими, отмечают день рождения Гитлера, носят стилизованные под свастику знаки, а в число их любимых литературных произведений входит «Священное писание» нацизма – «Майн Кампф»?

Для ответа на этот вопрос нам предстоит исследовать целый комплекс причин – как объективных, так и субъективных. Любое радикальное политическое течение, к каковому относится и фашизм, возникает тогда, когда общество охватывает масштабный кризис, парализующий все сферы общественной жизни – экономическую, политическую, духовно-нравственную, идеологическую. Это мы сегодня можем наблюдать в России, где этот кризис продолжается уже более двадцати лет и окончания его в ближайшей перспективе не видно. Демократия, под лозунгом установления которой был сломан прежний советский строй, и на основе которой должно было строиться новое общество, в России сегодня чрезвычайно слаба, не имеет мощной социальной базы. Более

того, изначально она была скомпрометирована и девальвирована теми, кто, назвав себя «демократами», продолжает паразитировать на базе этой, в общем, неплохой идеи, она стала ширмой для многочисленных негативных явлений, синонимом коррупции, пронизывающей всю российскую действительность, «приватизации – прихватазации», отобравшей собственность у общества и передавшей ее нескольким «приватизаторам», в одночасье ставшим миллиардерами-олигархами, криминального «беспредела» и, наконец, – банального предательства властью национальных интересов и измены своим коренным ценностям. В связи с этим отношение к демократии у значительной части населения, особенно небогатого, ничего не получившего от т.н. «демократических реформ», колеблется от безразличия до раздражения и антипатии. В подобной ситуации у многих россиян растет тяга к авторитаризму, к жесткой руке, способной навести порядок и прекратить этот «демократический бардак». Определенную аналогию с современной Россией можно увидеть в Веймарской республике в Германии 1930-х годов, когда всеобъемлющий кризис и слабость демократии привели к власти Гитлера.

Становление и эволюция любого радикального политического явления, к каковому относится и т.н. «русский фашизм», возможны только в стране со слабым уровнем развития демократии, под воздействием ряда объективных и субъективных причин, которые мы подробно рассмотрим.

Начнем с причин объективных, которые в меньшей степени зависят от конкретного человеческого фактора. Распад СССР, крах советской идеологии привели

к тотальному кризису государственно-национального имперского сознания, бывшего опорой России в течение нескольких столетий, и из которого Россия до настоящего времени так и не сумела выбраться. СССР во всех отношениях был супердержавой, империей, без воли которой в послевоенном мире не решалось ничего. Но Россия, объявившая себя в 1991 году его правопреемницей, в результате т.н. «демократических реформ» настолько ослабла экономически, политически и военно-стратегически, что представляет лишь бледную тень прежней евроазиатской суперимперии. С ней перестали считаться не только великие державы (прежде всего США и их союзники по НАТО, что было продемонстрировано ими в ходе агрессии против Югославии в 1999 году), но и политические «карлики» – сателлиты США (государства Балтии, Польша, Грузия), обвиняющие Россию во всех своих внутренних и внешних проблемах и требующие у нее «компенсации» за годы «советской оккупации». Подобное состояние дел вызывает недовольство у значительной части россиян, особенно среднего и старшего возраста, еще хранящих память о великом прошлом. Пренебрежительно-снисходительное отношение к России в мире, ущемление прав русских в бывших республиках СССР и даже в национальных республиках самой России вызывают у них закономерное желание «поставить на место» зарвавшихся «врагов», находят свое проявление в том числе и в ксенофобии, приобретающей экстремистские формы.

К кризису сознания государственного добавился и кризис сознания национального. Во время существования

СССР и господства идеологии т.н. «пролетарского интернационализма» Россия (да еще другие восточнославянские республики – Белоруссия и Украина) была экономическим и политическим хребтом государства, донором, из которого изымались средства на дотации для развития других национальных «братских» республик. Специалисты из России выезжали на национальные окраины для создания промышленных предприятий и культурных учреждений. В результате в СССР одновременно наблюдались две противоречивые тенденции. С одной стороны, были высокий уровень жизни, ухоженные города и прекрасные дороги Прибалтики, великолепно восстановленные после землетрясений Ташкент и Ашхабад, коттеджи и дорогие машины торговцев из «братских» республик Закавказья, контролировавших рынки во всей стране, товарное изобилие на национальных окраинах. С другой – имели место пустеющие и вымирающие села российского Нечерноземья, товарный голод и дефицит всего и вся в Поволжье, Урале, Центральном регионе. Все это порождало закономерное недовольство населения России, что, впрочем, заглушалось демагогическими декларациями советского руководства о СССР как «семье братских народов», живущих в мире и согласии.

Распад СССР кардинально изменил ситуацию на всем постсоветском пространстве. К власти в национальных республиках пришли национальные элиты, образовавшие этнократические кланы, объявившие о разрыве отношений с Россией и намерении строить национальные государства с привилегированным по-

ложением т.н. «титულიной» нации или вообще «этнически чистых». Русские же и т.н. «русскоязычные» в ряде этих молодых государств из «старшего брата» сразу превратились в изгоев, людей второго сорта, «неграждан», оккупантов и т.д. Их сразу стали выдавливать из этих стран в Россию, причем формы этого давления были самыми различными: от ущемления русской культуры, образования на русском языке, запрета русского языка как языка национального общения, блокирования поступления русских и «русскоязычных» на некоторые должности в государственной службе в пользу граждан «коренной» национальности (Латвия, Эстония, Украина) до физической расправы (как это было в дудаевской Чечне).

Между тем построение т.н. «этнически чистых» государств роста благосостояния его гражданам не дало. Напротив, в результате выдавливания русского и русскоязычного населения, как правило, самого образованного и экономически активного, и разрыва отношений с Россией в ряде их экономическая и социальная ситуация значительно ухудшилась. Бедность и безработица толкают жителей государств Центральной Азии, Закавказья, Украины и даже относительно благополучной Прибалтики на заработки в другие страны, среди которых основное место занимает, разумеется, Россия, всегда испытывавшая недостаток рабочих рук, прежде всего в мегаполисах и крупных городах. Трудовые мигранты работают на должностях, которые коренные россияне в силу ряда экономических и социальных причин занимать не спешат, и в некоторой степени это позволяет решить проблему

рабочих рук. Но вместе с тем этнические трудовые мигранты наряду с несомненной пользой для российской экономики создают немало негативных явлений: этническая преступность, распространение инфекционных заболеваний и целый букет других проблем, вплоть до провоза в Россию антироссийской экстремистской литературы, оружия, наркотиков, и даже подпитки терроризма. Мигранты, приезжая в Россию, не желают подчиняться устоявшимся условиям существования и стремятся установить свои порядки, требуя от российского общества особого положения и возможности жить по своим правилам, нередко вызывая в россиянах в лучшем случае недоумение. Все это не может не раздражать коренное население, что находит выражение в том числе и в актах насилия по отношению к мигрантам и к другим иностранцам. Примером этому служат события в Воронеже, Санкт-Петербурге, карельской Кондопоге и других городах.

Помимо причин объективных в росте экстремизма и ксенофобии в России немалую роль играют и причины субъективные. Факты свидетельствуют, что основную действующую силу правозэкстремистских течений и группировок составляет молодежь, которой вне зависимости от времени и политического режима в стране всегда свойственны энергичность и решительность в действиях и мыслях, в отдельные периоды приобретающие крайне радикальные формы. И то, что сегодня значительная ее часть разделяет идеологию крайнего национализма, есть прямая вина российского руководства, выпустившего реальную молодежную политику из своих рук.

В советские времена, во время господства коммунистической идеологии, молодежь находилась под пристальным контролем советского руководства, которое осуществляло его через комсомольскую и пионерскую организации, а также через молодежные общественные движения. В результате проведения продуманной молодежной политики энергия молодежи направлялась в позитивное, созидательное русло, что и было продемонстрировано на всесоюзных комсомольско-молодежных стройках (БАМ, КАМАЗ, ВАЗ, АтомМаш и другие), в студенческих строительных отрядах, в движении пионеров-тимуровцев, кампаниях по помощи ветеранам войны и пенсионерам, по сбору металлолома, макулатуры и т.д.

Но кризис, а затем крах советской коммунистической идеологии оставил молодежь без контроля. Участие ее в демократическом движении достаточно быстро выдохлось в силу быстрого падения популярности самой идеи демократии, причины чего нами уже указывались. Но сама молодежь осталась, ее энергия требует выхода, что проявляется сегодня в различного рода экстремизме. И она выходит в движениях футбольных фанатов, молодежной преступности и в том числе в участии в радикальных, порой до экстремизма, политических течениях как правого, так и левого толка. Находятся «обиженные», «гонимые властью» вожди – революционеры типа Э. Лимонова, А. Баркашова, Г. Каспарова, возглавляющие эти течения и использующие их в своих корыстных интересах. И выходят на улицы их последователи, боевики-скинхеды, с бейсбольными битами, но-

жами, кастетами, а то и с огнестрельным оружием, готовые бить и убивать всех «чужих», «инородцев», «черных».

Популярность правого экстремизма в молодежной среде растет еще и в связи с тем, что сегодня в России крайне низко упали гуманитарное образование в целом и изучение собственной истории в частности. Современная российская молодежь, воспитанная в духе всеобщего нигилизма и отрицания всего, что было в нашем обществе на всем протяжении его истории, и превознесения всего, что заносилось на нашу этнокультурную почву с Запада, истории своей страны и ее великой войны с фашизмом не знает. В советские времена даже самый неуспевающий ученик средней школы знал о Великой Отечественной войне достаточно много. Разумеется, знал он не все. История войны была изрядно подчищена и отлакирована, из нее были изъяты очень многие негативные моменты, имевшие место в истории нашей армии и государства, особенно в первый, самый неудачный период войны. Но, во всяком случае, ему было известно, когда началась и когда закончилась Великая Отечественная война, знал ее крупнейшие битвы и победы, ее полководцев и героев, знал и о тех страданиях, которые принес нашей стране фашизм. Но сегодня (и это самое ужасное) значительная часть современного молодого поколения (т.н. поколение «пехт», поколение «пепси», метко названное «ельциноидами»), воспитанная на низкокачественном голливудском ширпотребе, не знает и этого. Это уже «Иваны, не помнящие родства», которым можно вдолбить, привить любую идею, даже самую дикую и абсурдную, которой

они будут увлечены и станут ей служить. И не исключено, что этой идеей способно стать нечто, похожее на русский вариант фашизма, основанный на ксенофобии, крайнем национализме, расизме, культе насилия во главе с харизматической «сильной личностью» диктатора.

Фашизм, всегда связанный с крайними формами национализма, имеет в качестве одной из основ антисемитизм. На бытовом уровне в России он существовал всегда, и западные критики в вину России ставили и политику антисемитизма государственного, которая якобы проводилась и в Российской империи и в СССР, особенно в послевоенный период. И в современных условиях он не только существует, но и растет, получив мощную подпитку на уровне общественного сознания и даже бессознательного. Во многом это связано с объективными причинами, прежде всего с тем, что после проведения т.н. «приватизации» в числе олигархов-миллиардеров оказалось немало обладателей еврейских фамилий, которые сыграли негативную роль в российской истории последнего времени.

Для того чтобы понять причину этого явления, попытаемся раскрыть его корни и кратко проанализировать роль евреев в российской истории. Она весьма значительна, и отрицать это было бы неверным. Отечественную науку невозможно представить без имен Ландау, Тамма, Кикоина, Иоффе, Зельдовича, Минца, военное дело – без Драгунского и Рохлина, культуру – без Левитана, Утесова, Бернеса, Кобзона, Райкина, Раневской, Броневского, Хазанова, Горина, Арканова, Захарова, Гафта. Отметим, впрочем, когда речь идет о деятелях науки и культуры,

национальность их представителей, как правило, вопросов не вызывает и о ней никто не вспоминает.

Иное дело, когда речь заходит о роли в истории России евреев – представителей политики и экономики. В этом случае людям, знающим дореволюционную историю России, невольно вспоминаются имена Симановича, Рубинштейна, Мануса (российских «предпринимателей» последних лет существования империи, своими аферами способствовавших коллапсу российской экономики в годы Первой мировой войны и в конечном счете – поражению России в этой войне); имена «лобастых мальчиков революции»: Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Каменева, Ярославского, Володарского, Урицкого, развязавших в России кровавую братоубийственную гражданскую войну, результатом которой были развал российской государственности и гибель миллионов людей; имена сталинских «верных соратников»: Кагановича, Ягоды, Мехлиса, Ульриха, Фриновского несущих прямую ответственность за репрессии 1930-50 годов, также повлекших гибель миллионов соотечественников. Наконец, сегодня у общества на слуху имена олигархов-миллиардеров: Березовского, Гусинского, Абрамовича, Фридмана, Ходорковского, Вексельберга, Вайнштока, в результате грабительской «прихватизации» ставших собственниками национального достояния, принадлежавшего государству, и не знающих, что можно сделать с гигантским, доставшимся практически даром, буквально с неба свалившимся богатством, покупающих недвижимость в Европе, сверхдорогие яхты и лимузины, футбольные клубы. Все это вызывает негодование

и раздражение у значительной части населения, находящее выход в идее, что «во всем виноваты евреи» и реанимации лозунга времен существования в России черносотенства – «бей жидов, спасай Россию». Антисемитизм из бытового становится политическим, выходит из кухонь на площади и в кулуары политики. Объяснить это можно, но оправдать – сложно.

Угроза фашизации России стала «притчей во языцех» у многих современных политиков. Скандал с бывшей умеренной национал-патриотической партией «Родина», обвиненной ее политическими оппонентами в разжигании крайнего национализма и ксенофобии, и снятие ее кандидатов с предвыборной кампании в ряде российских регионов еще больше привлек внимание к этой проблеме. А действительно, есть ли сегодня в наличии угроза фашизации России и тем более прихода «фашистов» к власти? И существуют ли в России сами фашисты?

Начнем со второй части нашего вопроса. Действительно, факты наличия в России последователей крайне правой идеологии не отрицаются ни политиками, ни правоохранительными органами. Но все ли они являются фашистами? Прямых поклонников Гитлера, во всем слепо копирующих немецкий национал-социализм, все-таки в стране ничтожно мало, хотя в силу своей агрессивности они и дают о себе знать. Но думается, что власти и правоохранительным органам все же реально обуздать молодых экстремистов, было бы желание. Тем более что ультрарадикализму молодежи, как правило, суждена недолгая жизнь. Взрослея, молодые «наци» и «скинхеды» в подавляющем большинстве отходят от своих радикальных убеждений

и становятся абсолютно нормальными законопослушными гражданами, вспоминаящими свое «боевое» прошлое просто как экстремальное приключение молодости. Фашизм в германском исполнении в России, скорее всего, невозможен в силу того, что современная Россия все-таки не Германия 1930-х годов, и говорить о национальном превосходстве одних над другими в исконно многонациональной стране просто неразумно. Реально угроза другого варианта развития событий. Сегодня в России благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, прежде всего – высоким ценам на углеводородное сырье, удастся поддерживать относительную стабильность. Но ситуация может и измениться. В стране, в которой идея демократии в ее западной версии вызывает резкое отторжение, и напротив, традиционно сильны, с одной стороны, идеи социализма, с другой – идеи авторитарного национал-патриотизма, в которой продолжается ухудшение условий жизни большинства населения, приход к власти политика-популиста, эксплуатирующего эти две популярные в России идеи, гипотетически возможен. И неизвестно, как он поведет себя, получив власть, как он воспользуется ею. Не перерастет ли это в конечном счете в национал-социализм? Стремление общества к власти «сильной руки», способной свергнуть

компрадорско-коллорационистскую власть чиновничьей бюрократии, связанной с олигархической верхушкой, навести порядок, обуздать тот «бардак», именуемый демократией, – вот то, что привлекает россиян в жестком политическом режиме.

Так уж распорядилась история, что демократия в России всегда влекла за собой хаос и разруху и как следствие – рост экстремистских настроений. Не исключение и сегодняшнее время, когда лозунги «либерализма», «свободы», «прав человека» основную часть населения начинают раздражать. Авторитарные же режимы в России, при всех их недостатках и пороках, все-таки давали ей стабильность и возможность развития, а также межнациональный мир. Становление подобного режима сегодня в России вполне вероятно, в том числе и демократическим легитимным путем. И похоже, сегодня в России наблюдается именно тенденция к установлению именно такого режима, тем более что положительные тенденции в экономике авторитарных стран как дальнего (Китай, Вьетнам), так и ближнего (Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения) зарубежья – тому пример. Главное – чтобы умеренный авторитаризм не перерос в крайние формы.

М. В. ЛУТЦЕВ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ ЮЖНОГО УРАЛА

Молодежь – это будущее нации. Каждая нация, каждая культура, каждое общество востребуют определенный тип личности. Сегодняшний этап развития российского общества требует пристального внимания к проблемам гражданского становления молодого поколения. Эта актуальность обусловлена как изменениями политической системы России, так и новыми условиями формирования российского гражданского общества. Принципами государственной политики РФ являются приоритет общечеловеческих ценностей, жизни, здоровья человека, свободного развития личности; воспитание государственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье; свобода и плюрализм в образовании; демократический, государственно-общественный характер управления. Именно этими общественными потребностями определяются основные направления формирования современной молодежной политики в контексте общероссийского процесса.

Во все времена свои главные надежды общество традиционно связывало и связывает с молодежью. Глубинной социокультурной проблемой среди молодежи является отсутствие образа будущего, видения своих перспектив, способности к их осмыслению и самоопределению. Нельзя понимать «молодежь» только в традиционном смысле, в качестве одной

из социально-демографических групп, нуждающейся в опеке и ущемленной в каких-то возможностях и соответственно очередного объекта социальной зашиты.

Молодежи присущи две группы особенностей, характерные только для нее. Во-первых, молодежь, вступая во взрослую жизнь на рубеже смены поколений, растит в себе образ будущего, несет особую ответственность за самосохранение и развитие общества, за преемственность его истории и культуры; вклад молодых людей в воспроизводство нации в конечном итоге определяет выживание народа как культурно-исторической общности. Во-вторых, в силу объективных причин молодежь отличает несформированность ценностных, духовно-нравственных ориентиров, недостаток жизненного опыта, увеличивающий вероятность ошибочного выбора при принятии ответственных решений.

Государственная молодежная политика должна отражать стратегическую линию государства на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре Отечества и других народов, на соблюдение прав и свобод человека, на создание условий для активного созидательного участия молодежи в жизни общества и государства, а также

поддержку инициатив молодежи и общественных объединений и активного их участия в возрождении России.

Именно в рамках процессов демократизации и национального самоопределения республик в составе Российской Федерации в начале 1990-х годов, активно начался процесс становления молодежного движения, которое на фоне этих процессов получило новый импульс, особенно в республиках. Наиболее активно образование новых молодежных партий и объединений происходило именно в Башкортостане, где одними из первых в эти годы появились национальные молодежные объединения, такие как Союз татарской молодежи «Азатлык», Союз башкирской молодежи (далее СБМ), объединивший молодежь башкирской национальности, проживающую в республике. Эта организация была зарегистрирована как добровольное объединение общественно-политических организаций и молодых людей, основанное на принципах равенства, консолидации в своих рядах башкирской молодежи и направляющее ее деятельность на возрождение и дальнейшее развитие башкирской нации и действующее на территории Республики Башкортостан¹. В годы становления суверенитета Республики Башкортостан особенно активно действовали именно эти две молодежные организации – Союз башкирской молодежи и Союз татарской молодежи Башкортостана.

Еще одна национальная молодежная организация – Союз чувашской молодежи Республики Башкортостан (далее СЧМ РБ), который был создан на основе добровольного объединения молодых людей чувашской национальности не-

зависимо от их социального и имущественного положения, образования, вероисповедания и места проживания, появился в Республике Башкортостан в следующем году. Основными принципами деятельности СЧМ РБ объявлялись принцип гласности, уважения к человеку, принцип максимального учета мнений всех членов Союза. Целями деятельности СЧМ РБ являлись защита экономических, политических, юридических, социальных и других прав и национальных интересов чувашского народа и особенно его молодежи, сохранение и возрождение чувашского языка и культуры².

Особенностью молодежного движения Республики Башкортостан в 1990-е годы было отсутствие взаимодействия между национальными молодежными организациями и борьба за молодежь, большинство национальных организаций видели друг в друге конкурентов. Однако очень быстро лидеры этих организаций пришли к пониманию того, что из-за национальных разногласий не получается выстроить максимально эффективно работу с молодежью ни одной из организаций. Значительное количество мероприятий, организованных в 1992-1994 годах, отменялись, в том числе по причине отсутствия участников. Так постепенно пришло понимание, что в работе с молодежью необходимо активное взаимодействие, результатом которого будет не только распространение и развитие национальных традиций, но и воспитание молодежи различных наций, формирование основ гражданственности будущих поколений.

Достижением в национальном молодежном движении Башкортостана в настоящий период стало то, что в этих

мероприятиях, организуемых под эгидой одной из самых крупных молодежных организаций Республики Башкортостан – СДМБ, активно принимают участие представители различных национальных молодежных движений. Молодежь самых разных национальностей общается как представители большой многонациональной семьи, живущей в одной республике. Взаимодействие Союза демократической молодежи Башкортостана (СДМБ) с Союзом башкирской молодежи и Союзом татарской молодежи в последние годы привело к реализации множества совместных проектов, целью которых является воспитание уважения к национальным традициям народов, живущих в республике. Среди них – туристические фестивали, съезды тюркских молодежных организаций, мероприятия по возрождению национальных культур, соревнования по национальным видам спорта. Большой популярностью пользуются у молодежи национальные конкурсы красоты «башкирская красавица», «татарская красавица», «чувашская красавица». Участницы этих конкурсов демонстрируют не только знание национальных культурных традиций своего народа, показывая свои кулинарные и музыкальные таланты, но и искрометными шутками и экспромтами еще раз доказывают, что смекалка и проворство национальных красавиц не даром возносятся на пьедестал мужского внимания у представителей других наций и народностей.

Основным направлением политики национальных общественных объединений Южного Урала стало активное налаживание рабочих контактов с це-

люю усиления влияния на молодежь и утверждения национальных ценностей. Молодежными объединениями Республики Башкортостан проводились межрегиональные молодежные спортивно-культурные праздники. Одним из самых популярных в Башкортостане стал Сабантуй, в котором ежегодно принимало участие более трех тысяч человек, в том числе гости из Челябинской и Оренбургской областей. Были организованы соревнования по национальным и олимпийским видам спорта. Ежегодно при участии Союза чувашской молодежи Республики Башкортостан проводились республиканские культурно-массовые мероприятия «Шапчак сасси» и «Чаваш пики», в которых участвовали представители чувашской, башкирской и татарской молодежи из Оренбургской, Челябинской областей³. Союз украинской молодежи Башкортостана оказывал активную поддержку национально-культурному центру украинцев Башкортостана «Кобзарь» и украинской воскресной школе «Злагода»⁴. На республиканский детско-молодежный фестиваль-конкурс украинской культуры «Червона калина» кроме представителей различных городов и районов Республики Башкортостан были приглашены гости из Оренбургской и Челябинской областей⁵.

Оренбургская общественная организация татарской молодежи «Яшьлек молодость» совместно с Союзом татарской молодежи «Азатлык» Республики Башкортостан принимала участие в играх татарской лиги КВН «Шаяннар хем тапкырлар»⁶. Кроме того, Союзом башкирской молодежи Республики Башкортостан совместно с Союзом татарской молодежи «Азатлык» ежегодно проводился Республиканский

молодежный фестиваль юмора и смеха «Шаян-уйын» среди башкирских и татарских команд КВН⁷.

Мероприятия различной тематики организовывали и национальные молодежные объединения Оренбурга, такие как организации немецкой молодежи «Будущее».

Спектр деятельности различных общественных организаций показал самые разные формы, методы работы с молодежью по формированию нравственных качеств истинных патриотов своей Родины.

Молодежные общественные организации Челябинской области в союзе с различными общественными движениями и организациями активно используют в своей работе как новые, так и хорошо зарекомендовавшие себя традиционные методы воспитания молодого поколения. Примером организации такой совместной работы администрации Челябинской области, главного управления по культуре Челябинской области, фонда культуры Челябинска и общественных организаций по сохранению и распространению национальных традиций и культуры народов Урала, формированию национально-ориентированного и экологически грамотного поколения, была Программа развития молодежной культуры, представленная и разработанная в 1994 году Бажовской Академией сокровенных знаний Урала – Уральским духовно-этическим центром совместно с Союзом студенческой молодежи Челябинской области⁸. Благодаря финансовой поддержке этой программы на берегу озера Чебаркуль ежегодно стал проводиться Бажовский фестиваль,

участие в котором принимают лучшие творческие коллективы Челябинской области и всего Урала⁹. Эта работа была продолжена администрацией Челябинска и Челябинским городским комитетом Российского союза молодежи, где с 2005 года действует краеведческо-трудовой лагерь «Юный археолог» для подростков, занимающихся в археологическом объединении МУДОД Дворца детского творчества Советского района. Целью организации является создание условий воспитания гражданственности подрастающего поколения на основе краеведческих знаний, воспитание бережного отношения к историко-культурному наследию народов Южного Зауралья и окружающей природной среде, формирование духовно-нравственных качеств личности.

Кроме того, ежегодным стал фестиваль программ художественного творчества «Люди смелого роста» для средних специальных учебных заведений и учреждений начального профессионального образования на базе Дорожного центра культуры Челябинска. Для подготовки программ учебных заведений к работе были привлечены студенты Челябинской академии культуры и искусств. Организаторы ежегодной военно-спортивной игры – городского сбора «Уральская зарница» своей целью ставят необходимость формирования в молодежной среде патриотического мировоззрения, в основе которого находится убежденность в необходимости защиты Отечества, понимание сущности таких категорий, как «патриотизм», «воинский долг», знание истории и традиций государства. Челябинской ор-

ганизацией РСМ совместно с поисково-спасательной службой Челябинской области были проведены две туристические спортивно-оздоровительные экспедиции по реке Ай с подростками, состоящими на учете в ОДН УВД и горно-таежная подготовка со студентами челябинских вузов на горный хребет Таганай для расширения их кругозора о своем родном крае¹⁰.

Плодотворная работа по воспитанию у молодежи гражданско-патриотического отношения к Родине, уважения к ее истории стала традиционной. На реализацию этих задач направлены фестивали авторской, солдатской, патриотической песни «Наполним музыкой сердца», «Долг. Честь. Родина», организованные при поддержке региональных отделений Российского союза молодежи и ставшие ежегодными в Оренбурге и Челябинске. Часть доходов от этих мероприятий перечислялась в различные благотворительные фонды.

Таким образом, молодежное движение в 1990-х – начале 2000-х годов на многонациональном Южном Урале прошло несколько этапов по формированию политики в национальном вопросе. Первым этапом было создание различных молодежных объединений, в том числе и по национальному признаку – башкирской, татарской, чувашской, немецкой, украинской молодежи. Этот процесс организационного становления молодежных организаций осуществлялся стихийно, что

стало причиной серьезных проблем, возникших в первые годы их деятельности. Второй период характеризуется отсутствием взаимодействия и постепенным налаживанием рабочих контактов между молодежными организациями во второй половине 1990-х годов. Наконец, с начала 2000-х годов проявилась устойчивая тенденция к сближению молодежного движения и осуществлению деятельности в интересах различных национальностей, проживающих в регионе. Развитие общественных процессов в регионе сформировало единственно правильное направление развития молодежного движения на Южном Урале в рамках молодежного движения страны в целом.

И.М. БОЯРШИНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ ЦГАОО РБ. Ф. 10239. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² ЦГАОО РБ. Ф. 10053. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

³ ЦГАООРБ. Ф. 10053. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

⁴ ЦГАООРБ. Ф. 10228. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

⁵ ТА ГКМП РБ. Молодежный вестник Башкортостана. – Уфа: 2006. – С. 17.

⁶ ЦГАООРБ. Ф. 10228. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

⁷ ТА ГКМП РБ. Молодежный вестник Башкортостана. – С. 17.

⁸ ОГАЧО. Ф. 739. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

⁹ ОГАЧО. Ф. 739. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

¹⁰ ТА УМП МОЧО. Сборник материалов по реализации молодежной политики «Россия. Молодежь. Челябинск». – Челябинск: 2006г. – С. 32.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ КАК УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Генезис формирования этносоциальных общностей таков, что они развиваются от рода, племени, союза племен, этноса-народа, этноса-нации к межэтническому объединению, доходя до уровня нации-государства. Человечество давно преодолело чисто родовые, этнические корни формирования наций. Более того, классической нацией уже в XX в. считается нация политическая, гражданская. Но это не означает «конец нации» (В. Тишков) в этническом измерении, а означает лишь ее новое качественное состояние. И умения подойти к этому новому качеству с учетом всех его составляющих, политики ее реализации на практике зависят и перспективы формирования нации уже как силы, способной к межэтнической, гражданской, политической общности. В полной мере необратимость этого процесса формирования межэтнической нации возможна на основе свободного развития каждого этноса в своей самобытности и в равноправной его подключенности через представителей конкретных национальностей в развитие всей страны, при этом все более определяющую роль в статусе человека, его прав и свобод, возможности реализации в государственной и общественной жизни своего человеческого потенциала играют уже не его родовые, этнические признаки, а гражданственность. Тем не менее тысячелетняя история России фактически связана с выяснением

роли различных народов в становлении и развитии российской государственности. В рамках рассматриваемой проблемы интересной представляется позиция русского народа по отношению к другим народам, проживающим на территории российского государства, трансформирующаяся в разные периоды исторического развития. В истории России существуют три наиболее показательных в плане отношения к русскому народу исторических периода. Первый – период царской России с идеологической триадой – православие, самодержавие, народность¹. Духовная часть – православие – являлась государственной религией и государственной идеологией того периода. Самодержавие олицетворялось с понятием строго централизованного государства, опорой которого являлся наместник Бога на земле – царь или самодержец. Идея народности состояла в том, что государствообразующим являлся русский народ, как бы старший среди множества других народов. Идеология государствообразующего русского народа лежала в основе национальной политики царского периода.

В советский период вместо идеи о государствообразующей роли русского народа выдвигается идея интернационализации, или формирования новой общности «советский народ», провозглашалось равноправие всех народов. В то же время на протяжении многих лет у русских людей

«советской» печатью воспитывался комплекс «угнетателя» и пропагандировалось счастье одаривания народов «свободой», хотя русский крестьянин никак не мог выступить угнетателем по отношению к грузинскому князю или остзейскому барону, и даже к чувашскому или мордовскому крестьянину². В октябре 1917 года партия большевиков становится правящей. Определяя основное направление практической деятельности партии большевиков, В.И. Ленин формулирует тезис о том, что интернационализм «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»³. Ленин не ограничил рамками период действия такой политики, но, судя по всему, он считал, что равенство наций будет достигнуто достаточно быстро и проблема исчезнет сама по себе. Однако в реальности этот период затянулся, как и «возмещающее» неравенство. Русский народ превратился в вечного плательщика интернационального долга «младшим братьям». Последовательный интернационалист Н.И. Бухарин понимал эту установку так, что русский народ необходимо искусственно поставить в положение более низкое по сравнению с другими народами и этой ценой «купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций». Аналогичной точки зрения придерживались едва ли не все члены коллегии Наркомнаца (Н.И. Бухарин, Л.Г. Пятков и др.), исключая лишь председателя. Поэтому в Наркомнаце не случайно не видели никакой необходимости в русском комиссариате,

в то время как другие народы таковые имели. Стремление с помощью Наркомнаца решать национальные проблемы в стране без представительства и учета интересов русского народа находило свое выражение не только в отсутствии специального отдела, но и в том, что само участие русских в работе комиссариата считалось вовсе не обязательным, если не сказать вредным. Характерны в этой связи рассуждения ближайшего помощника И.В. Сталина (в первые двадцать месяцев советского режима) С.С. Пестковского в момент выбора им своего места в рядах борцов за социализм. «Прозкзаменовав себя строго, – писал С.С. Пестковский, – я пришел к убеждению, что после иностранных дел единственным ведомством, подходящим для меня, является комиссариат по делам национальностей». «Я сам инородец, – рассуждал он, – следовательно, у меня не будет того великорусского национализма, который вреден для работы в этом комиссариате»⁴. Этот весьма выразительный исторический эпизод говорит как раз о том, что если и другие «инородцы» думали так же, то именно их объективно можно назвать «великорусскими националистами». Действительно, само слово «русский» в определенных кругах советского общества до начала 30-х годов зачастую было синонимом слова «великодержавный». Например, в статье, открывающей первый выпуск журнала «Советская этнография»⁵, было предложено убрать слово «русский» из названия известного ленинградского музея.

Великая Отечественная война заставила изменить отношение к русскому вопросу, со временем появилось осознание важности культурного наследия

русского народа. Самые большие уступки русскому национальному сознанию были сделаны в критический для страны период сражений под Сталинградом и Курском, ставший переломным не только в войне, но и в идеологической работе, в установках партийной пропаганды. Именно тогда получило широкую известность беспрецедентное суждение И.В. Сталина о национальном вопросе и смысле войны: «...некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране – великая русская нация, а это надо понимать!»⁶. Несмотря на изменившиеся тенденции в восприятии русского фактора, определенное напряжение в решении этого вопроса по-прежнему присутствовало в общественном и политическом сознании.

Распад СССР заставил коренным образом пересмотреть прежние взгляды относительно «русской тематики». «Концепция старшего брата», как выяснилось, не обеспечивала этнокультурного развития русского народа. В начале 90-х годов все активнее стала звучать «русская проблема», обозначилось место и роль русского фактора в обществе. И с середины 90-х годов начинается новый этап разработки проблем, связанных с национально-культурным развитием русских. Необходимо отметить важное значение принятия в 1996 году «Концепции государственной национальной политики в Российской Федерации», где впервые в официальном документе появилось словосочетание «русский народ». В последнее время вопрос национально-культурного развития русского народа стал занимать особое место в системе государственных приоритетов. Аналогичную позицию демонстрируют СМИ, уделяя внимание

русской проблематике. В «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» впервые было отмечено, что «межнациональные отношения в стране во многом будут определяться тенденциями и перспективами развития русского народа, являющегося опорой российской государственности»⁷. Принципиально важной задачей государственной национальной политики объявлялась задача реализации комплекса практических действий для обеспечения соответствующей геостратегической роли русского народа в сплочении России как многоэтнической общности, что и стало ориентиром федеральной и региональной власти в сфере национальной политики на ближайшие годы.

Таким образом, на протяжении многих лет достаточно активно проводилась этнизация истории России, где во всех бедах прошлого нередко обвиняются инородцы, и самыми угнетаемыми и пострадавшими оказываются русские. А в ряде республик в ответ во всем обвиняются русские, на них переносится вина политических режимов. И все это вместо того, чтобы осознать, что была одна страна, один народ, следовательно, общими были и многие достижения, и трагедии, несмотря на политическую надстройку. Историю единой страны, единого народа нельзя делить на русскую или нерусскую. Кроме того, старая общность людей российский народ и новая общность людей советский народ, а теперь и новейшая – многонациональный народ Российской Федерации строятся и будут выстраиваться как нация неизбежно и закономерно в преобладающей мере на русской языковой, государственной и культурной основах. У российских народов,

объединенных в единый многонациональный народ Российской Федерации, общая история, общие социально-политические традиции, взаимно адаптированная ментальность, восприятие явлений и процессов, общая экономическая база, от состояния которой зависит реализация социально-экономических прав и свобод каждого россиянина, взаимосвязанная культура и общий русский язык и многие другие общностные признаки, которые в едином государстве отражаются в общегражданских чувствах и ценностных ориентациях.

Самое опасное для многонационального, полиэтнического государства – это разрыв между этнонациональной и политико-гражданской сущностью человека, их противопоставление. В этом случае разворачивается дискриминация людей в родном государстве по этнонациональному признаку. А за этим следуют революции, конфликты, развалы и разрыхления государств, что прерывает в целом процесс развития этносов, формирование из них этнонаций, их объединение в традиционную общность – российский народ, российскую нацию. Нет перспектив для государства, где нет перспектив формирования единой нации на основе гармонизации интересов всех составляющих ее частей, в том числе и наций-этносов, обеспечения нормального самочувствия граждан страны всех национальностей.

Сегодня государство и общество пришли к осознанию того, что межэтнический мир не устанавливается за счет подавления национального самосознания одного большого народа в пользу многих малых. Главная проблема национальной

политики России на современном этапе не выяснение ролей различных этнических групп в истории государства, а формирование единой российской нации.

В XIX в., вскоре после объединения Италии, один из его героев Массимо д'Адзельо заметил: «Италию мы уже создали, теперь нам предстоит создать итальянцев». Примерно то же самое сказал основатель современной Польши полковник Пилсудский: «Не нация создает государство, а государство – нацию». Перед современной российской элитой стоит та же задача – создать российскую нацию. Так, к примеру, известная международная организация называется на русском – Организация Объединенных Наций. Для человека, говорящего по-русски, такое название в буквальном смысле означает организацию, объединяющую разные народы и народности. И возникает вопрос: почему одни нации состоят в этой организации, а другие нет. А по-английски ООН – UN (United Nations), что означает «организация объединенных государств». Потому что для западного человека нация и государство – это одно и то же. В Советском Союзе была сделана серьезная ошибка: очень мощная метафора, которая используется для консолидации и создания общей государственной идентичности, – понятие нации было переведено на уровень ниже общегосударственного, на уровень этнических общностей. А для советской нации был придуман очень неудачный термин «новая историческая общность»⁸. Ничего нового в этом не было. Такие полиэтнические сообщества, основанные на гражданской общности, культурном единстве, общих ценностях, общей исторической

памяти, широко распространены в мире. Большинство элементов такой общности – результат сознательного конструирования, которое осуществляет элита. В российской Конституции допущена та же «советская» ошибка. В ней опять говорится о многонациональном, только теперь российском народе, а не о российской нации. А когда говорят, что настоящая нация – это татары, русские, чуваша, а советская, российская нация – всего лишь люди с одинаковыми паспортами, это неверно. Русские, татары, чуваша – это этнические общности, а нация у нас одна – российская.

Словам нужно вернуть смысл, чтобы понимать самих себя и понимать других. Чтобы понимать и то, что все мы, жители России, единая нация.

С точки зрения практической политики проблема состоит не в определении того, что такое нация, а в том, как создать нацию, когда это политически необходимо, когда надо спасти сообщество от тягот жизни «в эпоху перемен». Как отмечает Валерий Тишков, «целесообразно говорить о степени консолидированности и степени лояльности граждан своему государству через ту или иную общую метафору, среди которых самой известной и самой действенной является нация».

Следовательно, чтобы создать российскую нацию, нужны общие ценности, и современная национальная политика должна быть основана на этом. Однако ни СМИ, никакое образование не способны привнести национальную идентичность, если она не сформирована. Национальная идентичность может формироваться только на ценностях, на идеалах, на героическом примере. А в России исторически

сложилось так, что ее население никогда не рассматривалось как единая нация. Вот почему попытка назвать всех граждан России русскими может быть воспринята негативно представителями других этнических групп. В то же время название «россияне» воспринимается с иронией большинством русских. В то время как такое же значение заложено в преамбулу Конституции («Мы, многонациональный народ...»), что, по замечанию В. Тишкова, переводится на научный язык как «мы, многоэтническая нация...»).

На современном этапе требуются межнациональное объединение, постепенное формирование единой цивилизации, которая ставит перед всеми национальными и межнациональными системами единую социально-государственную задачу гражданственности. Ведь и американская цивилизация формировалась как многонациональная. И сегодня гордость американцев за свою державу не связана с национальными приоритетами, так же как гордость Скандинавских стран – это исторически необходимый процесс интернациональности XX-XXI вв.

Анализ российского законодательства показывает, что Россия, которая по административному устройству представляет собой асимметричную федерацию (то есть состоящую из разностатусных административных образований – республик, автономных округов и областей и национально-культурных автономий – как трех различных способов самоопределения), ориентируется в своей этнонациональной политике на построение политической нации. В Конституции и важнейших нормативных актах в этой области – во всех редакциях Законов «О языке»,

«О гражданстве», в Законе «О национально-культурной автономии» (1996), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999), в Концепции государственной национальной политики РФ (1996) и т.д. можно проследить стремление власти создать на территории России российскую политическую нацию россиян. Именно формирование нации россиян – цель современной национальной политики России.

Данное обстоятельство заслуживает внимания еще и потому, что ряд соседних молодых государств в государственном и национальном строительстве ориентируются на модель этнонации, что в принципе в некотором роде закономерно в рамках транзитного периода. Политическая элита этих стран сознательно шла и продолжает идти по этому пути, инициируя политически значимые акты вроде принятия закона «О национальных меньшинствах», как это было, к примеру, в Украине в 1992 году. В этом законе под национальными меньшинствами понимались все неукраинские этнические группы на территории Украины, в том числе русские.

Для того чтобы ориентироваться в этой проблеме, важно понимать, во-первых, суть понятий «политическая нация» и «этническая нация», возможности применения этих моделей для постсоветских государств, в частности для России, и их потенциал с точки зрения национального строительства. В этом контексте под политической нацией в российской науке принято понимать нацию-согражданство, которая предполагает совокупность подданных государства и единство населения в

отношении этого подданства на уровне самоидентификации. Такое понятие о государстве-нации, политической нации пришло с Запада из англо-романской традиции, ключевыми здесь являются наличие государства, уровень его развития и формирование на этой основе новой надэтнической идентификации. Формирование нации-государства, таким образом, возможно только в рамках индустриального общества. При этом нация здесь будет пониматься как особый вид социальной связи – многоуровневой и многоаспектной. Ее формирование будет идти в одном направлении, но на двух уровнях: на уровне базиса – экономические связи, инфраструктура, социальные связи и т.д.; и на уровне надстройки – идеология политической нации как результат усилия правящей элиты государства. При этом политические нации, за некоторыми исключениями, остаются полиэтничными, но олицетворяющими политическое единство и следование общенациональной идее. Гражданские права в рамках нации-государства ставятся выше этнических прав и любых других групповых прав. Разрабатывая механизмы национальной политики на современном этапе, необходимо выстроить идеологему, в соответствии с которой Россия должна представляться как Отечество, Родина всех этносов и этнических групп, проживающих на территории Российской Федерации, что позволит избежать, с одной стороны, излишней мононациезации страны, а с другой – этнического сепаратизма, и одновременно стать мобилизующим элементом для всего российского социума безотносительно этничности.

Предпосылки для сплочения народов в России созданы – таковыми, в частности, являются разграничение полномочий между разными уровнями власти и создание системы национальных общественных организаций. А «сплоченным народам» предстоит сделать следующий шаг, чтобы обеспечить единство страны и укрепление вертикали власти на основе конституционного строя и законности. Государство в свою очередь гарантирует всем представителям «единой гражданской нации», в том числе и за рубежом, поддержку и помощь в удовлетворении этнокультурных потребностей и сохранении самобытности.

Особое внимание нужно обратить на внутривнутриполитическую ситуацию в регионах. Идея формирования единой российской нации должна стать основополагающим принципом при разработке целевых программ реализации национальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Южно-Уральский регион – приграничный и полиэтничный, его территориальные границы включают в себя несколько областей, среди которых Оренбургская, Челябинская области и Республика Башкортостан. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав жителей, в субъектах федерации на Южном Урале активно проводится национальная политика. Правовой основой деятельности органов власти субъектов РФ, входящих в Южно-Уральский регион, на ближайшие годы будут программы региональной национальной политики: Закон Оренбургской области «Об областной целевой программе реализации модели

региональной национальной политики Оренбургской области на 2006-2010 гг.», «Основные направления реализации государственной национальной политики Челябинской области на 2004-2010 гг.» и Государственная программа «Народы Башкортостана на 2003-2012 гг.». Цели программных документов, представленные в различных формулировках, в целом сводятся к одному – содействие процессу межэтнической интеграции, органичного сочетания общегосударственных интересов и этнокультурных потребностей всех народов, населяющих регион, утверждение межнационального мира и согласия.

Что же касается особого внимания в программном документе «Народы Башкортостана» к этнической группе башкир, хочется сказать, что споры о месте и роли того или иного народа в истории государства, в истории его территориальных образований бесконечны, трудно определить, кто является большинством или меньшинством на определенной территории, если она даже является территорией титульной республики, в этой связи примечательны и в некоторой степени позволяют понять сложившуюся ситуацию в Республике Башкортостан слова классика русской литературы Ф.М. Достоевского: «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем, и только в нем одном, заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной».

Идея единой российской гражданской нации должна прийти в регионы не только в исторически важных и актуаль-

ных заявлениях Президента России, но в поведении всей вертикали исполнительной власти и, что особенно важно, представительных ассамблей в регионах Федерации⁹.

Необходимо отметить, что на местах, в регионах, существует дефицит именно организационного проводника государственной идеологии – проводника, чья деятельность была бы сосредоточена вне государственного аппарата и вне ведомственных соподчинений. Слабость неправительственных организаций особенно заметна в том, что касается разворачивания общенациональной идеи – идеи российской гражданской нации. Эта идея не должна «утонуть» в бюрократической циркуляции бумаг и кадровых должностей внутри госаппарата.

В этой связи необходимо совершенствовать стратегии политических партий в регионах, общероссийских движений, сконцентрированные в равной мере на концептуальном и оперативном отражении угроз общенациональному будущему страны. Политические партии сегодня слабо проявляют себя в качестве необходимой формы конструктивного влияния как на региональные власти, так и на само общественное мнение по актуальным вопросам строительства общегражданской российской нации.

Основной стратегической тактикой, способной обрести практическое воплощение в рамках становления и реализации национальной политики на современном этапе, является формирование национальной идентичности людей, живущих в государстве, их лояльности этому государству как фактора, спо-

собного укрепить целостность России. Многообразие – наша ценность, но оно должно соотноситься с единством. Мы разные, но единые, мы – российская гражданская нация.

О.Н. МАКСИМОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Михайлов В.А. Русская нация и русская идея в свете концепции национальной политики Российской Федерации/«Русская нация и русская идея: история и современность» Материалы межрегиональной научно-практической конференции – Ч. 1. – Оренбург, Печатный Дом «ДИМУР». – 1996. С. 11.

² Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. – М. «Русский мир», 1998. – С. 55.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. – С. 359.

⁴ Пестковский С.С. Как создавался Наркомнац//Жизнь национальностей. 1923. Кн. 1. – С. 272.

⁵ Журнал «Советская этнография» начал выходить в СССР в 1931 году.

⁶ Копелев Л. Вопрос без ответа//Огонек. 1989. №46. – С. 14.

⁷ Никитин В.И. К вопросу о формировании законодательной базы национально-культурного развития русского народа//Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы этнокультурного развития русского народа». – Оренбург. – 2004. – С. 38.

⁸ Тишков В.А. Кризис понимания России. – М.: Издательство Московского психологосоциального института Воронеж: Издательство НПО МОДЭК, 2006. – С. 16.

⁹ Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичности россиян в современных условиях). – М.: Научная книга, 2005. – С. 228.

ТРАДИЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ

Формирование Российского государства, складывание его системы социально-политического развития осуществлялось в ходе хозяйственного освоения обширных территорий. Веками развивались экономические отношения с другими странами. Важную роль при этом играли торговля и предпринимательство. В свою очередь, предпринимательская деятельность как составная и органичная часть сложного социально-экономического процесса испытала на себе влияние всех сторон русской общественной жизни, включая характер народа, его традиции и менталитет. Отсюда особенности традиции и роль предпринимательства в России. Представление об этом своеобразном явлении российской жизни помогает лучше понять направление, ход и перспективы развития современной России.

Традиции предпринимательства в нашей стране имеют глубокие корни. Уже в дохристианское время в Киевской Руси достаточно большое место занимала торговля, как внутренняя, так и внешняя. Центрами торговой деятельности являлись города, вокруг которых строились ремесленные и торговые посады. Внутренняя торговля осуществлялась, как правило, на ярмарках, привлекавших множество людей. Торговали все слои общества, в том числе ремесленники, крестьяне, князья и бояре. Но профессионалами являлись лишь выходцы из простого народа – купцы. Судя по такому важному источнику, как «Русская правда», государство высоко

оценивало их деятельность: за убийство купца назначался штраф в два с лишним раза больше, чем за крестьянина.

В Древней Руси считалось несправедливым, не по-христиански брать слишком большой процент с предоставляемого кредита. Известны случаи, когда ростовщичество вызывало у русских людей глубокое возмущение и активный протест. В 1113 году в Киеве вспыхнуло восстание против тех, кто паразитировал на людях, испытывавших нужду и трудности. Дома спекулянтов, а также ростовщиков, бравших высокие проценты, были разгромлены.

После принятия христианства предпринимательство поднялось на новый уровень, получив покровительство от церкви. С тех пор среди русских купцов стало богоугодным делом строить храмы в тех городах, где они жили и торговали. У купеческого сословия покровителем считался Николай Угодник. Торговые люди в Новгороде почитали св. Параскеву-Пятницу. Купцы просили у Господа удачи в сделках, защиты от лихоимцев. В храмах замаливались и грехи, неизбежно сопровождавшие предпринимательскую деятельность (обман покупателей, корысть в делах, обиду конкурентов и т.д.).

Сфера деятельности, связанная с владением и организацией частного дела, требовала от людей не только предприимчивости, но и смелости, упорства, смекалки, общительного дружелюбия.

Больше всего русские купцы ценили надежность, честность компаньонов по совместным операциям. Смысл и значе-

ние понятия «товарищество» отражают и русские поговорки: *Умный товарищ – половина дороги, Товарищество – не дружба, а связывает* и др.

В исторической памяти народа остались романтические образы Василия Буслаева и Садко, которые благодаря уму, энергии и удаче выбились в богатые купцы. В знаменитых былинах они – герои, истинно русские люди.

В XV–XVI вв. в период становления Московского государства шла социальная дифференциация населения, в том числе и среди торговых людей. Центральная власть жестко регулировало предпринимательскую деятельность, вводя привилегии для одних (гости) и увеличение податей для других (посадские люди).

Общей для торгово-предпринимательского сословия являлась фискальная политика правительства – стремление получить как можно больше денег в виде налогов. Следствием такой политики было процветание коррупции и взяток чиновников. Сами купцы в этой ситуации были вынуждены хитрить, ловчить, подкупать должностных лиц и т.д.

Как известно, одна из напастей России – дороги. На огромных пространствах, в суровых природно-климатических условиях удача сопутствовала лишь самым упорным и энергичным людям. К числу таких предпринимателей относился тверской купец Афанасий Никитин, который в 1466–1469 годах в коммерческих целях посетил Индию. В записках «Хождение за три моря» мы читаем слова патриота: «...А русская земля, да сохранит ее Бог!...В этом мире нет такой прекрасной страны, да устроится Русская земля!».

В историю процветания России яркие страницы вписали выдающиеся купеческие роды Стоврыгины, Прохоровы, Шорины и др. С этими именами связаны освоение Сибири, рост промышленного производства, развитие культуры.

Мощным толчком развитию предпринимательства послужила отмена крепостного права. Речь идет о кооперативном движении. Так, в начале XX в. в Оренбургской губернии были потребительские, кредитные объединения и маслодельные артели. Отличительной чертой всего руководящего состава кооперации была приверженность к общечеловеческим моральным ценностям: верности долгу, высокому чувству ответственности перед людьми и Отечеством, честности и трудолюбию. Кто не следовал этим принципам, тот покидал кооперацию. Свое назначение «верхи» кооперации видели в избавлении крестьян от ростовщичества, спекуляции, помощи в повышении их благополучия¹.

Безусловно, в русском национальном характере сложились и отрицательные, отталкивающие черты, связанные с предпринимательством. Так, миллионные капиталы часто собирались не только на основе собственного упорного труда предпринимателей, но и на жесткой эксплуатации рабочих и т.д.

Недостатки в характере русских купцов отмечали и иностранцы, посещавшие Россию еще в XVI–XVII вв. Например, офицер Э. Пальмквист, посетивший Россию в составе шведского посольства при царе Алексее Михайловиче, оставил в своем дневнике такие записи: «Ничто не идет более к русскому характеру, как торговать, барышничать, обманывать. Потому, что честность русского редко может устоять перед деньгами»².

Понятно, что к подобным высказываниям надо относиться с известной долей скептицизма. Тем не менее ради исторической правды имеет смысл прислушаться. Тем более что современные российские предприниматели демонстрируют порой лицемерие, подхалимство, мошенничество, безумное мотовство прожигателей жизни. И все это на фоне слияния корыстных интересов государственных структур и бизнеса.

В контексте перехода российской экономики к рынку не праздными звучат вопросы о соотношении русского национального характера и предпринимательства как источника богатства. В русском народном творчестве отражены те идеалы, которые формировались под влиянием христианско-православной этики и стали частью национального характера. Например, *«Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих или: Ищите прежде всего Царствия Божьего, а все остальное приложится вам»*. В этих христианских заповедях преобладание духовно-нравственных ценностей над материальными. К богатству русский человек относится с подозрением, считая, что любое богатство – результат обмана, нарушения закона (*«Трудом праведным не наживешь палат каменных»*).

Л.Н. Толстой, рассуждая о будущем России, писал: «...Собственность – кража» останется большей истиной, чем истина английской конституции, до тех пор, пока будет существовать род людской... Русский народ отрицает собственность самую прочную, самую независимую от труда, и собственность поземельную. Эта истина не есть мечта... Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик...»³.

Под этими словами великого русского писателя подписались бы многие россияне, переживающие эпоху становления рыночной экономики. По данным Доклада Всемирного банка о состоянии российской экономики 23 российских олигарха контролируют более трети промышленной продукции страны. 85% россиян владеют лишь 7% национального богатства, а в руках небольшой группы (около 1500 человек, или 0,00001% от всего населения России) сосредоточено более половины богатства страны⁴.

В массовом сознании действия «новых русских» сопряжены с отсутствием общей и профессиональной культуры, недобросовестностью и криминалом. Налицо разрыв преемственности между положительным дореволюционным опытом и современным предпринимательским сообществом.

Очевидно, что успех развития в сфере предпринимательства неразрывно связан с учетом национального русского характера.

В.А. СИДОРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Нейорельд Е.Я. Социальный портрет мелкого и среднего предпринимательства на Южном Урале в начале XX века // История и культура славян Южного Урала. – Оренбург, 1995. – С.24, 26

² Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. Уч.пос. – М, изд-во «Флинта», М., 2005. – С. 205

³ Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции. // Полис. 2007. – №5. – С.45

⁴ Девятова С.В., Купцов В.И. Россия в современном мире. // Социально-гуманитарные знания – 2007. – №6. – С. 74.

ИСЛАМ В ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

История любого народа, в том числе и башкир, не будет полной без учета религии. Ислам, возникший в VII в. нашей эры в Западной Аравии как локальное религиозно-политическое течение, в течение сравнительно короткого исторического периода превратился в одну из влиятельнейших мировых религий. Благодаря политическим победам и умению вбирать в себя новое он стал одной из главных форм идеологического осмысления действительности. Это произошло не случайно, так как ислам явился откликом на духовные потребности всего Ближнего Востока в период распада древнего мирозозерцания и становления средневекового общества. И вот уже на протяжении многих веков мусульманская религия занимает важное место в жизни многих народов России, в том числе и башкир.

Сложившаяся примерно в середине I тысячелетия от смешения тюркоязычных племен с финно-уграми и ираноязычными группами этнополитическая общность стала основой для дальнейшего формирования башкирского этноса. Историческая наука неопровержимо свидетельствует, что башкиры были единственным народом, сформировавшимся на Южном Урале и в прилегающих к нему районах Приуралья и Зауралья. Большинство авторов окончательное сложение башкирской народности относят к XII-XIII вв. До принятия мусульманства башкиры, впрочем, как и другие народы края, были язычниками. В этот период традиционное мировоззрение башкир было разнообразным и многослойным. На разных этапах исторического

развития менялись представления о мире, рождении, жизни и смерти человека. Башкиры поклонялись верховному божеству древнетюркского пантеона Тенгри и его супруге – богине Умай. Наряду с верховными божествами башкиры почитали духов – хозяев природных объектов: гор, пещер, воды, лесов, а также домов, бань и др. У них также существовал культ животных, широко бытовала вера в злых духов. Более полное представление о мировоззрении древних башкир можно получить при изучении произведений народного эпоса, легенд и преданий, из которых наибольший интерес представляет эпос «Урал-батыр».

По сообщениям арабских авторов, в X в. часть башкир находилась в вассальной зависимости у болгарского государства. Исследователи предполагают, что именно в этот период через болгар и началось проникновение ислама к башкирам. Основную роль в первоначальной исламизации башкирских племен сыграли миссионерские и торгово-экономические связи с миром ислама. Арабский путешественник, секретарь посольства багдадского халифа Муктадира в Волжскую Булгарию Ахмед ибн-Фадлан посетил в 921-922 годах земли башкир и болгар именно с целью распространения ислама. Посольство прибыло в столицу болгарского государства в 922 году. Именно этот год стал считаться годом принятия ислама булгарами. Тем не менее исторической науке известно, что еще до официального принятия ислама булгарами религия Мухаммеда имела последователей среди представителей

башкирских племен¹. Процесс внедрения ислама в башкирскую среду был достаточно длительным и совпал по времени с дальнейшим развитием феодальных отношений. Особых препятствий мусульманская религия в проникновении в Башкирию не испытывала. По мнению известного ученого-философа Д.Ж. Валеева, это связано с тем, что арабо-мусульманская культура так же, как и культура башкир, основывалась на скотоводческо-кочевом образе жизни². Из исторических источников известно, что в XIV в. при хане Узбеке ислам стал официальной религией Золотой Орды, куда входили Башкирия и Волжская Булгария. В его правление к башкирам с миссионерской целью были посланы мусульманские проповедники, получившие духовное образование в Булгарах. Обращать башкир в ислам прибывали проповедники не только из Булгар, но и из Средней Азии и Ближнего Востока. Венгерский монах Юлиан, побывавший в 1236 году среди покоренных монголами башкир, пишет о башкирском хане, уже фанатично преданном исламу.

Арабо-мусульманская культура вместе с письменностью привнесла в жизнь башкир новые моральные представления, подвела ломку многие обычаи и традиции, приобщила башкир к социальным нормам ислама – шариату. Связь башкир с арабо-мусульманским миром привела к тому, что благодаря просвещению из среды башкир появились личности, занимавшие высокие посты в мусульманских государствах того времени.

К XVI в. ислам уже стал настолько органичной частью башкирского образа жизни, что защита и сохранение его были выдвинуты в качестве одного из

основных условий договора с Русью. Вопрос о характере вхождения Башкирии в его состав был и продолжает оставаться дискуссионным. Процесс присоединения не был единовременной акцией и носил достаточно противоречивый характер. Тем не менее можно утверждать, что в тех конкретных исторических условиях решение башкирских родоплеменных вождей о добровольном вхождении своего народа в состав России было мудрым и прозорливым шагом. Это событие явилось переломным в истории башкирского народа и определило всю его дальнейшую судьбу. После присоединения Башкирии к русскому государству в силу ряда объективных причин позиции ислама здесь укрепились еще более. Этому способствовал приток в край значительной части мусульманского духовенства после насильственной христианизации казанских татар. В результате интенсивной колонизации края, начавшейся в XVIII в., и привнесения сюда христианства ислам становится дополнительным фактором роста этнического самосознания башкир. Ислам все больше проникает в быт народа, регулируя семейно-брачные, межличностные и общественные отношения. В повседневной жизни прочно утвердились мусульманские обряды, сопровождающие важнейшие события жизни – рождение, достижение зрелости, смерть. Важной составляющей бытия стали мусульманские праздники – Рамазан-байрам, Курбан-байрам, Маулид. В среде башкир распространились мусульманское образование и письменность на основе арабской графики. Большая часть надписей на надгробных камнях и первые письменные памятники башкир – шежере,

запись которых началась в XV-XVI вв., были выполнены на языке тюрки. В то же время восприятие башкирами мусульманских норм и традиций не вытеснило из их среды доисламские верования и обычаи. Элементы древних культов и язычества в сознании и практике башкир сохраняются и поныне. Справедливости ради следует сказать, что мифо-религиозный эклектизм характерен также для других народов, исповедующих мусульманскую религию. Ислам вбирал в себя местные обычаи, верования, органично сливался с ними, усваивал многие идеи вытесняемых им религий. Это можно объяснить синкретическим характером самого ислама, его способностью приспосабливаться к местным условиям и верованиям.

Башкирские восстания XVII-XVIII вв. представляли собой крупное социально-политическое явление, феномен в истории народов Евразии. Во многих из них (1681-1684, 1704-1711, 1735-1740, 1755-1756 годы) исламский фактор занимал далеко не последнее место. Как было сказано выше, принятие русского подданства имело договорной характер и было обусловлено сохранением за башкирами вотчинного землевладения и мусульманской веры. Однако по мере укрепления своих позиций в крае царское правительство стало проявлять тенденцию к нарушению условий договоров. Наступление на вотчинные права и попытки насильственной христианизации вызывали рост недовольства башкир, нередко выливавшееся в мощные вооруженные восстания, которые демонстрировали правительству силу и влияние мусульманского духовенства в башкирском обществе. Восстание 1735-1740 годов отличалось наибольшим

размахом и ожесточенностью. Среди его зачинщиков и руководителей было немало мулл и ахунов. В ходе подавления этого, как, впрочем, и других восстаний, власти особое внимание уделяли их поимке и нейтрализации. Руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов предлагал в качестве наказания применять высылку мулл в отдаленные края и сокращать их численность. За участие в восстаниях муллы-башкиры лишались права собственности на землю, тогда как муллы, происходившие из мещеряков, в качестве поощрения за участие в их подавлении получали право приобретать эти земли. Расправа с восставшими башкирами сопровождалась массовыми казнями, жестокими наказаниями. Лишь по далеко не полным сведениям башкирский народ потерял 40-60 тысяч человек, только за 1739-1740 годы было сожжено 725 аулов, угнаны десятки тысяч голов скота. Многие участники восстаний, а также члены их семей подвергались насильственному крещению и отправлялись в глубинные российские губернии в качестве крепостных. Явившиеся с повинной должны были приносить особую клятву на верность императрице с целованием Корана. Стремясь к ослаблению влияния духовенства, правительство запретило строительство новых мечетей и медресе, а по Сенатскому указу от 9 ноября 1742 года было приказано сломать все новые мечети. Царские власти предпринимали явные попытки ограничения свободы мусульманского вероисповедания. В частности, был введен налог с мечети – по 5 рублей с каждого муллы и по одному алтыну с приходящих в мечеть. Мусульманскому духовенству под страхом смертной казни запрещалось

привлекать к исламу язычников. Смертной казнью карался и переход новокрещенных обратно в мусульманство. Ущемление прав башкир после разгрома восстания 1735-1740 годов вызвало в 1755 году новое мощное восстание, одним из руководителей и идеологом которого был мулла Алиев, известный в народе как Батырша. После поражения восстания, находясь в тюрьме, он составил знаменитое письмо-обращение на имя императрицы Елизаветы Петровны с изложением и объяснением событий, происшедших в Оренбургской губернии, указанием причин бунта. Это письмо представляет собой историко-публицистический письменный памятник башкирской литературы XVIII в.

Огромные людские и материальные потери, понесенные башкирским народом, все же были не напрасны. Царские власти вынуждены были отказаться от планов лишения его вотчинного права на землю, превращения в крепостных и обращения в христианство. Но, тем не менее, в отношении башкир правительство продолжило политику если не насильственной христианизации, то стимулирования перехода из мусульманской в христианскую веру подарками и деньгами, угрозами в адрес отказавшихся креститься.

Расширение российских границ на востоке привело к включению в состав государства новых северокавказских и среднеазиатских народов, исповедующих мусульманскую религию. Кроме того, Россия на протяжении XVIII в. вела бесконечные войны с Турцией и также периодически воевала с Ираном. В этих условиях правительство было вынуждено существенно пересмотреть политику в отношении своих подданных мусульман.

Дальнейшее противостояние государства и ислама было нецелесообразным. В 80-е годы XVIII в. были изданы указы, предписывающие местной администрации сочетать интересы государства с веротерпимостью. С целью контроля и управления мусульманским населением по именному указу Екатерины II от 22 сентября 1788 года в Уфе было учреждено Оренбургское магOMETанского закона собрание во главе с муфтием. Тем самым мусульманское духовенство было фактически поставлено на государственную службу. По приказу императрицы в 1787 году в типографии Академии наук впервые был напечатан Коран на арабском языке для нужд мусульманского населения России. В 1800 году мусульмане получили разрешение печатать религиозную литературу. Все это свидетельствовало об изменении курса правительства в отношении мусульман от политики противостояния к политике сотрудничества.

Под влиянием ислама у башкир сложился собственный образ жизни, в повседневный быт вошли многие нормы шариата. Шариатский суд существовал издавна и был непременным атрибутом башкирского самоуправления. Его состав менялся, однако одним из его членов всегда был представитель мусульманского духовенства – мулла. До присоединения Башкирии к Русскому государству шариатский суд имел широкие полномочия: решал все гражданские и уголовные дела. Право башкир на свободу вероисповедания и соблюдения традиций, обычаев, полученное в процессе принятия ими российского подданства, на первых порах способствовало укреплению шариатских судов. Однако в последующем в связи с установлением административного

контроля произошло постепенное ограничение их компетенции. Их права сузились до решения семейно-брачных, наследственных дел и религиозных проступков. С 1788 года высшей инстанцией, соответственно и апелляционным органом, стало Оренбургское магометанское духовное собрание. В своей деятельности шариатские суды не должны были применять те положения шариата, которые противоречили законам Российского государства. Несмотря на непоследовательное отношение центральных и местных властей, мусульманские суды просуществовали до 1917 года. Декретом осуде №1, принятым СНК 22 ноября (5 декабря), они были упразднены. В годы Советской власти произошло фактическое вытеснение шариата из правовой жизни мусульман, тем не менее довольно широко соблюдалась его обрядовая сторона: никах, семейно-брачные, погребальные и поминальные обряды.

Известно, что мусульманство среди башкир имело своеобразный характер, и приверженность их исламу не стала поводом к религиозной или иной нетерпимости. В силу ряда объективных причин мусульманская религия не могла пустить в мировоззрении народа тех глубоких корней, что наблюдалось, например, у народов Средней Азии. Это, во-первых, рассредоточенность башкир на большой территории. Во-вторых, это огромная сила традиций и обычаев, игравших роль важного социального регулятора. Многие исследователи отмечали, что башкиры не были фанатичными мусульманами. Например, В.М. Черемшанский писал, что «... между ними нет особенно набожных, какие встречаются собственно между мусульманами, потому и самая правила Корана не так строго соблюдаются ими и не имеют положительного на них влияния»³.

Отсутствие религиозного пристрастия башкир, их толерантность отмечал и известный исследователь нашего края П.И. Рычков⁴. А в иллюстрированном географическом сборнике «Европейская Россия», изданном в Москве в 1909 году, прямо отмечалось, что «... башкиры вообще плохие магометане и весьма поверхностно исполняют обряды своей религии», хотя и «... они почти все выучиваются у своих мулл читать и писать». Общеизвестно, что на протяжении всей истории башкирам не были известны такие явления, как джихад (газават) и массовый хадж. Малочисленными были и есть мусульмане из башкир, которые совершали бы пятикратный ежедневный намаз. Все это говорит о том, что для башкирского общества характерна слабая политическая выраженность ислама. Вероятнее всего, отсутствие политического содержания в башкирском исламе связано со спецификой его принятия. Он был воспринят ими естественным образом посредством миссионерских и экономических связей, а не в результате завоеваний. А башкирские ханы никогда не отождествляли себя с приемниками халифа и не брали на себя функций верховных священнослужителей. Другой существенной особенностью ислама во внутренней России (следовательно, и в башкирской среде) являлась недостаточная развитость экономических принципов существования мусульманской общины, в том числе – института вакуфов.

По ряду причин ислам более глубоко проник в повседневную жизнь татарского этноса. Поэтому среди мусульманского духовенства в Башкирии традиционно доминировали его представители. Лидеры татарской буржуазии в своем стремлении ассимилировать другие тюркские наро-

ды активно использовали религиозный фактор. С усердием, достойным лучшего применения, они пытались навязать надуманный тезис о существовании некой нации тюрко-татар, тем самым пытаясь исключить из употребления само понятие «башкиры». Мало того, они отказывали в праве на самостоятельное существование и другим народам, распространяя бред о том, что большевики с целью разъединения единого этноса тюрко-татар придумали казахов, узбеков, азербайджанцев и других. При этом они самозванно прочили татарской нации роль лидера в этом мифическом этносе. Экспансионистские заявления татарских экстремистов вызывали резкое возмущение и протест со стороны башкир, иногда доходивший до изгнания из башкирских деревень татарских учителей и мулл⁵. К сожалению, и в наши дни можно наблюдать попытки реанимирования давно выброшенных на свалку истории бредовых идей.

В современных условиях произошло определенное укрепление позиций ислама в башкирской среде. Значительная часть народа соблюдает основные обряды ислама либо, по меньшей мере, с большим

уважением относится к нему. Духовное управление мусульман Башкортостана, функционирующее в Уфе, занимает конструктивную позицию по отношению к государству и вносит немалый вклад в дело укрепления межнационального и межконфессионального диалога и согласия. Этические каноны ислама имеют позитивное значение в формировании и укреплении морально-нравственных устоев общества.

Ф.М. НАДРШИН

ЛИТЕРАТУРА:

1. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 21.
2. Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. – Уфа, 2001. – С. 37.
3. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленных отношениях. – Уфа, 1859. – С. 140.
4. Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917-1994. – Уфа, 1994. – С. 13.
5. Ленин и Башкирия: Документы, воспоминания, материалы. – Уфа, 1984. – С.377-378.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ОРЕНБУРЖЬЯ И ЕГО РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КРАЯ В XVIII – XIX ВЕКАХ

До образования Оренбургской губернии на ее территории в основном проживали башкиры, а также татары, мещеряки, калмыки, казахи, каракалпаки, мордва, черемисы (марийцы),

вотяки (удмурты) и чуваша, численность которых была невысокой. Русское и татарское население увеличивалось за счет переселенцев. Со времени сооружения укрепленной пограничной

линии и образования Оренбургской губернии (1730-40-е годы) правительство стало возводить здесь новые крепости и города, увеличивать контингенты регулярных и иррегулярных (казацких) войск, создавать и укреплять органы власти и управления этим обширным многонациональным краем. При поддержке царизма происходила помещичья и заводская колонизация земель Оренбургской губернии. Это привело к увеличению численности крепостных крестьян, состоявших, главным образом, из русского населения. Одновременно наблюдалось и стихийное самовольное переселение трудового люда на неосвоенные земли. Преимущественно это были русские крестьяне, татары, чуваша, мордва и марийцы Среднего Поволжья. Население Южного Приуралья (Оренбургской губернии) в период 20-х – начала 40-х годов XVIII в. (от первой до второй ревизии) возросло на 34,1%. Только в 1741 году число самовольных переселенцев составило 5541 душу мужского пола¹.

За этот период изменился этнический состав жителей региона. Если по данным первой ревизии башкиры составляли 71,4%, по данным второй ревизии – 32,9% жителей губернии. Значительно возрос удельный вес татар (с 0,3 до 5,0%) и мящераков (с 3,5 до 4,8%). В 20-х годах XVIII в. здесь практически отсутствовали мордва, марийцы и чуваша, составлявшие 0,1%. По данным второй ревизии их число составило соответственно 0,9, 0,3 и 2,3%. Вырос удельный вес тептярей и бобылей с 9,4 до 18,1%². Резко возросла численность казаков, образовавших в 40-х годах XVIII в. Оренбургское казачье войско.

Переселенцы внедряли на новых местах жительства свои трудовые навыки и производственный опыт. Применяли разнообразные способы земледелия: перелог, подсеки, залежно-паровую и трехпольную системы земледелия. К концу XVIII в. господствующим стало трехполье с применением навозных удобрений и короткими сроками залежи. Наблюдался повсеместный рост посевных площадей, что объяснялось дальнейшим заселением и сельскохозяйственным освоением Оренбургской губернии. Значительно посевные площади увеличились в Челябинском (на 47%) и Троицком (на 58%) округах, хозяйственное освоение которых русскими крестьянами началось еще в 30-х годах XVIII в.³ Одновременно с развитием земледелия развивалось и животноводство. Наряду с русскими крестьянами, мастеровыми, казаками пограничных крепостей активную роль в развитии скотоводства играли башкиры, татары и чуваша. Особенно много скота, главным образом лошадей, было у башкир, кочевавших в Исетской провинции.

В первой половине XIX в. крестьянское переселение по сравнению с предшествующими периодами достигло наивысшего уровня. Переселение крестьян на Южный Урал происходило волнами: первая волна с 1800 по 1816 годы давала в среднем ежегодно более 14 тыс. переселенцев обоего пола; вторая волна массовых крестьянских переселений пришлось на 1816-1834 годы и являлась наибольшей в первой половине XIX в. За это время в Оренбургский край переселились 320 тыс. крестьян (ежегодно в среднем более 18 тыс. душ обоего пола). Третья волна крестьянских переселений приходится на 1834-1850 годы, когда на

Южный Урал переселилось более 150 тыс. душ обоого пола⁴. В основном это были государственные крестьяне, которые, как и удельные крестьяне, состояли из русских, татар, чувашей, мари и других пришлых народов. Переселенческое движение в Оренбургский край объяснялось благоприятными почвенно-климатическими условиями (благоприятный климат, черноземная земля и высокие урожаи зерновых), огромными массивами плодородных неосвоенных земель.

К середине XIX в. Оренбургская губерния занимала территорию площадью 222 309 кв. верст, где проживал 1 780 031 человек⁵. Помещичьих крестьян числилось 147 471, или 8% от общего числа здешних жителей⁶. В губернии имелось 694 помещичьих имения. На приобретенные или пожалованные оренбургские земли помещики переводили из внутренних губерний собственных и новокупленных крепостных крестьян. Однако процесс заселения и освоения земель отставал от роста дворянских земельных владений. Это создавало острую нехватку рабочей силы во многих помещичьих имениях, в силу чего значительная часть дворянских земель пустовала или использовалась непроизводительно⁷. Наличие свободных земель во многих имениях создавало условия для сравнительно высокой земельной обеспеченности крестьян. В середине XIX в. земельные наделы помещичьих крепостных составляли в среднем от 4,5 до 7,1 десятины на ревизскую душу, что значительно превышало наделы крестьян малоземельных губерний. Наличие большого количества земли способствовало применению экстенсивных методов обработки – перелога и его элементов. Некоторые

помещики разрешали иногда крестьянам пользоваться таким количеством земли, которое они были в силах обработать⁸. На протяжении пяти пореформенных десятилетий в губернии наблюдалось снижение земельной обеспеченности крестьян. Помещики, стремившиеся приспособиться к рыночным отношениям, значительно увеличивали объем повинностей и тем самым сокращали рабочее время, необходимое для обработки крестьянами своего поля. В течение первой половины XIX в. в губернии наблюдалось увеличение числа крестьянских повинностей и интенсивности эксплуатации.

В крепостной зависимости помимо помещичьих находились также горнозаводские крестьяне, численность которых в Оренбургской губернии составляла 96 136 человек, или 5,4% всего населения губернии⁹. Заводские рабочие делились на два разряда: мастеровых и урочных (или сельских работников). Мастеровые выполняли основные заводские работы, а урочные были заняты на вспомогательных работах: заготовке и перевозке дров, угля и прочих. На практике это не выполнялось, и к техническим, и к вспомогательным работам привлекались как мастеровые, так и сельские работники. Рабочие горных заводов получали в пользование владельческую землю, что являлось натуральной частью их заработной платы. Крестьяне Воскресенского и Верхоторского заводов имели наделы для посева по 4 дес. на двор. По остальным заводам Южного Урала посева составляли от 1,5 до 3 десятин на двор¹⁰. Урожаи на полях горнозаводского населения были ниже, чем у окрестных крестьян. Причиной этого являлись низкая техника

земледелия, истощение почвы ввиду отсутствия удобрения, несвоевременный отпуск рабочих на полевые работы. Пашотные участки рабочих часто оставались незасеянными из-за отсутствия семян и рабочего скота, свободного времени для обработки полей.

В феодальной зависимости от государства находились государственные крестьяне. В 1724 году был установлен особый налоговый сбор – поземельная оброчная подать, распространенная на все категории независимых крестьян, получивших название государственных. Указом императора Павла I предписывалось наделить крестьян землей в достаточном количестве для выполнения казенных повинностей. Земля выделялась из расчета 8-15 десятин на ревизскую душу. В дополнение к наделенной земле государственные крестьяне покупали и арендовали дополнительные участки. Численность государственных крестьян Оренбургской губернии составляла 466 461 человек, или 26% от общего числа населения губернии¹¹. В их пользовании находилось 2,6 млн. десятин земли, в среднем по 12 десятин на душу мужского пола¹². Это более чем вдвое превышало дореформенные наделы удельных и помещичьих крестьян.

В Оренбургской губернии проживало 61 812 удельных крестьян, принадлежавших царской семье¹³. Удельные крестьяне, как и государственные, пользовались относительной хозяйственной самостоятельностью. Их не могли продавать, закладывать и лишать земельного надела. Зажиточные крестьяне за выкуп могли перейти в мещанское или купеческое сословие. Однако быстро растущие расходы

царствующего дома приводили к усилению эксплуатации удельных крестьян, положение которых все более приближалось к помещичьим крепостным.

Башкиры и их припущенники, входившие в состав Башкирского войска, составляли 851 000 человек, или 47,8% от общего числа населения губернии. За башкирами при принятии ими русского подданства в XVI в. было утверждено вотчинное право на занимаемые ими земли, подтвержденное или восстановленное указами в 1742 и 1755 годах после окончательного прекращения существующих среди башкир волнений. На вотчинном праве им принадлежало почти 12 млн. десятин земли¹⁴. Башкиры вели кочевой и полукочевой образ жизни. При переходе на оседлость они стали заниматься земледелием, хотя размеры посевов были сравнительно небольшими и колебались в среднем от 1 до 8 десятин на двор. Наличие огромных незаселенных территорий, принадлежащих на вотчинном праве башкирским родам, породило институт припуска – долгосрочной или бессрочной аренды на условиях выполнения припущенниками части государственных повинностей. В дальнейшем совместное пользование землей башкир-вотчинников и припущенников породило запутанность их земельных отношений и бесконечные земельные споры. Башкиры, мишари и казаки представляли собой военное сословие и несли военно-феодалные повинности в пользу государства. С присоединением казахских земель к России и перенесением государственных границ на юг отпала необходимость в широком привлечении башкир и мишарей к военной службе.

Особенностью Оренбургской губернии было то, что здесь значительную часть составляло население Оренбургского казачьего войска – 192 509 человек, в руках которого находилось до 9 млн. десятин земли¹⁵.

Все население края занимало обширную территорию около 35 млн. десятин земли, из которых под пашнями, сенокосными и степными пастбищами находилось 19 559 тыс. десятин; под строевым и дровяным лесом 10 700 тыс. и 75 тыс. десятин под усадьбами и выгонами¹⁶. По данным 1850 года у государственных крестьян под посевами хлебов было занято около 1,4 млн. десятин, удельных – 104 тыс., помещиковикрепостныхкрестьян–650тыс., башкир и мещеряков – 678 тыс., тептярей и бобылей – 349 тыс. десятин земли. Общий сбор хлеба определялся в 9 600 тыс. четвертей, что превышало потребность хлеба для продовольствия населения и посева в 1 240 тыс. четвертей. Казачьим населением было собрано 6 141 тыс. пудов, тогда как годовая потребность определялась в 4 147 тыс. пудов. Общее количество скота в крае исчислялось 5 631 тыс. голов, из которых 2 070 тыс. голов лошадей. На казачье население приходилось 677 тыс. голов разного скота¹⁷. Наибольшее процветание земледелие и скотоводство достигли в Оренбургском, Бузулукском, Уфимском, Мензелинском, Троицком и Челябинском уездах, где при обильных урожаях имелся сбыт продовольствия по рекам Белой и Каме. Хлеб Оренбургского и Бузулукского уездов находил сбыт для продовольствия местных войск и для снабжения Казахской орды. Развитие в крае земледелия и скотоводства, массовое предложение

на местных рынках дешевого хлеба и продуктов животноводства привлекали торговый и промышленный капитал, что способствовало развитию обрабатывающей промышленности.

С отменой крепостного права для Оренбургского края открылся новый период колонизации. Бывшие крепостные крестьяне Центральной России, получившие ничтожные земельные наделы и обремененные тяжелыми выкупными платежами, устремились в край, где еще имелись свободные земли. Во второй половине XIX в. численность населения Оренбургской губернии увеличилась за счет переселенцев в 2 раза, Уфимской – в 1,8 раза. Приток переселенцев сыграл важную роль в развитии торгового зернового хозяйства. Этот процесс нашел отражение в быстром расширении посевных площадей. Так, распаханность земельных угодий в Оренбургской губернии в 60-е годы составляла 5,6%, в 1881 году – 33,5%, в 1887 – 35,8%. Площадь пахоты быстро росла, увеличившись за 26 пореформенных лет (1861-1887) в 4,3 раза за счет поднятия новых земель и залежи¹⁸. Переселенцы способствовали развитию в крае других отраслей хозяйства: огородничества, садоводства, пчеловодства, животноводства, кустарных промыслов.

Длительное время промыслы и ремесла на Южном Урале находились в стадии становления, развивались изолированно друг от друга и не приносили существенного дохода. К концу XIX в. устойчивое развитие получили такие виды промыслов, как лесной, шерстобитный, ткацкий, пуховязальный, соляной, пчеловодство и извоз. В Оренбургской

губернии из промыслов наиболее распространенным был извоз вследствие недостатка водных и железнодорожных путей сообщения, особенно между казачьим населением. Значительное развитие в губернии получило изготовление изделий из козьего пуха.

Башкирское население в Бирском, Белебеевском, Мензелинском уездах занималось земледелием. В Орском и Верхнеуральском уездах главным образом получало прибыль от сдачи земель в аренду и эксплуатации лесных богатств¹⁹. В Оренбургской губернии и горной части Уфимской губернии башкирское население занималось в основном скотоводством и обработкой леса. В XIX в. в условиях упадка традиционных видов занятий башкирского населения – скотоводства, охоты, бортничества – большим подспорьем в хозяйстве многих башкир стала лесоразработка. Из 60 промыслов, зарегистрированных Уфимским кустарным комитетом в 1899 году, 40 приходилось на лесозаготовку и обработку леса и древесного материала²⁰. Деревообработка концентрировалась особенно в таких уездах, как Златоустовский, Уфимский и Стерлитамакский (восточные волости), Верхнеуральский, Орский, Троицкий, Челябинский. Среди существующих у башкир промысловых занятий особо выделялись лесоразработка и сплав лесного материала по рекам. По степени распространения в крае на втором месте стояли промыслы по заготовке коры, луба и лыка, а также по выработке мочала. Получила распространение деревообработка, в частности, местными кустарями выделялись лопаты, домашняя утварь, средства транспорта и другие предметы быта и культуры.

Темп развития сельскохозяйственной жизни в Оренбургской губернии находился в тесной зависимости от развития железнодорожного сообщения в крае. Прокладка железной дороги Оренбург – Самара в 1877 году приблизило Оренбургский край к Поволжью и Центральной России и этим ускорило развитие производительных сил. Продукты сельского хозяйства губернии получили более дешевый выход на внутренние и внешние рынки России. Хотя экономика края носила преимущественно аграрный характер, на его территории получило развитие и промышленное производство. Во второй половине XIX в. здесь действовало 289 промышленных предприятий преимущественно горной и горнозаводской промышленности. Предприятия обрабатывающей промышленности, занятые переработкой сельскохозяйственного сырья, были представлены винокуренными, кожевенными, салотопенными, свечными, мыловаренными и маслобойными заведениями, продукция которых вывозилась в другие губернии страны и за границу.

Можно сделать вывод, что естественно-географические и почвенно-климатические условия края благоприятствовали развитию сельского хозяйства, составлявшего основную отрасль занятий населения. Колонизация края сыграла положительную роль в ускорении экономического и культурного развития региона. Это прежде всего сказалось на внедрении высокой культуры земледелия и значительного расширения вспаханных земель. Поток переселенцев, не прекращавшийся на протяжении двух веков, способствовал развитию торгового зернового хозяйства, огородничества, садоводства, пчело-

водства, животноводства. Своеобразие этнического состава населения края, национальные традиции и обычаи оказали влияние на развитие отдельных видов промыслов.

Э.Б. ГАЛИЕВ

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). – М., 1971. – С. 33.

² Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. – М., 1992. – С. 107.

³ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII – XVIII веках. Ч. II. Экономика и положение крестьян. – Челябинск, 1969. – С. 66.

⁴ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. – М., 1984. – С. 89.

⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2-3.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2об.

⁷ Рязанов А.Ф. Оренбургский край. – Оренбург, 1928. – С. 116.

⁸ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа, 1859. – С. 270-271.

⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2об.

¹⁰ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII – XVIII веках. Ч. II. Экономика и положение крестьян. – С. 28.

¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2об.

¹² Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. – С. 26.

¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 111. Л. 2 об.

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 13254 / 16. Л. 11.

¹⁶ Рязанов А.Ф. Оренбургский край. – С. 117.

¹⁷ Там же. – С. 118.

¹⁸ Селивановская Л.А. К вопросу о развитии торгового земледелия в Оренбургской губернии в пореформенный период (70-90-е гг. XIX века). – Вып. 8. – Оренбург, 1956. – С. 75.

¹⁹ Отчет Оренбургского Губернского Статистического Комитета за 1890 год. – Оренбург, 1891. – С. 5-6.

²⁰ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. – Уфа, 1959. – С. 179.

УРОКИ ИСТОРИИ: «ВЕЛИКИЙ РАЗДОР» КАК РЕЗУЛЬТАТ КНИЖНО-ОБРЯДОВЫХ ИСПРАВЛЕНИЙ В XVII В.

Статья первая: «Своя своих не познаша, своя своих побиваша»

Тако и ныне от гордости вниде во церковь нестроение и догматное пременение.

Протопоп Аввакум

Не Никон только, но и все московские власти и государственные и церковные, оказались поверхностными, слишком рациональными... Не разгадали глубин своего собственного народа.

А. В. Карташев

К сожалению, в нашей истории есть страницы, которые мы не читаем, а значит, и не делаем из них выводов, возможно в будущем оградивших бы нас от беды. Единую историю разрубили на части, одни из которых востребованы, другие – преданы забвению, третьи – извращены. Эта раздельность и избирательность присутствовали в историографии всегда, нередко сдабриваемые увлечениями, заблуждениями, недобросовестностью, а нередко и непорядочностью. Манипуляции с историей – одно из самых серьезных и, к сожалению, распространенных преступлений, поэтому еще Д. Свифт считал, что историков, как и фальшивомонетчиков, следует вешать на площадях.

Для русской истории это весьма актуально, так как уже при закладывании исторического фундамента в XVIII в. было намешано немало лжи, а возводимые истории не только пронизывались нужными мифами, но и с особым рвением

разрушались «до основания, а затем» лепились в соответствии с заказом вопреки фактам.

Типичный изъян историографии – ориентация на так называемые «личности», в основном «засветившиеся» в грабежах, убийствах, провокациях, развязывании войн и т.п., – способствовал быстрой и удобной «смене ориентиров»: обелению одних злодеев и возведению других в герои. Отделение народной, созидательной истории от введенной в ранг истории суеты «элиты» усугубляется отсечением деяний русской православной церкви, пронизывающей все ипостаси жизни государства и человека вплоть до событий 1917 года. Более того, до реформ Петра I церковь и государство были практически неотделимы, время от времени соперничая в главенстве. Однако государство благополучно открестилось от ряда совместных с церковью действий, имеющих трагические последствия. К сожалению,

отказ от своей истории не освобождает от повторения прошлых ошибок и способствует традиционному «наступанию» на одни и те же «грабли», которое в лучшем случае приведет к повторению ее в виде фарса... А ведь извлечение уроков истории – важнейшая составляющая цивилизации.

Одной из таких трагических страниц нашей истории стала объективно необходимая реформа церкви – книжная и обрядовая справа. Амбициозность царя Алексея Михайловича, лелеющего свои мечты о нео-царьградских перспективах; пробивная сила и даже безоглядная нахрапистость нижегородского мужика Никона, подминающего под власть церковную власть светскую; великая спесь и жадность греков, в гордыне своей попирающих достоинство принявших от них крещение христиан; бесстыдство и безверие иноземных мошенников разного ранга – вплоть до патриархов, стремящихся поживиться за счет богатой и наивной Московии; невежество русских, теряющихся перед всякого рода «учеными» из-за отсутствия единого и системного образования, – все это, сплетаясь в единый клубок, унижало благочестие и достоинство русских, умаляло заслуги их святых и отнимало достоинство и надежду на великое будущее.

Роковым следствием слепой убежденности в своей непогрешимости светской и церковной властей стал раскол, и не столько русской православной церкви, сколько всего русского общества, последствия которого тождественны потерям в гражданской войне.

И как всегда виновными оказались «стрелочники» – патриарх Никон, с одной стороны, и протопоп Аввакум, с другой.

Государство, заварившее «великий раздор», осталось в стороне, а царь, развязавший кровопролитие, идеологическое и религиозное противостояние, получил титул «тишайшего».

Провозгласив себя III Римом, Московская Русь поставила перед собой всемирно-историческую цель – стать во главе всего христианского мира. Вселенский размах деятельности русского государства станет впоследствии традиционным, во что в дальнейшем впишутся и подмога братьям-славянам, и защита «первоосвященных» греков, а в советские времена и поднятие уровня благоденствия юрודствующих республик и стран, жаждущих не столько примкнуть к России, сколько прильнуть к ее щедро раздаваемым богатствам.

Борьба «за идею не щадя живота своего» в основном касалась собственного народа. Так вышло и в результате церковной реформы, когда ради греков, которые, как писал митрополит Власий (Браиловский), «надмеаясь гордостью, называют себя источником для всех в мире», и иллюзорной всехристианской идеи власти в очередной раз раздавили чувства своих верующих.

Как отмечает известный теолог А.В. Карташев, «своя своих не познаша. Не Никон только, но и все московские власти и государственные и церковные, оказались поверхностными, слишком рациональными. И это были ни греки, ни малороссы, а сами отцы и учителя народа. Не разгадали глубин своего собственного народа. «Комплекс» русского московского православия слишком всерьез принял путеводную звезду III и последнего Рима, русского эсхатологического избранниче-

ства. Этот комплекс не мог безжалостно, рационалистически поставить крест над своей цельной верой. Не мог оскорбить и развенчать ее, сведя ее каким-то будто бы только грамматическим ошибкам. Оказалось «шутки плохи» с «душой народа»¹.

Еще можно было достичь примирения: об этом кричат вожди старообрядчества – Никита, Лазарь, Аввакум, Савватий, Антоний, Спиридон и др., – указуя на ошибки и просчеты власти, заботясь не о себе, не о своих – о святой церкви. Пытаются своими челобитными донести царю о «смущении великом» в России из-за «искривления», а не исправления книг, о том, что не должно быть «благочестие в поругании». Но в русскую прю, касающуюся глубоко личных чувств веры, самими верховными властями были вмешаны греки.

Авантюристы без родины и веры стали «прорабами» русского раскола, примазавшись и присосавшись ради собственного довольства ко всем власть предержавшим – Ватикану, мусульманам, константинопольским патриархам, московским иерархам, к царю. Наиболее одиозной фигурой был грек Арсений. Он прошел типичный для приспособленца путь: богатый турецкий грек учился в Венеции и Риме, где из православия на пять лет перешел в католичество, но вернулся на родину вновь православным, а когда турецкие власти посадили его в тюрьму как венецианского шпиона, то под пытками принял ислам и бежал в Валахию, потом в Польшу и в Киев, затем, примкнув в 1649 году к Иерусалимскому патриарху Паисию, попал в Москву, где его взяли на роль учителя греческого языка. Паисий, узнав истинную биографию Арсения, сообщил в Москву, и лукавого грека сослали на Соловки, откуда его в

1652 году забрал приехавший за мощами святителя Филиппа Никон, и «непопоясанный» грек разместился на патриаршем дворе: разоблачение лишь придало вес фигуре грека-пройдохи, так как ему было доверено дело исправления русских богослужебных текстов. Вероятно, власть в проведении непродуманных реформ нуждалась именно в таких нравственно пустых людях, готовых за определенный куш «править» что угодно и как угодно. А защитники древнего благочестия еще раз утвердились в своей правоте: ведь портить книги могут лишь порченые люди.

Свое черное дело сделал и стремившийся в пока неиспорченную Москву еще один грек – лже-митрополит Газский Паисий (Лигарид), изловчившийся получать сразу два жалованья: от Рима – за успешную миссионерскую деятельность на православных территориях, от греков – за укрепление православия. И опять предупреждение Иерусалимского патриарха Паисия в Москве проигнорировали, и Лигарид был допущен до соборного следствия и суда над русским патриархом Никоном. Видимо, московские власти всегда нуждались в проходимцах, причем в особой цене были иностранные «ученые» мошенники, которым было легче справиться с поставленной задачей, ибо им была не столько непонятна, сколько чужда, а следовательно, и враждебна душа русского народа.

Интересно, что даже греки, знавшие с наихудшей стороны Лигарида, в большинстве не согласились приехать на суд. Только в 1666 году царь Алексей Михайлович, заподозрив Лигарида, отправил запрос в Константинополь к патриарху Дионисию, который ответил: «Лигаридова лоза не

Апостольского престола ... Он папешник и лукав человек». Царь был смущен, но выехавшие по приглашению Лигарида немногочисленные митрополиты в ожидании богатых московских подарков замяли скандал – и Лигарид опять был на коне: корыстные греки взяли его себе в друзья, и он стал переводчиком между Никоном и высокопоставленными греками. По сути, ему отдали на откуп все решения по делу Никона, так как никто из сторон другого языка не знал и не мог контролировать прохиндейство Лигарида и пресечь его лукавство.

Да и высокопоставленные греки не столь разительно отличались от своих ловких соотечественников, разве что непомерной гордыней и заносчивостью. Приглашенные Лигаридом патриархи не имели никаких прав распоряжаться в России и судить сан Царский, как официально именовался патриарх. Александрийский и Антиохийский патриархи были патриархами без патриархии: один жил в Египте, другой – в Дамаске, но здесь, в Московии, они упиваются своим господством: беззастенчиво распоряжаются и угрожают: «хощем бо убо мы и повеливаем», «преслушающи же сию заведевь и правило наказании да будут запрещении и отлучении». В угоду царю, боярам и в первую очередь своему материальному благополучию они осудили русского патриарха. Александрийский патриарх даже доставил себе удовольствие самолично снять с Никона клобук и панагию, на что Никон, вероятно, заметивший жадный блеск в глазах своего недавнего коллеги, попрекнул восточных патриархов в желании разделить драгоценности с святых знаков

московского патриарха – «а достанется де жемчугу золотников по 5 и 6 и больше, и золотых по 10»².

Эти же греки на печально известном соборе 1667 года с легкостью отмели все, что издревле было свято на Руси, и навязали решение об осуждении старообрядчества не как оппозиции, а как ереси, то есть законодательно утвердили предание старообрядцев анафеме, полного отсечения от православия и отлучения по смерти. Хотя дело вовсе не в грехах – попустили-то свои: чужими руками легче было разрушать и расправляться. Уже Аввакум в письме царю Федору Алексеевичу четко определил виновника: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит... Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв в безверии, предали турку, да и моего Алексея в безумии подержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!»³.

Отрабатывая вожделенные материальные блага, упиваясь вседозволенностью, высокопоставленные греки, не извлекая уроков из падения Византии, с легкостью потребовали для защитников исконной книжности и обрядности «градских казней». С глубоко национальным переживанием русского человека разрыва со всем привычным, передаваемым от родителей к детям, впитываемым с молоком матери расправлялись с помощью четко расписанного реестра чуждых для русской, но обычных для греческой истории жестокостей: «сице овым языки отрезоша, овым руце отсекоша, овым уши и носы, и позориша их по торгу, и потом сослани быша в заточение до кончины их»⁴. Вопиющая несправедливость не могла

остановить старообрядцев: «Мать нашу ограбили святую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти вашему воровству»⁵.

А.В. Карташев подводит итог «купночинства» с восточной святой церковью: «На большом совете 1666–1667 гг. восточные иерархи благословили меч государственный на устрашение противящихся церкви»⁶. А «противящиеся» застыли в недоумении: они ведь с тем же царем Алексеем Михайловичем «единородные души», порождены в том же прежнем благочестии, что и его родители и весь народ, освящены «во единой святой купели»⁷, а теперь царь «придумал со властью своими» лишить их «честнаго погребения», «псом пометати и птицам на растерзание отдати»⁸. Старообрядцы заклеямили этот собор «бешеным» и объявили себя новомучениками, ибо «святым мучеником ни единому честнаго погребения не бысть от убивающих их или в темницах уморяющих, но метяху их в бесчестные места, и в воду иных, и в ровы, и в кал, овых же и сожигали мощи, да Христос их нигде не забыл. Тако же и нас негли не забудет надежда наша и купно соберет кости наша и ожитворит мертвенные телеса наша духом святым»⁹.

Противостояние оказалось стянутым в гордиев узел. А вскоре власти попытались его неумело разрубить: в «критический для правительства 1682 год новой смуты», показавший вред от вливания церковных обрядовых вопросов в русло политической разрухи», «впервые в жизни русской церкви и государства применена система и дух западной инквизиции»¹⁰. «И крови неповинныя реки потекли»¹¹...

1 апреля¹² 1682 года вместе со своими «союзниками» – попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором – Аввакум был предан жестокой, неприемлемой для Руси, но типичной для Европы огненной казни¹³ «за великие на царский дом хулы»¹⁴. Однако сожжения в срубках начались гораздо раньше. Судя по старообрядческим синодикам, в Боровске только в июле мученически погибли 14 человек. Из этого опустевшего острога была переведена вместе со своей сестрой княгиней Евдокией Урусовой¹⁵ в земляную тюрьму представительница одной из самых родовитых, древних и богатейших семей Руси¹⁶, духовная дочь протопопа Аввакума, второй символ русского раскола – боярыня Ф.П. Морозова. Наследница огромного состояния, представительница родовитой фамилии скончалась от голода в ночь с 1 на 2 ноября 1675 года в боровском срубе.

Сбылись пророчества вождей старообрядчества о приходе сатаны. И теперь уже стало невозможным свести оппозицию до малой секты, а сами отступники, а вернее, неотступники от старой веры вынуждены были выполнять завет Аввакума: «Как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю»¹⁷. Начиная с 1672 года¹⁸ как спасительный подвиг веры распространяются массовые акты самосожжения, «пощение до смерти», «великий исход» из родных мест на чужую сторону.

Отчего такая тяга к самоуничтожению, не затихающая вплоть до начала XIX в.? Лежащий на поверхности ответ – фанатизм – не объясняет ни причин, ни следствий. Скорее прав старец Сергей, который в 1822 году пишет: «Поистине

нельзя, чтобы нам не гореть, некуда больше деться». В определенной степени можно согласиться с сожалениями А.В. Карташева, который рассматривает эту трагедию старообрядцев как «неистовую трату драгоценной духовной энергии и религиозного героизма... Как много сил потеряла наша русская церковь от не тактично проведенной книжной sprawy и от всего поведения патриарха Никона!»¹⁹. Но дело не только в церкви и уж вовсе не патриархе-«стрелочнике».

Дело в изменении отношения власти к народу, да и к самой власти. Русское государство при Алексее Михайловиче «переродилось из государства вотчинного в государство чистое: правовое и бюрократически-полицейское», что требовало устранения «и вотчинчества церкви, наряду с ликвидацией вотчинчества всех уделов, даже вотчинчества самого царя»²⁰. И если раньше, как свидетельствует А.В. Карташев, «сила низового народного общественного мнения в древней Руси была велика. Больше, чем в Руси императорской. Московские самодержцы не могли повелевать им деспотически»²¹, то ломка старых устоев требовала полного игнорирования мнения оппозиции. Поэтому начавшие с дискуссий и обсуждений реформы закончились духовным и физическим террором. Но старообрядцы еще помнили единый порыв объединения россиян в смутное время и до последнего надеялись, что их услышат. Поэтому с надеждой пишут челобитные царю, общаясь с ним на равных. С точки зрения современного винтика государства удивительны обращения к первому лицу государства нижегородского попа Аввакума: «Надобно тово царя Алексея Михайловича постричь

беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня...О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Ей, тебе истину говорю, – время покаяться. Любя я тебя, право сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лижут тебя, – да уже и слизали и душу твою! А ты еще умеешь грамоте тои, но и нонече хмельненек от Никанова тово напоения. Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Веть мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взмущаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданием от святыхотец. За всех на тебя одного падет вина: ты – попустил...»²².

Церковная и светская власть оказалась глуха к мольбам, крикам, проклятиям, угрозам; невосприимчива ни к чувствам, ни к логике, ни разуму всех, кто не входил в круг самодержавной и церковной «элиты»; неотзывчива на слова, слезы и даже массовые смерти; безответна и неподсудна, молчалива и несокрушимо уверена в своем невежественном злодействе. Ничто не могло остановить ее в настойчивом желании настоять на своем – ни оказавшаяся по-своему пророческой дата церковного собора 1666 год (1000 – число сатаны, 666 – число зверя), ни показательная дата смерти главного инициатора церковной «купночинности» царя Алексея Михайловича через неделю после взятия Соловецкого монастыря и избияния ослабевших после восьмилетней осады монахов и старцев.

Ждать было нечего: церковь и государство не только отступились от своего народа, но и предали его; отсекали ввергнутого в пучину исторического

процесса растерявшегося человека и от родины и от Бога. Отсюда и поиски опоры, выхода-ухода – или на чужбину, или в иной мир. Естественно, что такой урок истории лучше не забыть даже, а просто вычеркнуть. Не было! А если что и было – виноваты раскольники. Достаточно поиграть со словами: не Никон с царем раскололи церковь, а те, кто ее защищали, те, кто пытался хоть как-то остановить процесс в самом его начале. Кто радел о старой обрядности и книжности, стал еретиком, заслуживающим изощренной системы наказаний, в готовом виде услужливо предоставленной греками и Западом. В конце концов, и Никон виноват, но и его осудили и наказали. А все остальное забыть. Забыть и не знать: плохая память и невежество – самое лучшее средство от стыда и совести.

Забыть и то, что запалом в этой адской смеси невежества, амбиций, откровенной жадности и продажности стала языковая проблема.

Е.Н. БЕКАСОВА

ПРИМЕЧАНИЕ:

¹ Карташев А.В. Указ. соч. С. 174-175.

² Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II. – Сергиев Посад, 1912. – С. 265.

³ Аввакум. Челобитная царю Федору Алексеевичу. // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979. – С. 146.

⁴ Из постановлений собора 1667 года.

⁵ Аввакум. Книга бесед. // Указ. соч. – С. 98.

⁶ Карташев А.В. Указ. соч. – С. 239.

⁷ Аввакум. Челобитная царю Федору Алексее-

вичу // Указ. соч. – С. 139.

⁸ Там же. – С. 142.

⁹ Там же.

¹⁰ Карташев А.В. Указ. соч. – С. 239.

¹¹ Аввакум. Книга толкований. // Указ. соч. С. 106.

¹² Даты смерти указаны по старому стилю.

¹³ Огнепальный протопоп и во время казни продолжал проповедовать, жестикулируя двухперстным крестом, что потрясло свидетелей, которые в ужасе стояли, сняв шапки. И хотя сжигание преследовало цель пресечь почитание останков, на месте казни Аввакума был поставлен крест, а сам он канонизирован, а его стойкость и преданность вере стала главным аргументом ее истинности для многих его последователей.

¹⁴ Есть версия, что решение царя Федора о сожжении вождей раскола в деревянном срубе было вызвано тем, что сын Аввакума Афанасий мазал дегтем гробницу царя Алексея Михайловича. См. подробнее: Малышев В.И. Новые материалы о протопопе Аввакуме. // Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. ТОДРЛ, 1965. Т. XXI. – С. 337.

¹⁵ Умерла 25 сентября 1675 года. После ее смерти в яму была спущена подруга Морозовой и Урусовой, жена стрелецкого полковника Мария Данилова, которая и присутствовала при смерти боярыни Морозовой, пережив ее на месяц.

¹⁶ Генеалогия бояр Морозовых начинается со знаменитого ледового побоища 1240 года Александра Ярославича Невского, в котором отличились шесть храбрых мужей, два из которых были их предками. При Иване Калите уже можно говорить о крупнейшем боярском роде, откуда вышли Федоровы, Бутурлины, Пушкины. В частности, Иван Петрович Федоров по древности рода был соперником даже Ивану Васильевичу,

Л. С. Панина

возводившему себя через Рюрика к самому императору Августу. В 1567 году Грозный велел одеть Федорова в царские бармы, дать скипетр и посадить на трон, затем поклонился ему в ноги и собственноручно зарезал. Опалу Ивана Грозного пережили немногие представители этого рода, но они сохранили свое высокое положение. Борис и Глеб Морозовы были спальниками своего сверстника первого Романова – царя Михаила Федоровича. К 1638 году Борис стал одним из трех самых богатых людей России. После смерти бездетного Бориса в 1662 году его богатства унаследовал младший брат, далеко не бедный человек, который скончался почти сразу. Огромное состояние досталось его сыну – отроку Ивану Глебовичу (по некоторым сведениям ему было 12 лет), а фактически его матери Федосье Прокопьевне Морозовой. Иван Морозов, видимо, скончался вскоре после аре-

ста матери в 1671 году. Подробнее см.: Повесть о боярыне Морозовой. – М., 1979.

¹⁷ Из письма Аввакума Ф. Морозовой, Е. Урусовой и М. Даниловой. Цит. по книге: Карташев А.В. Указ. соч. – С. 167. Ср.: ответ боярыни Морозовой царю из «Повести о боярыне Морозовой»: «яко в вере христианской, в ней же родихся и по апостольским преданиям крестихся, в ней же и умрети» (Повесть о боярыне Морозовой. – С. 132).

¹⁸ В этом году впервые сожглось более 2000 человек, а до 1690 года число погибших в результате самосжигания превысило 20000. См.: Каптерев Н.Ф. Указ. соч. С. 237-238.

¹⁹ Там же. – С. 241.

²⁰ Там же. – С. 139–140.

²¹ Там же. – С. 121.

²² Аввакум. Книга толкований. // Указ. соч. – С. 108–110.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

(на примере пословиц и поговорок русского народа)

*Древние законы, старые обычаи и нравы составляют
самобытность и личность народа в государстве.
Чем они лучше сами по себе, тем более удерживают
достоинства и цены от своей древности и тем благотворнее
действуют на образование нравственной природы.*

И. М. Снегирев

Где добры нравы, там хранятся и уставы.

Русская пословица

Как семейства связываются узами крови, так и государство скрепляется узами веры, закона и народности, которыми выражается жизнь человечества.

Это заметно и в истории нашего государства.

По мнению известного лингвиста, этнографа И. М. Снегирева: «... как судебные

обычаи или способы судопроизводства издревле соединялись с приговорами или мнениями о тяжбах, составляя частное право, утвержденное общим согласием, то впоследствии служили правилами, по которым даже в судах решались разные случаи, и прежде, нежели они преданы были на соблюдение хартиям, в обличении пиитическом, как изречения опыта и разума, они обращались в общенародные пословицы¹.

«Слово «Закон» на славянском языке значит «обычай», который есть способ действия, однажды добровольно принятый и всегда одинаковым образом повторяемый... Почти все древние законы относятся к уголовному праву, а гражданские дела часто решались по старым народным обычаям. Нередко пример умного и справедливого расположения в одном семействе служил правилом для других, а завещания частных лиц были основанием для гражданского права»².

Собрание судебных решений и обрядов, многие из которых сами имеют облик пословиц, пришли к нам из «Русской правды», летописей и законов Владимира Мономаха, «Судебника» царя Иоанна Васильевича, «Уложения» царя Алексея Михайловича, Указов Петра I, «Наказов» Екатерины II и др.

Как уже отмечалось, многие современные пословицы берут начало в истории народной. Пословицы, будучи живыми отголосками старинных обычаев, служили нередко основанием письменных законов или входили в состав оных и донныне те и другие остаются гласными свидетельницами государственной и народной жизни, представительницами существующих судебных обычаев и законов, ибо они

поясняют истории законодательства, судоустройства и судопроизводства, в общественной и семейной жизни служат подтверждением, приговором, свидетельством и примером³.

Целью настоящей статьи является выявление и исследование пословиц и поговорок русского народа о законодательстве и судопроизводстве.

Из многочисленных исторических документов России известно, что каждая волость имела свои правила, а между княжествами было разъединение, следовательно, между жителями было и различие в правах и обычаях. Значит, и в Уставах, и судебных обрядах для разных членов общества были своеобразные различия, обусловленные различными предпосылками. Эти следы отражаются в следующих пословицах, бытующих до сих пор: Что город, то норов, что деревня, то обычай. По тесной связи этих обычаев с нравами и верой народа оправдывается существование следующей пословицы: Обычай не клетка, его не переставишь. Обычай старше закона; Обычай крепче закона; У каждого свой обычай; В каком народе живешь, того и обычая держись. В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Так исстари повелось; Так жили наши деды; Как жили наши отцы и деды, так и нам велели; Не нами заведено, не нами и кончится; Что у людей ведется, то и у нас не минется; Привычка – не рукавичка, не повесишь на спичку.

С ними перекликаются и немецкие пословицы: Обычая не переломишь; Древний обычай крепче письма и печати.

Из истории Государства Российского известно, что удельные князья для управления своими городами издавали указы

и судебные грамоты, которые были кратки и неудовлетворительны, следовательно, судопроизводство часто зависело от произвола судьи. Отсюда, вероятно, и пошли пословицы: Судья, что плотник: что захочет, то и вырубит; Не бойся суда, а бойся судьи; Закон, что дышло: куда повернешь, туда и вышло; Мир не переспоришь; С миром не судись; Мир не судим; На мир суда нет; В миру виноватого не найдешь; Пусть будет так, как народ решит.

Современное российское общество живет по своим законам. Как нам кажется, законы у нас в меру строгие, но справедливые, гуманные. И все же изредка можно слышать жалобы на закон. И это естественно: на всех не угодишь. А чаще жалуются на закон любители обойти его. Это о них говорится в русских пословицах: По законам ходить – много не выходить; О законах разное говорят; Закон – паутина: муха завязнет, шмель проскочит; Где сила, там и закон; Не для каждого закон писан. А еще говорят: Дуракам закон не писан. Не знающий закона не знает и греха. Кое – кому, видимо, удается обойти закон. Поэтому до сих пор не изжили себя некоторые старинные русские пословицы: Там и закон, где судья знаком; Деньгам закон нипочем; Деньги не Бог, а милуют; Сухая ложка рот дерет; Неподмазанное колесо скрипит. Не на высоте бывают и сами блюстители закона. Поэтому до сих пор у нас говорят: Не бойся закона, бойся законника; Не хвались, на суд идучи, хвались, возвращающиеся.

Замечено, что эти выражения могут иметь отношение не только к суду, но и к какому-нибудь спору или вообще борьбе мнений. В этих случаях уместно, по нашему мнению, использование таких по-

словицы, как например, Не всякий прут по закону гнут; Не держись закона, как слепой забора; Строгий закон виноватых творит; Где закон, там и обида; Не было бы законов, не было бы обид; Где закон, там и страх; Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили.

Но все – таки мы убеждены, что: Перед законом все равны; Законы задним числом не пишут.

В старой России сами законы были не очень совершенными, и далеко не все их соблюдали, были любители обойти закон. А чтобы обойти закон, необходимо было строго следовать правилу: Дать на лапу (прост, «дать взятку»; это выражение – неточная калька с франц. *graisser la patte* – букв, «смазать лапу»). Известно, что в средние века во Франции церковь брала большой налог с торговцев свининой. Уклоняясь от уплаты этого налога, торговцы в виде взятки давали в руку сборщикам налога кусок сала или, Дать барашка в бумажке; Позолотить (посеребрить) ручку; Запорошить глаза золотом; Мзда глаза ослепляет; Дары и мудрых ослепляют; А глупого и алчного человека легко купить со всеми потрохами; Законы святы, да законники супостаты.

Как показывает анализ собранного нами паремиологического материала, с самых древних времен в России в судебно-следственных делах особенно изошрялись законотворцы. В этих случаях говорили: В лесу – сучки, в суде – крючки; Без синюхи судьи глухи (синюха – старинная денежная купюра); В суд не ходи с носом, а ходи с приносом; Богатый – с рублем, бедный – с челом (богатый может подкупить, бедный может только просить). Слово чело (устар.) – лоб. По старому обычаю Древней Руси, проситель, обращаясь к кому – либо, падал

перед ним на колени, низко кланяясь, касаясь челом земли или пола. На этой почве, по нашему мнению, и родились пословицы: С сильным не борись, с богатым не судись; Деньги не Бог, а милуют.

Не секрет, что не только судьи брали взятки, Но и всякого рода государственные и должностные чиновники. Об этом свидетельствуют пословицы, дошедшие до нас с самых древних времен: Воеводой быть – без меду не жить. Пчелка, и та взятку берет; Кто в чин вошел лисой, тот в чине станет волком; Будет дахарь, будет и взяхарь; Хочешь жить – умей вертеться; Без поджога и дрова не горят; Осина не горит без керосина; Неподмазанная телега скрипит; Не подмажешь – не поедешь; Сухая ложка рот дерет. Эта пословица первоначально имела отношение только к угощению водкой нужного человека с целью его подкупа. А некоторые не пили с ним вместе водку, а давали ему деньги – на чай⁴.

Много времени прошло с тех пор, как родились эти пословицы. Изменились времена, изменились люди, изменились условия жизни. Но старые пословицы нет – нет, да и вспоминаются в разных случаях жизни. Очень активны и в наше время такие пословицы и поговорки, которые осуждают воровство и бесхозяйственность, приводящее к воровству, некоторые из которых употребляют и ситуациях, не связанных с судом и судебными заседаниями: Не там вор ворует, где много, а где лежит плохо; Плохо лежит – у вора брюхо болит; Что плохо положено, то страхом не огорожено; Поводился (ходит) волк на скотный двор – поднимай городьбу; Подальше положишь – поближе возьмешь; Где правильный учет, там зерно не утечет; В гнилом болоте черти водятся; Не верь козлу в капусте, а волку – в овчарне; Не

пускай козла к капусте, а вора – к колхозному амбару; У семи пастухов овцы – не стадо; Где много пастухов, там овцы дохнут; Где много порядков, так много беспорядков.

Многие пословицы и поговорки имеют значение, которое можно выразить одной пословицей: Вор ворует не для прибыли, а для гибели; Кто радуется неправой прибыли, тот жди гибели; Вор не бывает богат, а бывает горбат; Неправдой богатства не наживешь; Как пришло, так и уйдет; Добытое шаром – даром, уйдет паром; Что силой взято, то не свято; Чужим богат не будешь; На чужое польстился, да насилу своим откупился; Не тычь носа в чужое просо; Чужого не бери и своего не отдавай; Лучше бедность да честность, чем прибыль да позор; Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом.

Еще с древних времен было известно, что «Площадная речь» есть мирское слово, глас народный, и приговор площадных подъячих, осуждающий или оправдывающий, так как площадная или торговая казнь есть торжественное воздаяние преступлению. Когда законом осуждался злодей на казнь, и когда она совершалась, мир приговаривал: По делам вору мука; Сколько вору ни воровать, а тюрьмы не миновать; И с умом воровать – беды не миновать; Сколько веревочке ни виться, а кончику быть; Сколько кувшину по водуни ходить, а голову сломить; Поводился воробушек в конопельку летать, там ему и пропасть; Ловит волк, ловят и волка; Не все коту масленица, настанет и Великий пост; Отойдет коту масленица; Отольются кошке мышканы слезки; Отольются волку овечьи слезки; Отольются медведю коровьи слезы; Ходила лиса курей красть, да попалась в пасть; Не играй, кошка, с угольем – лапку обожжешь; Тюрьма по тебе скучает; Веревка

потебе плачет (заслуживаешь быть повешенным; заслуживаешь быть наказанным; это собственно русское выражение). По мнению В. И. Зимина, связано оно с тем, что при казни через повешение веревку намазывали и с нее стекали капли⁵.

Указанные нами пословицы предупреждают вора о возможности расплаты за содеянное. Из собранного нами материала можно выделить довольно большое количество пословиц о неизбежности наказания, когда преступник уже пойман: Загнали волка в кут, там ему и капут (кут – угол в избе); Таскал волк, потащили и волка; Поймали Настеньку в шубейке красенькой; Потянули к Варваре на расправу (привлекли к ответственности за преступление; Варвара – улица Варварка в Москве, многие годы называлась улицей Степана Разина. Здесь около церкви св. Варвары находился застенек, где допрашивали и пытали преступников, в том числе и политических). Попастъ «к Варваре» было страшно. Это и легло в основу поговорки; Попался, который кусался. Предупреждали его; По ремеслу и промысел, по промыслу и плата; В тюрьму ворота широки, да оттуда узки; Крепка тюрьма, да охотников туда мало; Кто чего заслужил, то и получай; Умел воровать, умей и ответ держать; Любишь смородину, люби и оскомину.

Было время, когда десять лет считалось высшим сроком заключения. И когда преступника присуждали к этому сроку, то говорили, что ему: Дали целую катушку. Таких преступников обычно отправляли на Колыму. По договору с прокурором, потом предельный срок заключения увеличился, и колымчане стали шутить: На Колыме сто рублей не деньги, тысяча верст не расстояние, семьдесят лет не старуха, десять лет не срок.

По разности источников и времени уголовные пословицы иногда противоположны друг другу. Пословица: Всякая вина виновата – у старого начальника и у жестокого судьи, а пословица: Не всякая вина виновата или пословица: Не всякое лыко в строку – у судьи, соединяющего суд с милостью, по коим виноватых прощают, а правых жалуют. Известна и пословица: Третья вина виновата, – ибо первая происходит от ошибки, вторая – от привычки, а третья, достойная наказания, – от закоснения. С ними перекликаются и другие пословицы: Была вина, да прощена; Первый раз прости, а второй – прихворости; Третья вина виновата. Трудно искать виновного среди многих; В миру виновного не сыщешь. В старое время в этих случаях поступали так: наказывали каждого третьего. Для этой цели выстраивали в ряд всех подозреваемых и брали для наказания каждого третьего. В таких случаях тоже говорят: Третья вина виновата. Если наказывали каждого десятого в ряду, то говорили: Десятая вина виновата; Семь бед – один ответ (за все прегрешения и промахи отвечать разом); Не всякая вина виновата; Без вины виноватые; В лесу лес рубят, а в мир щепка летит; За одну вину дважды не наказывают.

Русские традиции предупреждают пословицами, что за совершенные преступления надо отвечать: Умей грешить, умей и каяться; Кто сознался, тот и «покаялся». Признание – половина исправления. За признание – половина наказания; Повинную голову меч не сечет; Лежачего не бьют (того, кто потерпел поражение, больше не трогают; это собственно русское выражение). Первоначально считалось, что это выражение произошло от одного из правил кулачного боя.

Явившегося с повинной характеризуют известные русские пословицы и поговорки, упоминающиеся до сих пор в различной речевой практике: Моя вина; Мой грех; Есть такой грех; Нечего греха таить; Каюсь, как перед богом; Как на духу, всю правду скажу; Моя вина – твой меч; Голову кладу; Руби голову; Не вели казнить, вели миловать; Припадаю к стопам твоим.

А иной провинившийся в этих случаях пытается еще как – то оправдаться: Грех попутал; Нечистый попутал; Бес попутал; Дьявол попутал; Сами грешат, а сваливают на лукавого; Кто богу не грешен, царю не виноват; Кто перед богом не грешен; Один бог без греха.

Как нами уже отмечалось, в условиях царского судебного произвола широко бытовали пословицы: Не бойся закона, бойся законника; Законы святы, да исполнители супостаты; Там и закон, где судья знаком; Закон – дышло: куда повернул, туда и вышло; Сила закона не знает; С сильным не борись, с богатым не судись; Судья прямой, да суд кривой; В лесу – сучки, в суде – крючки; Судья – что плотник: что захочет, то и вырубит; Судит, как бог на душу положит; Из суда, как из пруда, сух не выйдешь; В кармане сухо – и судьи глухи. Нынешние же судьи совсем не похожи на тех, о которых говорится в перечисленных нами пословицах. Но есть случаи, когда можно услышать: Не хвались, на суд идучи, хвались, возвращающийся; С казной не судись; На казну суда нет; С казны взятки гладки; С миром не судись; Мир не судим; На мир суда нет; За малое судиться – себе дороже станет; За малое судиться – большое потеряешь.

Есть и такие правдоискатели, которые судятся с другими порой себе в убыток.

Такой заявляет: Сам наг останусь, а его без рубашки пущу; Займу, да дойму.

Доконаю не мытьем, так катаньем (добьюсь чего – либо не одним, так другим способом. Это собственно русское выражение. Оно возникло в речи прачек, которые стирали белье и катали его на досках и валиках, разглаживая); Пока суд да дело... (пока решается или совершается что – либо, т.е. о длительном, медленном процессе; это собственно русское выражение. Первоначально оно имело значение долго идет суд, судебное разбирательство; Суд да дело – собака съела; Хорошо, когда судья вершит – скорый суд и праведный.

Итак, рассмотренный нами паремнологический материал, а именно около трехсот пословицы и поговорок русского народа о законодательстве, судоустройстве и судопроизводстве в России представляют собой удивительное сходство между собой через повторение мнений одного века в другом, или разительную противоположность суждений одной эпохи и другой, при перемене духа времени, нравов, обычаев и законов.

Л.С. ПАНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах. – Н. Новгород: «Три богатыря», «Братья славяне», 1997 – С. 381.

² Там же: – С. 382.

³ Там же: – С. с. 387, 394, 396.

⁴ Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. М., 2005. – С. 203.

⁵ Там же: – С. 209.

«ЕВРОПЕЙСКОЕ» И «АЗИАТСКОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ В.И. ДАЛЯ

Во второй половине XX в. возобновились привычные для России споры западников и славянофилов (по наблюдениям историков, попыток европеизировать Россию было более десяти), замелькали статьи о Востоке и Западе, о евразийстве. Сомневающиеся в результативности этих споров наши современные философы все чаще стали вспоминать слова П. Чаадаева: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого»¹.

По мнению Д.С. Лихачева, «для России, да и для Европы (Испании, Сербии, Италии, Венгрии), гораздо большее значение имело противостояние Юга и Севера, чем Востока и Запада...»².

О. Манделъштам, размышляя о России и П. Чаадаеве, приводил высказывание русского философа: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер... Это – факт географический»³.

Внимание В.И. Даля к проблеме Запада и Востока, Европы и Азии в оренбургский период жизни и творчества писателя (1833-1841) объясняется двумя причинами: оформлением к 1840 годам в общественной русской жизни культурной

антитезы Запад – Россия и спецификой Оренбургского края, определенной его географическим расположением.

Рассматривая проблему Европы и Азии на примере творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, Ю.М. Лотман отмечал: «Россия мыслится как третья, срединная сущность, расположенная между «старой» Европой и «старым» Востоком. Именно срединность ее культурного (а не только географического) положения позволяет России быть носителем культуры синтеза, в котором должны слиться печоринско-онегинская («европейская») жажда счастья и восточное стремление к «покою». Экстремальным явлениям природы: бурям, грозам, величественным горным пейзажам приходят на смену спокойные, но полные скрытой силы «срединные» образы пейзажей «Родины» и «Любил и я в былые годы...»⁴.

В.И. Даль эту «срединность» России особо остро почувствовал, приехав в 1833 году в силу сложившихся жизненных обстоятельств в Оренбург. Жизнь в далеком от столицы крае, впечатления, полученные Далем во время многочисленных служебных поездок, давали писателю богатейший материал для размышлений о России, ее просторах, столицах и провинции, российских городах. В рассказе «Обмиранье» Даль пишет: «Неисповедимы будущие судьбы Руси, а широко раскинул»

ся материк ее, и много простору обнял один язык, одна речь, один народный язык...»⁵.

В прозе Даля различаются города столичные, губернские, уездные. Обращаясь к антитезе *столица – провинция*, писатель подчеркивает интеллектуальный потенциал последней: «Чем дальше от столиц наших на юг и восток, тем простор становится шире, и еще много, много видится тут умственно впереди...» («Обмиранье»)⁶.

Его «физиологические» очерки и «восточные» повести оренбургского периода отличаются достоверностью деталей и обостренным вниманием к географическим, историческим, этнографическим приметам Оренбургского края. Вспоминая историю края в рассказе «Домик на Водяной улице» из цикла «Серенькая», Даль вкладывает в уста своего героя своеобразное прославление Оренбурга: «Здравствуй, трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!»⁷.

Будучи чиновником особых поручений при оренбургском губернаторе В.А. Перовском, Даль достаточно хорошо знал не только Оренбург, но и другие города края и близлежащих губерний. В его прозе упоминаются Казань, Чебоксары, Уральск, Пермь, Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Пенза, Саратов, Саранск, Красноуфимск и др. Оренбург же привлекает внимание писателя прежде всего географической особенностью – расположением на границе Европы и Азии. Различное понимание этой границы дает основание для ироничных размышлений героя рассказа Даля «Европа и Азия»: «Да где же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно,

оканчивается Европа? Неужели это такая вещь, которая, как бы сказать, покрыта мраком неизвестности, или это, наконец, тайна природы, до которой люди еще не дошли, несмотря на ученость свою... Вот, посмотрите, в одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань полюбовной сделкой передана Азии; в другой, граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей – Уральский хребет и река Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а, следовательно, и Европе...»⁸.

Особенно часто оппозиции *Восток – Запад, азиатское – европейское* встречаются в «оренбургских» повестях писателя «Бикей и Мауляна» и «Майна». В этих произведениях Оренбург изображен Далем европейским городом как антитеза жизни кайсаков. Хотя рассказ о быте и нравах кочевников дан с позиции европейца, в произведениях не проявляется чувства превосходства цивилизованного человека над «дикарями». В «восточной повести» «Майна» Даль так объясняет свои наблюдения: «Народ этот, при всей грубости своего невежества и черствости души или сердца, по нашему образу чувств и мыслей, не лишен природою ни того, ни другого – ни чувств, ни мыслей»⁹.

К приему сопоставления жизни, быта, нравов жителей востока и запада писатель прибегает часто. Сравниваются не только жилища, но и одежда, прическа, украшения. С долей иронии обращается автор-рассказчик к читателям повести: «не знаю, приглянулась ли бы вам моя степная красавица с первого раза, особенно если бы вы пожаловали в зауральскую степь прямо с партера Александринского театра, из фи-

лармонической залы, с пышного придворного бала...». (5, С. 248) Самому же автору облик кайсачки кажется приятным: «свежее, дикое, яркое и смуглое лицо, в котором брови, ресницы, очи, губы и подборные, скатного жемчуга зубы украсили бы любую из московских и питерских красавиц...».

Довольно часто Даль, начиная с сопоставления обычаев, нравов европейцев и азиатов, переходит к анализу жизненных устоев, деятельности властных структур у кайсаков – ханской власти в степи, роли «баранты» в организации правосудия: «Кайсаки до того ненавидят правосудие наше, наши обряды судопроизводства, что предпочитают им всякую домашнюю расправу, лишь бы обвиняемому... не тягаться месяцы и годы, не сидеть, ожидая медленной, томительной переписки, в каком-нибудь гнилом остроге...»; «...суд и расправа всех мусульманских народов основываются на законе, на коране; ...но нигде это не соблюдается менее чем у кайсаков, которые неохотно признают над собою власть, а самоуправство предпочитают всякой иной расправе»¹⁰.

Писателю интересно сопоставление состязаний, игр у разных народов. «Борьба кайсаков и башкиров почти одинакова; но она не походит на борьбу русскую. Под силки не берутся, подножку не любят и не знают; а, закинув друг другу пояс за поясницу, заматывают каждый в него обе руки, упираются один в другого правыми плечами и возятся, что медведи, иногда четверть часа на одном месте... Бухарцы, к слову молвить, борются крайне забавно: они раздеваются и разуваются, выступают полунагие, в одних шароварах, ходят и кружат друг против друга, словно петухи...»¹¹.

Сопоставляя жизнь людей востока и запада, Даль как этнолог отмечает разные способности их в том или ином ремесле, деле. С иронией писатель размышляет о том, что «русские вовсе не ходят с караванами в Среднюю Азию: торговля эта принадлежит исключительно бестолковым, безрасчетливым и безмерно корыстолюбивым мусульманам. Русский изворотлив, сметлив, предприимчив и переимчив у себя, дома; но караванная и морская торговля – не его рука... По всей оренбургской линии нет ни одного почетного торгового дома...»¹².

Внимателен Даль и к поэтическому творчеству восточных народов, видя в нем проявление духовной жизни изображаемых людей. Писатель сопоставляет турецкие, татарские, башкирские и киргизские песни, отмечает, что смысл в них обычно заключен в четвертом стихе. Отличие киргизских песен он видит в том, что киргизы обычно поют «наобум, о том, что у них в глазах: постегивая нагайкой по тебенькам седла своего, покачиваясь взад и вперед, тянет кайсак полчаса сряду плачевным напевом: тау, агач, су, урман, тюз – то есть: гора, дерево, вода, лес, верблюд, доколе ему не взбредет на ум иной предмет или слово»¹³.

В повести «Майна» писатель подчеркивает, что «оседлую жизнь кайсак почитает величайшим бедствием в мире». Даль приводит пример, как степной кайсак «хотел подарить чем-нибудь оренбургского гостя своего и предложил ему кибитку», удивляясь тому, что его гость даже летом живет в доме, а не в кибитке. Продолжение разговора кайсака и оренбуржца звучит анекдотично:

«– И на лето не ставишь кибитки?

– Нет, не ставлю.

– А из дому в дом перебираешься иногда?

– Случается.

– Ну, так возьми верблюда у меня, чтоб было на чем перетаскиваться.»

Эту сценку Даль предваряет размышлением о том, «до какой степени расходятся понятия дикарей, не выдавших никогда нашего образа жизни, с нашими понятиями»¹⁴.

В повести «Бикей и Мауляна» подробно рассказывается об обычае кайсаков просватывать дочерей еще в малолетстве, чтобы получить за них калым («отдать девушку замуж без калыма... почитается... величайшим бесчестием»); об отношениях жениха и невесты (их поведении, встречах, «говорящем» убранстве и особых подарках), своеобразной подготовке жениха к семейной жизни: «Надобно знать, что у киргизов всякий муж должен припасать детскую зыбку вновь, для каждого новорожденного своего, сам; люлька эта выгнута из прутьев, походит на небольшую кукольную койку... Делать зыбку, значит, быть независимым, иметь жену и хозяйство»¹⁵.

В.И. Даль подчеркивает, «как древни бывают иногда обычаи народные», приводя в пример обычай отдавать замуж вдову за брата умершего – обычай, по замечанию писателя, описанный Плано-Карпини, ездившим в 1246 году по приказанию папы через Россию к татарам и монголам.

Не только с художественным, но и часто с научным интересом писатель проследивает происхождение тех или иных обычаев, дает им пояснения: «У кайсаков есть монгольский или калмыцкий обычай, который встречаем также у полукочевых башкиров, но которого не знают другие мусульманские народы, давать имя новорожденному по произволу, с первого встречного предмета или понятия... Имя Исянгильди – в

переводе: добро пожаловать, здорово пришел; Кунак-бай – значит богатый друг, но Джан-Кучук, душа-собака, собачья душа, есть кличка, достойная негодяя...»¹⁶.

Поражает Даля и другой обычай: «Никогда мусульманин не чтит мать свою, не считает обязанностью ей повиноваться: он видит в ней ту же рабыню, то же жалкое существо, созданное для нужды прихотей отца, которое видит и во всех других женщинах»¹⁷.

Далю как лексикографу были интересны языковые особенности разных народов (известно, что в Оренбурге писатель изучал татарский язык и пробовал переводить татарские произведения на русский). В повести «Бикей и Мауляна», рассказывая о Бикее, видящем в степи «мерцающую обманчивой водою даль», писатель размышляет о том, как по-разному называется это явление на разных языках: «...на поэтическом языке древнего Тибета столь выразительно называется жаждою сайги, у арабов сераб, у кайсаков мунар, у французов и русских – мираж, а у – извините – у нашего простолюдина: марево»¹⁸.

Таким образом, в художественном осмыслении Далем «европейского» и «азиатского» превалируют прежде всего два подхода – географический и этнологический, проявляющийся в подробном описании обычаев и нравов народов, проживающих на территории России.

А.Г. ПРОКОФЬЕВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Евразийство: за и против, вчера, сегодня (материалы «круглого стола»). // Вопросы филологии. – 1995. – № 6. – С. 3-48.

² Лихачев Д.С. Культура как целостная среда. //

В. И. Попова

Новый мир. – 1994. – №8. – С. 7.

³ Мандельштам О. Петр Чаадаев.//Мандельштам О. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2 – М., 1990. – С. 187.

⁴ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. Ш. – Таллинн, 1993. – С. 23.

⁵ Даль В.И. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. – Оренбург, 2001. – С. 128.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Там же. С. 294-295.

¹⁰ Там же. С. 103, 117.

¹¹ Там же. С. 246.

¹² Там же. С. 220

¹³ Там же. С. 217.

¹⁴ Там же. С. 294.

¹⁵ Там же. С. 226.

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ Там же. С. 225.

¹⁸ Там же. С. 257.

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНИКА

Образование как один из институтов стратегического развития современного общества должно обеспечить включенность школьника в современные мировые процессы на основе обогащения личности универсальными знаниями, освоения нового типа взаимодействия – поликультурного.

Среди основных составляющих мировой культуры особую роль играют языки современных средств коммуникации, освоение которых позволит человеку ориентироваться в мире, познавать окружающую действительность, проявлять толерантность к другим народам и культурам.

Значимым является включение в содержание современного школьного лингвистического курса национально-культурного компонента и его регионального аспекта.

В связи со сказанным необходимо внимание к регионально ориентированному экстралингвистическому материалу,

раскрывающему природно-климатические, этнографические, культурологические особенности конкретного регионального территориального пространства Российской Федерации, коммуникативного материала, представляющего особенности речевого поведения, выбора языковых средств в географически определенной речевой среде в различных условиях общения.

Систематическое и последовательное предъявление местного материала в сугубо лингвистическом аспекте формирует и углубляет у школьников чувство малой Родины, этнокультуроведческую компетенцию, бережное отношение к языку своего народа и другим языкам народов, населяющих конкретный регион. Востребованным становится языковой материал, отражающий фонетические, лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические и стилистические особенности функционирования языка в регионе.

В современных условиях язык рассматривается не просто как орудие коммуникации и познания, а как культурный код нации, что потребовало разработки элективного курса «Регионоведение» как возможности развития языковой способности старшеклассника в целях осознания себя частью социума, нации, приобщения к национальной культуре посредством языка.

Содержательные доминанты элективного курса «Регионоведение» позволяют учитывать развивающееся языковое взаимодействие, которое проистекает в социолингвистическом плане как взаимодействие разноязычных социумов; в психолингвистическом плане как индивидуальное двуязычие (какой-то части говорящих); на собственно лингвистическом уровне как взаимопроникновение двух самостоятельных (самодостаточных) языковых систем.

Языковая панорама современного мира – не просто мозаика нескольких тысяч языков, это прежде всего отражение политической неоднородности мира, преломляющейся в социальном статусе языков: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по авторитету в своей стране и за ее пределами.

Для осознания школьниками многомерности национально-культурного пространства, особенностей социально-экономических, культурных и образовательных потребностей региона, познания тайн языка в условиях предпрофильной и профильной дифференциации используется междисциплинарный материал по философии и социологии, этнолингвистике и лингвокультурологии.

Регионализация системы образования в современных социально-экономических условиях приобретает все большую значимость, поскольку, с одной стороны, предполагает отказ от унитарной модели образования, а с другой – обогащение единого общероссийского образовательного пространства за счет удовлетворения культурных и образовательных потребностей региона.

В этих целях междисциплинарный элективный курс «Регионоведение» включает изучение сведений о регионе, соотносимых с особенностями преподавания русского языка в многонациональном социуме региона. Основополагающие характеристики элективного курса базируются на ведущих направлениях Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года, Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования, актуальных составляющих духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения средствами русского языка как родного языка русского народа и языка межнационального общения для народов, населяющих данный регион.

Исходными положениями предпрофильной и профильной дифференциации являются: развитие у школьника адекватной оценки собственных возможностей, культивирование творческих начал, умений осознанно выбирать и строить свой жизненный и профессиональный путь, понимание необходимости постоянного саморазвития.

Первый раздел элективного курса «Культурное и природное в языке» раскрывает многоаспектность проблемы языка и культуры. К ней по-разному подойдут

историк и лингвист, философ и психолог, этнограф и литературовед. При этом языковедческий аспект следует рассматривать с позиций взаимодействия языка и культуры. Перед школьниками встают вопросы: как разнообразие культурные процессы влияют на язык? Как язык влияет на культуру? Каково соотношение понятий «язык» и «культура»?

Обращение к языковой ситуации позволяет выявить, что это совокупность языковых образований, то есть языков и вариантов языков (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и других форм существования языка), обслуживающих некоторый социум (этнос и полиэтническую общность) в границах определенного региона, политико-территориального объединения или государства.

На основе коммуникативно-речевых ситуаций, игр, коммуникативных тренингов у школьников формируется системное представление о полиэтническом своеобразии края и его поликультурных особенностях, путях воспитания толерантности, которая выступает как уважение к другой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиции в результате диалога.

Школьниками познаются типологические признаки языковой ситуации, рассматриваемые с позиций социолингвистики: количество языковых образований, составляющих языковую ситуацию (языковое разнообразие); количество этнических языковых образований, составляющих языковую ситуацию (этноязыковое разнообразие); относительная демографическая мощь языков, составляющих языковую ситуацию; относительная коммуникативная мощь

языковых образований, составляющих языковую ситуацию; юридический статус языков; степень генетической близости языков; оценки социумом престижа существующих языков.

Материалы *второго раздела «Речевая деятельность школьника в условиях поликультурного взаимодействия»* способствуют изучению культуросоносной (кумулятивной) функции языка, пополнению культуроведческого тезауруса школьника. Важны знания о том, что Оренбургская область как географический центр России в течение многих веков являлась той точкой, где, по словам Н.А. Бердяева, «смешались и столкнулись два потока мировой истории – восточной и западной». Центральное положение региона обусловило и другое: в нем воплотились наиболее яркие черты пограничной культуры (полиэтничность, поликонфессиональность, веротерпимость, способность к продуктивному диалогу, открытость и т.п.). При этом региональное своеобразие выступает в данном случае как выражение общенациональной специфики.

В сложившихся условиях возникает необходимость поиска новых путей изучения русского языка, направленного на формирование личности, способной свободно ориентироваться в условиях социально-культурной динамики российского общества и мировой интеграции; личности, способной корректировать свое поведение на основе осмысления культурных и языковых кодов.

В свете данного утверждения правомерно говорить о расширяющейся культурной интеграции, в результате которой всякое образовательное пространство становится полилогом культур. Основой

модели познания языка (языков) становятся идеи Всеединства, приоритетности Ценностного отношения к Миру, презумпции Достоинства каждого, Творчества и Со-творчества.

Третий раздел «Национально-культурная специфика речевого поведения» придает дискуссионный характер проблеме соотношения врожденного и приобретенного в речевой деятельности. В соответствии с действующими программами по русскому языку школьник познает в речи ее общее содержание, ее стилевую, функционально-смысловую и жанровую специфику. А как решается конкретная, главная (авторская), принадлежащая отдельному человеку задача высказывания в том или ином речевом целом? Как речь обеспечивает полноту бытия человека, бытия его индивидуальности, неповторимой духовности? Снять уязвимость преподавания русского языка можно посредством изменения ракурса осмысления значимости индивидуально-авторской речи.

Принадлежность индивида к определенному этносу предопределяет возникновение в его психике особых семантико-смысловых феноменов, что обуславливает предрасположенность индивида к характерной, родной для него картины мирозидения, или образа мира.

Межкультурное взаимодействие в ходе языкового общения проявляется в том, что все языки различают говорящего, слушающего и не участвующего в общении. Представители любой культуры нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений.

Воздействие культуры на язык проявляется в своеобразии самого процесса общения в разных культурах, что сказывается на особенностях лексики, грамматики, специфике нормативно-стилистического уклада языка.

Школьники познают модели поведения людей, регулируемые сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях. Каждой социальной роли соответствует определенный тип речевого поведения, свой набор языковых средств.

Четвертый раздел «Слово и обряды, традиции, праздники регионального и российского пространства» включает школьника в освоение традиций и обычаев народов, населяющих Оренбургский край.

Поскольку в структуре российской образовательной системы имеется особый тип учебных заведений, характеризующихся такими отличительными чертами, как билингвальностью (в ряде случаев полилингвальностью) и бикультурностью (поликультурностью), то никак нельзя говорить об унифицированной модели обучения русскому языку.

Особенности полиэтничного и моноэтнического состава обучаемых предполагают обучение русскому языку на разновариантной основе с конечным высоким показателем, равным или превышающим объем показателя федерального образовательного минимума. При этом необходима ориентация на поликультурную основу (поликультурное просвещение), изучение аспектов этноцикла, а также тем «Культура мира»; «Культура региона», «Россиеведение» и др.

Основная задача состоит в формировании полилингвальной толерантной личности, обладающей знаниями собственной национальной культуры, знаниями языка, культуры коренного народа страны проживания, обладающей познаниями в области культур других народов.

Достижение сбалансированности взаимодействия представителей разных культур возможно на основе использования новых концептуальных подходов к формированию поликультурной компетенции школьников в единстве информационного, социально-поведенческого, этического и мировоззренческого компонентов личности.

Поликультурная компетенция – совокупность действий личности, отражающих способность понимать общее и различное между родной и инофонной культурой, переключаться с одной культуры на другую в целях приобретения разнообразного поведенческого репертуара на основе общекультурных и национально-специфических ценностей.

Поликультурная стратегия состоит в том, чтобы школьник научился вступать в контакт с окружающими людьми, поддерживать этот контакт; идентифицировать эмоции другого человека (создание атмосферы доверия); резюмировать (укреплять доверие в межличностных отношениях); проявлять способности к пониманию и интерпретации смысла инокультурных ситуативных действий на основе осознания общих и различных признаков культур. Особую значимость приобретает внеучебная деятельность школьника, позволяющая выйти за рамки урока и наладить речевое общение с представителями разных этносов.

Пятый раздел «Языковые факты и духовная культура» расширяет рамки личностного духовно-нравственного развития школьника.

Несомненно, что переход к профильному обучению представляет собой структурное преобразование, затрагивающее не только проблему выбора профиля обучения, но и создания условий для адекватной оценки школьником собственных возможностей, культивирования в себе творческих начал в целях овладения словом не только в плане культуры речи, но и в осознании языковых фактов сквозь призму духовной культуры.

Необходимость учета духовно-нравственных аспектов изучения языка определяется на основе выявления сущностных характеристик духовного воспитания личности: *целостности* (в рамках образовательной парадигмы могут функционировать и взаимодействовать элементы религиозного и светского миропонимания, расположенные в определенной иерархии); *диалогичности* (диалог человека с самим собой как субъектом построения собственного миропонимания; диалог ценностей, позволяющий соотносить объективную (ценности) и субъективную (смыслы) стороны духовного воспитания); *вариативности* духовного воспитания, его специфика в поликультурных условиях состоит в содержательном наполнении деятельности личности на основе развития представлений о совершенстве красоты в природе, обществе, человеке, искусстве.

Вполне отчетливо осознается, что элективный курс «Регионоведение» является неисчерпаемым ресурсом речевого и культурно-исторического развития лично-

сти. Речь идет о том, что школьнику обеспечивается становление и развитие базовых, родовых способностей, позволяющих быть и отстаивать собственную человечность в отношении к родному языку, родной культуре и культуре других народов.

Соотношение языка – культуры – человека – этноса вызвало к жизни новую парадигму знаний. Это означает, что в современных условиях целью лингвистического анализа уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Следует исходить из того, что язык – многомерное явление: он и система и антисистема, и деятель-

ность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект, и упорядоченное саморегулирующееся явление.

Таким образом, наметившаяся тенденция перехода от идеи специального образования для «разных по культуре» к образованию для всех с включением «культурного параметра»; ориентации «на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» (В.Н. Телия) является основополагающей для современной образовательной системы.

В.И. ПОПОВА

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА СВЕТА В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Познание народной культуры (в том числе и языка) невозможно без выявления его архаичной языческой подосновы, архетипов, сохраненных в памяти носителей языка. В культурных коннотациях, содержащихся в концептуальной структуре фразеологизмов проявляется национальная специфика языка, создающая мифологическую, религиозную и другие картины мира. Мы рассматриваем фразеологизмы с ключевой лексемой свет (с пространственным значением), так как фразеологизмы, являясь категоризаторами пространства в русском национальном сознании, отражают архаичные представления славян об устройстве Вселенной.

В сознании людей прошлого свет противопоставлялся христианскому Богу-

творцу. Праздником этого Света является каждый первый день семидневной недели – воскресенье.

Однако язычники поклонялись не солнцу, а «белому свету», Вселенной. «Для восточных славян единым богом в небесах был **Род**; ему же, вероятно, поклонялись под именем **Света**. Для западных славян божеством «белого света» был **святovit**, имя которого состоит из двух частей: первая (*св*) обозначала и «святость», и «свет», а вторая (*вит*), недостаточно разъясненная лингвистами, сближается иногда с понятиями «радости», «тучности»¹.

Род и Свет тождественны между собой, каждый из них в том или ином источнике сопоставляется с христианским Богом-творцом. Свет столь же всеобъем-

лющ, как и Род. Это сохранилось в русской лексике вплоть до XX в.: «обойти весь белый свет» – обойти всю землю; «попал в белый свет, как в копеечку» (о плохом стрелке) – здесь белый свет понимается как необъятное небо.

Свет отделяется от солнца, солнце лишь субъект света. «Солнце в трипольском спиральном орнаменте (трипольцы – языковые предки славян) было лишь **признаком** неба, но не господином мира. Солнце и луна использовались как измерители и показатели времени»².

Главное внимание здесь уделяется свету, который Бог создал ранее солнца.

Возможно, что этот загадочный свет, отделенный от солнца, выражается позднейшей фразой «*весь белый свет*».

Это, очевидно, тот самый свет, существовавший, по древним представлениям, независимо от солнца (например, в пасмурный день), о котором говорится в Библии при описании первого дня творения.

Вот этот-то свет, не имеющий видимого источника, «неосязаемый и неисповедимый», как эманация божества, творящего мир, и был предметом поклонения средневековых язычников, а следовательно, и объектом обличений церковников. Церковники противопоставили божеству неисповедимого света Иисуса Христа, используя евангельскую фразу: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: «Я – свет миру, кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме» (Евангелие от Иоанна, гл. VIII, с. 12)³.

На этой своеобразной дифференциации – солнце и свет – основан у Достоевского вопрос Смердякова своему учителю Григорию:

Мальчик вдруг усмехнулся.

– Чего ты? – спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков.

– Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел.

Ответить Смердякову лакей Григорий не сумел, так как не догадался объяснить юному скептику, что вопреки Библии в народном понимании существуют отдельно солнце и белый свет, как освещенное небо, вся Вселенная. Это имеет далекую средневековую традицию: «Свет на всю Вселенную есть свет неосязаем, неисповедим, никим же где ся водворяет... Никто же бо может указать образа свету, но токмо видим бывает»⁴.

В современном русском языке существуют две лексемы свет, лексемы-омонимы.

Рассмотрим дефиниции обеих.

Свет¹, -а (-у), м. 1. Лучистая энергия, воспринимаемая глазом, делающая окружающий мир видимым. *Солнечный свет. Ученье – свет, неученье – тьма (перен.). С. правды (перен.), Лицо осветилось внутренним светом (перен.).* **2.** Тот или иной источник освещения. *Принести с. (лампу, свечу). Зажечь с. Подойти поближе к свету. На свету (при свете, при освещении). Стать против света, Посмотреть что-н. на с. При дневном свете. При свете луны.* **3.** Рассвет, восход солнца (употр. в некоторых разг. выражениях) *До свету (перед рассветом). Ни с. ни заря (очень рано). Чуть свет (едва начало рассветать).* **4.** Употр. как ласкательное обращение (устар.). *С. ты мой ясный!*⁵.

Далее в словарной статье приводятся фразеологизмы с лексемой *свет 1*. См.: **в два света** – с расположенными друг над другом двумя рядами окон. *Зал в два света*. **В свете чего** – с точки зрения чего-нибудь. *В свете последних данных*. **В свете** *каком* (видеть, представлять и т.п.) – в том или ином виде. *Представить что-н. в мрачном свете*. **Пролить** или **бросить свет на что** (книжн.) – разъясняя, сделать понятным, ясным. **Только и свету в окошке, что...** (разг.) – только это и радует. *Только и свету в окошке, что дочка.* // ласк. **светик**, – а, м. (к 4 знач.)⁶.

Свет² -а (-у), м. 1. Земля, мир, вселенная, а также люди, населяющие землю. *Путешествие вокруг света*. *Хорошо жить на свете*. *Произвести на свет* (родить). *Явиться на свет или увидеть с.* (родиться, возникнуть, осуществиться). *С. не без добрых людей* (посл.). *Сжить со света* (погубить). *Нет на свете кого-н.* (умер). *Белый свет не мил* (ничто не радует, не веселит; разг.). *Браниться на чем свет стоит* (очень сильно, не стесняясь в выражениях; разг.). *Ни за что на свете* (ни в каком случае). *Тот свет* (у суеверных людей: загробное существование). *Отправить на тот с.* (убить). *Всему свету известно* (всем известно). *Выпустить или издать в с.* (опубликовать, издать). **2.** В буржуазно– дворянском обществе: круг лиц, принадлежащих к привилегированным классам (устар.). *Высший или большой с.* *Выезжать в с.* *Вывозить в с.* *Вращаться в высшем свете*. *Не ближний свет* (разг.) – далеко, не близко. *Ехать туда – не ближний свет*⁷.

Специфика взаимоотношения омонимов свет 1 и свет 2 обусловлена тем, что они возникли в результате распада полисемичного слова. Исходным значением

лексемы свет 2 («мир, вселенная») – см., например, фразеологизм *белый свет*, – по данным историков языка, было значение «яркий дневной свет», которое позднее получило пространственное значение. «Такому переосмыслению способствовало мифологическое противопоставление «этого» света, т. е. светлого, солнечного мира живых, «тому» свету – темному царству мертвых»⁸.

Характерны в этом отношении следующие два примера. См.:

*Как со вечера приказ отдан был,
Со полуночи ружья чищены,
Ко белу свету в поход пошли*⁹.

*Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка:
Ясны очи – соколиные –
Не хотят смотреть на белый свет.*

(А.В. Кольцов. Тоска по воле)

В первом примере выражение *белый свет*, скорее всего, употреблено в значении – «лучистая энергия, освещающая собой все вокруг» или «светлое время дня» (ср.: *утром в поход пошли*). Во втором – однозначная интерпретация вряд ли возможна. Какой свет имеется в виду – «лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающее» или «мир, земля, вселенная»? Вероятнее всего, имеются в виду оба значения. В.М. Мокиенко указывает, что в данном обороте сопрягается синкретизм значений не только лексем *свет*, но и лексем *белый*. Ученый пишет: «Первоначально белый свет был своеобразным семантическим дублетом – «маслом масляным», что усиливало выразительность сочетания. Древние тексты показывают, что белый и свет давно связались воедино: в Остро-

мировом Евангелии (1056 г.), например, белые церковные одеяния сравниваются с белым светом»¹⁰.

Совмещение двух значений омонимов свет сохраняется еще в некоторых пословицах. См.: *Свет бел, да люди черны*. Здесь, вероятно, имеется в виду и «яркий дневной свет», и «мир, земля, люди, все, что есть вокруг». См. также: *Света белого не видеть*, т. е. «не знать покоя и отдыха из-за непосильной работы», «мучительно страдать от нестерпимой боли, болезни или горя». С одной стороны, человек за работой не замечает светлого дня, а с другой стороны, страдая, не видит ничего вокруг, т. к. ему *белый свет не мил* из-за сильной боли, болезни, переживаний.

Рассмотрим фразеологизм **белый свет** и его лексико-грамматические варианты (*от*) **белого света** / *по (всему) белому (белу) свету* / (*на*) (*весь*) **белый (белой) свет** / (*с, со*) (*всем*) **белым светом** / *на (сем), (всем) белом свете* / *как белый свет*.

Значение данного фразеологизма – «Земля, земной мир; человеческое общество» (Тихонов 2004, т. 2: 303).

Частотность употребления данного фразеологизма обусловлена тем, что он входит в число т.н. фольклорных универсалий (ср.: *белый свет, ясный сокол, красна девица* и др.) и широко используется как в устном народном творчестве, так и в поэзии.

Лингвокультурологическая справка

Как отмечалось выше, слово *свет* у славян уже в глубокой древности имело и пространственное значение – «окружающий мир, вселенная», «земля». Именно в этом ключе было переосмыслено и перво-

начально «световое» сочетание *белый свет* всеми восточными славянами. См.: *Без правды жить – с бела света бежать; Не мил и белый свет, коли милого нет* (посл.)¹¹.

В образовании оборота немалую роль сыграла и символика белого цвета в русском языке. Она была положительной (в отличие от черного – этот цвет имел отрицательную символику). У многих народов отношение к белому и черному цвету сходно. И это нетрудно понять: белый цвет – цвет дня, черный – ночи. Отсюда и ассоциации белого цвета с добром, а черного – со злом.

Положительными тонами окрашен, как правило, оборот *белый свет* «земля со всем существующим на ней, мир, вселенная». Противопоставленность белого и черного встречаем в пословицах: *Белая деньга про черный день; Рыло черно, да совесть бела; Свет бел, да люди черны*. Цвет издавна вызывал у человека различные чувства. Это казалось необъяснимым, и тогда цвет начал символизироваться, ему стали придавать магические свойства. Как указывает Ю.А. Гвоздарев, «большинство прилагательных, называющих цвета спектра, образовались в нашем языке давно, в XI–XII вв., и уже в развитии получили свои символические значения, а иногда и несколько значений»¹². Известно, что красный и белый цвет были любимыми цветами одежды русских с давних пор. В современной науке принято делить все цвета на две основные группы: ахроматические и хроматические. Термины эти идут от греческого слова *chroma*, т.е. краска, цвет. Ахроматические – это не имеющие собственно «цветовых» признаков: черный, белый, серый. Их скорее нужно было

бы назвать «световыми», поскольку они называют степень освещенности. К хроматическим относят наименования основных цветов спектра. Таким образом, белый цвет и белый свет – понятия смежные.

Слово *белый* входит в состав большого количества фразеологизмов (по нашим подсчетам, в состав 30). В ряде случаев оно отчасти сохраняет свое «цветовое» значение. Ср.: *белый хлеб*, *белая ночь*. Но сохраняет далеко не всегда (ср.: *белый гриб* – «хороший, лучший», прилагательное содержит положительную оценку; *белое мясо* – значит «диетическое, полезное, хорошее», также присутствует положительная оценочность). В некоторых фразеологизмах прилагательное *белый* утратило положительный оценочный компонент. Ср.: *белая кость* – отрицательное отношение к людям, которые считают себя «лучшей породой», *белое пятно* – «нечто неизученное, непонятое; недостаток, изъян, пробел»; *белый террор* – в устах «красных», идейных противников «белых», отрицательная оценка контрреволюционных сил.

Отметим также несколько выражений, в которых белый значит «чистый»: *белая изба*, *белая баня*, *белая работа*. В них содержится положительная оценочность, однако в других случаях прилагательное белый имеет уже отрицательную оценочность. См.: *Белые ручки чужие труды любя*; *белоручка* (о человеке, не любящем трудиться) и др.

Архетипическим можно считать понимание *белого света*, как мира, вселенной и людей, населяющих ее, как «этого» света, мира живых и потому «хорошего», «светлого» – о с в е т е н н о г о – мира в отличие от света «того», темного мира м е р т в ы х.

Фразеологизмы, включающие компонент *свет (белый, божий, этот)*, противопоставлены фразеологизму *тот свет* и его лексико-грамматическим вариантам *на том свете / на тот свет / с того света*.

Тот свет – это воображаемый загробный мир, место пребывания душ умерших людей¹³.

Лингвокультурологическая справка

У восточных славян часто говорят, что кто-либо собирается в дорогу, имея в виду его скорую смерть. Конечный пункт пути обычно определяется как дом: умирающий собирается *домой / до дома (у)*. «Целью пути может быть также встреча со своими ранее умершими близкими, присоединение к сонму прародителей, о чем говорится в таких выражениях: пошел до дедов, пошел до своих, пошел до своего рода и т.д.»¹⁴. Христианизированный вариант подобных верований отражен во фразеологизмах типа *отправился к Богу на небеса*, *на тот свет собрался* (т.е. предполагается движение души по вертикальной линии – от мертвого тела к небесной высоте, не телесное объяснение – путь в недра земли). Этнография констатирует обилие разнообразных, порой взаимоисключающих представлений о загробном мире, который мыслится то мрачной преисподнею вроде греческого Аида, то светлой обителью скандинавской Валгаллы. Иногда этнографы фиксируют у одного и того же народа представление о двух разных загробных мирах: «Один для вождей и знати, другой – для простого народа... Чаще всего верят, что души вождей идут на небо, а души простых – в подземный или подводный мир»¹⁵. Учение о рае и аде обнаруживается во всех религиях.

В откровении от Иоанна описываются видения последнего, окончательного суда над мертвыми («страшный суд») и Нового Рая, где течет река жизни. Христиане, как и мусульмане, верят, что души мертвых спят в могилах в ожидании будущего открывания рая и ада. Иные же христиане придерживаются взглядов, навеянных противоположной традицией: после смерти каждая личность тотчас же попадает в уготованное ей место в раю или аду. «И увидел я, – говорит Иоанн Богослов, – престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и руку свою. Они ожили и царствовали со Христом 1000 лет»¹⁶. Древние евреи полагали, что тех, кто совершил тяжелые преступления, может поглотить земля, и тогда они нисходят в шеол (т.е. в преисподнюю) живыми, в отношении таких людей в псалме говорится: «Да найдет на них смерть, да сойдут они живыми в ад, ибо злодейство в жилищах их, посреди их»¹⁷.

Примеры современного употребления данного фразеологизма показывают, что тот свет – это нечто таинственное, загадочное, непостижимое. См.: «Тот мрак зовется светом / «Тот свет, – твердят, – тот свет», / А там...» (Л. Миллер. Тот свет); «Что это за «тот свет», / о котором столько поверий?» (В. Личутин. Душа неизъяснимая).

Пытаясь справиться со страхом перед этим таинственным, загадочным местом, откуда никто не возвращался, люди стараются «приземлить» это понятие. Придавая понятию *тот свет* бытовое осмысление, люди иронизируют, шутят и таким образом справляются со страхом. Так по-

являются «билеты» на тот свет, а также, «паспорта», «отпуска», «очередность» и т.п. Например: «Баба Прося обводит товарок внимательным взглядом, будто проверяет очередность на тот свет» (В. Личутин. Душа неизъяснимая); «Отпуск на тот свет» (название романа А. и С. Литвиновых).

Таким образом, многие фразеологические единицы связаны с архетипами, мифологемами и национально-культурными эталонами. Мифологемы и архетипы корректируют, по выражению В.А. Масловой, «современное функционирование фразеологических единиц, отражая то, что сохранено в сокровенных глубинах слова и сознания»¹⁸.

Н.И. ПИРМАНОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: София, Гелиос, 2002. – С.444-445.

² Там же. С. 191.

³ Там же. С. 439

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С.701.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. / А.К. Бирих, В.Н. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.

⁹ Цит. по: Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – С. 333.

¹⁰ Там же. С. 333-334

¹¹ Пословицы русского народа. /Сборник В. Даля. В 2 тт. – М.: «Художественная литература», 1989, Т.1. – С.157)

¹² Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. /Кн. для внеклас. чтения уч-ся ст. кл. – М.: Просвещение, 1988. – С.100.

¹³ Фразеологический словарь русского языка. /Под ред. проф. А.Н. Тихонова /справочное издание в 2 тт. Т.2. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 304.

¹⁴ Толстая С.М. Славянские представления о смерти. //Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 232.

¹⁵ Токарев Г.В. Дискурсивные лики: монография. – Тула, 2004. – С. 203–204; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 266)

¹⁶ Толковая Библия: В 3 тт./Под ред. А.П. Лопухина. – Стокгольм, 1987. – С.599.

¹⁷ Цит. по: Православная энциклопедия./Под ред. А.Р. Фокина и др. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997, т. 1. – С. 274–275.

¹⁸ Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высш. уч. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2004. – С. 87.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ ОРЕНБУРЖЬЯ

В науке о художественной литературе существует термин «интертекстуальность». Он обозначает, что в текстах одного или разных авторов (и из различных эпох, и из различных стран) присутствует тождество: в теме, в идее, в сюжете, в образах, в именах персонажей, в заголовках и т.д.

Особенно наглядно интертекстуальность проявляется в тех случаях, когда авторы в своих текстах используют строки из произведений других авторов – без изменения или измененные каким-либо способом.

Наш анализ стихотворений оренбургских авторов позволил сделать вывод о том, что богатейшее наследство русской литературы находит отражение в произведениях поэтов Оренбуржья, причем способы введения в свой текст чужого текста разнообразны.

Целые, нетрансформированные цитаты были отмечены в произведениях многих оренбургских поэтов.

Вал. Кузнецов включает слова Г.Р. Державина – «Сказал: / – «Я царь – я раб – я червь – я Бог», / Как будто рвался за предел земного, / Чтоб и в грядущей суете эпох / Его блистало огненное слово».

Пушкинские строки нам встретились у И. Бехтерева – «Вот идешь – бежишь, вернее, / Кроет буря мглою, не видать не зги! / Шаг шагнул – и землю носом роешь, / Ладно, хоть не вышибло мозги!»; у И. Елина – «Печаль моя светла, / Как тусклый день осенний...»; у Ю. Чиковой – «Умчались прочь в небытие / Чепцы, гаданья, букли, няни... / Все изменилось на земле – / Не изменились лишь желанья... / И ручку (выскользнет – боясь) / Сжимаю в кулаке до боли... / Отбросив сонм банальных фраз, / Я вам пишу... Чего же боле?!» и др.

Лермонтовские строки отмечены у А. Мирошниченко – «Старик, я слышал много раз, / Что ты меня от смерти спас...» – / Поет и плачет мать сейчас, / Как будто это все про

нас» и у Т. Шабарениной – «Ходит в обнимку со мною ирония / И нарушает мирскую гармонию, / И на макушку бросают мне пряники / «Тучки небесные – вечные странники». / Веку окраины морда набитая: / «Зависть ли тайная, злоба ль открытая...».

И. Лысцов цитирует Ф.И. Тютчева – «Как солнце в небе не присвоить, / Как небо не прибрать к рукам, / Так и Россию – мира совесть – / Не одолеть ее врагам! / В нее, укутанную в дебри, / В нее, одетую в металл, / Возможно в мире только верить / Всем, кто идет и кто устал».

В.Я. Брюсов цитируется А. Ивановым-Огарышем – «Уходя, уходи! / Поскорей уноси свои дроги! / О, закрой свои бледные ноги! / Впрочем, нет, погоди...».

П. Правдин пишет: «Мне хочется крикнуть, как Белый: / «Рассейся, Россия моя!» / И чудится конь гордый, белый / Средь жуткого черного дня».

Строки Б.Л. Пастернака находим у А. Цирильсона – «Какое странное желанье / Узнать. Пустые все старанья, / Когда на все один ответ: / Цель творчества – самоотдача. / И только так и не иначе. / И нет иного мнения, нет».

У С. Симкина читаем: «В оба уха мне влетает / Только Бродского строка: / Никогда никто не знает / Ничего наверняка...».

Приведенные контексты убедительно показывают, что, цитируя кого-либо, автор либо обозначает тему своего текста, либо подтверждает какую-то свою мысль, либо расцветивает содержание, либо создает второй план текста.

Некоторые цитаты использованы в одном автором.

Так, строка из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа» отмечена нами у А. Бурцева – «И облака над городом моим, / И в нем

живущий старый мой приятель – / Отечества благословенный дым, / Который нам и сладок, и приятен» и у Вал. Кузнецова – «Его стихи (Державина – Л.И.) переживут века, – / Неужто нам язык его невнятен, / Где храмом стала и одна строка: / «Отечества и дым нам сладок и приятен».

Фразу А.С. Пушкина «Иных уж нет, а те – далече» включили в свои стихи Н. Емельянова – «Как жаль, что здесь, на склоне лет, / Нам не сойтись на «вече»: / Как говорят, иных уж нет, / А прочие – далече» и А. Фурсов – «...Одиночество скучней/ Без близких, дорогих когда-то. / Иных, наверное, уж нет, / Других затерян где-то след, – / Быть может, странствуют далече».

Необходимо отметить, что не всегда строки цитируемого автора оренбургские поэты включают в свои произведения в абсолютно точном виде: эти строки модифицируются различными путями. Если у М.Ю. Лермонтова «Бойцы вспоминают минувшие дни», то у И. Елина читаем: «Спят сады. / Сонно щурятся скверы. / На них – / На солнышке или в тени / Уважаемые / Пенсионеры / Вспоминают минувшие дни».

Если у Н.А. Некрасова «Не ветер бушует над бором, / Не с гор побежали ручьи – / Мороз-воевода дозором / Обходит владенья свои», то у В. Напольнова «По снежным и светлым просторам / В пылу новогодней любви / Мороз-воевода дозором / Пошел во владенья свои».

Если у того же Н.А. Некрасова читаем, что «Есть женщины в русских селеньях / С спокойною важностью лиц, / С красивой силой в движениях, / С походкой, со взглядом цариц... / В игре ее конный не словит, / В беде не сробеет – спасет: / Коня на скаку

остановит, / В горящую избу войдет», то у С. Бурдыгина – несколько другие слова: «Есть женщины в русских селеньях. / Их голос спокоен и тих. / В партийных и прочих движеньях / Немного встречается их... / Быть может, судьба уготовит – / Она нас одна и спасет: / И цены она остановит, / И с миром в парламент войдет...».

Если у А.А. Блока есть строки «И снова – бой! / Покой нам только снится», то у И. Елина встретился такой текст: «...враг между тем / Подступает к границе, / В свинцовых зарницах / Рождается ад – / И вот уж покой ему / Разве что снится: / Пора торопиться, / За дело, солдат!». У А. Цирильсона блоковские строки еще более видоизменены: «Настанет вечер / Когда-нибудь. Так почему же / Для нас с тобой / Покой стал нужен, / А снится бой? / Взмахнем крылами! / Не может быть, / Чтоб над телами / Душой не взмыть!».

У Е.А. Евтушенко известными являются строки «Идут белые снеги, / Как по нитке скользя...» / Жить и жить бы на свете, / Да, наверно, нельзя», а у Ю. Селиверстова мы отметили такую их модификацию: «Все мои ближние, / Все мои дальние / Годы стекла, / Как по нитке скользя...».

Как можно заметить, авторская трансформация цитируемых строк часто связана со сменой жизненных ситуаций – общественных или личных.

В качестве примечания нужно отметить, что не всегда другой автор в стихотворениях оренбуржцев представлен целым предложением, есть контексты только со словосочетаниями, но известными, «классическими». Так, А.С. Пушкина можно услышать в таких текстах: «Стою на вершине. Любуюсь горами. / Кавказ пре- до мною» и сзади Кавказ» (А. Вырвич); «А

грядет двадцатый век, / Празднословный и лукавый, / По числу кровавых вех / Самый, может быть, кровавый» (В. Одноралов); «Грохочут в мире снова пушки, / И цель, как прежде, не видна. / «Вчера», давно уже забыто, / А «завтра» – мутно и темно, / И у разбитого корыта, / Как ни крути, мы все одно...» (Г. Толочков); «...Почему же / Войны и пожары / Все ближе, ближе / К нашему жилью / И снова неразумные / Хазары / Все тянутся / Не к своему жилью (Л. Чернова)».

Лермонтовские образы видим в тексте А. Фурсова: «...И мыслью щедрой плодovitая, / И устремленная вперед – / Все та – родная и «немытая», / Страна рабов, страна господ».

Строки Н.А. Некрасова использовал П. Рыков: «И вновь просил он (хан – Л.И.) знак небесный дать / У своего воинственного бога, / Что будет вечно Русью обладать, / Такой обильной и такой убогой».

Переключкой со стихами В.В. Маяковского «Поэзия – та же добыча радия: / В грамм – добыча, в год – труды» выступает произведение В. Филатова «Поэту»: «Не думай: вдохновенье – рядом, / И рифму не возьмешь с куста. / Не трать словесного заряда, / Когда душа твоя пуста. / Стих не согнешь за шутки ради, / Не испытай душевных мук, / Добудешь с кровью этот «радий», / Когда за словом – сердца стук».

Нередко оренбургские авторы используют строки предшественников по ремеслу в качестве эпиграфа к своим произведениям.

Так, строки А.С. Пушкина отмечены нами у В. Ерофеевой – «На свете счастья нет, / Но есть покой и воля»; «Поэзия должна быть глуповатой»; у Е. Курдакова – «Дар напрасный, дар случайный...»;

у В. Курушкина – «Мороз и солнце!..»; И. Малова – «Чернильница моя...»; у В. Рузавиной – «Вот стих, который хромает»; у А. Тепляшина – «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»; у В. Флейшера – «И лучше выдумать не мог...»; у Л. Эсауловой – «Слышу умолкнувший звук».

Строки Ф.И. Тютчева использовали как эпиграф Г. Красников – «Умом Россию не понять...»; А. Тепляшин – «О смертной мысли водомет...».

Державинские строки «О домовитая ласточка! / О малосизая птичка! / Грудь красnobела, касаточка. / Летняя гостья, певичка!» находятся перед стихотворением Н. Кожевниковой.

В. Рузавина эпиграфом делает строки А.К. Толстого «Мою любовь, широкую, как море, / Вместить не могут жизни берега»; З. Гиппиус – «Мое единое отечество, / Моя пустынная душа...»; Н. Гумилева – «Как птицу подбитую, / Березу подрытую...».

Гумилевские строки использует и В. Абрамова – «Ты плачешь? Послушай... далеко на озере Чад / Изысканный бродит жираф».

В. Логвинов цитирует в качестве эпиграфа стихи И.А. Бунина «Вечно лишь то, что связует незримую связью / Душу и сердце живых с темной душою могил».

Тексты С.А. Есенина представлены у Н. Емельяновой – «Так мало пройдено дорог, / Так много сделано ошибок»; у В. Курушкина – «Сыплет черемуха снегом...».

В.В. Маяковский цитируется В. Флейшером – «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»; А.А. Ахматова – Н. Емельяновой – «Но ложимся в нее и становимся ею. / Оттого и зовем так привычно – своею»; Б.Л. Пастернак – В. Макуровым – «Без родовспомогательницы, во мраке, без

памяти. / На ночь натываясь руками, Урала / Твердыня орала, падая замертво, / В мученьях ослепшая, утро рожала»; у В. Флейшера – «Быть знаменитым – некрасиво»; у А. Цирильсона – «Цель творчества – самоотдача».

Строки Н. Рубцова выступают в качестве эпиграфа у Вал. Кузнецова – «...пускай не ужас допотопный, / Но поклонение себе»; у В. Овчинниковой – «...И потому на память обо мне / Возьми вот эти скромные цветы»; у А. Цирильсона – «Я умру в кременские морозы...».

Есть также у нас факты использования строк из произведений Л. Мартынова, С. Орлова, Арс. Межирова, С. Острового, В. Рецептера, Ю. Кузнецова, Е. Евтушенко, О. Газманова.

К средствам выражения интертекстуальности ученые относят и включение в авторский текст фамилий, имен людей культуры своей страны или мировой культуры.

Естественно, что чаще всего в стихах оренбургские поэты упоминают «наше всё» – А.С. Пушкина: М. Клипиницер «Венок»; Г. Коняхин «...хоть мне до Пушкина, как грешнику до Бога...»; Г. Красников «Пушкин, 1999 год»; Вал. Кузнецов «Жена поэта»; И. Малов «Лицея зимнее окно» – и «Поэт в пути»; Л. Чернова «России быть, доколе Пушкин жив...»; Л. Эсаулова «С лебединого стана кричите...» и др.

Часто обращаются поэты и к С.А. Есенину: В. Гайлин «Я видел сон...»; Р. Пудовкин «Нарядилась в золото береза...»; Е. Курдаков «Снова вспомнился Есенин...»; В. Филатов «Березы – мрамора колонны нерукотворных стен дворцов...»; А. Фурсов «...Из степной глуши, но где-то близко за спиной...».

А.А. Блок упомянут А. Тепляшиным в стихотворении «Юбилейное», М.И. Цветаева – в стихе Г. Иванищевой «Устав от суеты газетного творенья...», А. Барто и С. Щипачев – в стихе Е. Курдакова «Март» и др.

Внимание поэтов Оренбуржья к русской литературе проявляется и в том, что свои стихи они посвящают предшественникам, их творчеству, например:

И. Елин – «Навеяно Пушкиным»;

В. Одноралов – «Пушкину»;

П. Юлаев – «Памяти Н. Гумилева»;

В. Бакулин, И. Богряков, О. Зеленая, Г. Иванищева – «Марине Цветаевой»;

Т. Антоненко – «Подражая Маяковскому»;

И. Елин – «Маяковскому»;

В. Бакулин – «Осипу Манделштаму»;

В. Ерофеева – «Памяти Николая Рубцова»;

В. Одноралов – «Рубцову» и др.

Еще один путь проявления интертекстуальности – это включение в авторский текст персонажей из произведений другого автора.

М. Артищев пишет, как И.А. Крылов, басню «Муравей и Стрекоза», помещая своих героев уже в нашу эпоху, в которой «обиженная Стрекоза» «по начальству полетела / Да так всех обвести сумела, / Что вскоре Муравью пришел приказ / Со Стрекозю разделить запас».

В. Лаушкин также обращается к творчеству И.А. Крылова и пишет, например, такие басни: «Слон и Моська» – «Моська в герои опять норовит, / Снова облает, кого пожелает. / Слон добродушен, умом

даровит, / Он не собака – на встречах не лает»; «Волк и Ягненок» – «Не страшно бляенье Ягненка. / Не хочет взять себе он в толк, / Что у него не та силенка, / Что он Ягненок, а не Волк».

Н. Гаврилин написал балладу «Красавица, дочь капитана», где сообщается, что «в станице быть должна девица, / И она – цветок всего романа, что «И царю служенье, и Отчизне / Не заменит близкой сердцу строчки. / Интерес всей повести о жизни, / Несомненно, в капитанской дочке».

Вал. Кузнецов пишет большое стихотворение «Капитанская дочка», делая попытку описать прообраз героини повести А.С. Пушкина.

Интересным по подаче материала является также произведение В. Одноралова «Гринев – Пушкину».

У П. Переплетчикова встретились такие строки: «Мчатся в белой неге, / Всю деревню замело... / Будто пушкинский Онегин / Посетил мое село».

Ю. Чикова пишет: «Устав любить на расстояние, / Я побеждаю на листке / Мучительный запрет признанья. / И мелко пальчики дрожат, / Неслушник-почерк будто пьяный, / И вновь сквозь поколений ряд – / Смятенье пушкинской Татьяны».

Освещенный материал подтверждает мысль исследователей, изучающих произведения художественной литературы, что интертекстуальность многообразна и широко распространена.

Л.В. ИВАНОВА

ФЕНОМЕН РЕЧЕВОЙ МАСКИ В РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Человек может быть вполне самим собою только пока он один, так как общество прежде всего требует взаимного приспособления.

А. Шопенгауэр

Возникнув на основе материальной деятельности, общение превратилось в особую социальную форму активности, особую деятельность, предметом которой являются отношения между индивидами. В условиях общения осуществляется познание не только другого, но и собственного «Я». В процессе самосознания происходит оценка имеющихся в наличии качеств и свойств, и нередко при этом возникает потребность внесения корректив в образ собственного «Я» и предъявления желаемых или требуемых качеств и свойств.

В теории риторики и социопсихологии называются и описываются два механизма самоподачи – Ethos и Persona, каждый из которых коррелирует с понятием «личность», а между собой вступают в отношения дополнительной дистрибуции. Ethos направлен на установление контакта, основанного на идее сотрудничества, при котором «другой» воспринимается как партнер, а «Я» предъявляет свои сущностные, истинные характеристики. Persona же – это продукт адаптации, осознанная, целенаправленная самоподача, когда собеседник по сути оказывается мишенью воздействия. Persona моделирует роль, которая может претерпевать трансформацию вместе с изменением риторической ситуации, компонентами которой являются аудитория, время

и место, а также в зависимости от индивидуальных способностей, набора присущих психологических характеристик и нравственных установок. Исполнение и атрибутика роли соответствуют сознательным намерениям, отвечают требованиям и представлениям социальной среды и вследствие этого помогают ее исполнителю занять необходимую или желаемую позицию.

Термин «роль» активно используется социологами и социопсихологами. По определению Л.П. Крысина, роль – это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением в некоторой социальной группе и в некоторой ситуации общения¹.

Набор ролей, свойственных личности и освоенных ею в процессе социализации, «набор исполнительских красок», а также комплекс убеждений и интересов определяют ее индивидуальность и неповторимость. В психологии совокупность свойственных, усвоенных и присвоенных индивидом ролей называется ролевым веером. В каждый отдельно взятый момент полностью оказываются развернутыми только некоторые звенья этого веера, другие же в это время едва виднеются, выступая один из-за другого, а третьи скрыты совсем. Те части веера, которые видны сиюминутно, представляют

собой актуальную роль. Таким образом, актуальная роль – это то, каким человек выглядит или позволяет себе выглядеть в данный момент. Как правило, она представлена не единственной ролью, а некой совокупностью одновременно исполняемых ролей, одна из которых оказывается доминирующей. М. Апинян вслед за Н.Н. Евреиновым пишет, что «каждый человек дает ежедневный сеанс одновременной игры, всю жизнь играя роли, добровольные или вынужденно взятые им на себя»².

Каждая социальная роль подобна айсбергу. Она состоит из двух составляющих ее частей: первая – основная или базовая – представляет собой некий инвариант роли, а вторая – факультативная, обычно скрытая, актуализирующаяся при малейшем изменении ситуации или тональности общения. Интересный пример этому мы находим у В. Леви, который в структуре социальной роли учителя выявляет неограниченное количество вспомогательных, скрытых, неявных ролей, границы которых колеблются от «кумира» до «тирана», от «просветителя» до «шута», от «судьи» до «воспитателя» и «дрессировщика», от «проповедника» до «консультанта». В качестве промежуточных называются такие роли, как «оратор», «наблюдатель», «товарищ», «нянька», «советник», «организатор», «контролер» и т.д.³ Каждая разновидность доминантной роли учителя исполняется с использованием средств различных функциональных стилей – научного (его учебного подстиля – по терминологии А.К. Михальской) – при объяснении урока; публицистического – при выступлении на школьном собрании; обиходно-бытового – при разговоре с учащимся не на учебные

темы; реже официально-делового – при общении с администрацией, отдельными учащимися и их родителями.

Однако во всех случаях говорящий не выходит (точнее, не должен выходить) за рамки социальной роли «учителя», оставаясь «в образе» на всем протяжении ее исполнения. В противном случае возможны коммуникативные сбои такой силы, которые способны привести к созданию острейших конфликтных ситуаций вплоть до разрушения отношений между индивидами.

Представление о типичном и нормативном исполнении той или иной роли в сознании членов общества складывается в стереотипы, отмечают исследователи, и поэтому, если индивид хочет, чтобы его воспринимали соответствующим образом, он должен так или иначе обозначить себя, предъявив опознавательные знаки, и тем самым дать сигнал к определенному типу общения. Наблюдения, сделанные рядом таких ученых, как И.А. Бодуэн де Куртене, Е.Д. Поливанов, Л.В. Шерба, Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Л.С. Школьник, В. Карасик, Л.П. Крысин и др., свидетельствуют, что обществом выработаны общепринятые вербальные и невербальные способы, посредством которых личность способна сигнализировать о своей отнесенности к той или иной социальной группе, так называемые средства социального символизма.

Для каждой роли, пишет Л.П. Крысин, выработана специальная речь, своего рода диалект, которым пользуются говорящие. В силу этого каждый индивид обречен быть диглоссным. Диглоссией называется внутриязыковое явление, суть которого заключается в том, что члены

одного и того же сообщества владеют различными коммуникативными подсистемами (кодами, языками, диалектами, стилями) и пользуются ими в зависимости от социальных функций общения⁴. Говорящие оказываются способными сделать правильный выбор и адекватно оформить свое коммуникативное поведение только при наличии у них знаний и сведений о средствах и способах общения в конкретных ситуациях, т.е. при сформированных языковой, коммуникативной и прагматической компетенциях, по терминологии Н.И. Формановской⁵. Языковая компетенция представляет собою знания о том, какими языковыми средствами следует оформлять то или иное высказывание, т.е. знания и владение лексическими, грамматическими, фонетическими законами языковой системы. Коммуникативная компетенция – это овладение нормами словоупотребления и грамматики, правилами стилистического выбора для построения адекватной ситуации высказывания. Прагматическая компетенция – это знание законов общения, принципов и правил коммуникативного взаимодействия, стратегии и тактики ведения разговора. Прагматические знания обеспечивают понимание отношений коммуникантов в процессе общения, их статус и социально-ролевые функции.

В процессе коммуникации в ряде случаев у индивида возникают желание, потребность или необходимость, обусловленные различными причинами и целями, не просто максимально точно и чисто исполнить роль, принадлежащую ему по праву, но присвоить себе чужую роль, продемонстрировать себя в новом качестве, создать, по терминологии

М.М. Бахтина, «образ для другого», оформив себя «не изнутри, а извне», т.е. сыграть роль-маску⁶.

Под ролью-маской мы понимаем разновидность речевого поведения, которое не отражает, а изображает внутреннее состояние или действительное положение вещей, «создает эффект присутствия в момент отсутствия». Моделирование маски осуществляется с ориентацией на зрителя, который воспринимается ею как мишень воздействия, на определенные типологические признаки, свойства, качества, формы поведения стереотипного характера, которые в данном случае принимаются за основу. Роль-маска актуализируется в ситуациях, когда говорящий осознанно моделирует свой образ, отвечающий требованиям и представлениям социальной среды, нивелируя при этом свои истинные качества и свойства. Выбирая и исполняя роль-маску, индивид просчитывает реакцию мишени своего воздействия, ориентируясь в его нормативной системе и общества в целом, и соответственно имитирует и варьирует свое внешнее состояние, внося по ходу необходимые коррективы. При оформлении роли-маски особую значимость имеет референтная группа или личность, ставшая образцом для подражания, источником ценностных норм, правил поведения, суждений, поступков. Мотивом выбора маски может служить желание приспособиться к среде, вписаться в культуру, стать своим или чужим, восхищать, вызывать зависть, злеть, эпатировать. Мотивом может быть также самореализация и даваемые ею настроения, «освобождение от тягот реальной жизни, обстоятельств и забот»⁷.

Человек, не имеющий мотивов создавать роль-маску и исполнять ее, при построении своего собственного «Я», безусловно, может убрать то лишнее, что неблагоприятно, не в лучшем виде представляет его в глазах общества или социальной группы, к которой он принадлежит. Однако при моделировании роли-маски отсекается не лишнее, а главное, сущностное, и окружающим предъявляется рафинированный образ, содержащий такие характеристики, которые воспринимаются «зрителями» как приемлемые и неприемлемые.

Яркий пример роли-маски находим в новелле Д. Голсуорси «Рваный башмак», в которой автор, мастер художественного слова, удивительно точно фиксирует момент «натягивания маски», момент изменения идентичности – момент перехода от истинного внутреннего состояния униженного одиночества и горьких размышлений над собственной жизнью к демонстрации мнимой самодостаточности преуспевающего популярного актера под воздействием внимания узнавших его зрителей: *«Кейстер остался один. Опершись подбородком на руку, он невидящим взглядом смотрел через монокль в пустую чашку. Один со своим сердцем, своими башмаками, своей жизнью и будущим... «В каких ролях Вы выступали в последнее время, мистер Кейстер?» «Я не так много играл. То есть я хочу сказать, что роли были самые разнообразные.» «Понятно. Оставьте ваш адрес, сейчас не могу обещать вам ничего определенного.» «Я бы мог э-э... почитать вам что-нибудь. Может, послушаете?» «Нет, благодарю, это преждевременно.» «Нет? Ну что ж, надеюсь, я пригожусь вам позднее».*

Кейстер ясно представлял себе, как он смотрит при этом на антрепренера. Боже, какой взгляд! «Великолепная жизнь!» Собачья жизнь! Все время ищешь, ищешь, выпрашиваешь работу. Жизнь, полная бесплодных ожиданий, старательно скрываемой нищеты, тяжкого уныния и голода.

Официант, неслышно скользя на носках, подлетел к столу: видно, хотел убрать посуду. Надо было уходить. Вошли две молодые женщины и сели за столик у двери. Кейстер заметил, что они посмотрели на него, до его обостренного слуха донесся их шепот:

– Конечно... это он, – шептали они, – в последнем акте... Разве не видишь тече blanche (седая прядь)?

– Ах, да! Это он. В самом деле он...

Кейстер выпрямился, поправил монокль, на его губах заиграла улыбка. Они узнали в нем доктора Доминика!

– Разрешите убрать, сэр?

– Разумеется, я ужоу.

Кейстер поднялся. Молодые женщины все еще смотрели на него. Элегантный, слегка улыбаясь, он прошел мимо, как можно ближе, чтобы они не увидели его рваный башмак»⁸.

Данный пример позволяет продемонстрировать полярность предъявляемых и внутренних состояний героя. По словам В.Н. Волошинова, внешне актуализировавшиеся высказывания – остров, поднимающийся из безбрежного океана внутренней речи; размер и форма этого острова определяются данной ситуацией высказывания и аудиторией⁹. Суть исполняемой Кейстером роли-маски – быть одним, а казаться другим, чувствовать одно, а изображать другое, выдать себя

за того, кем на самом деле не является. Мотивом выбора и исполнения такой роли-маски является презентация того, чего нет, что отсутствует в реальности, и одновременно сокрытие имеющегося в наличии состояния безысходности и отчаяния. Для создания маски используются различные приемы ораторского искусства и риторической техники с целью эффективного воздействия на участников риторической ситуации.

Маска как культурный и социальный феномен, мотивы ее формирования и способы исполнения привлекали внимание специалистов разных областей знания – психологов, философов, этнографов, театроведов, литературоведов, лингвистов. Теоретическую основу для описания этого широко распространенного явления составляют работы Ю.М. Лотмана, М.М. Бахтина, Н.Н. Евреинова, М.А. Волошина. По мысли Лотмана, маска, являясь своеобразным культурным феноменом, представляет собою поведенческую эксплуатацию того или иного образа с определенной целью. Лотман считает маску вполне осознанным способом существования индивида в обществе, его одновременную соотнесенность с другими – ориентированность на присутствие зрителя и дистанцированность от них. Маска – это «знак» который личность предлагает вместо себя обществу, момент неполного «Я», когда часть выдается за целое. Таким образом, маска представляет собою сокрытие, обусловленное стремлением приспособиться к окружающей среде, а приспособившись, повлиять на нее¹⁰. Особенностью маски является наличие двух планов содержания: внешний план – «я-для другого» (по М. Бахтину) и вну-

тренний план – «я-для себя». По мнению М. Волошина, создание маски является «глубоким моментом» в формировании человеческой личности. Она составляет «средство самозащиты»: «Маска – это священное завоевание человеческого духа, это <...> право неприкосновенности своего интимного чувства, скрытого за общепринятой формулой»¹¹. Процесс образования маски он объясняет следующим образом: ребенок имеет наивное и правдивое лицо, но, как только начинается процесс самопознания, наивность и непосредственность исчезают. Лицо растет и углубляется, пережитое накладывает свой отпечаток. Когда человек осознает себя индивидуальностью, замечает свою непохожесть на других, он инстинктивно старается остаться внешне похожим на всех, скрывая свои чувства за маской: «Лицо начинает лгать только потому, что оно вдруг осознало свою способность раскрывать правду более глубокую, которую опасно раскрывать перед всеми»¹². Волошин объясняет формирование маски чувством самосохранения личности.

Известный театральный деятель Н.Н. Евреинов пишет, что в человеческой природе наряду с инстинктом самосохранения заложен инстинкт театральности, инстинкт преобразования, позволяющий посредством внешних изменений повлиять на окружающих, внушить им нечто, что отсутствует в реалии. Он замечает присутствие театральности в разных областях человеческой жизни: «Театральная начинка просачивается в самые отдаленные уголки жизненного пирога... И перестаешь отличать фарш от теста». Этот инстинкт проявляется в борьбе за существование как в природе, так и в

обществе, только в природе он проявляется как бессознательная мимикрия, а в обществе как сознательное лицедейство, способное принести плоды в виде определенных искомым благ: «Наше актерство в жизни всегда оплачивается, и даже очень щедро порою. Разве обретая уважение, любовь, симпатию к изображаемому нами лицу (допустим, что сами мы, при нашем животном эгоизме, не способны внушить такое отношение), разве мы в таком случае остаемся без гонорара, а все те выгоды, которые можно извлечь из уважения к нам, любви, симпатии, – разве они не приводят иногда к настоящему богатству. <...> Кроме материальной выгоды, быть может, нам не нужной, всегда при удачной игре мы обретаем духовную выгоду. Я имею в виду обретение через игру, через акт самопреображенья нового мира, нового ощущения, нового бытия, где я «Федот, да не тот», а нечто получше, повыше, поинтереснее». Вторя Шекспиру, Евреинов пишет: «Наша каждая минута – театр... и вся наша жизнь проходит под режиссерской ферулой, каждый моделирует свой образ, и актерство, игра становятся образом жизни. Каждый человек дает каждодневный сеанс одновременной игры, всю жизнь играя роли... В борьбе за существование театральность, как имитационная, так и инновационная сыграла громадную роль: лишенные таланта разыгрывают роли, сочиненные другими, одаренные же им воплощают в жизнь плоды своей фантазии. Театральность могучий метод борьбы в природе, приводящий к отбору наисмышленнейших лицедеев в жизни»¹³.

В различные исторические периоды развития общества театральность то усиливается, то ослабляется, и в различных

слоях общества театральность реализуется по-разному. Каждое время создает конгломерат социальных и ценностных ориентиров, и в зависимости от сословной принадлежности, имущественного и социального положения, от реальной среды обитания, образа мыслей, воспитания, образования, нравственных императивов личность отдает предпочтение тем или иным характерологическим признакам. Поэтому роль-маска имеет хронологические границы, и в различные исторические периоды актуализируются различные ее типы. Так, например, в двадцатом столетии, ставшем периодом революционных изменений и реформ, вызвавших колоссальные социально-экономические сдвиги и смену этических и ценностных установок общественного поведения, актуализировалась маска «свой/чужой». Эта актуализация была мотивирована необходимостью приспособиться к окружающей действительности, занять место в обществе и, может быть, просто выжить.

В послереволюционный период нормативным образцом, под которым мы понимаем объект притязаний, образ, жизненный идеал, был человек из народа, коммунист, и каждый желающий «вписаться» в установленную систему должен был по мере возможности продемонстрировать тем или иным способом свою лояльность и уровень владения новыми поведенческими нормами. Часто представителям иной среды и носителям другой культуры приходилось скрывать то, что было их сущностью, и исполнять требуемое. Это явление описано в романе Т. Головкиной «Побежденные», герои которого по-разному демонстрируют причастность к новой системе. С одной

стороны, девушке-дворянке советуют «изменить, если не душу, то хотя бы манеру держаться, перекрасить шкурку в защитный цвет...», так как «недостаточно солгать в анкете (если можно солгать), надо суметь перед окружающими поставить себя так, чтобы никто на службе или в учебном заведении не смог заподозрить в тебе дворянку». А с другой стороны, недавняя сельская жительница, приобретая поверхностный налет городского лоска и модности, с легкостью замещала свою убогость хамовитым и хозяйским тоном, а «если разговор заходил о политике или бытовых трудностях, она тотчас с запальчивостью выступала на защиту существующего строя и при этом, как исправный патефон, высыпала на слушателей целый арсенал газетных фраз и цитат из популярных брошюр»¹⁴. В романе М. Демина «Блатной» мы наблюдаем подобную картину, только здесь свою мнимую причастность к социально доминирующей группе демонстрирует представитель воровской среды: «...рассуждения о партийной совести являлись его постоянной излюбленной темой. <...> – Мы коммунисты, – доносилось из-за стенки, – а это не фунт изюму. Чем коммунист отличается от нормального человека? Тем, что у него особая совесть, а не мещанская! А это значит что? А это значит, что для нас самое главное – идея. Мы все борцы за идею, солдаты партии... <...> И почти каждая тирада заканчивалась стереотипной фразой: – Мы коммунисты!»¹⁵.

Аналогичный пример речевого поведения мы находим в повести А. Платонова «Котлован», в которой один из героев, активист Козлов, «устремленный к производству руководства», старался

запоминать отрывки всяких формулировок, лозунгов, тезисов различных актов, резолюций и проч., чтобы потом, цитируя и повторяя их, произвести впечатление на окружающих. Таким образом он «пугал и так уже напуганных служащих научностью, кругозором и подкованностью». К примеру, спускаясь в своей светло-серой тройке с автомобиля, он предостерегающе бросал изнывающим от непосильного труда землекопам: «Не будьте оппортунистами на практике!». Другой двуличный приспособленец Сафронов прекрасно умел делать «вежливо-сознательное лицо» и по надобности то «свободомыслящую», то «руководящую», то «убежденную походку», «знал, что социализм – это дело научное, и произносил эти слова тоже логично и научно, давая им для прочности два смысла – основной и запасной»¹⁶.

В представленных примерах мы встречаемся с явлением речеповеденческой маски, служащей для социальной мимикрии, поскольку подобная игра приравнивается к способности выжить, освоив новую систему ценностей.

Роли-маски могут лечь в основу поведения не только одного человека, но и целой группы или сообщества людей. Например, «примитивные мужички», смотрящие со страниц русской классики, которым удобно прикидываться таковыми перед любым баринином. Их полуактерская игра в «неотесанного хама» была не чем иным, как риторическим трюком, а иногда и своеобразной жизненной философией.

Примером последней может служить поведенческая и речевая манера группы художников и писателей, получивших наименование «митьки»: «...под митька почти невозможно подделаться, не являясь им;

внешняя атрибутика почти отсутствует – митьки одеваются во что попало... На лице митька чередуются два аффективно-поданных выражения: граничащая с идиотизмом ласковость и сентиментальное уныние. <...> Двое митьков могут сколько угодно долгое время переговариваться:

- Дык!
- Ну елы-палы...
- Дык!
- Ну елы-палы...

Такой разговор может обозначать многое. Например, он может означать, что первый митек осведомляется у второго: сколько времени? Второй отвечает, что уже больше восьми и в магазин бежать поздно, на что первый предлагает бежать в ресторан, а второй сетует на нехватку денег. Однако чаще такой разговор не выражает ничего, а просто является заполнением времени и самоутверждением митьков. <...> Для митька характерно использование длинных цитат из многосерийных телефильмов; предпочитают цитаты, имеющие жалостливый или ласковый характер, например: «Ваш благородие! А, ваш благородие! При мальчонке! При мальчонке-то! Ваш благородие!»... Особенно глубокое переживание митек выражает употреблением цитаты: «Митька... брат... помирает... Ухи просит...». Если митек не ведет разговор сам, он сопровождает каждую фразу рассказчика залихватистым смехом, ударами по коленям или ляжкам или выкриками: «Улет! Обсад!» или же, напротив, горестными восклицаниями: «Дык! Как же так?!», причем выбор одной из этих двух реакций не мотивирован услышанным митьком...»¹⁷.

Столь своеобразная манера общения напоминает собою ритуал, поскольку из

череды реплик невозможно уловить истинного содержания разговора. Владение этим эзотерическим языком является опознавательным знаком принадлежности к сообществу.

Как видим, ту или иную маску, с одной стороны, заставляет принять общество, а с другой стороны, желание/нежелание выявить себя, заострить свою индивидуальность.

Таким образом, в процессе формирования роли-маски актуализируются социально ориентированные функции коммуникации – самопрезентации и театрализации, сущность которых состоит в том, что говорящий намеренно и осознанно создает свой новый образ, проявляя, скрывая или избыточно подчеркивая необходимые качества, свойства, характеристики. Поэтому роль-маска, представляя собой речеповеденческий акт, включенный одновременно и в контекст речи и в контекст жизни, становится объектом как истинностной, так и нравственной оценок.

Т.А. ЧЕБОТНИКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ:

* Традиционно, под личностью понимается человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных связях и отношениях, являются устойчивыми, определяют нравственные поступки, имеющие значение для него самого и окружающих (См.: по: Немов Р.С. Психология: в 3 т. Т. 1.: Общие основы психологии. – М., 1999. – С. 336).

¹ Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – С. 136.

Т. В. Стрельцова

² Апинян Т.А. Игра в пространство серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. – СПб., 2003. – С.185.

³ Леви В.Л. Искусство быть другим. – М., 1991. – С. 32-36.

⁴ Крысин Л.П. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии//Социально-лингвистические исследования. – М., 1976. – С. 62.

⁵ Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М., 1998. – С. 80-81.

⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1973. – С. 319.

⁷ Апинян Т.А. Указ. соч. – С. 119.

⁸ Голсуорси Д. Рваный башмак // Голсуорси Д. Собр. соч.: в 16 т. Т. 13. – М., 1962. – С. 139-140.

⁹ Цит. по: Иванова В.И. Коммуникативная се-

мантика предложения – высказывания // Язык и дискурс. – Тверь, 1997. – С. 16.

¹⁰ См.: Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в культуре XVIII в. // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 233-254; Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1.: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн, 1992.

¹¹ Волошин М.А. Лики творчества. – Л., 1988. – С. 122.

¹² Там же. – С. 404.

¹³ Евреинов Н.Н. Театр для себя. – М., 1923.

¹⁴ Головкина Т. (Римская-Корсакова) Победенные//Роман-газета. 1003. № 21-24. – С. 30.

¹⁵ Демин М. Блатной. – М., 1991. – С. 94-95.

¹⁶ Платонов А. Котлован. – М., 1990. – С. 18.

¹⁷ См.: Шинкарев В. Митьки. – М., 1990. – С. 7-13.

ПОСТИЖЕНИЕ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОРОВ

Человек – язык – культура стали в центре современного подхода к исследованию в лингвистике и методике преподавания русского, родного языка и определили перспективное ныне лингвокультуроведческое направление в исследованиях лингвистов и методистов.

В национальном сознании российских народов возникло представление «Россия – наш общий дом», «родная земля», «Великая Матерь наша», воспитая не только русскими, но и российскими писателями на родном или русском языках. Русский язык, «объединив народы

России, стал языком межличностного и межкультурного общения и взаимопонимания» (Н.К. Рерих).

Гуманистическое воспитание как аспект гуманитаризации образования ныне реализуется в следующих направлениях: «воспитание в детях положительных черт русского и национального характера.., приобщение детей к глубокому изучению русского и своего родного языка.., воспитание в детях..уважения и особенностей образа жизни, интересов, ценностей, обычаев, традиций российского многонационального народа, полное

использование национальной культуры как источника формирования национального ориентированного содержания образования; воспитания в детях чувства патриотизма, искренней преданности и любви к своему народу и к своей Родине; воспитание уважения и дружественного отношения ко всем народам...»¹.

По мнению известных исследователей современного методического процесса (А.Д. Дейкина, Л.А. Ходякова, Т.К. Донская, Н.Н. Маевский, Л.И. Новикова и др.), характерной чертой его является оформление учебного процесса «русский язык» в мировоззренческий с вычленением национально-регионального компонента. Национальный колорит жизни народа, развертывание исторической действительности этноса, особенности творческого преобразования жизни – все это аккумулируется в народной речи, в звучании русского слова².

Для усвоения русского языка посредством языка важно помнить, что содержание лингвокультуроведческой направленности отражается в большом числе текстовых упражнений, в комплексе заданий которых выделяются не только вопросы языковых фактов, но и те, что ориентируют внимание к этнокультуре региона.

Одним из компонентов обновления содержания обучения является овладение знаниями, связанными с отражением в языке культуры своего народа. Лингвокультурология как прочное знание представляет объективное отражение в языке любого народа мировидения окружающей действительности (в лексике, фразеологии, устойчивых фразах и среди них паремии – пословицы и поговорки),

закрепленного в языковом сознании народа, носителя данного языка, имеющего национально-культурную специфику. В них отражается философский взгляд народа на мир, формирующий коллективное сознание, выражающийся в концептах – основной ячейке культуры в ментальном мире человека, основном элементе культуры данного эпоса (В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов), которые отражают предмет реального (береза, земля) или идеального мира (вера, религия, любовь) и хранятся в вербально обозначенном виде: русская березка, святая земля.

Постижение национальной культуры через язык в преподавании русского языка как родного находит свое отражение в постановке и решении следующей задачи: ознакомление школьников с культурой России и родного края, ее истоками и достижениями, воспитание у обучающихся чувства национальной гордости, достоинства посредством изучения русского языка как хранителя знаний о культуре народа.

Значительное место в формировании коммуникативной и культуроведческой компетентности в настоящее время должно отводиться «тексту художественной литературы как материалу для упражнений и разборов, как средству духовного и эстетического воспитания и обучения речевому общению. В связи с этим особо важным является текстоцентрический подход к современной методике обучения» (Н.Н. Маевский).

Для усвоения русского языка как культуры региона посредством языка можно трансформировать школьный курс в направлении учета ментального опыта учащихся. Учителю следует опираться на

существующий у школьников багаж знаний и рассматривать задачу решения и углубления этого багажа, привнесения новых впечатлений, создания новых ассоциаций, передачи дополнительных к имеющимся представлениям о предметах и явлениях культуры.

Отбор и организация языкового дидактического материала урокам русского языка может представлять отрывки из произведений писателей или одного писателя, писателей одного времени, живущих и творящих в Оренбургском крае.

Тексты произведений местных авторов дают возможность применения системного и комплексного комментариев. Как пишет Л.А. Ходякова: «При системном комментарии семантизируется отдельное слово, которое рассматривается как составной элемент той лексической системы, с которой его связывают отношения родства... Комплексный комментарий применяется для семантизации тематической лексики в совокупности, во взаимосвязи слов друг с другом»³.

Как показывает анкетирование, сегодняшние пяти- и шестиклассники (школа № 34 Оренбурга) имеют весьма низкий уровень культуроведческой подготовки. Анкеты включали вопросы: «Каких писателей (поэтов) Оренбуржья вы знаете?», «Назовите художников Оренбургского края», «Какие книги об Оренбургском крае вы знаете или имеете дома?», «Какие музеи, выставки в нашем городе вы посетили?», «Кто из известных стране писателей побывал в Оренбурге?», «Имена каких известных людей сохранили улицы Оренбурга или ваша улица?» и т.п. Результаты анкетирования говорят о крайне ограниченном знании учащихся о родном крае, о малой Родине.

С целью формирования лингвокультуроведческой компетентности учащихся среднего концентра мы предложили тексты из произведений оренбургских авторов как дидактический материал к урокам русского языка по разделам «Лексика и фразеология», «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис».

В школе традиционно изучается лексика русского языка, основная цель которой – обогащение словарного запаса учащихся, развитие их речи, тогда как национальные особенности языка чаще всего проявляются в лексике, которая тесно связана с историческим миром вещей и понятий, поэтому в настоящее время введено в практику обучения новое понятие «россиеведчески ценная лексика», это слова, которые отражают в своей семантике своеобразие культурно-исторического опыта народа⁴.

Духовное богатство составляют исторические ценности, созданные народом и постоянно пополняющиеся новыми художественными произведениями, произведениями искусства. «Поэтические страницы русской лирики и русской прозы оказывали и оказывают облагораживающее влияние на становление Личности, на самоусовершенствование культуры человеческих чувств, гуманистической нравственности, душевной чистоты и красоты»⁵.

Ценности русской национальной культуры края, своей малой Родины являются очень важными в воспитании человека культуры, так как служат средством патриотического и духовно-нравственного воспитания школьников, приобщают их к культурно-историческим ценностям, к памяти народа.

Облагораживающее влияние на становление личности оказывают произведения писателей региона. Национальные особенности языка ярче всего проявляются в лексике текстов, так как лексика связана с историческим конкретным миром вещей и понятий, значимых для того или иного региона. Слово будет россиеведчески ценным, если оно будет соотноситься с предметом, фактом, явлением национальной культуры, каким-либо ее фрагментом, фактом, явлением нации, если будет вызывать специфически эмоциональное или эстетическое отношение, ассоциации у носителей языка. Национальный колорит художественного произведения создает одно слово, нейтральное, наделяемое россиеведческой ценностью в группах подобных слов⁶.

Содержание лингвокультуроведческой направленности отражается в большом числе упражнений, тексты которых взяты из произведений региональных авторов и в заданиях к которым выделяются не только вопросы о языковых фактах, явлениях и закономерностях, но и те, что ориентируют на внимание к содержанию художественного текста его автора.

На уроках русского языка учащиеся знакомятся с известными авторами, такими как Т. Белозерова, Н. Корсунов, П. Краснов, Ю. Орябинский, В. Правдухин, А. Рыбин, Л. Сейфуллина, И. Уханов и др.

Тексты художественных произведений способствуют более эффективному формированию лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенции учащихся.

Приемы работы могут быть разнообразными, как и содержание текстов,

используемых на уроке в качестве дидактического материала.

Таким образом, русский язык – это явление национальной культуры, основа национальной памяти и ключ к пониманию духовного мира русского народа. Нигде так хорошо и быстро не находят свое отражение явления русской жизни, русской культуры, как в языке художественных произведений авторов, знающих и любящих свой край.

Т.В. СТРЕЛЬЦОВА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Некрасова М.А. Народное искусство как часть культуры. – М., 1983. – С. 181.
2. Дейкина А.Д. Русский язык как учебный предмет в общеобразовательном пространстве родной культуры // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка: Доклады и тезисы участников Всероссийской научно-практической конференции (11-12 марта 2003 г.) // Сост. проф. А.Д. Дейкина и проф. Л.А. Ходякова. – М., 2003. – С. 13.
3. Ходякова Л.А. Формирование культуроведческой компетентности будущего учителя-словесника // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского языка: Доклады и тезисы участников Всероссийской научно-практической конференции (11-12 марта 2003 г.) // Сост. проф. А.Д. Дейкина и проф. Л.А. Ходякова. – М., 2003. – С. 18.
4. Денисова М.А. Русское слово и русский мир // Русский язык в школе. – 1997. – № 2. – С. 18.
5. Донская Т.К. Русская национальная школа: проблемы и религия. – СПб., 1998. – С. 33.
6. Денисова М.А. Указ. соч. – С. 25.

НУЖЕН ЛИ РОССИЯНАМ НОВЫЙ СВОД ПРАВИЛ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ?

Как известно, Свод правил русского правописания всегда оставался важнейшим компонентом русской национальной культуры. А что имеем мы сегодня, в начале XXI века? А имеем, как говорится, то, что имеем: пользуемся до сих пор устаревшими, отжившими свой век «Правилами русской орфографии и пунктуации», изданными бывшим Учпедгизом полвека назад, в 1956 году, хотя новый «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» давно подготовлен к печати Орфографической комиссией Института русского языка Российской Академии наук. Вместе с тем его утверждение на высшем, правительственном, уровне зашло в тупик, выход из которого пока не найден.

Напомним «предысторию» этого вопроса. Еще в конце 2000 года упомянутым мною Институтом русского языка РАН был опубликован проект нового свода правил правописания, учитывая то, что Правила 1956 года давно устарели и не отражают современное состояние русского языка, языка конца XX – начала XXI в. Не следует забывать, что русский язык как общественное явление находится в непрерывном движении и изменяется. Современный Свод правил правописания и должен был все эти изменения отразить. Как образно выразился известный ученый-русист, редактор журнала «Русская речь» академик В.Г. Костомаров, наш язык за полвека шагнул далеко вперед, а «костюм» на нем – покроя еще 50-х годов. Нельзя

игнорировать и то, что в связи со сменой в стране общественно-экономической формации в обновлении явно нуждается иллюстративный материал, который во многом устарел, а в отдельных случаях стал просто анахронизмом. Да и сами Правила 1956 года давно стали библиографической редкостью, что явно не допустимо в любой цивилизованной стране, в том числе и в России.

С опубликованным проектом нового свода правил были ознакомлены вузовские преподаватели, методисты, представители ряда учреждений системы народного образования, учительской общественности, журналисты. Состоялось обсуждение этого проекта и на факультете журналистики Оренбургского государственного университета. В Орфографическую комиссию, которую возглавил профессор Института русского языка РАН В.В. Лопатин, были представлены отзывы. По итогам всех проведенных обсуждений Орфографической комиссией с учетом сделанных специалистами замечаний и пожеланий текст нового свода правил был доработан и подготовлен к печати.

Вместе с тем еще в самом разгаре обсуждения проекта значительная часть наших журналистов, поддавшись эмоциям и не разобравшись в существе вопроса, в различных средствах массовой информации (как печатных, так и электронных) в буквальном смысле слова обрушилась на этот новый Свод правил правописания, а Институт русского языка РАН пытались об-

винить в реформе самого русского языка. Приведу лишь одну выдержку из публикации Юрия Щербакова в «Литературной газете» от 20-26.08.2003 года, ярко отражающую умонастроения значительной части нашей журналистской братии: «И мы тупо молчим, не сопротивляясь грядущей реформе русского языка, затеянной неким Лопатиным, которая станет катастрофой страшнее, чем падение «боингов» на торговый центр в Нью-Йорке!». Видимо, упоенный свободой слова, автор публикации при этом забыл про мудрые слова апостола Павла: «Мне все дозволено, но не все мне на пользу...».

Мощное сопротивление противниками нового Свода правил правописания действительно было оказано (не зря же СМИ называют четвертой властью), в результате чего он и не утвержден до сих пор, хотя на календаре уже год – 2008! Вместе с тем нельзя не сказать, что в процессе этого «сопротивления» все было перевернуто с ног на голову. Составителям нового Свода правил во главе с профессором В.В. Лопатиным было предъявлено обвинение чуть ли не в разрушении «великого и могучего» русского языка, а себе, естественно, отведена роль его защитников.

Как филолог-русист хочу сразу же сказать, что сам тезис о якобы готовящейся в начале XXI века реформе русского языка является с научной точки зрения глубоко ошибочным. Ведь любой язык в мире, в том числе и наш – русский, реформировать (в полном смысле этого слова) просто невозможно. Это всего-навсего придуманный журналистами миф. Еще в ходе лингвистической дискуссии, развернувшейся в 1950 году на страницах

газеты «Правда», было доказано, что каждый живой язык развивается по своим внутренним законам.

В реальности речь может идти лишь об орфографической реформе, а не самого русского языка как общественного явления. Но ведь применительно к новому Своду правил и это в корне неверно. Еще в 2001 году председатель Орфографической комиссии В.В. Лопатин авторитетно заявил на страницах журнала «Русский язык в школе»: «То, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа. Речь идет только о новой, переработанной и значительно дополненной, редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года». Это подтверждает и другой ученый того же института – профессор Л.П. Крысин в интервью, данном журналу «Журналистика и культура русской речи» в 2002 году. И наше знакомство с текстом нового Свода правил показало, что это действительно так.

Хотелось бы на конкретных примерах показать, чем, собственно говоря, отличается орфографическая реформа от не-реформы. Если бы мы, россияне, по новым правилам слово «огород» стали писать «агарот» (т.е. как произносим), слова «живой» и «широкий» – с буквой «ы», слово «огурцы», наоборот, с буквой «и» на конце, слово «заяц» – как «заец», а слова «рожь» и «мышь» без мягкого знака – вот тогда это действительно была бы орфографическая реформа. Но ведь в новом своде правил, подготовленном Орфографической комиссией к печати, ничего этого нет! Написание всех этих слов остается прежним. При этом авторами сохранены все ныне действующие принципы русского правописания: и морфологический, и фонетический, и

даже традиционно-исторический. Если обратиться к истории русской культуры, к истории русского письма, то последняя орфографическая реформа была осуществлена в 1917-1918 годах, когда из русского алфавита, а следовательно, и из письма, был изъят целый ряд букв, признанных учеными-филологами архаичными, таких как «ять», «фита», «і-десятеричное», конечный «ер» и др. Когда устаревшее окончание – аго в родительном падеже единственного числа имен прилагательных (например: «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В.И. Даля) было заменено на – ого, когда устаревшее окончание – ыя в формах женского и среднего рода множественного числа имен прилагательных было заменено на – ые. Вот так «выглядит» орфографическая реформа в реальности.

Следует сказать, что в самом начале авторы упомянутого проекта поставили перед собой задачу лишь упорядочить, унифицировать существующие правила и тем самым сделать их проще, устранив лишние исключения, которых в ныне действующих с 1956 года правилах уж слишком много. А те новые правила, которые мы встречаем в этом проекте, в совокупности составляют всего лишь несколько процентов. А при проведении орфографической реформы таких пропорций, конечно же, не бывает. Вспомним уже упомянутую орфографическую реформу 1917-1918 годов.

Считаем, что новый Свод правил русской орфографии и пунктуации, подготовленный научными сотрудниками Института русского языка РАН: Б.З. Букчиной, Н.А. Еськовой, С.М. Кузьминой, В.В. Лопатиным и др., – вполне отражает

современное состояние русского языка и является достаточно полным сводом в отличие от Правил 1956 года, в которых многое было недосказано или не упомянуто вовсе.

Приведу лишь один пример. В ныне действующих правилах правописания говорится, что прилагательные, образующие от географических названий (типа Орехово-Зуево), пишутся через дефис: орехово-зуевский. Однако ничего не говорится о том, а как пишутся существительные, образованные от этих названий, – через дефис (орехово-зуевцы) или слитно (ореховозуевцы). И таких случаев, к сожалению, немало. В новом же Своде правил все эти пробелы авторами учтены и устранены.

А все те новшества, которые содержатся в новом Своде, с нашей точки зрения, вполне оправданы. Например, написание слов иноязычного происхождения «брошюра» и «парашют» с буквой «у». Ведь нельзя не считаться с тем, что уже давно никто из говорящих по-русски не произносит эти слова с мягким шипящим «ш». Или единообразное написание слов, начинающихся сочетанием пол-, через дефис. Неужели новое написание слов типа: пол-яблока, пол-лимона, пол-мандарина или пол-одинадцатого, пол-двенадцатого – хуже «старого», с исключениями? (Когда мы пишем пол-одинадцатого, но полдвенадцатого). Вполне логично авторы рекомендуют упростить написание созвучных причастий несовершенного вида и отглагольных прилагательных типа: жареный картофель и жареный в масле картофель, т.е. писать их в обоих случаях с одной буквой «н».

Новый Свод правил правописания нам, россиянам, крайне необходим. Ведь и учителя средних школ, и вузовские преподаватели, и студенты, и сами журналисты не имеют под рукой даже Правил 1956 года (так как фактически они ни разу не переиздавались), а вынуждены довольствоваться самыми различными справочниками, зачастую сомнительными, дающими противоположные рекомендации. В результате чего мы и встречаем в современных печатных СМИ самый настоящий разноречивый в написании отдельных слов. Вот лишь некоторые примеры из многих. В одних газетах встречаем словосочетание «Государственная Дума», а в других – «Государственная дума». Или: Интернет и интернет. В последнее время во многих оренбургских газетах название высшего учебного заведения стало «модным» печатать с прописной буквы. Например: студенты оренбургского государственного педагогического университета; ОГУ установил деловые контакты с мюнхенским университетом – и т.п. В то же время в журнале «Журналистика и культура русской речи», который издает журфак МГУ им. М.В. Ломоносова, всегда встречаем написание – Московский государственный университет (с заглавной буквы). Или же взять «вежливую» форму местоимения второго лица множественного числа – Вы, которая в одних газетах и журналах в интервью печатается с большой буквы (Вы, Вас, Вам, с Вами), а в других... увы! – с маленькой буквы. Даже в журнале «Журналист» (в одном и том же номере!) мне встретилось в одной публикации Вы – с заглавной

буквы, а в другой (буквально через несколько страниц) – с маленькой буквы. Разве такой орфографический разноречивый допустим? Считаю, что нет.

А как писать и печатать в газетах (через дефис или слитно) сложные слова иноязычного происхождения, вошедшие в русскую лексику в постперестроечный период, типа масс-медиа, аудио-кассета, компакт-диск? (Или: массмедиа, аудиокассета, компактдиск?). Никто этого не знает. Открытым остается даже такой «орфографический вопрос»: слово «Президент» (Президент РФ) следует писать или печатать с заглавной буквы или с маленькой? Например, на страницах нашей газеты «Южный Урал» можно встретить оба «орфографических» варианта.

В последнее десятилетие в наших СМИ, как печатных, так и электронных, становится модным «унифицировать» некоторые русские предлоги. Так, например, журналисты часто пишут и говорят: «Наша делегация прибыла с ответным визитом в Украину». (Вместо на Украину). Он позвонил мне с Орска. (Вместо из Орска). «Предложный вопрос» тоже должен найти свое отражение в новом Своде правил русского правописания. Мы же считаем такую позицию, занятую многими журналистами, ошибочной. Нельзя не учитывать того, что существующая в нашем языке предложная система сформировалась исторически, и это нашло свое отражение во всех академических грамматиках русского языка. Ведь мы говорим и пишем: «родился на Кавказе», но «родился в Крыму»; «это произошло на Аляске», но «это случилось в Антарктиде». Если же

придерживаться принципа унификации русских предлогов и при этом следовать элементарной логике, то мы должны будем говорить и писать: «Раньше я жил в Сибири, а теперь живу в Урале» (вместо на Урале), что может вызвать лишь ироническую улыбку.

Убежден, что та массовая безграмотность, которая захлестнула в последнее десятилетие наше общество, во многом объясняется именно отсутствием у нас четких, единых, узаконенных правил правописания.

А вышедший мизерным тиражом в прошлом году академический справочник «Правила русской орфографии и пунктуации» никого из нас ни к чему не обязывает, так как он никем не утвержден, а всего лишь одобрен Орфографической комиссией РАН. Более того, этот новый справочник вносит даже путаницу в наше правописание. Так, например, согласно его «предписаниям» слово церковнославянский (язык) мы должны, оказывается, писать через дефис, хотя по ныне действующим правилам 1956

года (которые пока никто не отменял) мы это слово всегда писали слитно. Все это создает своеобразный хаос в нашем правописании.

Хочется надеяться, что новое Правительство РФ, которое будет сформировано после избрания 2 марта Президента страны, рассмотрит вопрос о русском правописании, утвердит новый Свод правил правописания и даст указание об издании его массовым тиражом для всех регионов России. Ведь нельзя не учитывать, что это – составная часть нашего национального проекта «Образование».

Ю. Т. ДОЛИН

ЛИТЕРАТУРА:

1. Правила русской орфографии и пунктуации. – М.: Учпедгиз, 1956.
2. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. (Проект). – М.: Азбуковник, 2000.
3. Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник/Под ред. В.В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2007.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ШКОЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Культура и образование сегодня выступают в качестве ведущих факторов общественного прогресса и развития цивилизации.

Сложность и многоаспектность понятия «культура» отражает все многообразие материального и духовного богатства, которое создавалось человеком в течение нескольких тысячелетий. Латинский термин «культура» означает в самом широком понимании процесс взращивания, совершенствования чего-либо. Уже Цицерон употребил слово «cultura» в контексте «возделывания души», тем самым выделяя образовательный аспект культуры как наиболее важный.

Так как явления «культуры» и «образования» генетически связаны с процессами формирования и совершенствования человека, то очевидно, что «культура выступает предпосылкой и результатом «образования» человека, формирования его образа, являясь также совокупностью социальных норм и особой знаковой системой, включая уровень развития общества и отношения людей между собой, показывает своеобразие жизни наций и народов и утверждает универсальные непреходящие ценности»¹.

Культура есть форма бытия человека, которая образуется в ходе его деятельности. В связи с этим говорят о культуре человека и культуре его деятельности. Культура переводит человека в другой способ бытия, лежащий вне отдельного индивида. Приобщение к культуре означает для человека

не только приобщение к лучшим творениям человечества, но и осмысление человека-творца, создание условий для саморефлексии и рождение потребности в творческом применении духовного опыта предыдущих поколений на пути культуротворчества.

Именно культура, понимаемая как «личностная сторона истории», в которой человек выступает и как «восприимчивый исторический наследия, и как творческое начало истории»², может и должна стать своеобразным ориентиром в осмыслении и понимании человеком мира, а также существования в нем.

«Личностный характер культуры, ее ценностный смысл способны перевести видение мира в личностную плоскость, сквозь призму мотивов и установок, ценностей и убеждений в свете индивидуального опыта, не только познавательного, но и эмоционально-смыслового»³.

Несомненный приоритет такого подхода применительно к литературному образованию, основанному прежде всего на диалоге искусств и шире – диалоге культур, принадлежит В.Г. Маранцману.

«Цель литературного образования, – считает ученый, – не только интеллектуальное освоение, но и эмоциональное присвоение гуманистического потенциала искусства и науки, отработка эстетических и психологических механизмов общения человека с искусством, наукой, людьми»⁴. Не решив эту задачу, образование не

сможет влиять на ценностные ориентации личности и тем более направлять реальное поведение человека.

Еще в начале 60-70-х годов В.Г. Маранцман определил направления и перспективы развития литературного образования на многие годы вперед, заявив принципиально новый подход к использованию живописи, музыки и других смежных искусств в преподавании литературы. В статье «Содружество искусств на уроках литературы» (1971) ученый преодолевает сложившиеся на протяжении многих десятилетий стереотипы в применении произведений искусства на уроках литературы. «Мы разрешаем музыке и живописи войти в уроки литературы не потому, что не верим в самостоятельность литературы и силу ее воздействия, но потому, что надеемся: в союзе с другими искусствами она скорее найдет путь к сердцу ученика, разбудит его мысль, оживит воображение, возволнует его чувства, окрылит его желанием действовать. Дело здесь не только в том, что присутствие музыки и изобразительного искусства создает определенное настроение. Сплав поэзии, музыки, изобразительных искусств содействует возникновению яркого образа в сознании учеников», – писал методист⁵.

Смежные искусства, к которым обращается учитель на уроках литературы, по убеждению В.Г. Маранцмана, способны обострить эстетическую восприимчивость учащихся, развить их ассоциативное и образное мышление, углубить и расширить представления об искусстве, пробудить не только разум, но и чувства. В данной статье В.Г. Маранцман впервые в методике преподавания литературы ставит вопрос о том, «целесообразно ли вторжение смежных

искусств в сам процесс анализа литературного произведения», и намечает перспективу разработки проблемы: «... выяснить, в чем своеобразие школьного изучения литературных произведений, проследить, каковы функции смежных искусств на разных этапах литературного разбора, как, когда и зачем они включаются в него, чем способны помочь ему»⁶. На материале изучения трагедии Шекспира «Гамлет» автор убедительно показывает, что на первом этапе знакомства с литературным произведением смежные искусства могут способствовать выявлению читательского восприятия, помогают ученику самому обнаружить собственное отношение к произведению; они могут создавать и известную предрасположенность к анализу. В анализе литературного произведения смежные искусства могут усилить сопереживание, субъективную сторону разбора. В то же время сопоставление литературного текста с произведениями смежных искусств может подчеркивать своеобразие мироощущения писателя и, с этой точки зрения, стать способом постижения объективного смысла произведения.

Идеи, высказанные В.Г. Маранцманом в этой статье, дадут импульс появлению целого ряда методических работ по взаимодействию искусств на уроках литературы Е.Н. Колокольцева из Москвы, который в 1993 году защитит докторскую диссертацию по данной теме, И.Ю. Крапиловой из Архангельска, Л.Т. Пантелеевой из Вологды, Ю.Л. Львовой из Киева, Р.Ф. Брандесова из Челябинска, Н.М. Свириной и И.Л. Шолпо из Санкт-Петербурга, В.Г. Мирецкой из Ташкента и других, в том числе из опыта работы учителей-словесников.

Позже В.Г. Маранцман выдвинет смелую идею реальной возможности разработки технологии общения учащихся с искусством на основе интерпретации художественного произведения: «На первый взгляд, искусство и технология – «две вещи несовместные». Технология предполагает заданный порядок действий, ведущих к надежному и в значительной степени стандартизированному результату. Искусство живо непредсказуемостью, и для него смертельна одинаковость... Однако гармония искусства предполагает некоторую упорядоченность. Храм Василия Блаженного в Москве кажется живой импровизацией, но разнообразие куполов, растущих, как сказочные терема, подчинено в архитектурном плане четкой симметрии. Поэтому общение с искусством требует соблюдения известных правил, открывающих засовы тяжких врат и дающих простор воображению читателя, зрителя, слушателя, личностной оценке художественного произведения»⁷.

В конце 80-х – начале 90-х годов получает обоснование и развитие его идея диалогического обучения литературе. По мнению В.Г. Маранцмана, диалогическое обучение, вовлекая во взаимодействие музыку и скульптуру, архитектуру и графику, живописные полотна и литературный текст, театральные спектакли и кинофильмы, помогает школьникам осознать своеобразие структуры каждого художественного произведения и историю эволюции художественных стилей. И при последовательной и поступательной системе погружения в культурный контекст разных эпох выйти на уровень диалога с художественным произведением, его создателем, современниками, героями, критиками... При этом мотив

интерпретации, углубляющийся от класса к классу, является неременной принадлежностью последовательного погружения школьника в культуру.

Эти идеи В.Г. Маранцмана получили подтверждение и развитие в теоретических и экспериментальных исследованиях его аспирантов и докторантов. В 1990-2001 годы в этом направлении были защищены кандидатские диссертации под его научным руководством И.Н. Гуйс о стимулировании и объективации читательских интерпретаций; Н.М. Свириной и И.Л. Шолпо о взаимодействии музыки и литературы, архитектуры и литературы на уроках словесности; И.Б. Костиной об инсценировании и драматизации на уроках литературы; М.Г. Дорофеевой о влиянии опыта кинозрителя на литературное развитие школьников; Е.Р. Ядровской о творческих работах учащихся по литературе как диалоге с искусством и собственной личностью и другие, докторские диссертации Л.И. Коноваловой «Развитие читательского воображения школьников (5-8 кл.)»; Л.В. Шамрей «Функциональные закономерности взаимодействия науки и искусства в школьном изучении литературы»; Н.М. Свириной «Литературное образование как способ вхождения школьников в художественную культуру»; Г.А. Ачкасовой «Диалог искусств в системе школьного литературного образования»; вышли работы монографического характера.

«Современная школа переосмысливает цели обучения искусству, ищет возможности освоения художественной культуры сознанием растущего человека как личности, – пишет Л.В. Шамрей в работе «Образный диалог времен как принцип и способ изучения художествен-

ной культуры (1993)⁸. Реальным вкладом в этот благодатный, но длительный и крайне сложный процесс может стать системное переосмысление задач и форм анализа литературного произведения в контексте художественной культуры. Педагогическим условием этого периода она считает «поэтапное и одномоментное в акте обучения осмысление взаимосвязей философского и эстетического в искусстве и культуре, незаменимость языка этики и эстетики, невозможность объяснения через нравственные категории эстетических закономерностей, обогащение представлений о природе образности в литературе и других видах искусства, о своеобразии процессов синтеза в искусстве, культуре, мышлении человека, обеспечивающих осознание диалектических закономерностей не только как противоречий, а противоположений, реализующих гармонию и на ее основе осуществляющих качественный сдвиг в развитии»⁹.

Л.В. Шамрей выстраивает ассоциативные ряды, организующие диалог искусств.

На необходимость системно, последовательно приобщать учащихся с 5 по 11 класс к языку культуры, обеспечивать реальное участие школьников в диалоге культур, развивать способность истолкования конкретного художественного явления в панораме общего строя культуры указывает Н.М. Свирина в книге «Культурный контекст на уроках литературы» (1999). Исследователь приходит к убеждению: только знание сферы притяжения школьников разных возрастов в области художественной культуры и ясное представление о механизмах восприятия художественного текста каждым возрастом позволит выделить возрастную

доминанту восприятия художественной культуры, что обеспечит «возможность решения задачи введения школьника в контекст культуры»¹⁰.

Таким образом, проблема изучения литературы в ее диалогических соотношениях с другими видами искусства, на основе диалога культур становится в 1990-е годы одним из главных направлений кафедры методики преподавания русского языка и литературы РГПУ им. А.И. Герцена, возглавляемой членом-корреспондентом РАО доктором педагогических наук профессором В.Г. Маранцманом. Ее разработка ведется как на теоретическом, так и на практическом уровне, реализуясь в программах по литературе для 5-11 (5-12) классов; «Мировой художественной культуре» для средней школы; курсе «Искусство интерпретации художественного произведения» для учащихся, завершающих образование в 9-летней школе; в учебниках, рабочих тетрадях; телеуроках; учебно-методических пособиях в помощь учителю-словеснику; семинарах для учителей-словесников разных регионов. Среди авторов – ученики и единомышленники ученого не только из Санкт-Петербурга, но и других городов России: Курска (Г.Л. Ачкасова), Нижнего Тагила (Л.В. Лузина), Челябинска (Н.П. Терентьева), Петропавловска-Камчатского (О.А. Дмитриенко) и др.

Урок литературы как диалог культур становится одной из актуальных проблем методической науки и школьной практики, которые стремятся к преодолению сепаратизма отдельных областей знаний с целью формирования целостной системы представлений молодого поколения о мире. Уроки по истории, философии, литературе, музыке, изо-

бразительному искусству, родному и иностранному языкам представляются «общающимися сосудами», взаимодействующими в общем гуманитарном развитии личности.

Т.Е. БЕНЬКОВСКАЯ

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Бордовская Н.В. О характере взаимовлияния образования и культуры // Вестник Северо-Западного отделения РАО. Вып.5. Культура образования. Искусство. – СПб., 2000. – С. 33.

² Туровский М., Туровская С.Б. Культурная сущность образования// Культура, традиции, образование. – М., 1990. – С. 102.

³ «Школа 2100»: Приоритетные направления развития образовательной программы / Под. науч. ред. А.А. Леонтьева. Вып. 4.– М.: Баллас,

2000. – С. 175.

⁴ Маранцман В.Г., Свирина Н.М., Шолпо И.Л. Выявление гуманитарных способностей школьников // Вестник Северо-Западного отделения РАО. Вып. 1. – СПб., 1996. – С. 115.

⁵ Маранцман В.Г. Содружество искусств на уроках литературы // Искусство анализа художественного произведения / Сост. Т.Г. Браже. – М.: Просвещение, 1971. – С. 167.

⁶ Там же. – С. 171.

⁷ Маранцман В.Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством // Лит. в шк. – 1998. – № 8. – С. 91.

⁸ Шамрей Л.В. Образный диалог времен как принцип и способ изучения художественной культуры. – Н. Новгород, 1993. – С. 62.

⁹ Там же.

¹⁰ Свирина Н. Культурный контекст на уроках литературы. – СПб., 1999. – С. 11.

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Важной задачей современной науки и практики становится определение специфики работы социального педагога в многонациональном социуме. Это объясняется тем, что в структуре российской образовательной системы имеется такой тип учебных заведений, который характеризуется многонациональным составом учащихся, ранее проживающих на территории бывших советских республик. Это дети мигрантов, впитавших культуру своего народа и познавших культуру страны проживания.

Особенности полиэтнического и моноэтнического состава обучаемых предполагают обучение на разновариантной основе, с конечным высоким показателем, равным или превышающим объем показателя федерального образовательного минимума. При этом основной задачей обучения, воспитания и развития школьника является формирование толерантной личности, обладающей знаниями собственной национальной культуры, знаниями языка, культуры коренного народа страны проживания, обладающей познаниями в области культур других народов.

Стратегия деятельности социального педагога состоит в том, чтобы научить школьника вступать в контакт с окружающими людьми, поддерживать этот контакт; осознавать общие и различные признаки культур. Духовное воспитание, его специфика в поликультурных условиях состоит в содержательном наполнении деятельности личности на основе развития представлений о совершенстве красоты в природе, обществе, человеке.

Исходить следует из того, что воспитание любого вида (социальное, религиозное, семейное), осуществляется во взаимодействии различных субъектов: индивидуальных (конкретных людей), групповых (семья, коллективы, группы), социальных (воспитательные, религиозные и иные государственные, общественные и частные организации).

Содержание взаимодействия представляет собой обмен между субъектами воспитания информацией, ценностными установками, типами и способами общения, познания, деятельности, игры, поведения, отбор и усвоение которых имеют индивидуально избирательный характер.

В целом взаимодействие – диалог воспитателей и воспитуемых, а также воспитуемых между собой, содержание, характер и воспитательная эффективность которого определяется тем, какие личности в нем участвуют, в какой мере они сами ощущают себя личностями и видят личность в каждом, с кем взаимодействуют. По доминирующему стилю отношений воспитателя и воспитуемого различают воспитание авторитарное, авторитарное, демократическое, свободное.

Характер взаимодействия, содержание отношений воспитателя и воспитуемого, воспитание в целом определяются, с одной стороны, социальной практикой и идеологическими установками того или иного общества, а также идеями и методами, сформулированными философией, теорией и методикой воспитания.

Вслед за А.В. Мудриком¹ акцентируем внимание на том, что воспитание как относительно социально контролируемая социализация отличается от стихийной социализации по следующим параметрам. Во-первых, стихийная социализация – процесс непреднамеренных взаимодействий и взаимовлияний членов социума. В основе воспитания лежит социальное действие, то есть действие, направленное на разрешение проблем, специально ориентированное на ответное поведение партнеров, предполагающее субъективное осмысление возможных вариантов поведения людей, с которыми человек вступает во взаимодействие.

Во-вторых, стихийная социализация – процесс инкретный (непрерывный), так как человек постоянно взаимодействует с социумом. Воспитание – процесс дискретный (прерывный), так как осуществляется в определенных группах и организациях, то есть ограничен местом и временем.

В-третьих, стихийная социализация имеет целостный характер, ибо человек как ее объект испытывает влияние социума во всех аспектах своего развития (позитивное или негативное), а как субъект в той или иной мере приспосабливается и обособляется во взаимодействии со всем комплексом обстоятельств жизни.

Человек в процессе своей жизни проходит через ряд воспитывающих его общностей различного типа и на каждом этапе жизни одновременно входит в несколько из них.

При этом воспитание различных видов в отличие от стихийной социализации дает человеку более или менее организованный опыт позитивного и/или негативного взаимодействия с людьми, создает условия для того или иного по характеру самопознания, самоопределения, самореализации и самоизменения, а в целом – для приобретения опыта приспособления и обособления в социуме.

Одним из универсальных аспектов культуры личности является эстетическое воспитание, которое реализуется в системах образования различного уровня. Эстетическое воспитание приобретает полноценность только при самообразовании и саморазвитии личности. В более узком смысле эстетическое воспитание – в отличие от художественного воспитания – это направление, содержание, формы воспитательной и методической работы, ориентированные на эстетические объекты реальности и их свойства, вызывающие эстетические эмоции и их оценки.

Целью эстетического воспитания является развитие готовности личности к восприятию, освоению, оценке эстетических объектов в искусстве или действительности. Эстетическое воспитание способствует совершенствованию эстетического сознания школьника и включению его в гармоническое саморазвитие, формированию творческих способностей в области художественной, духовной, физической (телесной) культуры².

Особенность эстетического воспитания состоит в выработке и совершенствовании в человеке способности воспринимать, ценить и создавать прекрасное в жизни и искусстве, активно участвовать в творчестве, созидании по законам красоты.

Социальный педагог в условиях многонационального социума выступает посредником между личностью обучающихся (воспитанников, детей) и учреждением, семьей, средой, специалистами различных социальных служб, ведомств и административных органов. При этом значимыми являются различные виды социально ценностной деятельности обучающихся и взрослых, мероприятия, направленные на развитие социальных инициатив, реализацию социальных проектов и программ, что способствует установлению гуманных, нравственно здоровых отношений в социальной среде.

Для социального педагога важно овладеть такими понятиями, как эстетическая оценка, эстетический вкус, эстетический идеал, так как в работе со школьниками необходимо формирование эстетического идеала и усвоение ими эстетических норм и оценок. Социальный педагог содействует развитию у школьника способности подходить с эстетической меркой ко всем сторонам человеческой жизни, понимать красоту окружающего мира и человеческих отношений.

Эстетическое воспитание, таким образом, приобретает черты специально организованного процесса, направленного на формирование потребностей и интересов личности в эстетической гармонии с миром, воспитательная эффективность

которого определяется такими характеристиками, как взаимопонимание, взаимопознание, взаимовлияние участников совместной деятельности.

Специфика эстетического воспитания состоит в наличии ведущей роли организованного педагогического воздействия на ребенка по отношению к спонтанному развитию детей в их эстетическом становлении.

Другое важное положение эстетического воспитания заключается в признании необходимости гармоничного решения комплекса задач в процессе эстетического развития личности: вовлечения школьников в активную творческую деятельность по определению эстетической ценности явлений жизни, искусства, формированию их духовных сущностных сил и способностей.

Это означает, что в центре внимания находится не педагог, который проектирует, организует, управляет, а сам учащийся, который изменяется, развивается, восходит к своему новому состоянию.

Специфика деятельности социального педагога состоит в том, что появляется возможность реализации и своего внутреннего потенциала, образования себя в соответствии с индивидуальными возможностями и общечеловеческими культурно-историческими процессами.

Достижение сбалансированности взаимодействия представителей разных культур возможно на основе использования новых концептуальных подходов к формированию личности школьника в единстве информационного, социально-поведенческого, этического и мировоззренческого компонентов личности.

Исходить следует из того, что в демократическом обществе каждый человек имеет право на получение образования на родном языке, изучение культуры и истории своего народа. Деятельность социального педагога состоит в том, чтобы школьник научился вступать в контакт с окружающими людьми, поддерживать этот контакт; проявлять способности к пониманию общих и различных признаков культур, развивать представления о совершенстве красоты в природе, обществе, человеке.

Воспитание в условиях эстетической деятельности дает школьнику опыт позитивного взаимодействия с людьми, создает условия для самопознания, самоопределения, самореализации и самозменения, а в целом – для приобретения опыта приспособления и обособления в социуме.

Особенностью эстетической деятельности является наличие способности школьника подходить с эстетической меркой ко всем сторонам человеческой жизни, понимать красоту окружающего мира и человеческих отношений, стремиться к преобразованию мира на основе восприятия возвышенного, прекрасного, изящного в жизни и искусстве.

Специфика эстетической деятельности состоит в наличии ведущей роли организованного педагогического воздействия по отношению к спонтанному развитию детей в их эстетическом становлении. Другое важное исходное положение теории эстетической деятельности состоит в признании непреходящего значения и духовной ценности для чело-

века возвышенного, прекрасного в окружающем мире. Третье основополагающее утверждение заключается в признании необходимости гармоничного решения комплекса задач в процессе эстетического развития личности: эстетического воспитания; вовлечения школьников в активную творческую деятельность; формирования их духовных сущностных сил и способностей.

В современной отечественной педагогике активно разрабатывается проблематика, связанная с духовным воспитанием. Прежде всего духовное воспитание рассматривается в контексте культуры, через призму ценностного подхода (Е.В. Бондаревская, Е.П. Белозерцев и др.). Предпринимаются попытки найти «точки соприкосновения» между религиозной и светской образовательными парадигмами, в том числе в понимании духовного воспитания как социокультурного явления, процесса и вида воспитательной деятельности.

В условиях эстетической деятельности как среды творческого самовыражения у школьников появляется возможность реализации своего внутреннего потенциала, образования себя в соответствии с индивидуальными возможностями и общечеловеческими культурно-историческими процессами, что характеризует специфику

воспитательной деятельности педагога.

Особенность духовно-нравственного воспитания в эстетической деятельности определяется готовностью школьников к сознательной активности, способностью к позитивному самоизменению (самостроительству, самосовершенствованию).

Таким образом, деятельность социального педагога должна быть направлена на умножение «человеческого в человеке», решение не только учебных, но и жизненных задач, воспитание доверительного отношения к людям и самому себе.

М.А. ПЕТРУНИНА

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мудрик А.В. Категория воспитания в теории и практике современного образования. / В сб: Актуальные проблемы современного воспитания: целостный подход. – Волгоград: Перемена, 2005.
2. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
3. Петрунина М.А. Музыкально-творческая деятельность школьников: технологии и организация: учебное пособие. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2006.
4. Сухомлинский В.А. Методика воспитания коллектива. – М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Вступительное слово

В.В. Амелин _____ 3

Россия – это нация наци

В.А. Тишков _____ 6

Концептуальные основания политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений

М.А. Фадеичева _____ 9

Формирование этнической и конфессиональной толерантности у студентов оренбургских вузов

Г.В. Шешукова _____ 15

Гражданская лояльность и патриотизм в контексте «Этнического ренессанса»

Н.С. Мухаметшина _____ 22

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ.

Этнокультурное
и конфессиональное
многообразие
как фактор развития
Российского общества

Мультикультурализм как резерв становления и развития гражданского общества

С.Р. Дерябина _____ 26

Факторы этнокультурной идентификации чувашей приуралья (по материалам полевого обследования 2006-2007 гг.)

Е.А. Ягафова _____ 30

Опыт государственного регулирования национальных и этноконфессиональных отношений (от прошлого к настоящему)

И.М. Габдулгафарова _____ 38

Управление знаниями как сфера деятельности национально-культурных организаций

Ф.А. Ветлугина _____ 43

Этноконфессиональные ценности Русского населения в многонациональном Российском регионе (на примере оренбургской области)
С.В. Спасенкова _____ 47

Влияние воспитания этнической толерантности на снижение уровня конфликтного взаимодействия в молодежной среде
Л.И. Паина _____ 50

Христианский фактор формирования и дифференциации культурного ландшафта
И.Ю. Филимонова _____ 54

Этнокультурное образование в полиэтничном регионе (на примере Оренбургской области)
Д.А. Астафьев _____ 62

Формирование этнической идентичности подростков в условиях трансформирующегося Российского общества
Е.В. Голуб _____ 69

Органы исполнительной власти как субъекты конфессиональной политики: ретроспективный анализ
Ю.В. Назарова _____ 77

Роль политического менеджмента в гармонизации межнациональных отношений
Д.А. Гильмуллина _____ 82

Русский народный танец – русская душа
И.А. Данилова _____ 88

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ.

Теоретические
и практические аспекты
формирования Российской
нации: история и современность

О мерах по противодействию национальному и религиозному экстремизму на территории Самарской области
Н.П. Осипова _____ 92

К вопросу об оренбургском следе в «русском Китае»	97
Т.С. Панина _____	
Жертвенный подвиг русской армии, спасшей Париж в августе 1914 года. На примере участия 2-го оренбургского казачьего полка в восточно-прусской операции	105
В.Г. Семенов _____	
Культура немецкого городского населения Оренбургской губернии (XIX – начало XX века)	110
О.Я. Бахарева _____	
Казахская и русская интеллигенция в первых органах власти КАССР	117
Т.И. Тугай _____	
Миграция украинского населения на южный урал в первой четверти XX века	127
А.Н. Молощенков _____	
Деятельность советов депутатов трудящихся по приему и размещению эвакуированного на Южный Урал населения в 1941-1945 гг.	133
О.Ю. Устинова _____	
Национальное представительство в советских и партийных органах власти Оренбургской области в 1940-е – 1960-е годы	140
К.А. Моргунов _____	
«Русский хозяин» как идеальный тип российской экономической культуры	152
О.А. Смирнова _____	
Корейская диаспора России в контексте государственной национальной политики	158
Г.П. Ким _____	

Традиции народных промыслов как фактор формирования Российской нации	
Т.Э. Лактюнкина	167
Роль России в процессе интеграции на постсоветском пространстве	
И.М. Бурганова	171
Творческий потенциал русского национального характера и развитие российской нации: социологический дискурс	
С.А. Ханаш	177
Правый радикализм в современной России	
М.В. Лутцев	181
Национальные традиции в современном молодежном движении Южного Урала	
И.М. Бояршинова	188
Формирование единой российской нации как условие стабильного развития российского общества	
О.Н. Максимова	193
Традиции предпринимательства в русском национальном характере	
В.А. Сидорова	201
Ислам в истории башкирского народа	
Ф.М. Надршин	204
Многонациональное население Оренбуржья и его роль в экономическом развитии края в XVIII-XIX веках	
Э.Б. Галиев	209

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ.

Этнокультурное
многообразие. Роль русского
языка в многонациональном
российском социуме

**Уроки истории: «Великий раздор» как результат
книжно-обрядовых исправлений в XVII в.**

Е.Н. Бекасова _____ 216

**Законодательство и судопроизводство
в поговках русского народа**

Л.С. Панина _____ 223

**«Европейское» и «азиатское» в художественном
осмыслении В.И. Даля**

А.Г. Прокофьева _____ 229

**Поликультурный аспект лингвистического
образования школьника**

В.И. Попова _____ 233

**Национально-культурные особенности концепта
свет в русских фразеологических единицах**

Н.И. Пирманова _____ 238

Русская литература и творчество поэтов Оренбуржья

Л.В. Иванова _____ 244

Феномен речевой маски в российском социуме

Т.А. Чеботникова _____ 249

**Постижение русской национальной культуры через
язык художественных текстов оренбургских авторов**

Т.В. Стрельцова _____ 257

**Нужен ли нам новый свод правил русского
правописания**

Ю.Т. Долин _____ 261

**Теоретические основы становления
культурологической парадигмы школьного
литературного образования**

Т.Е. Беньковская _____ 266

**Специфика работы социального педагога
в условиях многонационального социума**

М.А. Петрунина _____ 270